

**РУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ДИСКУРСЕ
СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ
В СОЦИАЛИЗАЦИИ БУДУЩЕГО ПРОФЕССИОНАЛА**

**Социальные
и гуманитарные науки
на Дальнем Востоке**

**The Humanities
and Social Studies
in the Far East**

***RUSSIAN IDENTITY
IN ETHNOCULTURAL DISCOURSE
SOCIAL AND PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES
IN SOCIALIZATION OF FUTURE PROFESSIONALS***

Vol. XX, Issue 2, 2023

Министерство
образования и науки России

Российский Союз ректоров

Совет ректоров вузов
Дальневосточного федерального округа

Министерство
транспорта России

ФГБОУ ВО
«Дальневосточный
государственный университет
путей сообщения»

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Научно-теоретический журнал
издается с января 2004 года
выходит один раз в три месяца

Том XX

Выпуск 2, 2023

Хабаровск, 2023

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Ministry of Transportation
of the Russian Federation

The Russian Rectors' Union

Federal State Budgetary
Educational Institution
of Higher Education
«Far Eastern State
Transport University»

Council of Rectors of Higher Educational
Institutions in the Far Eastern
Federal District

**THE HUMANITIES
AND SOCIAL STUDIES
IN THE FAR EAST**

Journal of Theoretical Research
Published since January 2004
Issued quarterly

Vol. XX

Issue 2, 2023

Khabarovsk, 2023

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю.М. Сердюков, д-р филос. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Отдел философии

Ю.М. Сердюков, д-р филос. наук, проф. (редактор отдела);
А.П. Забияко, д-р филос. наук, проф.; **Кальво-Мартинез Томас Мариано**, PhD (Испания);
Р.Л. Лившиц, д-р филос. наук, проф.; **Б.В. Марков**, д-р филос. наук, проф.;
И.Б. Микиртумов, д-р филос. наук, доц.; **С.В. Пишун**, д-р филос. наук, проф.

Отдел филологии

З.Г. Прошина, д-р филол. наук, проф. (редактор отдела);
У.М. Бахтикиреева, д-р филол. наук, проф.; **С.М. Пак**, д-р филол. наук, проф.;
Нобуюки Хонна, PhD (Япония); **Е.А. Первушина**, д-р филол. наук, проф.;
Раймонд Хики, PhD (Германия); **Г.Н. Ловцевич**, д-р филол. наук, проф.

Отдел психологии

К.И. Воробьева, д-р психол. наук, проф. (редактор отдела);
Л.Г. Дикая, д-р психол. наук, проф.; **А.Н. Занковский**, д-р психол. наук, проф.;
Н.А. Кравцова, д-р психол. наук, проф.; **Лора Роджерс**, PhD (США);
Мартин Кашорке, PhD (Германия); **Т.Х. Невструева**, д-р психол. наук, проф.

Отдел «Проблемы Дальнего Востока»

Е.Н. Спасский, д-р полит. наук, проф. (зам. главного редактора, редактор отдела);
М.А. Ковальчук, д-р ист. наук, проф.; **Н.Е. Мерецкий**, д-р юрид. наук, проф.;
О.А. Рудецкий, канд. филос. наук, доц. (ответственный секретарь);
Ю.А. Тюрина, д-р социол. наук, проф.; **С.В. Филонов**, д-р ист. наук, проф.;
Ж.В. Петрунина, д-р ист. наук, проф.

РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА

О.А. Рудецкий, канд. филос. наук, доц.; **Ю.А. Тюрина**, д-р социол. наук, проф.

СОТРУДНИКИ РЕДАКЦИИ

В.В. Халиман (web-мастер); **Е.В. Листопадова**, канд. социол. наук (технический секретарь);
М.А. Никитина, канд. филол. наук, доц. (переводчик)

В соответствии с распоряжением ВАК РФ от 28 декабря 2018 г. № 90-р научно-теоретический журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» включен в «Перечень по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки» по следующим отраслям научного знания и научным специальностям:

10.02.01 – Русский язык (филологические науки); 10.02.04 – Германские языки (филологические науки); 10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание (филологические науки); 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки); 5.7.1. Онтология и теория познания (философские науки); 5.7.2. История философии (философские науки); 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

*Печатается по решению Совета ректоров вузов
Дальневосточного федерального округа № СР/ДФО-54а от 9 октября 2002 г.*

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения»
(680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47).

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия ПИ № ФС77-77529 от 25 декабря 2019 г.

Адрес редакции: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47, оф. 262,
Тел./факс: (4212) 40-71-93, E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Yury M. Serdyukov, Doctor of Science (Philosophy), Professor

EDITORIAL BOARD

Philosophy

Yury M. Serdyukov, Doctor of Science (Philosophy), Professor, Executive Editor (Philosophy), Editor-in-chief

Andrei P. Zabiako, Doctor of Science (Philosophy), Professor

Tomás Mariano Calvo-Martinez, PhD (Spain)

Rudolf L. Livshits, Doctor of Science (Philosophy), Professor

Boris V. Markov, Doctor of Science (Philosophy), Professor

Ivan B. Mikirtumov, Doctor of Science (Philosophy), Associate Professor

Sergei V. Pishun, Doctor of Science (Philosophy), Professor

Philology

Zoya G. Proshina, Doctor of Science (Philology), Professor, Executive Editor (Philology)

Uldanai M. Bakhtikireyeva, Doctor of Science (Philology), Professor

Svetlana M. Pak, Doctor of Science (Philology), Professor

Nobuyuki Honna, PhD (Japan)

Elena A. Pervushina, Doctor of Science (Philology), Professor

Raymond Hickey, PhD (Germany)

Galina N. Lovtsevich, Doctor of Science (Philology), Professor

Psychology

Klarisa I. Vorobyova, Doctor of Science (Psychology), Professor, Executive Editor (Psychology)

Larisa G. Dikaya, Doctor of Science (Psychology), Professor

Anatoliy N. Zankovsky, Doctor of Science (Psychology), Professor

Nataliya A. Kravtsova, Doctor of Science (Psychology), Professor

Laura Rogers, PhD (USA)

Martin Koschorke, PhD (Germany)

Tamara Kh. Nevstrueva, Doctor of Science (Psychology), Professor

Problems of the Far East

Evgeniy N. Spassky, Doctor of Science (Political Science), Professor,

Executive Editor (Problems of the Far East), Deputy Editor

Mikhail A. Kovalchuk, Doctor of Science (History), Professor

Nikolai E. Meretsky, Doctor of Science (Law), Professor

Oleg A. Rudetsky, Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor (Executive Secretary)

Yulia A. Tyurina, Doctor of Science (Sociology), Professor

Sergei V. Filonov, Doctor of Science (History), Professor

Zh.V. Petrunina, Doctor of Science (History), Professor

MANAGING EDITORS

Oleg A. Rudetsky, Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor

Yulia A. Tyurina, Doctor of Science (Sociology), Professor

EDITORIAL STAFF

V.V. Haliman (Web Designer); **E.V. Listopadova**, Candidate of Science (Sociology) (Technical Secretary);

M.A. Nikitina, Candidate of Science (Philology), Associate Professor (Translator)

Journal of theoretical research is published in accordance with the decision of the Council of Rectors of Higher Educational Institutions in the Far Eastern Federal District № CR/FEFD-54a of October 9, 2002

FOUNDER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Far Eastern State Transportation University»
Office 262, 47 Seryshev Str., Khabarovsk, 680021

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration number and date of the registration decision:
Series PI № FS77-77529 of December 25, 2019

Editorial office address: Office 262, 47 Seryshev Str., Khabarovsk, 680021
Phone/fax: (4212) 40-71-93; E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	10
-------------------	----

РУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ДИСКУРСЕ

<i>Арутюнян М.П., Подольская О.С.</i> К этнокультурному самоопределению России в методологическом дискурсе цивилизационной идентичности	11
<i>Брейтман А.С.</i> В поисках культурной идентичности (опыт интерпретации фильма Д. Фёдорова «Москвы не бывает»).....	19
<i>Зангиров В.Г.</i> Константы русской идентичности	26
<i>Ким А.С., Довгополов Е.Ю.</i> Этничность в условиях открытого информационного пространства	33
<i>Ковальчук А.М., Ковальчук М.А., Самсонова Е.М.</i> Механизм сохранения русской идентичности в эмигрантской среде Северо-Востока Китая	38
<i>Ли Пин.</i> Славянская и русская культурная идентичность в понимании К.Н. Леонтьева.....	43
<i>Ли Цзин.</i> Начало изучения истории русской церкви в Китае (к 80-летию публикации книги Клиффорда Х. Плоппера «История восточных православных церквей»).....	48
<i>Лубенская Е.Н.</i> Педагогика в православных высших духовных школах в XIX веке: опыт обретения собственной идентичности	53
<i>Медовник С.В.</i> Вклад Иннокентия (Борисова) в философское обоснование нравственности как фактор осмысления специфики российской цивилизации	59
<i>Моисеенко Е.Е.</i> Православный философский теизм как специфическое проявление российской религиозной идентичности XIX века.....	65
<i>Новикова Н.В.</i> Православный философский теизм и славянофильство: взгляд на социальную тематику	70
<i>Пишун С.В.</i> Ф.А. Голубинский и поиск религиозно-философской идентичности в русской духовной и интеллектуальной культуре XIX века.....	75
<i>Селеверстов Р.Е.</i> Русская идея как высшее проявление национальной идентичности	85
<i>Хань Юй.</i> Вклад Никанора (Бровковича) в формирование традиции «православного философствования».....	94
<i>Чимитдоржиев Ж.Ж.</i> Гастрономические заимствования в системе питания дальневосточных народов	100
<i>Чернов В.А.</i> Русское гостеприимство.....	112

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОЦИАЛИЗАЦИИ БУДУЩЕГО ПРОФЕССИОНАЛА

<i>Бойко Ж.В., Гукова И.Н., Крупская С.Ю.</i> Студенческие клубы как эффективный способ формирования профессиональных компетенций в вузе	118
<i>Григорьева Н.Г., Кириченко Ю.И.</i> Влияние субъектности студента на его учебные достижения	125
<i>Дёмина О.А., Самардак М.В.</i> Принципы организации эффективной коммуникации в патриотическом воспитании студентов в высшей школе.....	131
<i>Гареева И.А., Ковалева А.В., Кан А.Е.</i> Этапы профессионального развития студентов-бакалавров	140
<i>Леонтьева Э.О.</i> Влияние вуза на процесс формирования идентичности мигрантов из стран Центральной Азии.....	152
<i>Романова Е.А., Галюк А.Д.</i> Социокультурная среда вуза как фактор формирования конкурентоспособного специалиста	158

<i>Савин С.Д.</i> Гражданско-патриотическое воспитание студенческой молодежи: ресурс взаимосвязи вузовских и местных сообществ	164
<i>Тулупьева Т.В., Мавиди П.И.</i> Компьютерная видеоигра как средство обучения будущих профессионалов.....	171
<i>Тюрина Ю.А.</i> Государственная молодежная политика: вуз в обеспечении условий самореализации обучающихся	183

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

<i>Березницкий С.В.</i> Межцивилизационные контакты на Дальнем Востоке России в XIX–XX веках и трансформация этноментальных компонентов системы жизнедеятельности	191
<i>Тимошенко В.Н., Куркова Н.В.</i> Развитие японо-американского военно-политического альянса в период 1990–1996 годов.....	199
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ И ПОДПИСЧИКОВ.....	206

CONTENTS

PREFACE	10
---------------	----

RUSSIAN IDENTITY IN ETHNOCULTURAL DISCOURSE

<i>Arutyunyan M.P., Podolskaya O.S.</i> On the Issue of Russia's Ethno-Cultural Self-Determination in the Methodological Discourse of Civilizational Identity	11
<i>Breitman A.S.</i> In Search of Cultural Identity (based on D. Fedorov's film "Moscow does not exist")	19
<i>Zangirov V.G.</i> Constants of Russian Identity	26
<i>Kim A.S., Dovgoplov E.Yu.</i> Ethnicity in an Open Information Space	33
<i>Kovalchuk A.M., Kovalchuk M.A., Samsonova E.M.</i> The Mechanism for Preserving the Russian Identity in the Émigré Environment of Northeast China.....	38
<i>Lee Ping.</i> Slavic and Russian Cultural Identity as Understood by K.N. Leontyev	43
<i>Li Jing.</i> The Study of the History of the Russian Church in China (dedicated to the 80th anniversary of the publication of Clifford H. Plopper's book "History of the Eastern Orthodox Churches")	48
<i>Lubenskaya E.N.</i> Pedagogy in Orthodox Higher Theological Schools in the 19th Century: the Experience of Gaining One's Own Identity	53
<i>Medovnik S.V.</i> Innocenty's (Borisov) Contribution to the Philosophical Foundations of Morality as a Factor in Understanding the Specifics of Russian Civilization	59
<i>Moiseenko E.E.</i> Orthodox Philosophical Theism as a Specific Manifestation of Russian Religious Identity in the 19th Century.....	65
<i>Novikova N.V.</i> Orthodox Philosophical Theism and Slavophilism: a Social Perspective.....	70
<i>Pishun S.V.</i> F.A. Golubinsky and Search for Religious and Philosophical Identity in the Russian Spiritual and Intellectual Culture of the 19th Century	75
<i>Seleverstov R.E.</i> The Russian Idea as the Highest Manifestation of National Identity	85
<i>Han Yui.</i> Contribution of Nikanor (Brovkovich) to the Formation of the Tradition of "Orthodox Philosophy"	94
<i>Chimitdorzhiev Zhan Zh.</i> Gastronomic Borrowing in the Food System of the Far Eastern Peoples	100
<i>Chernov V.A.</i> Russian Hospitality	112

SOCIAL AND PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES IN SOCIALIZATION OF FUTURE PROFESSIONALS

<i>Boyko Zh.V., Gukova I.N., Krupskaya S.Yu.</i> Student Clubs as an Effective Way to Develop Professional Competencies at the University	118
<i>Grigoryeva N.G., Kirichenko Yu.I.</i> The Influence of a Student's Subjectivity on His Academic Achievements.....	125
<i>Dyomina O.A., Samardak M.V.</i> Organization Principles of Effective Communication in Patriotic Education of Students in Higher Education.....	131
<i>Gareeva I.A., Kovaleva A.V., Kan A.E.</i> Stages of Professional Development of Bachelor Students.....	140
<i>Leontyeva E.O.</i> The Impact of Higher Education Institution on The Process of Forming the Identity of Migrants From Central Asia.....	152
<i>Romanova E.A., Galyuk A.D.</i> Socio-Cultural Environment of the University as a Factor Of Forming a Competitive Specialist	158

<i>Savin S.D.</i> The Civil-Patriotic Education of Students: the Resources of Universities and Local Communities	164
<i>Tulupyeva T.V., Mavidi P.I.</i> Computer Video Game as a Means of Training Future Professionals	171
<i>Tyurina Yu.A.</i> State Youth Policy: the University in Providing Conditions for Self-Realization of Students.....	183

PROBLEMS OF THE FAR EAST

<i>Bereznitsky S.V.</i> Inter-Civilizational Contacts in the Russian Far East in The Nineteenth and Twentieth Centuries and the Transformation of Ethno-Mental Components of the Life System.....	191
<i>Timoshenko V.N., Kurkova N.V.</i> Development of the Japanese-American Military-Political Alliance During 1990–1996	199
AUTHORS GUIDELINES.....	206

ПРЕДИСЛОВИЕ / PREFACE

Уважаемый читатель!

Очередной выпуск журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» включает два тематических раздела. Первый раздел «Русская идентичность в этнокультурном дискурсе» освещает широкий круг проблем цивилизационного самоопределения России, культурной идентичности русского народа, трансформации этничности в условиях цифровизации общества и т.д. В ряде статей выпуска нашло отражение исследование религиозно-философских основ этнокультурной идентификации в контексте интеллектуальной культуры прошлых столетий.

Второй раздел журнала включает публикации по итогам Всероссийской конференции по организации работы с молодежью в высшей школе «Социально-педагогические технологии в социализации будущих профессионалов», которая была организована Дальневосточным государственным университетом путей сообщения в партнерстве с Северо-Западным институтом управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Санкт-Петербург).

Конференция подводит пятилетний итог своей работы. За этот период она стала площадкой для обсуждения актуальных вопросов построения вос-

питательных систем в образовательных учреждениях России, формирования молодёжных студенческих объединений, поиска современных методов гражданско-патриотического воспитания, создания условий для осуществления индивидуальных профессиональных и карьерных траекторий студентов. В конференции приняли участие ученые и специалисты-практики высших учебных заведений, предприятий и организаций различных отраслей промышленности и сфер деятельности, представители молодежных объединений и органов власти городов: Хабаровска, Биробиджана, Благовещенска, Комсомольска-на-Амуре, Южно-Сахалинска, Свободного, Уссурийска Тынды, Владивостока, Новосибирска, Иркутска, Омска, Екатеринбурга, Нижнего Новгорода, Самары, Санкт-Петербурга, Москвы, Белгорода, Ростова-на-Дону. Результаты работы конференции были апробированы в организации воспитательной деятельности вузов, в экспертной деятельности на уровне субъектов Федерации, а также на всероссийском уровне в сфере работы с молодежью.

Редакторы выпуска
доц. О.А. Рудецкий и проф. Ю.А. Тюрина

РУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ДИСКУРСЕ

RUSSIAN IDENTITY IN ETHNOCULTURAL DISCOURSE

Научная статья

УДК 316.722:392

doi:10.31079/1992-2868-2023-20-2-11-18

К ЭТНОКУЛЬТУРНОМУ САМООПРЕДЕЛЕНИЮ РОССИИ В МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Маргарита Павловна Арутюнян¹, Оксана Симоновна Подольская²

^{1, 2}Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

¹mpa@email.su

²oxanav2702@mail.ru

Аннотация. Авторы статьи обсуждают методологические проблемы цивилизационного дискурса идентичности. Обращаясь к отечественным и зарубежным исследованиям, касаются состояний и путей преодоления современных «идентификационных кризисов» глобальной цивилизации, ее экзистенциальных разрывов и рисков бытия. Ставя вопросы логики цивилизационной самоидентификации России в контекстах этнокультурного самоопределения, авторы ведут аргументацию с позиций диалектики культурно-исторической традиции и цивилизационной новации; обращаются к контекстам потенциала онтологической целостности феноменов «культура» и «цивилизация». Исходя из актуальных задач стратегического планирования дальнейшего цивилизационного саморазвития России, авторы акцентируют внимание на задачах самосохранения культурно-исторической памяти; укрепления идентификационного стержня отечественного социокода культуры при позитивном восприятии богатого отечественного исторического опыта этнического бытия «миров малого» и потенциала гармонизации их многомерной коммуникации в Российской этнокультурной экзистенции.

Ключевые слова: цивилизационная идентичность, методологический дискурс, кризисы идентификации, культурно-исторический социокод, традиции-новации, целостное мировоззрение, цивилизационный выбор, этнокультурное самоопределение России

Original article

ON THE ISSUE OF RUSSIA'S ETHNO-CULTURAL SELF-DETERMINATION IN THE METHODOLOGICAL DISCOURSE OF CIVILIZATIONAL IDENTITY

Margarita P. Arutyunyan¹, Oksana S. Podolskaya²

^{1, 2}Pacific National University, Khabarovsk, Russia

¹mpa@email.su

²oxanav2702@mail.ru

Abstract. The authors discuss the methodological problems of civilizational discourse of identity. They deal with the states and ways of overcoming modern "identification crises" of the global civilization, its existential gaps and risks of being. The questions of logic of civilizational self-identification of Russia in the context of ethnocultural self-determination are considered. The authors explore the problem in terms of dialectics of cultural and historical tradition and civilizational innovation; they refer to the contexts of potential ontological integrity of the phenomena of "culture" and "civilization". The authors focus on the tasks of self-preservation of cultural and historical memory, strengthening the identity core of the national culture sociocode with a positive perception of the extensive native historical experience of ethnic "small worlds" being and harmonization of multi-dimensional communication in the Russian ethnocultural existence.

Keywords: civilizational identity, methodological discourse, identification crises, cultural and historical sociocode, traditions-innovations, holistic worldview, civilizational choice, ethno-cultural self-determination of Russia

Введение

Современный дискурс цивилизационной идентичности достаточно сложен и многопланов. Его методологические контексты многомерны и разноуров-

невы. В его общих направлениях складываются линии рефлексивного осмысления актуальных состояний, проблем и перспектив современного цивилизационного развития; ставятся задачи выработки путей

самосохранения человека и человечества, поиска форм идентификации в турбулентных условиях и кризисных состояниях общества транзитивности¹. Обсуждаются вопросы возможностей самосохранения духовности человека, культурно-исторической традиции и жизнеутверждающего социокода бытия², перспектив преодоления его «разрывов» и социокультурных угроз; воссоздания в экзистенции онтологической целостности «культура-цивилизация» [2; 3].

Дискурс идентичности идет в различных предметных областях исследования, на разных уровнях методологического анализа, в контекстах междисциплинарного и трансдисциплинарного методологических подходов. Лексема «идентичность» все более обретает категориальный статус в предметных областях социально-гуманитарного познания – социальной философии, истории, психологии, социальной психологии, культурной антропологии и др.; в исследовательских полях этнологии, политологии, сфер межкультурной коммуникации и др. При этом исследователями слово «идентичность» в силу своей понятийной непроясненности нередко характеризуется «неудобным», однако сумевшим, как отмечает И.В. Малыгина, связать «в единый узел множество дискурсов и обстоятельств, которые давно прорастали в общественном сознании как интуиции, предчувствия, но вдруг стали очевидными» [4]. Что же касается России, продолжает свою мысль автор, наше отечество вновь в своей истории оказалось «в ситуации культурно-цивилизационного выбора, перед необходимостью ответить на два, казалось бы,

простых вопроса, к которым и сводится сущность идентичности: "кто я" и "с кем я"?» [4].

О методологических ориентирах разновекторного дискурса цивилизационной идентичности. Рефлексивный интерес к разноплановому изучению феномена идентичности сегодня заявлен не только ростом числа публикаций и тематической многогранностью обсуждаемых в них проблем, но, прежде всего, практической востребованностью методологической составляющей таких исследований. В том числе необходимостью через общенаучный дискурс идентичности прояснения смысловых полей понятия «идентичность» в его пересечениях со значениями понятий «семейно-родственных» (Л. Витгенштейн), таких как тождественность, соотносимость, самость, самобытность, самосознание, самоидентификация³ и др. Категориальное уточнение смыслов понятия идентичности и его экспликация в «родственных связках понятий» своеобразно и с определенными исследовательскими акцентами реализуется в соответствующих предметных областях познания. Вместе с тем основополагающим объединяющим стержнем интеграции этих многоплановых исследований, основанием их методологической направленности на предметность актуального цивилизационного дискурса оказываются объективно сложившиеся и усиливающиеся сегодня состояния общего «идентификационного кризиса» современной цивилизации⁴, оформившегося в своем становлении, как отмечается в исследованиях, в контекстах «ацентричной» культуры эпохи постмодерна [6: с. 296–297; 7: с. 77–78].

¹ Общество транзитивности характеризуется переходными состояниями со свойственной им «синергичной» атрибутикой – свойствами неустойчивости, кризисности явлений; неравномерности социальных процессов; экзистенциальными разрывами; трансформациями массового сознания и мира ценностей; размытостью норм и установок; расширением информационных полей, пространств межличностного общения и т.д. И вместе с тем – формированием «нового мышления», «новой морали», обновляющихся тенденций стабилизации социального саморазвития, как отмечает Б.Г. Юдин в статье «Человеческий потенциал» [1: с. 1159–1160].

² Понятие «социокод» в онтологическом значении рассматривается как внебиологическое средство кодирования, хранения и трансляции условий существования индивида; как «глубинное ядро цивилизации и культуры», несущее информацию «продукта деятельности, переведенного в общественное достояние и отчужденного от человека», однако нормативно задающего определенный тип поведения и способы жизнедеятельности людей. Понятие социокода, отмечает Н.Ф. Бучило, «позволяет объяснить возможности и ограничения в диалоге культур, оценить перспективы формирования мировой цивилизации»; обосновать историческую ценность культурного многообразия, позицию невозможности механического перенесения европейских культурных универсалий на все народы [1: с. 945].

³ Характеризуя идентичность как «самосознание индивида или группы», как «продукт самоидентификации» и соглашаясь с исследовательской позицией соотносимости идентичности с образами «индивидуальности и отличительности («самости»), С. Хантингтон называет следующие источники самоидентификации: аскриптивные (возраст, пол, кровное родство, этническая и расовая принадлежность); культурные (клановая, племенная, языковая, национальная, религиозная, цивилизационная принадлежности); территориальные (ближайшее окружение, деревня, город, провинция, штат, регион, климатическая зона, континент, полушарие), а также политические, экономические и социальные [5: с. 59].

⁴ Термин «идентификационный кризис» ввел Дж. Уард, соотнося его (как психологический феномен) с мировоззренческим кризисом универсалии «судьбы», касающимся утраты субъектом целостного восприятия своей жизни в качестве идентичной самой себе. Экзистенциал целостной судьбы как целостной определенности, биографии субъекта трансформируется в «частичное» и редуцируется постмодернистской логикой к клипам вариаций «рассказа». Идентификационный кризис в интерпретации Дж. Уарда, как отмечает П.С. Гуревич, относится прежде всего к отдельному человеку, характеризует, однако, и общее состояние современной культуры [7: с. 77].

В этом плане в актуальном междисциплинарном дискурсе идентичности наряду с методологическим уточнением и определением категориального статуса и сущности самого феномена оживает исследовательский интерес к изучению ее (идентичности) формообразований и моделей, практических механизмов цивилизационной идентификации, их возможных «пересечений» и сопряжений, разнообразия идентификационных корреляций, взаимодействий и взаимозависимостей... Соответственно многовекторный методологический дискурс цивилизационной идентичности как сложной системной целостности в общем плане заявляет себя и конкретизируется разными проекциями исследований идентичности: «цивилизационной» [8: с. 80–81], «национальной» [5; 9–11], «социальной» [12], «государственной» [13], «социокультурной» [14], «этнической», «этнокультурной» [4; 15; 16], «геополитической» [17], «коллективной, групповой» [18; 19] «личностной» [20; 21], «гендерной» [22] и др. – при общей направленности рефлексивного анализа на глубокое разностороннее осмысление и решение практических задач преодоления ее кризисных состояний.

Включаясь в цивилизационный дискурс идентичности, зарубежные авторы М. Хогг и А. Рид (M.A. Hogg, S.A. Reid), к примеру, в своей работе «Социальная идентичность, самоопределение и групповые нормы» заостряют внимание на «групповой природе идентификации» и субъектном значении «лидерства» в становлении «групповых установок индивида». Отмечают тот факт, что групповые нормы и правила идентификации обычно формируются небольшой подгруппой лидеров. Особое место в цивилизационной идентификации авторы отводят лидерам политическим. И отмечают, что, пользуясь «неуверенностью индивида в своей собственной идентичности», политические партии способны склонять людей к идентификации с той или иной группой. А «идентифицируя себя с группой, индивид, как правило, перенимает их внутригрупповые установки» [12: с. 7–30].

На когнитивную, моральную и эмоциональную связь человека с сообществами коллективной идентичности, влияющей на личностную идентификацию, и несомненно, выражающей общий характер, статус и состояния цивилизационной идентичности, обращают внимание Ф. Полетта и Дж. Яспер (F. Poletta, J. Jasper). Коллективная идентичность, полагают исследователи, несет заряд положительных чувств к членам ее группы. И она выражима посредством культурных артефактов – имен, нарративов, символов, словесных стилей, ритуалов, одежды [18: р. 285].

Существенно дополняют проблемные поля дискурса цивилизационной идентификации исследования, обращенные к реалиям глобализации. В том числе – при осмыслении осложняющихся в глобальном мире проблем инкультурации и межкультурной коммуникации⁵. О «глобальном человеке», способном «думать глобально, действовать локально», – человеке, обретающем в условиях глобализации качество «нового типа идентичности», – пишет Р. Робертсон (R. Robertson). Оценивая цивилизационные перспективы процессов глобализации и рассматривая ее в контекстах национальной идентификации, он, наряду с другими исследователями, полагает, что глобализующийся мир не только не исключает, напротив, подразумевает возможность сохранения и развития национального своеобразия. И именно это своеобразие, по мнению исследователя, дает шанс «занять свое неповторимое и уникальное место в мире». В этом плане феномен «глокализации» методологически проясняется и интерпретируется им в контекстах становления одной из центральных тенденций «культурной глобализации», которая способствует, по мнению автора, усилению значимости «локального» на фоне глобальных процессов [23: с. 25–44].

Заметим, что акцент на «культурной составляющей» связки «глобальное-локальное» в качестве линии аргументации Р. Робертсона в общем дискурсе цивилизационной идентичности может быть интерпретирован, как мы увидим далее, методологически значимым на пути поиска выходов из кризисных состояний цивилизационной идентификации – с позиций внимания, при выборе приоритетов, – к онтологии целостностей: «миров малого» [24], культурно-исторических форм «целостного мировоззрения» [25], целостностей «цивилизация-культура», «традиция-новация».

Последовательную философско-методологическую аргументацию в дискурсе цивилизационной идентичности выстраивает Ю.А. Прозорова. «Цивилизационный ренессанс», обозначающий, по мнению автора, «дискурсивный поворот» к конструктивистскому подходу в исследовании цивилизационной идентичности [26], она соотносит, с одной стороны, с «изменившейся глобальной онтологией» и обретением выраженной «политической тональности» цивилизационной тематики. И с другой стороны – с кризисом доминирующих парадигм

⁵ Их острота может быть наглядно представлена, в частности, контраргументами, с одной стороны, сторонников идеологии мультикультурализма и рефлексивных позиций политической логики «плавильного котла» – с другой.

методологического анализа⁶ [26: с. 222]. Соответственно, учитывая тот факт, что понятие цивилизационной идентичности становится необходимым ориентиром в выработке долгосрочных международных коммуникативных стратегий, а также «инструментом, конституирующим внутри- и межгрупповые отношения»⁷, особую актуальность наряду с исследованием «цивилизационных комплексов» обретают составившие «дискурсивный поворот» «постэссенциалистские» критические исследования цивилизационного дискурса, цивилизационной идентичности, политики идентичности [26: с. 222, 255]. При этом конструктивистское направление в дискурсе идентичности автор противопоставляет линии эссенциализма (в том числе примордиализма) и обосновывает преимущества первого в возможности использования *социокультурного и исторического контекстов* аналитики цивилизационной идентичности (выделено нами. – М.А., О.П.) [26: с. 222]. И с данной аргументацией автора нельзя не согласиться. Прежде всего – с позицией значимости потенциала «социокультурной» и «исторической» составляющих конструктивистского подхода в методологическом дискурсе цивилизационной идентичности. Данный подход может стать методологической основой углубленного изучения опыта цивилизационного самоопределения России и понимания стратегических перспектив самосохранения ее культурно-исторических традиций перед цивилизационными вызовами новаций. Их «социоемкой», «антропомерной» и глубинной духовной идентификационной составляющей. Каковы же антропологические контенты актуализирующегося сегодня цивилизационного дискурса идентификации?

Феномен «антропологической катастрофы»

Обращаясь к вопросам кризисных состояний самосознания современной цивилизации и предостерегающе символизируя их образом «болезненного нерва» своих размышлений и переживаний относительно цивилизационной антропологической катастрофы XXI в., М. Мамардашвили пишет: «Это – ощущение, что из всего множества катастроф, которыми славен и угрожает нам XX век, одной главной и часто скрытой от глаз рассудка является *антропологическая катастрофа*... Я имею в виду событие, происходящее с самим человеком

и связанное с цивилизацией в том смысле, что нечто жизненно важное может необратимо в нем сломаться в прямой зависимости от разрушения или отсутствия цивилизационных основ процесса жизни и общения...» [27: с. 9]. Отметим при этом, что онтос цивилизации М. Мамардашвили именует «нежным цветком», «хрупким строением» и онтологически связывает цивилизацию с «человеческой материей жизни», полагая, что разрушение гармонии этой материи в формах антропологической катастрофы становится «прототипом любых иных, возможных глобальных катастроф» [27].

В этом плане не могут не вызвать тревоги обращенные к человеку и «человеческому» вариации «симулятивных» образов его цивилизационной идентификации. Образов, вырастающих на основаниях абсолютизации техногенных, техноцентричных векторов саморазвития цивилизации, в ущерб самосохранению целостности человека, культурно-исторического опыта, глубинных онтологических основ человеческого бытия. Хорошо известные в этом плане постмодернистские ментальные идентификаторы «человеческого» в понятиях «симулякр», «смерть автора (героя)», «клиповое сознание» и т.д. передают сегодня эстафету подобных линий редукции «человеческого» к оторванному от его онтоса «иному» – логике трансгуманизма. В своих крайних формах самовыражения трансгуманизм, как известно, тенденциозно призывает к идентификационному конструктивистскому выбору «постантропологической» эры в качестве будущего для человека и человеческой цивилизации. Цивилизации, базирующейся на прорывных достижениях науки и техники и поэтапно модифицирующей на этих основаниях «естество» человеческой экзистенции – к бытию «постчеловека» – обитателя «постантропологической эпохи».

Достаточно ясны позиции методологической аргументации трансгуманистов, строящейся на основаниях того же «клипового сознания», использования мифологем и несовместимых с научной методологией аналитических практик редукционизма – «подмен» и «опрощений», сопряженных модифицирующимся версиям логики натурализма. Подобные аналитики демонстрируют одновременно и тенденции преодоления культурно-исторической традиции, угасания в жизненном мире человека его экзистенциальных, духовных ценностей при высказываемой внешней заботе трансгуманистов о будущем человека и человечества, перспективах технического улучшения «несовершенной» естественной природы человека. По существу же своему подобная аргументация сродни концептуаль-

⁶ Методологический интерес к цивилизационной проблематике в России Ю.А. Прозорова связывает прежде всего с «крахом коммунистического проекта и дискредитацией формационной теории» [24: с. 222].

⁷ В данной позиции Ю.А. Прозорова выстраивает аргументацию, ссылаясь в своей работе на подход Х.Л. Алкера (H.R. Alker) [26: с. 222].

ным обоснованиям идентификационных стратегий и тактик становления цивилизации без человека или миров бытия «людей одной кнопки».

Об антропомерности онтологической целостности «культура-цивилизация»

В действительности в своем сущностном выражении культура и цивилизация неразрывны и являются взаимодействующими формами проявления целостности бытия социума. Эти два основополагающих модуса социального бытия задают векторную направленность его саморазвития. При этом культура оказывается «онтологически ответственной» за непрерывное воспроизводство и самосохранение целостности социума и его «человеческого лица». Культура, по меткому определению В. Селиванова, есть «система способов и результатов утверждения человеческой сущности посредством деятельности». Своей активной деятельностью (познавательной, коммуникативной, предметной) человек вписывается в бытие и утверждает в нем свой особый мир – мир ценностей и апробированные историческим опытом жизнедеятельности человечества основания проективного, созидющего идеалотворчества. Именно антропологическое измерение является стержнем культуры. Она, по образному выражению М. Мамардашвили, и есть «усилие человека быть».

Цивилизация как социальный организм, дочерний по отношению к культуре, удерживает и отбирает в своем векторе саморазвития определенный набор культурных программ, «рабочих чертежей». Она обращена, прежде всего, к практическим потребностям и интересам человека. Проекты цивилизационного развития реализуются в облике самодостаточного и уникального общественного организма. По своему происхождению и в своей сущностной основе цивилизация, как отмечается в исследованиях, предстает, прежде всего, «средством социальной интеграции общества разделенного труда» и «охватывает по преимуществу материальную, урбанистическую культуру». В истории человечества практически все феномены цивилизации функционально «служили либо целям социальной интеграции, либо были точками ее приложения» [28: с. 3–5, 185].

Напротив, особенностью культуры, проявляющейся во всех формах ее социального бытия и цивилизационного саморазвития, является самосохранение в социуме глубоко личностного и персонифицированного начала. Культура заявляет себя в социальном бытии как мир «локального». И, вместе с тем, именно «цивилизационная» его составляющая заметно раздулась в современном мире. Она стала в мире глобализации, как мы видели, визитной

карточкой гипертрофированного самовыражения «социального» понятиями «техногенная культура» и «индустриальная цивилизация». Мир «малого» и «локального» в условиях глобализации либо ассимилируется, либо раскрывает свой собственный потенциал, обретая новые черты и новые уникальные функциональные назначения [23; 29; 30].

К этнокультурной самоидентификации России: вместо заключения. Антропомерный опыт цивилизационной идентификации, ориентированный на целостности: «традиция-новация», «цивилизация-культура», на приоритеты культурно-исторического и этнокультурного самоопределения, имеет, что отмечается в исследованиях, – определяющее значение «смыслового выражения событийности» как особенной «меры бытия» для России, значение «способа установления собственной цивилизационной специфики и оригинальности» [14–16, 33]. Характеризуя общие черты социокультурной идентичности, «имеющей своими конституентами: гендер, этнос, культуру» и образующими «гендерную, этническую, культурную идентичности», авторы коллективной работы «Социокультурная идентичность: суждения, определения и современные проблемы» характеризуют в качестве прорастающих символикой ориентиров в будущее традиционные особенности российского менталитета⁸. Это прежде всего духовное единение, собранность, дух взаимной поддержки в социальности и (в отличие от «безликого общечеловеческого», по Данилевскому) качество «всечеловеческого» [14].

В обсуждении проблем цивилизационной идентификации современной России, «российской ментальности», укорененной этнокультурными «русскими глубинными скрепами», «культурным кодом национального характера»⁹ [31], раскрываются богатые, прочные основы отечественного менталитета. В истоках своих они представлены в народной культуре – пословицами, поговорками, мифами, сказками, былинами..., закреплены языком, обычаями, традициями, формами бытования культурно-исторических общностей людей. Восприняты и приумножены богатой художественной культурой, отечественной духовностью, в том числе религиозной православной и философской традицией. Этими духовными скрепами полиаспектно символизированы

⁸ В русле концептуальной традиции ранних славянофилов XIX в. и с опорой на идеи Н.Я. Данилевского.

⁹ Культурный код «русскости» подразумевает не только этнически русских, он символизирует многонациональный народ России, руководствующийся «единым русским социокультурным кодом со всеми его плюсами и минусами» [31: с. 4].

рованы те самые «всечеловеческие» культурные ценности, которые способны выразить универсальное цивилизационное значение – экзистенциальное побуждение к чести, достоинству, совести, правде, справедливости. И сегодня эти прорастающие из русской духовной традиции цивилизационной идентификации скрепы актуализируют вопросы экзистенции к трансценденции.

Экзистенция, устремляющаяся к трансценденции, становится в самосознании человека устойчивым ориентиром и ответственностью за ценностный выбор форм одухотворенного бытия. Именно практической логикой вопрошания «трансценденции к бытию» оказывается бесценным экзистенциальный опыт целостности этнического бытия. Этническая историческая память, разумеется, не является универсальной матрицей для копирования, но может нести в себе контуры идентификационной устойчивости онтологической модели воспроизводства экзистенциальной целостности через восприятие этноса как «мира малого» [24]. *Историческая память*, организующая хронотоп онтологического конструкта «мира малого» на уровне этнического самосознания, фундирует «ограничивание»

его социального бытия, воздвигая препятствия разрушающим воздействиям извне. Она укрепляет «этническое» своей открытостью онтологически значимому этой форме социальности – ее Иному. Сохраняет в «социальном» необходимые грани бытия, выходящие за его собственные рамки и пределы. Этнос, укорененный своей исторической памятью в традиционалистский тип культуры, онтологически открыт, с одной стороны, Универсуму Мира Природы и, с другой – Духовному Потенциалу его Культуры, сферам Трансцендентного. Такая открытость, образующая и культивирующая «социальное», закрепляется мощной силой *инерции этнического исторического опыта*. Прорыв «этнического» к сферам абсолютного, вечного и бесконечного в исторической памяти закрепляется *культурной традицией* – устойчивым стержнем *целостного мировоззрения* [32]. И именно этот богатый потенциал этнокультурного, исторического опыта цивилизационной идентификации России становится, по мнению авторов, особенно востребованным и актуальным сегодня – при выборе стратегических линий дальнейшего цивилизационного саморазвития.

Список источников

1. Глобалистика : Энциклопедия / Центр научных и прикладных программ «Диалог». Москва : Радуга, 2003. С. 945; 1159–1160.
2. Социокультурные угрозы: реальность, ментальные модели и дискурс : коллективная монография. Москва : Издат. дом ЯСК, 2022. 392 с. (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).
3. Костина А.В. Соотношение традиционности и творчества как основа социокультурной динамики. Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2018. 144 с.
4. Малыгина И.В. Динамика этнокультурной идентичности : мировые тренды и российская специфика // Культура культуры. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-etnokulturnoy-identichnosti-mirovye-trendy-i-rossiyskaya-spetsifika/viewer> (дата обращения: 22. 02. 2023).
5. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. Москва, 2008. 635 с.
6. Можейко М.А. Идентификации кризис // Постмодернизм. Энциклопедия. Минск : Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. С. 296–297.
7. Гуревич П.С. Проблема идентичности человека в философской антропологии // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С. 63–87.
8. Цымбурский В.Л. Идентичность цивилизационная // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 2 / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд. Москва : Мысль, 2010. С. 80–81.
9. Бадмаев В.Н. Национальная идентичность: дискурс и социальная практика. Москва : Элиста, 2002. 112 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/badmaev-v-n-natsionalnaya-identichnost-diskurs-i-sotsialnaya-praktika-moskva-elista-2002-112-s> (дата обращения: 12. 02. 2023).
10. Pomian K. Patrimoine et identité nationale // Le Debat. 2010. № 159. P. 45–46.
11. Thompson Jack «What it means to be a “true American”»: Ethnonationalism and voting in the 2016 U.S. presidential election». URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/nana.12638> (accessed: 15.01.2023).
12. Hogg M.A., Reid S.A. Social Identity, Self-Categorization, and the Communication of Group Norms // Communication Theory. 2006. № 16. P. 7–30.
13. Санина А.Г., Павлов А.В. Государственная идентичность: содержание понятия и постановка проблемы // Управленческое консультирование. 2015. № 9. С. 30–40.
14. Арефьев М.А., Зыкин А.В., Виноградова С.А., Федоров М.В. Социокультурная идентичность: суждения, определения и современные проблемы // Социодинамика. 2022. № 8. С. 1–13. URL: https://e-notabene.ru/pr/article_38544.html (дата обращения: 20.02.2023).
15. Этнокультурная идентичность: феноменология и вариативность в контекстах истории XIX–XXI веков : материалы Десятнадцатых Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений. Санкт-Петербург : Российский этнографический музей, 2020 360 с.

16. Шубин Ю.А. Современные трансформации этнокультурной идентичности: универсальные тенденции и российская специфика : автореф. дис. ... канд. культурологии : 24.00.01. Москва, 2011. URL: <https://www.dissercat.com/content/sovremennyye-transformatsii-etnokulturnoi-identichnosti-universalnye-tendentsii-rossiiskaya> (дата обращения: 12.02.2023).
17. Цымбурский В.Л. Идентичность геополитическая // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 2 / Ин-т философии РАН, Нац. Общ.-науч. фонд. Москва : Мысль, 2010. С. 79–80.
18. Poletta F., Jasper J. Collective Identity and Social Movements // *Annual Review of Sociology*. 2001. № 27. P. 285.
19. Simmel G. Group Expansion and the Development of Individuality // *Classical Sociological Theory*. Blackwell Publishing, 2006. P. 251–293.
20. Гречко П.К. Личностная идентичность: перспективы и ресурсы конструирования // *Вопросы социальной теории*. 2011. Т. V. URL: <https://iphras.ru/uplfile/admins/biblio/vst/2011/19.pdf> (дата обращения: 02.03.2023).
21. Рикер П. Я-сам как другой / пер. с фр. Б. М. Скуратова. Москва : Изд-во гуманитарной литературы, 2008. 416 с.
22. Дресвянина А.В. Понятие «гендерная идентичность»: сущность и основные исследовательские подходы // Педагогика. Психология. URL: <file:///C:/Users/mpakh/Downloads/ponyatie-gendernaya-identichnost-suschnost-i-osnovnye-issledovatel'skie-podhody.pdf> (дата обращения: 15.03.2023).
23. Robertson R. Globalization: time-space and homogeneity-heterogeneity // *Global Modernities* / Eds. M. Featherstone et al. London : Sage, 1995. P. 25–44.
24. Арутюнян М.П. Онтология этноса как «мира малого» // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2013. № 4 (40). С. 71–78.
25. Арутюнян М.П. Феномен мировоззрения: историко-философский и методологический анализ : монография. Хабаровск : КГБНУК Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2016. 336 с.
26. Прозорова Ю.А. «Дискурсивный поворот» и конструктивистский подход к цивилизационной идентичности // *Многоликая современность : сборник к 60-летию доктора философских наук, профессора Владимира Вячеславовича Козловского*. Санкт-Петербург : Интерсоцис, 2014. С. 222–256.
27. Мамардашвили М. Сознание и цивилизация. Тексты и беседы. Москва : Логос, 2004. 271 с.
28. Клягин Н.В. Происхождение цивилизации (социально-философский аспект). Москва : ИФ РАН, 1996. 252 с.
29. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / пер. с англ. Москва : Весь мир, 2004. 188 с.
30. Бек У. Что такое глобализация? / пер. с англ. Москва : Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
31. Кричевский Н.А. Русские глубинные скрепы: культурный код национального характера. Москва : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2021. 400 с.
32. Арутюнян М.П. Этническое самосознание в логике целостности и разрывов экзистенции // *Дальний Восток в зеркале этнополитики : материалы Всероссийской научной конференции (Хабаровск, 25–26 октября 2019 г.)*. Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2019. С. 147–151.

References

1. Globalstyka: Entsiklopediya. Tsentr nauchnykh i prikladnykh programm «Dialog». МОСКВА : ОАО Izd-vo «Raduga», 2003. С. 945; 1159–1160.
2. Sotsiokul'turnyye ugrozy: real'nost', mental'nyye modeli i diskurs: Kollektivnaya monografiya. M.: Izd. Dom YASK, 2022. 392 s. (Razumnoye povedeniye i yazyk. Language and Reasoning).
3. Kostina A.V. Sootnosheniye traditsionnosti i tvorchestva kak osnova sotsiokul'turnoy dinamiki. M.: Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2018. 144 s.
4. Malygina I.V. Dinamika etnokul'turnoy identichnosti: mirovyye trendy i rossiyskaya spetsifika // *Kul'tura kul'tury*. 2017. № 1 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-etnokul'turnoy-identichnosti-mirovyye-trendy-i-rossiyskaya-spetsifika/viewer> Data dostupa 22. 03. 2023g.
5. Khantington S. Kto my? Vyzovy amerikanskoy natsional'noy identichnosti. M., 2008. 635 s.
6. Mozheyko M.A. Identifikatsii krizis // *Postmodernizm. Entsiklopediya*. Mn.: Interpresservis; Knizhnyy Dom. 2001. S. 296–297.
7. Gurevich P.S. Problema identichnosti cheloveka v filosofskoy antropologii // *Voprosy sotsial'noy teorii* 2010. Tom IV. S. 63–87.
8. Tsymburskiy V.L. Identichnost' tsivilizatsionnaya // *Novaya filosofskaya entsiklopediya v 4 t. / In-t filosofii RAN, Nats. Obshch.-nauch. fond. M.: Mysl'*, 2010. T. II. 2010. S. 80–81.
9. Badmaev V.N. Natsional'nyaya Identichnost' : diskurs i sotsial'naya praktika. Moskva -Elista, 2002. 112 s. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/badmaev-v-n-natsionalnaya-identichnost'-diskurs-i-sotsialnaya-praktika-moskva-elista-2002-112-s> Data dostupa 12. 02. 2023r.
10. Pomian K. Patrimoine et identité nationale // *Le Debat*. 2010. № 159. P. 45–46.
11. Thompson Jack «What it means to be a “true American”: Ethnonationalism and voting in the 2016 U.S. presidential election» URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/nana.12638> Data dostupa 15. 01 2023 r.
12. Hogg M. A., Reid S. A. Social Identity, Self-Categorization, and the Communication of Group Norms // *Communication Theory*. 2006. No. 16. P. 7–30.
13. Sanina A.G., Pavlov A.V. Gosudapstvennyaya Identichnost': sodержanye ponyatiya i postanovka problemy // *Upravlentheskoe konsul'tirovanie*. № 9. 215. s. 30–40.
14. Aref'ev M.A., Zykin A.V., Vinogradova S.A., Fedorov M.V. Sotsiokul'turnaya Identichnost': suzdeniya, opredeleniya i sovremennyye problemy // *sotsiodinamika*. 2022. № 8. С. 1–13. URL: https://e-notabene.ru/pr/article_38544.html Data dostupa 20. 02. 2023 g.

15. Etnokul'turnaya identichnost': fenomenologiya i variativnost' v kontekstakh istorii XIX-XXI vekov: Materialy Devyatnadsatykh Mezhdunarodnykh Sankt-Peterburgskikh etnograficheskikh chteniy. Spb.: Rossiyskiy etnograficheskiy muzey, 2020 360 s.
16. Shubin YU.A. Sovremennyye transformatsii etnokul'turnoy identichnosti: universal'nyye tendentsii i rossiyskaya spetsifika / avtoref. diss. na sois. uch step. kandidata kul'turologii spets. 24.00.01.-M.2011. URL: <https://www.dissercat.com/content/sovremennyye-transformatsii-etnokulturnoi-identichnosti-universalnye-tendentsii-i-rossiiskaya> Data dostupa 22. 03. 2023g.
17. Tsymburskiy V.L. Identichnost' geopoliticheskaya // Novaya filosofskaya entsiklopediya v 4 t. / In-t filosofii RAN, Nats. Obshch.-nauch fornd. M.: Mysl', 2010.- T. II. 2010.- S. 79–80.
18. Poletta F., Jasper J. Collective Identity and Social Movements // Annual Review of Sociology. 2001. № 27. P. 285.
19. Simmel G. Group Expansion and the Development of Individuality // Classical Sociological Theory. Blackwell Publishing, 2006. P. 251–293.
20. Grehko P.K. Lihnostnya identichnost': perspektivy i resursy konstruirovanya // Voprosy sotsial'noy teorii. T. V. 2011. URL: <https://iphras.ru/uplfile/admins/biblio/vst/2011/19.pdf> Data dostupa 02. 03. 2023r.
21. Riker P. YA-sam kak drugoy / per. s fr. B. M. Skuratova. M.: Izd-vo gumanitarnoy literatury, 2008. 416 s.
22. Dresvyanina A.V. Ponyatie «gendernaya identichnost'»: sushnost' i osnovnye issledovatel'skiye podhody // Pedagogika. Psihologiya URL: <file:///C:/Users/mpakh/Downloads/ponyatie-gendernaya-identichnost-suschnost-i-osnovnye-issledovatel'skie-podhody.pdf> Data dostupa 15. 03. 2023r.
23. Robertson R. Glocalization: time-space and homogeneity-heterogeneity // Eds. M. Featherstone et al. Global Modernities. London: Sage, 1995. P. 25–44.
24. Arutyunyan M.P. Ontologiya etnosa kak «mira malogo» // Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki na Dal'nem Vostoke. 2013. № 4 (40). S. 71–78.
25. Arutyunyan M.P. Fenomen mirovozzreniya: istoriko-filosofskiy i metodologicheskoye analiz. Monografiya.: KGBNUK Khabarovskiy krayevoy muzey im. N.I. Grodekova, 2016. 336 s.
26. Prozorova YU.A. «Diskursivnyy povorot» i konstruktivistskiy podkhod k tsivilizatsionnoy identichnosti // Mnogolikaya sovremennost'. Sbornik k 60-letiyu doktora filosofskikh nauk, professora Vladimira Vyacheslavovicha Kozlovskogo. Spb.: Intersotsis, 2014. S. 222–256.
27. Mamardashvily M. Soznanye i Tsivilizatsiya. Teksty I besedy. MOCKBA : «Logos», 2004. 271 c.
28. Klyagin N.V. Proiskhozhdeniye tsivilizatsii (sotsial'no-filosofskiy aspekt). M.: IF RAN, 1996. 252 s.
29. Bauman Z. Globalizatsiya. Posledstviya dlya cheloveka i obshchestva / Per. s angl. M.: Izd-vo «Ves' mir», 2004. 188 s.
30. Bek U. Chto takoye globalizatsiya? / Per. s angl. M.: Progress-Traditsiya, 2001. 304 s.
31. Krichevskiy N.A. Russkiye glubinnyye skrepy: kul'turnyy kod natsional'nogo kharaktera. M.: Izdatel'sko-torgovaya korporatsiya «Dashkov i K», 2–21. 400 s.
32. Arutyunyan M.P. Etniheshkoe samosoznanye v logike tsennostnosti I razryvov ekzistentsiy // Dal'nij Vostok v zerkale etnopolitiki. Materialy Vserossyskoy naushnoy konferentsyy. Khabarovsk, 25–26 oktyabrya 2019 g. Khabarovsk: Izd-vo DVGUPS, 2019. C. 147–151.

Информация об авторах

М.П. Арутюнян – доктор философских наук, доцент;
О.С. Подольская – кандидат философских наук, доцент.

Information about the authors

M.P. Arutyunyan – Doctor of Philosophy, Associate Professor;
O.S. Podolskaya – Candidate of Philosophical Sciences (Ph.D.), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 25.02.2023; одобрена после рецензирования 17.03.2023; принята к публикации 24.03.2023.
The article was submitted 25.02.2023; approved after reviewing 17.03.2023; accepted for publication 24.03.2023.

Научная статья
УДК 316.74:7
doi:10.31079/1992-2868-2023-20-2-19-25

В ПОИСКАХ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (опыт интерпретации фильма Д. Фёдорова «Москвы не бывает»)

Александр Семёнович Брейтман

Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия, brejtman54@mail.ru

Аннотация. Само понятие *идентичности* – сложное явление, включающее в себя стремление индивида к принадлежности тем или иным этнонациональным, конфессиональным, социальным, политическим, религиозным, профессиональным, языковым и иным сообществам. При этом самоидентификация как тождественность самому себе – важнейший компонент культурной идентичности.

На рубеже XX–XXI вв. перед российским социумом наряду с нерешёнными экономическими, политическими, социальными и общекультурными проблемами с особой остротой встал вопрос идентичности: и нации в целом, и отдельных групп, и отдельного индивида. В целом же кризис культурной идентичности можно рассматривать как общемировую тенденцию.

В фильме Дмитрия Фёдорова «Москвы не бывает» (2020) – оригинальный взгляд художника на вышеназванную проблему.

Ключевые слова: культурная идентичность, традиции, чёрная комедия, архетип, культурный код, русский ковчег

Original article

IN SEARCH OF CULTURAL IDENTITY (based on D. Fedorov's film "Moscow does not exist")

Alexander S. Breitman

Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia, brejtman54@mail.ru

Abstract. The concept of identity is a complex phenomenon, which includes the desire of an individual to belong to one or another ethno-national, confessional, social, political, religious, professional, linguistic and other communities. At the same time, self-identification as self-identity is the most important component of cultural identity.

At the turn of XX–XXI centuries the Russian society faced with the problem of identity, along with unresolved economic, political, social and general cultural problems. It deals with identity of the nation as a whole, of individual groups, and of the individual. In general, the crisis of cultural identity can be seen as a global trend.

The artist's original view on the above mentioned problem is expressed in Dmitry Fedorov's film "Moscow Doesn't Exist" (2020).

Keywords: cultural identity, traditions, black comedy, archetype, cultural code, Russian ark

...всё так же висится перед нами по наследству от
П.И. Шувалова неисполненное Сбережение народа...
именно в этом «русский вопрос»

А. Солженицын

Вслед за распадом СССР неизбежно последовал и крах советской идентичности, которая на протяжении семи десятилетий определяла психологию и массовое сознание подавляющего большинства жителей России. В условиях постсоветской России с ее незавершенной модернизацией и недоформированностью нации-государства проблема поиска новой культурной идентичности вышла на первый план.

В целом идентичность как многомерное понятие объединяет в себе внутреннее стремление к принадлежности к тем или иным сообществам:

этнонациональным, конфессиональным, социальным, политическим, религиозным, профессиональным, языковым и т.п. При этом важнейшим компонентом культурной идентичности является самоидентификация, т.е. тождественность самому себе, раскрывающаяся через индивидуальный опыт познания и самопознания.

Выход из коммунистического проекта, по наблюдениям руководителя Центра исследований идеологических процессов Института философии РАН А.В. Рубцова, сопровождается, по меньшей

мере, двумя моментами: «эмансипацией настоящего от будущего <и> тоской по брутальной имперской силе» [9]. Здесь автор исходит из того, что «новая» для вчерашнего советского социума идея отказа от регулярного жертвования настоящим, делающего человека лишь расходным материалом во имя проектов будущего, соседствует с «ностальгией по “железной руке”, которая поглаживает и одаривает равноприближенных, одновременно “кошмаря” и обирая равноудаленных» [9]. В ставшей привычной жертвенности во имя *проекта*, по оценке того же автора, можно разглядеть и другие черты «традиционной российской идентичности: 1) повышенную идеологичность, готовность ввергаться в эпохальные, хотя и сомнительные предприятия, падкость на духоподъемную риторику и посулы, наконец, просто доверчивость; 2) ведомость, низкую самооценку и предрасположенность к земным культам; 3) униженность перед лицом государства и власти, вообще всякого начальства, несамостоятельность и вторичность Лица <...> Признание же ценности настоящего автоматически повышает ценность человека...» [9]. Но если в интересах политики культура, особенно в её идеальнодуховных проявлениях, превращается в идеологию (что характерно, в первую очередь, для авторитарных и тоталитарных режимов) в интересах власти, точнее, корпорации чиновников, то человек как субъект культуры утрачивает свою субъектность, превращаясь при этом в объект манипулирования. И хотя взятый для анализа фильм предполагает в финале неожиданный «квантовый скачок» к проблемам планетарного и даже космического масштаба, всё же режиссёрское послание обращено к России, российской глубинке за пределами МКД, которая, по его мнению, и есть подлинная Россия.

В аналитической статье А. Солженицына «Русский вопрос» к концу XX века» есть слова как наказ на ближайшую перспективу из совсем ещё недавнего прошлого: «По всему земному шару катится волна плоской, пошлой нивелировки культур, традиций, национальностей, характеров... нам надо спасти и наш характер, наши народные традиции, нашу национальную культуру, наш исторический путь» [10: с. 176].

Сцены провинциального русского быта

Фильм Дмитрия Фёдорова «Москвы не бывает» (2020) начинается как банальная *бытовуха* из жизни нищих российских окраин или, более того, навязшая в зубах ещё со времён «лихих» 90-х *стёбная чернуха*. Чернушность происходящего задаётся с первых кадров в парадоксальном монтажном соединении звучащего на фоне непроглядной

панорамы космоса повествования о рождении Вселенной в результате Большого взрыва и общего плана пола, переходящего в крупный план босых ног, а затем и самого сидящего на обшарпанном унитазе Лёхи, читающего в журнале «Наука и жизнь» за 1968 г. статью о рождении Вселенной. При этом лицо Лёхи, простого работяги, промышленящего ремонт квартир в выдавших виды пятиэтажках, одновременно приживальщика усатой женщины, не блещет интеллектом и никак не согласуется с проблемами мироздания. Бесконечный абсурд бытия... Причём авторам фильма не потребовалось придумывать и строить какие-то дорогостоящие декорации некоего депрессивного и забытого Богом городка. Из интервью режиссера фильма Дмитрия Фёдорова: «Снимали в городках Балабаново¹ и Ермолино Калужской области. Нашли эти места по фотографии: блогер сфотографировал полуразрушенный советский фонтан, в центре которого возвышалась *богиня плодородия* с огромным бюстом и прижатым к нему тощим младенцем. Вокруг на пустыре теснились искомые хрущобы...» [3]. По его же воспоминаниям, жители Балабаново удивлялись, что снимают в Ермолино, где, по их словам, «проходит мировой разлом – умереть не дают, но и жить невозможно» [3]. Сразу по завершении съёмок местные власти снесли фонтан. При этом, по свидетельству очевидцев, никаких видимых изменений в жизни жителей городка не произошло.

Леха из неприметного городка с характерным названием Улетное, главный герой фильма, от жизни много не требует: он давно со всем смирился и просто плывет по течению. Все меняется, когда в городе появляется человек из столицы. Немолодого мужичка со стертой внешностью в этих заброшенных краях воспринимают чуть ли не как инопланетянина – ведь он из самой Москвы! В то время как контролирующий оборот недвижимости криминальный *хозяин* города Толяныч предлагает ему лучшие из квартир, тот во что бы то ни стало хочет снять крайне запущенную квартиру умершего поэта-бомжа, который писал сумасшедшие стихи о том, что *Москвы не бывает*. В чём тут интрига?

Криминальная драма

Фильм, начинающийся как чёрная комедия из провинциального быта, активно *криминализируется*. Разворачиванию его в классическую криминальную драму мешают, казалось бы, побочные, как в сонатном произведении, темы. Так, проходящая мимо девушка из другой – красивой – жизни

¹«Бывают странные сближенья»: фильм «Москвы не бывает» удивительно созвучен картинам Алексея Балабанова.

вдруг кажется Лёхе знакомой, да и она, подойдя ближе, начинает пристально в него вглядываться. А невесть откуда взявшаяся компания безбашенных панков неожиданно проявляет интерес к той же запущенной квартире умершего бомжа. Точнее, не к ней, а к бумагам и записям, даже на обоях, которые, по их словам, являются наследием великого поэта Колмогорова. И если с появлением Маши (так зовут девушку-журналистку) намечается некая любовная линия, то с появлением этой компании с экрана даже слегка начинает сквозить какой-то суматошной чертовщиной. Но не страшной, скорее сказочной, напоминающей каких-то персонажей городского фольклора, наподобие домовых. Не случайно именно эти раскрашенные и ряженые в чёрные балахоны панки-скоморохи – единственные, кто бескорыстно заинтересован в сохранении поэтического наследия. Эти встречи будто что-то пробуждают в душе Лёхи, да и мы вдруг замечаем в нём ранее невидимое. Неожиданно, как сказочный Иван-дурак, он проявляет смекалку и, «купив» недалёкого Кочу бутылкой пива, выносит из «опечатанной» тем же Толянчыем квартиры пожелтевшие бумаги и содранные обои. С этого момента все события фильма приобретают устрашающую динамику. Москвич, старательно накачиваемый водкой, отказывается снимать квартиру без *бумаг*. Лёха, сам того не ведая, становится объектом охоты тёмных сил: не желающего упустить добычу депутата-оборотня Толянчы и его подручных – хладнокровного *мокрушника* Пятака и *лоханувшегося* туповатого Кочи. Последний, спасая собственную шкуру, будет *рыть землю*, дабы вернуть боссу утраченные *бумаги*.

Лав-стори

Ещё не ведающий (но смутно догадывающийся), в какой попал переплёт, Лёха и его случайная знакомая журналистка Маша оказываются связанными некой жгучей тайной: *как оказались в её фотоаппарате их совместные снимки в незнакомой ни тому ни другому местности? И что всё это означает?* Общая тайна, грозящая обоим опасность (Маша, решившая вместе с Лёхой бежать в Москву, становится таким же предметом охоты) – благодатная почва для развития едва наметившейся любовной линии. Когда же выясняется, что Лёха – сын умершего (как окажется, убитого) поэта Колмогорова, то это поначалу воспринимается явным перебором. Вязкая *бытовуха*, *чёрная комедия*, *криминальная драма*, отсылка к *фольклорно-национальным архетипам*, *лав-стори*, неожиданно открывшееся *отцовство*, крепко скрученные воедино рукой мастера, втягивают зрителя в какую-

то абсурдно-притягательную интригу, которая уже не отпустит его до конца.

Как избежать героям нависшей над ними смертельной опасности? Кто поможет им?

По законам русской сказки

По законам сказочного жанра *Ивану-дураку* – Лёхе, втянутому помимо воли в борьбу со злом, должны помогать другие фольклорные персонажи. Они и помогают. В самом начале – усатая сожительница, напоминающая *усатую дочь Бабы-яги* из шукшинской сказки², «изгоняя» Лёху, тайно выносит сумку с вещами в коридор, чем и спасает его от пришедших в дом бандитов. Потом уже и *сама Баба-яга* – строгая вахтёрша из малосемейки, где он проводит ночь, – выводит его через чёрный ход. А там и *скоморохи-панки*, отбившие Лёху от недвусмысленно настроенного Пятака. И уж, конечно, *Маша* (то ли *Премудрая*, то ли *Прекрасная*), не только решившая вместе с ним искать счастья, но и во всём поддерживающая его: «Возьми меня с собой, а я, может быть, любить тебя буду...» [6].

По законам же криминальной драмы действие по нарастающей стремительно движется к кульминации и скорой развязке, где все узлы будут развязаны и каждому воздастся по заслугам. И вот герои, не сумев купить билеты до Москвы (их просто не бывает?!), едут единственно возможным маршрутом – в Клубничное (от самого названия веет чем-то поддельным, ненастоящим). Только что избежав смертельной опасности, они счастливы своей любовью. Казалось бы, главные испытания позади. Мы видим, как жёстко и со знанием дела низводится со своего криминального пьедестала депутат Толянчы «наивным» москвичом, причём последнего удивляет лишь одно: почему именно такие мрази всегда оказываются наверху?

И вот беглецам остаётся лишь достичь виднеющегося вдалеке леса, а там, по расчётам преобразённого любовью и отвагой Лёхи – прямая дорога на Москву. Но при максимальном приближении лес оказывается «картинкой»: чем-то наподобие театрального занавеса, за которым – стена. Глухая и нескончаемая. Значит, по законам сказки герою (героям) нужно во что бы то ни стало преодолеть этот заколдованный лес. И теперь всё зависит от того, какое решение примет сам Лёха. Именно здесь вместо ожидаемой развязки завязывается новый узел. И только «развязав» его, то, что сначала могло показаться «перебором и нагромождением... без

² Ассоциативно в памяти всплывает сказка В. Шукшина «До третьих петухов», где посланный за справкой (что не дурак) Иван и усатая дочь Бабы-яги готовы помогать друг-другу.

заворов ляжет в свою смысловую нишу» [2]. И только здесь раскроется тайна появления в захламленном Улётном странного московского визитёра. Он и сыграет роль *чуда*, спасающего героев от неминуемой смерти. С чудесным спасением героев сказка не то что бы заканчивается, но приобретает характер философской притчи.

Философская притча о поисках культурного кода

Нейтрализовав Толяныча и ради спасения беглецов буквально размазав о стену Пятака, москвич раскрывает перед ними истинное положение вещей. Рассказанное им кажется настолько неправдоподобным, что поначалу воспринимается не иначе как наукообразный бред сумасшедшего или слишком далеко зашедшие *игры* технократов. Но недаром же Лёха, с детства мечтающий быть космонавтом, погружённый в привычную мерзость запустения, тайно от сожительницы читает статьи о рождении Космоса. Да и у Маши есть свой, правда негативный, счёт к враждебному ей «сраному» Космосу. Во всяком случае, стремительно эволюционирующим, но отчаянно сопротивляющимся героям не остаётся ничего другого, как признать всю непостижимую реальность происходящего. А реальность в том, что Москвы и вправду «не бывает». И не бывает ни в каком-то там символическом смысле беспросветной удалённости глухой провинции от центров цивилизации, но в прямом, доподлинном смысле сказанного. Оказывается, все события фильма происходят не на Земле, а в открытом Космосе, точнее в космическом корабле, где москвич – один из руководителей экспедиции, психолог. Много лет назад, «когда была осознана великая миссия...» [6], с Земли стартовал космический корабль, некий, по словам психолога, *Русский ковчег*, хранитель создаваемой веками русской культуры: музыки, книг, картин, фильмов... И назначение великой миссии – в сохранении культуры в целостности для передачи её последующим поколениям..., в обретении новым человечеством новой Земли... Старая же, как можно заключить из его же туманных предположений, скорее всего погибла в результате какой-то техногенной катастрофы.

Что это: новая русская утопия? Продолжение русского космизма с его идеями о взаимосвязи космических и земных процессов [11; 14] и поиска места человека в Космосе [13; 14]?

Вместе с тем при изложении основных постулатов о космической предназначённости экспедиции голос психолога заметно утрачивает живые интонации, а речь в целом всё более напоминает фрагменты давно заученной и многократно произносимой лекции. По выражению лица, по глазам «лек-

тора» видно, как постепенно к нему приходит ещё не до конца осознанное понимание совершённой некогда им самим чудовищной ошибки. И вот мы становимся свидетелями, как новая космическая утопия при попытке её практического осуществления оборачивается новым Освенцимом или ГУЛАГом; а чёрная комедия, закрученная в криминальный сюжет с хорошо прочерченной любовной линией, достигнув кульминационной точки, превращается в *антиутопию* – некую *философскую притчу* о невозможности насильственного осчастливливания людей при полном их обезличивании и утрате свободы.

Как происходит это превращение? Экспедиция долго готовилась. Отбирались лучшие: экипаж, учёные, энтузиасты. Казалось бы, всё продумано до мелочей. Так, малая часть экспедиции, *команда* избранных (главным образом учёные и экипаж), погружена в анабиоз, что позволяет участникам не стареть неопределённое количество лет. Они лишь изредка, по графику, просыпаются (как и сам психолог), чтобы заступить вахту. Другая, большая часть, – поселенцы, которые живут за стеной, в Улётном – некоем, по классификации команды, резервуаре (резервации?), рассчитанном на то, что их потомки превратят своим трудом избранную планету, до которой ещё нужно лететь примерно восьмьюсот лет, в новую Землю. Но, как говорится: *гладко было на бумаге...* Со смертью первого поколения энтузиастов возникают серьёзные проблемы: утратившие связь с родиной и превращённые, по сути, в биоматериал для воспроизводства себе подобных люди начали впадать в депрессию. Учащаются побег и самоубийства. Вот тут-то для решения проблемы психолог и предлагает создать для *особей резервуара* такие условия выживания, когда места для депрессии просто не останется. Отсюда и хорошо нам известные по «лихим» 90-м *чернуха* и *бытовуха*. А чтобы улётовцы не заморачивались *вопросами* и *поисками ответов*, было найдено «гениальное» решение – периодическое стирание памяти.

Для осуществления «великой миссии» оказалось всего-то и надо, что новый, теперь уже космический, *гулаг*. Жизнь в беспомытном Улётном становится, конечно, *веселей*. (Стала ли она *лучше* – не обсуждается). Но тут возникает другая проблема: а что делать с теми немногими, кто вопреки *хэдклинеру*³ сохраняет память и не желает превращаться в послушную скотину? Например, с Колмо-

³ В фильме так называют технологию по стиранию памяти или промыванию мозгов.

горовым, отцом Лёхи, который даже после получения (в обмен на молчание) квартиры продолжает сбегать из Улётного в поисках Москвы, а по водворению назад и пятого *стирания*, ведущего к полной деменции, под видом стихов пишет и пишет воспоминания в тетрадках и даже на обоях. И если для *скоморохов-панков* эти записи – наследие гения, то для руководителей экспедиции – тексты, пробуждающие в поселенцах ненужные воспоминания. Вот ради этих текстов с целью изъятия и приезжает в Улётное психолог. Улётнинское «средневековье» под патронажем Толяныча заставляет его признать, что здесь что-то пошло не так. И уже на станции в присутствии Лёхи и Маши прозвучит диалог психолога и руководителя экспедиции как своего рода смысловой центр *философской кинопритчи*:

– Там полная деградация... там лидерами становятся полные ублюдки... Пора признать, что мы совершили ошибку...

– И когда же мы её совершили?

– Когда запустили хэдклинер...

– И что же ты предлагаешь?

– Перестать стирать память и рассказать им всю правду...

В ответе руководителя экспедиции – безапелляционная уверенность учёного-фанатика:

– Приятно жить с чистой совестью. Только на одной чаше весов твоё чувство, а на другой – наша миссия... сохранение культурного кода человечества...

– Да пойми ты: никакой культуры не будет без выбора...

Но его, давно, как ненужный хлам, отбросившего все интеллигентские сомнения и колебания, уже ничего убедить не может:

– Вот долетим, и всё у них будет... [6].

Главный оппонент *прозревшего* психолога – руководитель экспедиции, недавний его единомышленник, а может быть, и друг, продолжает, как и прежде, фанатично верить во вселенскую миссию своей экспедиции – своего космического *Русского ковчега*. Как представляется, здесь не случайно заходит речь о «*Русском ковчеге*» – так назывался фильм А. Сокурова, показанный в конкурсной программе международного Каннского кинофестиваля 2002 г. Там *Русским ковчегом* было названо величайшее собрание шедевров человеческого гения – Эрмитаж. В беседе после каннской премьеры с С. Проскуриной Сокуров точно сформулировал свой режиссерский замысел: «Пока жив Эрмитаж – жива Россия» [8], включив тем самым его в число главных символов (ценностей) отечественной культуры. В понимании режиссёра Эрмитаж – одно-

временно и хранитель красоты, и, в совокупности собранных со всего мира творений, воплощённая в искусстве Красота, а также пример интеграции этой Красоты в русскую культуру [1: с. 174–175]. В фильме Д. Фёдорова *Русский ковчег* – нечто противоположное сокуровскому пониманию Эрмитажа. *Космический Русский ковчег*, несмотря на то, что по количеству произведений разных видов искусства он может и превосходить знаменитый петербургский музей, становится космическим гулагом. Для обезличенной со стёртой памятью массы любые сокровища культуры – не более чем *факультет ненужных вещей*. А тогда и все разговоры о сохранении культурного кода человечества – не более чем пустая словесная оболочка, лишённая хоть какого-нибудь смысла. Отнюдь не случайно почти через четыреста лет полёта к «новой Земле» по бескрайнему космосу интересы космической экспедиции и банды уголовников пересекаются: физически устранив владельца приглянувшейся ему крупнопанельной двушки, бомжующего поэта Колмогорова, Толяныч тем самым оказывает неоценимую услугу «великой миссии» по спасению человечества...

Культурный код Дмитрия Фёдорова: итоги

Фильм «Москвы не бывает», представленный на 42-м Московском международном кинофестивале в программе «Спектр», в которую попадают самые провокационные фильмы, призванные «расширить границы кинематографического спектра», был назван самым неожиданным сюрпризом кинофорума. Среди первых зрительских откликов был и такой: «*Браво всей команде за это истинно русское кино!*»

А что же в нём есть такого истинно русского?

Во-первых, извечное наше соотношение провинции и столицы: *притяжение–отталкивание / любовь–ненависть*.

По мнению кинокритика Дениса Ступникова, «Коренной москвич Дмитрий Федоров пошел по непростому, но оригинальному пути, оспорив один из базовых российских культурных кодов, сформулированных еще Чеховым» [11]. В чеховском «*Уехать в Москву. Продать дом, покончить всё здесь и – в Москву... Да! Скорее в Москву*» [15: с. 20] – извечная тоска русской провинции о красивой и благополучной столичной жизни. Этот же код – в пародийной аллюзии на Чехова у Маяковского:

Помните раньше дела провинций? –

Играть в преферанс, прозябать и травиться.

Три тысячи три, до боли скул,

Скулили сестры, впадая в тоску.

В Москву! В Москву!! В Москву!!! В Москву!!!!

[Маяковский В.В. Три тысячи и три сестры [5: с. 13–15].

Действительно, для русской глубинки, далёкой от центра с его беспредельными возможностями, Москвы и на самом деле «не бывает». А бывает повседневность, нередко – «на выживание». Но именно там, а не в Москве, стягивающей на себя все ресурсы, нужно искать, по мнению авторов фильма, подлинные основания национальной культуры. Именно там, преодолев все препятствия, и нужно попробовать обрести заветный *русский ковчег*.

Во-вторых, главный герой фильма, отправляющийся за тридевять земель на поиски сказочного Ковчега (Москвы), – простодушный, сродни архетипическому Иванушке-дурачку, мечтатель Лёха. Поэтому и помогают ему фольклорные Баба-яга да панки-скоморохи; и спутница его с русским именем Маша, что от библейского – Мария. А его внезапно открывшееся родство с гениальным поэтом Колмогоровым, как представляется, указывает на куда более глубокую культурную преемственность. Сама фамилия отца, Колмогоров, с высокой степенью вероятности отсылает к названию малой родины (архангельской глубинки) русского гения – Ломоносова – Холмогорам и ассоциативно к некрасовским строчкам:

*Ноги босы, грязно тело,
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися! что за дело?
Это многих славный путь...*

*Скоро сам узнаешь в школе,
Как архангельский мужик
По своей и божьей воле
Стал разумен и велик... [7]*

И наконец, *в-третьих*, музыка, объединившая Чайковского («Лебединое озеро») и одну из ключевых фигур сибирского андеграунда, лидера рок-группы «Гражданская оборона» Егора Летова (песни «Все идет по плану», «Среди заражённого логикой мира», «Родина»), ставшая лейтмотивом фильма. В его финальных кадрах звучат слова песни «Снаружи всех измерений»:

*По моей незасохшей руке
Пробирается тихо память.
По моей незастигнутой реке
Проплывает тихонько птица.
По моей неубитой душе
Плачет скорбно забытый разум... [4].*

В монтажном соединении слов песни и новой, после очередной промывки мозгов, встречи героев, нашедших возможность сохранить память друг о друге, в пересечении их взглядов (мы видим и крупный план *понимающих* глаз психолога, отправленного в резервуар) нет сказочного хэппи-энда. Но такой финал рождает надежду. А надежда, умирающая, как известно, последней, и есть центральное звено искомого русского культурного кода: *Вера – Надежда – Любовь...*

Список источников

1. Брейтман А.С. Киноискусство России: опыт позитивной антропологии : монография. Москва : Инфра-М, 2018. С. 174–175.
2. Кичин В. Отзыв на фильм. 21.03.2021. URL: <https://www.kinoteatr.ru /kino/ movie/ ros/ 128018/ forum/> (дата обращения: 12.02.2023).
3. Коленский А. Интервью с Д. Фёдоровым // Культура. 2020. 23 окт.
4. Летов Егор. Снаружи всех измерений. URL: <https://www.gr-oborona.ru/texts/1183488554.html> (дата обращения: 12.02.2023).
5. Маяковский В.В. Три тысячи и три сестры // Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 9. Москва : Худож. лит., 1955–1961. С. 13–15.
6. Москвы не бывает (реж. Д. Фёдоров, 2020, запись по фильму).
7. Некрасов Н.А. Школьник // Полное собрание сочинений. В 15 т. Т. 3. Ленинград : Наука, 1981–2000. С. 34.
8. Проскурина С. Остается только культура. Интервью с А. Сокуровым // Искусство кино. 2002. № 7. URL: <https://old.kinoart.ru/archive/2002/07/> (дата обращения: 12.02.2023).
9. Рубцов А.В. Российская идентичность и вызов модернизации // Отечественные записки. 2012. № 2 (47). URL: <http://www.strana-oz.ru /2012/2/rossiyskaya-identichnost-i-vyzovy-modernizacii> (дата обращения: 12.02.2023).
10. Солженицын А. «Русский вопрос» к концу XX века // Новый Мир. 1994. № 7. С. 176.
11. Соловьев В.С. Сочинения. В 2 т. Т. 1. Москва : Мысль, 1988. 892 с.
12. Ступников Д. Русский ковчег снаружи всех измерений. URL: <https://kritikanstvo.ru/moskvyinebyvaet/> (дата обращения: 18.03.2023).
13. Флоренский П.А. Макрокосм и микрокосм // У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики). Т. 1. 2-е изд. Москва : Академический проект, 2017. 684 с.
14. Циолковский К.Э. Космическая философия. Живая Вселенная. Москва : Академический проект, 2017. 640 с.
15. Чехов А.П. Три сестры // Полное собрание сочинений. В 18 т. Т. 13. Москва : Наука, 1978. С. 20.

References

1. Brejtman A.S. *Kinoiskusstvo Rossii: opyt pozitivnoj antropologii: monografija* [Cinematography of Russia: the experience of positive anthropology: a monograph]. Moscow: Infra-M, 2018.
2. Kichin V. *Otzyv na fil'm* [Review of the film]. 21.03.2021. URL: <https://www.kinoteatr.ru /kino/ movie/ ros/ 128018/ forum/> (data obrashhenija: 12.02.23)

3. Kolenskij A. *Interv'ju s D. Fjodorovym* [Interview with D. Fedorov] // *Kul'tura* [Culture]. 2020. 23 okt.
4. Letov Egor. *Snaruzhi vseh izmerenij* [Outside of all dimensions]. URL: <https://www.gr-oborona.ru/texts/1183488554.html> (data obrashhenija: 12.02.23).
5. Majakovskij V.V. *Tri tysjachi i tri sestry* [Three thousand and three sisters] // *Polnoe sobranie sochinenij v 13 t.* T. 9. Moscow: Hudozh. lit., 1955-1961. Pp. 13-15.
6. *Moskvy ne byvaet* (rezh. D. Fjodorov, 2020, zapis' po fil'mu) [There is no Moscow (dir. D. Fedorov, 2020, film recording)].
7. Nekrasov N.A. *Shkol'nik* [Schoolboy] // *Polnoe sobranie sochinenij v 15 t.* Leningrad : Nauka, 1981–2000. T. 3. S. 34.
8. Proskurina S. *Ostaetsja tol'ko kul'tura. Interv'ju s A. Sokurovym* [Only culture remains. Interview with A. Sokurov] // *Iskusstvo kino* [The Art of cinema]. 2002. № 7.
9. Rubcov A.V. *Rossijskaja identichnost' i vyzov modernizacii* [Russian Identity and the challenge of Modernization] // *Otechestvennye zapiski* [Domestic notes]. 2012. №2 (47).
10. Solzhenicyn A. «*Russkij vopros*» k koncu XX veka [The "Russian Question" by the end of the XX century] // *Novyj Mir* [A New World]. 1994. №7.
11. Solov'ev V.S. *Sochinenija*. V 2 t. T. 1. Moscow: Mysl', 1988. 892 p.
12. Stupnikov D. *Russkij kovcheg snaruzhi vseh izmerenij* [The Russian Ark is outside of all dimensions]. URL: <https://kritikanstvo.ru/moskvinebyvaet/>
13. Florenskij P.A. *Makrokosm i mikrokosm* [Macrococosm and microcosm] // *U vodorazdelov mysli (Cherty konkretnoj metafiziki)*. T. 1. Moscow: Akademicheskij proekt, 2017. 684 s.
14. Ciolkovskij K.Je. *Kosmicheskaja filosofija. Zhivaja Vselennaja* [Cosmic philosophy. The Living Universe]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2017. 640 s.
15. Chehov A.P. *Tri sestry* [Three sisters] // *Polnoe sobranie sochinenij*. V 18 t. T. 13. Moscow: Nauka, 1978. S. 20.

Информация об авторе

A.C. Брейтман – доктор философских наук, профессор.

Information about the author

A.S. Breitman – Doctor of Science (Philosophy), Professor.

Статья поступила в редакцию 09.03.2023; одобрена после рецензирования 17.03.2023; принята к публикации 24.03.2023.
The article was submitted 09.03.2023; approved after reviewing 17.03.2023; accepted for publication 24.03.2023.

Научная статья
УДК 316.722:316.4
doi:10.31079/1992-2868-2023-20-2-26-32

КОНСТАНТЫ РУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Владимир Гайфулович Зангиров

Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия, zangirov@live.ru

Аннотация. Задача автора – выявление констант русской идентичности как сущностного условия исторического сохранения русской цивилизации, ее способности достойно отвечать на вызовы времени, особенно в современной ситуации глобального противостояния России и Запада.

Ключевые слова: идентичность, русская идентичность, историческая преемственность, язык, культура, национальный характер, историческая миссия, константы идентичности

Original article

CONSTANTS OF RUSSIAN IDENTITY

Vladimir G. Zangirov

Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia, zangirov@live.ru

Abstract. The author's task is to identify the constants of Russian identity as an essential condition for the historical preservation of Russian civilization, its ability to adequately respond to the challenges of the time, especially in the current situation of global confrontation between Russia and the West.

Keywords: identity, Russian identity, historical continuity, language, culture, national character, historical mission, identity constants

Всякая теоретическая проблема в конечном счете фундируется на соответствующей практической потребности. Это в полной мере относится к проблеме идентичности, ставшей актуальной практически для всего корпуса социально-гуманитарных наук. Если с исследований Э. Эриксона берет свое начало трактовка идентичности как феномена личностного, индивидуально-психического, то в современный период научного развития развернут целый ряд теорий идентичности этнического, политического, социологического, культурологического, исторического толка. Особый интерес вызывает проблема национальной, государственной, гражданской идентичности, поскольку ее решение предопределяет *историческую судьбу* той или иной страны как субъекта геополитического бытия в ситуации глобального противостояния социально-экономических, социально-политических и социально-ценностных систем [1: с. 477–516].

Сегодня определяется уровень геополитической состоятельности России, ее способности противостоять громадному внешнему давлению, по сути, стремлению исключить ее из ведущего мирового порядка. Администрация США делает все, чтобы

Россия утратила чувство своей идентичности, уверенность в том, что она действительно стала правопреемницей великой советской державы. Если нашу страну нельзя подорвать извне, то нельзя ли попытаться разложить ее изнутри, лишив народ осознания права на свой суверенитет, на возможность строить свою жизнь в соответствии с исконными традициями величественного самоопределения? Для России решить проблему идентичности – значит приобрести мужество противостоять внешним угрозам, ощутить незыблемость, константность своего национального характера. Через свою интегральную идентичность мы боремся за то, чего хотят нас лишить наши недруги. Этот текст надо воспринимать как гипотетическое размышление о том, что мы как народ сберегли ядро своего национального самосознания, сохранили свою изначальную и непрерывную идентичность, ее константы. Наша задача – пусть и в краткой форме, провести мысль о том, что нам есть что предъявить миру в качестве устойчивых ресурсов своего суверенного существования.

На наш взгляд, история любого народа характеризуется формированием особенного народного

состояния, которое не только не утрачивается со временем, но, напротив, сохраняет свою определенность, переживая ряд существенных трансформаций. По прошествии длительного исторического времени может сложиться впечатление, что на смену одному народному характеру пришел другой, что народный дух сменился кардинально. Остается ли что-то неизменным в строе жизни народов, стран и государств под напором неумолимого времени? Или перемены пронизывают все клеточки социального организма, открывая дорогу к неограниченному новаторскому конструктивизму? Таким образом, заданные вопросы сегодня проходят под рубрикой так называемых *идентитарных исследований*, занявших солидное пространство современного социогуманитарного познания [2]. Подобный вопрос стал предельно актуален в современной России, переживающей нечто вроде мировоззренческого поиска. Что такое Россия сегодня – новый общественный организм, небывалая историческая реальность или продолжение извечной русской истории со всеми извилинами траекторий единого, неразрывного пути? Ответ на такой вопрос ко многому обязывает. Будь мы совершенно новым общественным образованием, сразу ставится под сомнение сама правомерность его существования. Тогда нам придется заново пройти тяжелую процедуру исторической легитимации, впервые утверждать себя в качестве полноценной геополитической силы. Однако у нас за плечами богатое историческое прошлое, великие достижения, которые позволяют нам во весь голос возвещать о себе в тональностях державной решимости. В эпоху, когда начался мировой перелом геополитических соотношений, наш голос должен звучать как государственная артикуляция общей исторической справедливости, призванной придти на смену идее западного глобального доминирования. Тогда русская идентичность органично выходит на передний край мировых событий, подобно тому, как она отстаивала себя в прежние исторические эпохи, будучи поставлена перед необходимостью защиты своего существования. Извечной константой русской идентичности служит способность нашего народа брать на себя общую историческую ответственность, простирающуюся и на другие народы. Русские, как бы ни называлось наше государство, постоянно ориентированы на общественное сотрудничество, способны возглавить прогрессивные мировые перемены. В периоды, когда российская держава предавала забвению константы русской идентичности, корабль нашей истории испытывал опасные крены, грозящие

нашему будущему. Так случилось в 80-е и 90-е гг. XX в., когда мы по инициативе нашего государственного руководства попытались встроиться в чуждую нам систему межгосударственных отношений Запада, надеясь на встречное движение нашим шагам по ослаблению глобальной напряженности. После распада СССР на Западе решили, что с противостоящей великой державой покончено и можно беспрепятственно строить порядок бесконкурентного глобального доминирования. В 2007 г. в своей мюнхенской речи Президент РФ В.В. Путин дал понять, что Россия твердо намерена вернуть себе статус великой державы, способной противостоять намерениям Запада обречь нас на положение региональной страны со слабым советательным голосом. Эта речь стала символическим актом России на возврат своей веками нарабатанной национальной идентичности.

Представленные здесь размышления о русской идентичности предполагают прежде всего расстановку правильных акцентов. Это касается и неизбежной договоренности о терминах. Слово само по себе ничего не говорит о контексте. Слово «русский» может указывать и на отдельный самый большой этнос на территории России, и на всех без исключения россиян, и на каждого индивида, считающего себя русским. Контекст превращает слово в понятие. Тогда сразу укажем, что в контексте нашего подхода понятия «русский» и «россиянин» синонимичны. Говоря о русской идентичности, мы будем иметь в виду единую, общую российскую нацию, объединенную в одно государство, защищающее свою государственную идентичность. Тогда словами «гражданская идентичность» мы будем указывать на принадлежность к подданным государства, что, по сути, равнозначно и «государственной идентичности», и «российской (русской) идентичности». Тем самым слово «нация» интерпретируется нами как надэтническая, общегражданская, общегосударственная общность. В силу этого термин «национальность» совершенно исключен из нашего дискурса по причине своей двусмысленности и неопределенности. Для нас *национальное* – это то, что характеризует нацию и только нацию в ее исключительно надэтническом истолковании. Приходится прибегать к этим оговоркам, учитывая недостаточное методологическое единство в разработке теоретических проблем этнологии, социологии и политологии. Тогда концепт *русской идентичности* истолковывается нами как указание на феномен национального самосознания всего русского народа, характеризующийся глубоким переживанием нашей общей исторической судьбы,

гордостью за наше героическое историческое прошлое и готовностью продолжать когда-то начатое великое нациестроительство [3: с. 10–11]. Не отрицая значимости этнической, региональной, культурной, любой другой специфической идентичности, здесь проводится мысль о том, что идентичности разного рода связаны между собой иерархически, что есть высший уровень этой иерархии, конституированный своими символами, маркерами, ценностями, традициями, присущими онтологической манифестации того, что мы называем *нацией*.

Русскую идентичность можно интерпретировать в различных парадигмах – политических, экономических, этнических, культурных и т.п. В этом есть определенный методологический смысл. Но такой подход порождает лабиринты идентичностей, вносит смысловой разнобой в проблему, объективно требующую цельности своей разработки [4: с. 10–105]. Могут неоднократно меняться политические или экономические модели нашей страны, ее этнический состав или культурный облик. Остается нечто постоянное – народный дух, национальный характер, историческая миссия, завещанная Творцом. Это – идентичность высшего порядка, в максимуме предначертанной судьбы. Она манифестирует себя не в отдельных личностях, не в особых социальных группах, а в постоянстве исторических деяний всего народа. Есть великие символы русской истории, в которых константы русской идентичности представлены максимально выпукло. Русский народ никогда не строил свое благополучие на эксплуатации других народов. Напротив, он всегда поддерживал все национально-освободительные движения. О дружественных актах нашего народа знает весь мир. В любом уголке земного шара о нас говорят как о *русских*. Все знают, что такое *русский балет* или *русский хоккей*. Многие не только слышаны о *русском гостеприимстве*, но и ощутили его на деле. Это аспекты нашей *русской* идентичности, относящейся к нашей национальной государственности. Ничего странного в том, что еврей Бродский – *русский* поэт, тувинец Шойгу – *русский* министр, а армянин Айвазовский – *русский* художник.

И тем не менее, так получилось, что два понятия постоянно пересекаются в дискурсе об идентичности – «русские» и «россияне». Первое понятие отсылает нас к *этнической* парадигме, выделяя русский народ среди однопорядковых категорий татар, белорусов, украинцев и т.п. Говоря же о россиянах, мы имеем в виду парадигму *надэтническую*. Россияне – это все население нашей страны, независимо от этнической дифференциации. Русский этнос может иметь ярко выраженные черты *ти-*

тульского, суперэтнуса или «старшего брата» – это в любом случае таит в себе опасность конфликта этнических идентичностей. Для политического, экономического и социального благополучия России важен приоритет именно надэтнической идентичности, позволяющий формировать солидарные черты общего национального самосознания, на что постоянно указывает авторитетный аналитик этой проблемы В.А. Тишков [5].

По мнению В.А. Тишкова, россияне являются народом-нацией, со своим национальным самосознанием, равнозначным национальной идентичности. Он настаивает на том, что российский народ – полиэтничная гражданская нация [5: с. 3]. Понятие нации – надэтническое по своей сущности, в то время как словосочетание «этнос-нация» есть ложное понятие [5: с. 8]. Нацию надо рассматривать как общество по государству [5: с. 9]. В.А. Тишков видит основу национального самосознания и идентичности в солидарности и повседневной лояльности, выраженных в чувстве принадлежности к одному народу и признании государства своим [5: с. 22]. Разделяя парадигмальные позиции В.А. Тишкова, выразим свою точку зрения следующим образом. Мы – русские, не в смысле отдельной этнической реальности, а как великий народ большой страны, в которой все мыслимые этносы принадлежат единому целому общегосударственного бытия, тому, что максимально отчетливо выражается концептом «нация». Если нашей целью является сбережение целостности и независимости нашей страны, то центральная коннотация нашей идентичности должна проходить по линии нашего надэтнического, государственно-гражданского, национального бытия.

Приоритет *надэтнической идентичности*, понимаемой здесь как выражение национального духа всего российского народа, ни в коем случае нельзя рассматривать как только теоретический проект нашего будущего. За этой общенациональной идентичностью всего российского народа стоит наша многовековая история, в ходе которой мы жили на одной земле, дышали одним воздухом, вместе защищали эту землю, сообща читали Александра Пушкина, Тараса Шевченко и Расула Гамзатова, понимая, что без национального единства страны мы все обречены на геополитическую маргинальность, на раздробленность и зависимость. Эта надэтническая национальная идентичность складывалась веками в процессе совместной жизнедеятельности, выявляя свои константы, смысл которых состоит в том, что они в каждый переломный, кризисный, катастрофический момент нашей истории служат опорными звеньями дальнейшего

нациестроительства [6]. Не для того мы шли через ряд трудных этапов нашего национального становления, став великой державой, чтобы в иллюзиях социального конструктивизма вообразить, что прошлое не имеет большого значения, что надо смотреть вперед, двигаясь в общем ритме нивелирующего глобализма. Константы идентичности не конструируются – они обладают чертами континуальной устойчивости, въедаются в национальный характер, не подвержены влиянию времени, подобно геному или группе крови.

Константность идентичности на уровне единой нации хорошо прослеживается на феномене православной религиозности. Сложившись как церковь, Московский патриархат на протяжении всей своей истории сохраняет свою каноническую стабильность, противостоя всем конструктивистским проектам модернизации, приведения в соответствие духу времени. Церковь воспитывает в народе твердую мораль, в которой главенствует заповеданная Господом любовь к своему ближнему. Проходят века, а нравственная основа народного характера остается неизменной. Это проявляется во всем. Православие учит народ строить людские взаимоотношения на основе милосердия, бескорыстности, сострадания к чужим бедам, ощущения соборной близости, самоотвержения во имя общего блага. Православная церковь прошла через гонения со стороны богоборческого государства, но не изменила своей сути. Она взяла на себя роль духовного светильника и в нынешние относительно благополучные времена, когда пришедший ко многим материальный достаток заслоняет дорогу к духовным интересам. Может измениться многое – экономическая система, политический режим, социальная структура, информационные технологии. Церковь постоянно напоминает народу, что в глубине человеческого духа должна сохраняться доминанта любви как самой непреложной формы подобию человека Богу-Творцу. Она терпеливо переносит все адресованные ей упреки в консерватизме и закоснелости ради одного – своей миссии воспитания соборного народного духа.

О роли русского православия в контексте основ русской идентичности красноречиво размышляет А.В. Щипков [7]. Он рассматривает *Русский мир* как синоним исторической Руси. Русская традиция тождественна русской идентичности. У них совпадающие компоненты: православная этика, социальная справедливость, социальное равенство, примат морали над правом, демократический централизм. Если сравнивать, например, дореволюционный мир России и мир советский, то они имеют

общие корни и одинаково отражают русскую идентичность. «Цель общественного строительства (социализм) и цель спасения каждого и всех вместе (соборность) – это расходящиеся вариации на одну и ту же тему» [7: с. 16]. А.В. Щипков указывает на то, что в 1990-е и 2000-е гг. русская идентичность расшатывалась и слабела. До этого советская модель развития, скрепляемая идеей полиэтничной нации и социального государства, была неотъемлемой частью русской традиции. Постсоветская элита отвергла эту модель, заменив ее идеей выживания сильнейшего. Совершенно очевидно, что этим был нанесен удар по веками складывавшейся русской идентичности. Можно политически и экономически разделить народ и территорию, но идентичность пополам не делится, – она одна. Сегодня украинцы, объявляя себя антироссиянами, строят свою идентичность на негативном базисе. Но с таким багажом нельзя войти в историю [7: с. 27].

А.В. Щипков говорит и о важности правильной трактовки нашей истории. При этом он ссылается на принципиальную позицию патриарха Кирилла, который открывает для Церкви новый язык универсальной проповеди, обращенный и к людям церковным, и к людям светским. Пора окончательно прекратить разрывать нашу национальную историю. Надо противостоять угрозе секулярной реформации. Отстаиваемые Церковью базовые нравственные ценности должны стать руководящим принципом судебной, законотворческой и политической деятельности [7: с. 5]. К словам А.В. Щипкова можно добавить соображение о том, что эти базовые ценности веками сохраняют свою константность, красной нитью проходят через всю нашу непрерывную историю, гарантируя нам общность нашей исторической судьбы. Лучшие представители нашего народа, когда бы они ни жили, идентичны друг другу в понимании добра, истины и красоты. Благодаря им не распадается наше национальное самосознание, не прерывается связь времен.

Идентичность как универсальный мировоззренческий концепт означает, что нечто сохраняет свою сущностную определенность на всех этапах своего существования, при всех видоизменениях своего бытийственного хронотопа, в условиях существенной трансформации исторической ситуации. Этот концепт может быть применен ко всему, что мы выделяем в качестве элемента своего жизненного мира, начиная от элементарных частиц и восходя к сложнейшим синергетическим комплексам. Мы живем в мире фактических идентичностей. Сравнивая две вещи, обнаруживаем, что они при всех различиях сущностно тождественны, сходны в сво-

их конститутивных проявлениях. Они идентичны как по отношению друг к другу, так и по отношению к собственному существованию. Этот принцип более чем применим к русской истории. Наша русская идентичность выпукло обнаруживает себя на фоне других национальных идентичностей. Присоединяя к себе новые земли, мы не обрекали малые народы на прозябание, а стремились максимально сохранить их обычаи, язык, культуру, быт и т.п. В то же время они получали шанс на цивилизационный прогресс, возможность экономически и социально влиться в жизнедеятельность большого социального организма. Красноречив пример нынешней Прибалтики, процветавшей в советскую эпоху и впавшей сегодня в бесцветное прозябание, будучи «свободной» территорией. Удручающ пример нынешней Украины, поспешившей в 1991 г. первой отделиться от СССР, чтобы через двадцать три года приступить к геноциду собственного населения, подпав под преступный американский патронаж, утратив базовые черты своей идентичности. Советская империя была своеобразной – у нее не было колоний, в отличие от Англии, Франции, Испании, Португалии. К ней неприменим концепт *метрополии*, как неприменим концепт *колонии* к якобы «покоренным» Прибалтике, Польше, Венгрии, Румынии, Болгарии, Чехословакии, Югославии, ГДР.

Проблема русской идентичности становится наиболее актуальной в те периоды русской истории, когда жизнь ставит вопрос о способности русского народа достойно ответить на исторические вызовы [7: с. 5–35]. С особой остротой это проявилось в настоящее время, когда Запад выдвинул программу ликвидации главных геополитических ресурсов России. Фактически речь идет о лишении России статуса независимого и самостоятельного государства. Те аспекты национальной идентичности, которые были издавна присущи нам, поставлены под угрозу окончательной деструкции. Мы не устраиваем Запад в качестве своеобразной модели развития, потому что являемся серьезным геополитическим препятствием на пути к его тотальному доминированию. Запад многие годы выстраивает долгосрочную стратегию, конечной целью которой определен его контроль над поведением и менталитетом нашей политической элиты, над вектором и динамикой экономического развития, над богатейшими природными ресурсами нашей страны. Ставится задача подорвать корневые основы нашей идентичности, выхолостить доминантные элементы самосознания русского народа. Эта стратегия имела успех во второй половине 80-х гг. и на протяжении почти всех 90-х гг. XX в. Сделав вид,

что готова принять нашу страну в состав мирового сообщества в качестве равноправного партнера, политическая элита Запада фактически поставила под контроль деятельность как первого и последнего президента СССР М.С. Горбачева, так и первого президента России Б.Н. Ельцина. Это привело к тому, что наша страна фактически начала утрачивать политический и экономический суверенитет, на трудное восстановление которого ушло целое десятилетие правления В.В. Путина. Пришлось восстанавливать все – систему управления, промышленность, сельское хозяйство, армию, финансы, межэтнический мир, территориальную целостность. В наследство от Ельцина Путин получил разгромленную страну – разгромленную собственной элитой. Пришлось восстанавливать русскую идентичность – национальное самосознание, историческую память, преемственность эпох, православные убеждения, патриотизм, государственный суверенитет, ментальность единой нации.

Вернув себе национальный суверенитет, Россия пошла дальше. Она выдвинула перед собой задачу возврата своей идентичности, своего права самостоятельно решать свою судьбу и автономно определять линию своего геополитического поведения. Именно это и не устроило элиту Запада, пригрозившего получить дивиденды от колониального подчинения администраций Горбачева и Ельцина. Сегодня Запад во главе с США вынашивает планы по деструкции стратегии Путина, вплоть до нанесения России стратегического военного поражения. Вопрос о том, что такое русская идентичность, трансформировался в практическую проблему выживания России в качестве самостоятельной геополитической «единицы». Либо мы сохраняем свою национальную идентичность и продолжаем курс на мощное развитие страны, либо мы попадаем в тиски безжалостного западного контроля, с неизбежным разграблением наших природных ресурсов. Россия стоит перед дилеммой: развиваться или исчезнуть. Чтобы исключить негативный сценарий будущего, мы должны разобраться, в чем состоит наша сила, на чем держится наш дух. Эту проблему можно переформулировать: каковы извечные константы русской идентичности, на основе которых мы сможем противостоять враждебной стратегии Запада и радикально изменить соотношение сил на мировой арене в свою пользу.

Наш исторический опыт свидетельствует, что русский народ силен тогда, когда он сохраняет свое единство. И, напротив, в периоды своего внутреннего разобщения он утрачивал способность сопротивляться внешней агрессии, находить силы

для отстаивания своей независимости. Так случилось в период польской интервенции 1612 г., когда враг разгуливал по Москве. Через два века могучая армия Наполеона Бонапарта, встретив отпор со стороны всего русского народа, позорно бежала из русской земли. В трудной ситуации русский народ возвращается к своему соборному состоянию, которое гораздо выше сконструированных форм механической солидарности. Мы не умеем конструировать, но мы лучше других народов способны сплавиваться. Русская идентичность веками держалась на этой соборной сплоченности, подкрепленной твердым убеждением в том, что наша земля может жить по-настоящему только как *Святая Русь*. Как только мы переставали воссоздавать святость жизни, возникала угроза нашему существованию. Чтобы Россия процветала, крепла, развивалась, над ней должен витать соборный дух. Соборность русского народа проистекает из оснований его истории. Она берет свое начало со времени крещения Руси. Православная вера стала глубинным основанием русского национального духа. Из среды русского народа вышли православные подвижники, держатели веры. Концентрические круги их святости далеко расходились по всей русской земле. В их подвижничестве и формировались наиболее характерные аспекты русской идентичности. «В ее основе лежит императив поисков или построения царства правды, где всякий человек нужен, никто не лишний, никто не строит свое счастье на несчастье другого, все объединены духовными узами и общими задачами. Образ Святой Руси как сосуда истинной веры и образ социальной справедливости, общества равенства и братства – разные проекции этой идеи, части одного целого. Восходит эта идея к концепции Третьего Рима и к византийскому наследию, представляет собой то общее, что не может расщепить до конца даже революция» [8: с. 15].

Утверждая приоритет общей национальной, российской идентичности, следует иметь в виду и объективную значимость этнической идентичности. Самосознание любого этноса остается фундаментальным условием его существования. Л.М. Дробижева категоризацию этнической идентичности выражает через понятия языка, культуры, природы, исторического прошлого. Самосознание общей государственной, по сути, российской идентичности складывается легче, чем гражданское самосознание, потому что во многом определяется и формируется политической волей лидера. Государственная идентичность может быть утрачена («Мы больше не Советский Союз»). Тогда на первый план выходит этническая солидар-

ность. По ее мнению, сегодня этническая идентичность более выражена, чем российская. Надо решать проблему совмещения государственной и этнической идентичностей [4: с. 13–29]. Задача такого совмещения – не проста. Совсем недавно было время, когда чеченский этнос поддался ложной идее сепаратизма, в лице своих лидеров выступив с лозунгом отделения от России, вытащив на свет сомнительный этноним «Ичкерия». Пройдя через искус сепаратистского самоопределения, чеченский народ сумел выйти на правильный путь дальнейшего развития. Его этническая идентичность не была нарушена – чеченцы в составе Российской Федерации остаются самобытным народом с оригинальной культурой, вековыми традициями. Чеченцы обрели нечто большее – ощутили свое место в мире как часть великой державы, свою причастность к геополитическому пространству, перспективы цивилизационного развития. Тем самым они сохранили доступ к ресурсам большой страны, к достижениям ее культуры, к символам ее исторической общности. Более того, сегодня чеченские боевые отряды храбро воюют за право России на защиту своей целостности, своего суверенитета и своих национальных интересов. По сути, это и борьба за свою этническую идентичность, которая могла быть пущена под откос в случае осуществления сепаратистского проекта. Для русского народа никогда не были значимыми узкие национальные интересы, Напротив, для него характерно стремление строить свое благополучие на основе деятельного сотрудничества с другими народами. Наш общий национальный проект должен осуществляться с учетом необходимости работать над достижением межэтнического согласия [9: с. 153–193].

Проблема русской идентичности нуждается в дальнейшей разработке. Предстоит уточнить ее базовые константные компоненты. Это будет ответ на вопрос, какие мы, какими мы должны быть и какими нам быть нельзя. Надо вернуться к адекватному осмыслению нашего исторического опыта, особенно к тем периодам, когда мы предавали свою идентичность, когда элита ради своего эгоизма начинала торговать своей страной, грабить свой народ. Это было совсем недавно. Чтобы избежать этого в дальнейшем, мы должны твердо знать, какие люди должны стоять у руля нашей страны, а кого нельзя подпускать на пушечный выстрел. Вместо многочисленных историософских фантазий и пророческих сновидений должен придти трезвый анализ нашего исторического пути, чтобы воочию увидеть, благодаря чему возростала и крепла Русь, как бы она ни называлась, какие черты

народного духа поднимали ее с одра, на чем извечно держалась русская идентичность, позволяющая нам увидеть друг друга в одном строю, против общего врага, не дающая нам разбрестись и заблудиться, присягать чужим правителям и предавать свои святыни.

Список источников

1. Кортунов С.В. Национальная идентичность: Постижение смысла. Москва : Аспект Пресс, 2009. 589 с.
2. Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: к 70-летию академика В.А. Тишкова / сост. М.Н. Губогло, Н.А. Дубова ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Москва : Наука, 2011. 670 с.
3. Национальная идентичность и будущее России : доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Москва, февраль 2014 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 05.05.2023).
4. Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / отв. ред. В.С. Магун. Москва : Изд-во Института социологии РАН, 2006. 327 с.
5. Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. Москва : Наука, 2013. 649 с.
6. Идентичность как предмет политического анализа : сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.) / отв. ред. И.С. Семенов, Л.А. Фадеева. Москва : ИМЭМО РАН, 2011. 299 с.
7. Русская идентичность на постсоветском пространстве / под ред. С.Ю. Пантелеева. Москва : ИнфоРос, 2008. 140 с.
8. Щипков А.В. Дискурс ортодоксии. Описание идейного пространства современного русского православия. Москва : Изд-во Московской патриархии Русской православной церкви, 2021. 464 с.
9. Содержательные основы российской идентичности. Региональный и этнокультурный контексты / отв. ред. Е.М. Арутюнова, О.С.В. Рыжова. Москва : ФНИСЦ РАН, 2021. 288 с.

References

1. Kortunov S.V. *Nacional'naja identichnost': Postizhenie smysla* [National identity: Understanding the Meaning]. M.: Aspekt Press, 2009. 589 p.
2. Fenomen identichnosti v sovremenном humanitarном знании: k 70-letiju akademika V. A. Tishkova [Phenomenality in Modern Humanitarian Knowledge: on the 70th anniversary of Academician V. A. Tishkov] / Ed. M.N. Guboglo, N.A. Dubova. M.: Nauka, 2011. 670 p.
3. Doklad Mezhdunarodnogo Diskussionnogo kluba «Valdaj» «Nacional'naja identichnost' i budushhee Rossii». Moscow, February 2014.
4. *Grazhdanskije, jetnicheskie i religioznye identichnosti v sovremennoj Rossii* [Civil, ethnic and religious Identities in Modern Russia] / Ed. V. S. Magun. M.: Izdatel'stvo Instituta sociologii RAN, 2006. 327 p.
5. Tishkov V. A. *Rossijskij narod: istorija i smysl nacional'nogo samosoznanija* [The Russian people: the history and meaning of National Identity]. M.: Nauka, 2013. 649 p.
6. Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza. Sbornik statej po itogam Vserossijskoj nauchno-teoreticheskoi konferencii (IMJeMO RAN, 21-22 oktjabrja 2010g.) / Ed. I. S. Semenenko, L.A. Fadeeva. M.: IMJeMO RAN, 2011. 299 p.
7. *Russkaja identichnost' na postsovetском prostranstve* [Russian identity in the post-Soviet space] / Ed. S.Ju. Panteleeva. M.: InfoRos, 2008. 140 p.
8. Shhipkov A. V. *Diskurs ortodoksii. Opisanie idejnogo prostranstva sovremennogo russkogo pravoslavija* [The discourse of orthodoxy. Description of the ideological space of modern Russian Orthodoxy]. M.: Izdatel'stvo Moskovskoj Patriarhii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi, 2021. 464 p.
9. *Soderzhatel'nye osnovy rossijskoj identichnosti. Regional'nyj i jetnokul'turnyj konteksty* [The substantial foundations of Russian identity. Regional and ethno-cultural contexts] / Ed. E. M. Arutjunova, S. V. Ryzhova. M.: FNISC RAN, 2021. 288 p.

Информация об авторе

В.Г. Зангиров – кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия, социология и право».

Information about the author

V.G. Zangirov – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Law.

Статья поступила в редакцию 20.02.2023; одобрена после рецензирования 17.03.2023; принята к публикации 24.03.2023. The article was submitted 20.02.2023; approved after reviewing 17.03.2023; accepted for publication 24.03.2023.

Научная статья

УДК 316.472.45: 323.15

doi:10.31079/1992-2868-2023-20-2-33-37

ЭТНИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ОТКРЫТОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

Александр Сергеевич Ким¹, Егор Юрьевич Довгополов²

¹Хабаровский государственный университет экономики и права, Хабаровск, Россия, stosorok2005@yandex.ru, [https://ORCID: 0000-0002-0533-8786](https://ORCID:0000-0002-0533-8786)

²Центр исследования проблем российского права, Москва, Россия, mr.iwnew@ya.ru, [https://ORCID: 0000-0002-3319-4126](https://ORCID:0000-0002-3319-4126)

Аннотация. Статья посвящена трансформации этничности как социального феномена в условиях открытого информационного пространства. Выявляются и анализируются основные социальные и политические процессы изменения этнического пространства и коммуникации. Логика изложения приводит к выводу о том, что феномен этничности продолжает сохранять свою значимость, так как является основой для сетевой коммуникации, а его трансформация – это проявление глобального противоречия между кросскультурностью и потребностью в идентификации.

Ключевые слова: этничность, этнос, социальный феномен, открытое информационное пространство, сети, коммуникация

Original article

ETHNICITY IN AN OPEN INFORMATION SPACE

Alexander S. Kim¹, Egor Yu. Dvugopolov²

¹Khabarovsk State University of Economics and Law, Khabarovsk, Russia, stosorok2005@yandex.ru, [https://ORCID: 0000-0002-0533-8786](https://ORCID:0000-0002-0533-8786)

²Center for the Study of Problems of Russian Law, Moscow, Russia, mr.iwnew@ya.ru

Abstract. The article is devoted to the transformation of ethnicity as a social phenomenon in an open information space. The main social and political processes of change in ethnic space and communication are identified and analyzed. The logic of presentation leads to the conclusion that the phenomenon of ethnicity continues to retain its significance, as it is the basis for network communication, and its transformation is a manifestation of a global contradiction between cross-culturalism and the need for identification.

Keywords: ethnicity, ethnos, social phenomenon, open information space, networks, communication

В динамично развивающемся современном мире, в котором происходит количественное и качественное изменение социальной коммуникации, ставшее возможным вследствие разработки и внедрения новейших информационно-цифровых технологий, особую значимость имеет исследование проблем, связанных с устойчивостью и изменчивостью исторически сложившихся социальных явлений, процессов, структур, институтов. С этой точки зрения представляет актуальность проблематика трансформации этничности как социального феномена в условиях интенсивного расширения открытого информационного пространства.

Реалии постиндустриального, а по сути дела, нового информационного общества вошли в противоречие с постулатами ранних концепций модернизации. Теории модернизации утверждали,

что на смену этничности в ходе интенсивных урбанизационных, информатизационных, коммуникационных и технологических процессов придут новые формы социальной организации, основанные не на механической солидарности традиционного общества, а на более широкой, надэтнической, наднациональной основе. Однако западные теоретики национализма У. Коннор, Э. Геллнер, Э. Смит и др. дали адекватное объяснение тому, почему в действительности модернизационные процессы привели не к исчезновению, а к дальнейшему развитию этнической идентичности. Так, согласно У. Коннору, социальные перемены способствуют росту числа контактов между прежде обособленными этническими группами, вовлекаемыми в конкуренцию за одни и те же экономические сферы, которые порождаются модернизацией. Интен-

сификация межэтнического взаимодействия и межкультурной коммуникации приводит не к интеграции, а к усилению этнической идентичности и обострению межэтнических противоречий [5; 6]. В процессе тектонического сдвига от «модерна» к «постмодерну», происходящего в современном мире, феномен этничности получил новое дыхание. «Постмодернизм выдвинул ранее периферийные ценности (в том числе этнические) на передний план общественного развития» [2: с. 3].

Традиционно жизнедеятельность этнических общностей «во многом завязана на живую межперсональную коммуникацию» [3: с. 175]. Этническая и межэтническая коммуникация – это процессы информационного взаимодействия, в ходе которых происходит обмен, передача, распределение, обработка и накопление социально значимой информации, основным содержанием которой является всё, что связано с этнокультурной средой, социализацией, духовным наследием. Однако традиционное поле, пространство, в котором происходила циркуляция этнически значимой информации, претерпело существенные изменения. Пространство этнической коммуникации в условиях повсеместного внедрения информационно-цифровых технологий становится уже частью открытого информационного пространства.

В новой реальности этническое и межэтническое взаимодействие целесообразно рассматривать уже с точки зрения интерактивной коммуникации, которая стала носить моментальный и всеобъемлющий характер. Именно поэтому целесообразно полагать, что пространственная организация этничности претерпевает кардинальные изменения. Глобализационные процессы способствуют как стиранию пространственных границ между этносами, так и размыванию этнической территориальной общности. В условиях крупномасштабной миграции, интенсивного развития инфраструктуры мегаполисов и крупных городов в сочетании с расширением открытого информационного пространства само понятие «этническая общность» приобретает весьма условный характер. Институты поддержки этнической идентичности становятся неформальными и автономными, так как этнические сети для поддержания своего существования в отличие от собственно этносов не нуждаются в каком-либо едином организующем центре [3: с. 180].

Катализатором сетевой коммуникации в этническом и межэтническом взаимодействии стала глобализация миграционных процессов, обусловившая перемещение значительных масс населения. В связи с этим получил дальнейшее развитие

феномен диаспор. Вследствие миграционной природы своего образования диаспоры обладают повышенными по сравнению с другими типами этнических общностей адаптивными свойствами, которые могут способствовать как кросскультурной коммуникации, приводящей к интеграции в «принимающее общество», так и мобилизации идентичности в инокультурном социуме, чреватой сепарацией и обособлением. Поскольку они являются социальными общностями, чья идентичность не имеет привязки к конкретным национально-территориальным образованиям, то можно полагать, что явление диаспоральности приобрело транснациональный характер. Транснациональность диаспор определяет их отличие от других форм этнической субъектности. Так, по мнению Г. Шеффера, большинство диаспор пытается создать и сохранить тщательно разработанную сеть добровольных организаций, которые могут дополнить государственные организации в принимающей стране. Общинные организации диаспор функционируют внутри принимающей страны и на уровне зарубежной деятельности в интересах страны исхода и других общин своей диаспоры. Таким образом, сеть общинных организаций является результатом процессов этнополитического самоопределения и институционализации [7].

Именно наличие сетевой организации и самоорганизации диаспоральных сообществ и институтов позволяет говорить о «пространстве диаспоры». С этим согласуется и мнение С.К. Бондыревой и Д.В. Колесова о том, что «Диаспора – весьма гибкая миграционная структура, участники которой способны успешно взаимодействовать на расстоянии и особенно хорошо научились использовать виртуальное пространство» [1: с. 57–58]. Диаспоральное пространство включает в себя:

1) трансграничность как состояние пространственной мобильности, обусловленное повышенной мотивацией к различным формам пересечения национально-государственных границ и проживания за их пределами;

2) этнокультурную и межстрановую коммуникацию (этнические сети, объединяющие общины диаспор между собой, а также со странами исхода).

С полным основанием можно полагать, что это пространство является как собственно социально-структурным, так и открытым информационным, поскольку поддержание институтов идентичности не требует обязательного реального перемещения и территориальной привязки. Поскольку в сетевом обществе идут процессы наращивания объемов информации и ее доставки посредством СМИ во

все его сегменты, происходит интенсивное использование и разработка языка символов, брендов и ярлыков, что не может не проявиться и в этнической коммуникации, направленной нередко не на рациональное осмысление, а на внушение устойчивых значений и смыслов этнической идентичности. Процессы ее символизации предполагают использование социальных сетей как эффективного механизма для массового распространения в открытом информационном пространстве различных представлений, образов, символов, ценностей с целью сетевой этнической мобилизации.

Таким образом, этничность как социальный феномен, продолжая свое реальное «физическое» существование, трансформируется и в формы медийного бытия. Между тем реальное «физическое» существование этноса предполагает его бытие как некоей социальной структуры. Медийное же его бытие – это бытие сети. А, как справедливо полагает Л.В. Сморгун, «Сети и структуры – это различные феномены» [4: с. 69]. Он обращает внимание на то, что «структуры и сети отличаются по составу, т.е. в структурах действуют агенты, значение которых определяется их вполне определенным положением. При этом агенты и их отношения разделены, действует принцип приоритета отношений над агентами. В сетях каждый элемент является действующим лицом (актером) и без активности в сетях не может подтвердить свое положение. По сути, актер в сети является соотносимым с другими актерами посредством своей деятельности и рассматривается в единстве с отношениями» [4: с. 70].

Если применить подход Л.В. Сморгунова к рассмотрению трансформации феномена этничности, то можно выделить следующие моменты.

1. Можно полагать, что присущий этносу как социальной структуре функциональный характер отношений обуславливает цели и задачи члена этнической общности, тогда как коммуникационный характер отношений в сетях не определяет обязательное выполнение определенной структурной задачи этническим индивидом.

2. Процессы внутриэтнического общения на структурном уровне основаны на принципе передачи предписаний и получения отклика на них, тогда как заинтересованность актора сети во взаимодействии определяется наличием разнообразных ресурсов, которыми он обменивается с другими актерами для решения общих и частных задач.

3. Инструментальность отношений в этнической структуре основана на исторически сложившихся ценностях, нормах и моделях поведения, и одни члены этнической общности ожидают от других

выполнения этих предписаний. Взаимность же в сетях определяется условиями вхождения в сети. Если этносети фиксируют принадлежность к ним, то этноструктуры фиксируют включенность/исключение. Включенность означает соответствие норме. Исключение применяется в случае несоответствия ей.

4. Определенный и устойчивый порядок в рамках этнической общности на структурном уровне обеспечивается на основе функциональной необходимости, когда каждый элемент функционально целесообразен. В сетях же неустойчивость и неопределенность перманентно возникают вследствие их нахождения в открытом информационном пространстве и постоянно изменяющихся случайных конфигураций.

И наконец, структура пытается оформить целое через тоталитаризацию своих элементов, сети отдают приоритет многообразию и возникновению единства без тоталитаризации [4: с. 70–71].

Трансформация этноса из структуры в сети не приводит к угасанию этнической идентичности и в общем и целом способствует выживанию этноса в условиях глобализации. Как справедливо полагает А.В. Назарчук, «...этнические сети позволяют этносу сохранять свою культурную идентичность, не растрачивать символический капитал, репрезентировать свое глобальное национальное присутствие в мире». Более того, «этнические сети ... позволяют ... с большей эффективностью противодействовать процессам интеграции и этнической диффузии...» [3: с. 178]. С другой стороны, универсализация кросскультурной коммуникации, интенсификация внутриэтнической и межэтнической коммуникации естественным образом приводят к усилению глобального присутствия и доминирования одних этнических общностей и ослаблению и, возможно, даже исчезновению других. «Унификация, в том числе и языковая, является одной из важных черт глобализации», и подтверждается это тем, что «в наше время ежедневно в мире исчезает семь языков малых народов, а уже сейчас более 80 % человечества говорит на семи наиболее распространенных языках» [3: с. 180]. В связи с вышеизложенным можно отметить, что трансформация феномена этничности в условиях открытого информационного пространства есть проявление глобального противоречия между интенсификацией транснациональной, кросскультурной коммуникации и стремлениями (установками) к определению идентичности, самоидентификации.

Изменение этничности как социального феномена не может не влиять на политические процессы в современном глобализирующемся мире.

В условиях расширения информационной открытости формируются предпосылки институционализации массовой этнической политики посредством виртуальной структуризации по группам и сообществам. В рамках сети складывается определенный тип связей между этническими индивидами и сообществами. Социально-сетевая структура может стать структурой этнополитической, приобретая такие признаки, как:

- 1) более тесное взаимодействие одних акторов по сравнению с другими;
- 2) иерархия акторов, имеющая тенденцию к образованию этнополитического ядра;
- 3) объединения индивидов на уровне горизонтальных сетей на основе их общих этнополитических ценностей и представлений.

При этом в ситуациях монополитизации информационно-технологических ресурсов управления коммуникацией этнополитические элиты и группы влияния могут продвигать в информационное пространство и популяризировать этнополитические взгляды и смысловые конструкции, объективно противоречащие интересам неэлитных масс. Между тем далеко не всегда этнические сети вызывают распространение политической идеологии национализма. Как полагает А.В. Назарчук, «...формирование этнических сетей имеет не так много общего с ростом и активизацией национализма, хотя, разумеется, следствием роста национализма должна быть активизация внутриэтнической коммуникации» [3: с. 179]. Национализм этнического толка, в отличие от гражданского национализма, который базируется на приверженности ценностям гражданской нации, национального государства, апеллирует к естественным для этнического сознания чувствам, настроениям, представлениям. Однако при этом в рамках этнонационалистической идеологии происходит их трансформация в направлении ксенофобии, изоляционизма и сегрегации. Как феномен массовой политики «идейный продукт» этнического национализма «разливается» по социальным сетям в виде различных сведений и данных, основное содержание которых составляют стереотипные оценки и суждения, ориентирующие на негативное отношение к представителям иных этносов и культур.

Однако, как справедливо отмечает Л.В. Сморгун, следует обозначить в качестве еще одного важного измерения глобализации, возникающей в сетевом обществе, национализм космополитический. В отличие от этнического национализма, характеризующегося закрытостью и жесткой идентификацией, космополитический национализм вы-

ставляет национальную особенность как глобально значимую и ценную, при этом не противопоставляя один вид такого национализма другому. В условиях глобализации немаловажное значение приобретают факторы духовного развития – знания, культура, национально-этническая специфика. Несмотря на то, что попытки решения этой проблемы нередко проявляются в радикальных формах национализма и культурной исключительности, интенсивный поиск духовной самобытности вовсе не сводится к этой архаике. По мнению Л.В. Сморгунова, наблюдается рост понимания «значимости культурного разнообразия и национальной идентичности в качестве не только ресурса, но и цели общественного развития». На смену универсальному прагматизму XX в., сделавшему ставку на рационализм технического детерминизма, приходит более привлекательное умонастроение, в котором развитие не выступает самоцелью, а становится инструментом для национального прогресса [4: с. 67–68].

Таким образом, при условии интеграции ценностей существования с сохранением этнических разделений и различий в систему космополитического национализма вполне возможно продуктивно разрешать противоречие между глобальностью современного общества и локальностью множеств и групп. Однако трансформация этничности в условиях открытого информационного пространства мультиплицирует формы сложного сетевого взаимодействия между различными акторами, имеющими разнообразный коммуникативно-ценностный потенциал. Именно поэтому противостояние нивелированию различий и гомогенизации не должно противоречить ценностям совместного существования в рамках полиэтничного многообразного общества, базирующегося на принципах совместного общественно-политического участия и управления.

Итак, развитие феномена этничности, несомненно, приобретает в современных условиях принципиально иные, чем ранее, характер и направленность, проявляясь в новых структурных, коммуникационных и институциональных формах. При этом трансформация социальной субъектности этноса, социальной «ткани» этничности не дает пока оснований полагать, что происходят процессы угасания этнической идентификации и этнического взаимодействия. Более того, этническая идентичность является весьма эффективной основой и механизмом формирования сетевой коммуникации и образования коммуникативных полей. Однако в силу различий в темпах интенсификации сетевой и коммуникационной структуры с применением ин-

формационно-цифровых технологий происходит усиление доминирования в информационном пространстве одних этнических общностей и ослабление присутствия других. В более широком плане трансформацию этничности в открытом информа-

ционном пространстве следует рассматривать как превращенную форму глобального противоречия между транснациональностью, кросскультурностью, с одной стороны, и потребностью в идентификации, культурном многообразии, с другой.

Список источников

1. Бондырева С.К., Колесов Д.В. Миграция (сущность и явление). Москва : Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж : НПО «МОДЭК», 2004. 296 с.
2. Ким А.С. Этнополитическая конфликтология современных диаспор. Методология, теория, регионалистика : монография / под науч. ред. И.Ф. Ярулина. Хабаровск : Изд-во Тихоокеанского государственного университета, 2011. 336 с.
3. Назарчук А.В. Глобальное общество и этнические сети // Этнос, нация, ценности: социально-философские исследования / науч. ред. К.Х. Момджян, А.Ю. Антоновский. Москва : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2015. С. 174–180.
4. Сморгун Л.В. Трансформация политического в сетевом пространстве // Российская политическая наука: идеи, концепции, методы : научное издание / под ред. Л.В. Сморгунова. Москва : Аспект Пресс, 2015. С. 63–76.
5. Connor W. A nation is a nation, is a state, is an ethnic group, is a ... // Ethnic and Racial Studies. 1978. Vol. 1, № 3. P. 377–400.
6. Connor W. Nation-building or nation-destroying? // World Politics. 1972. Vol. 24, № 3. P. 319–355.
7. Sheffer G. Ethnic Diasporas: A Threat to their Hosts? // International Migration and Security. Boulder G. :Westview Press, San-Francisco, Oxford, 1993. P. 263–287.

References

1. Bondyeva S.K. Kolesov D.V. *Migraciya (sushhnost` i yavlenie)* [Migration (essence and phenomenon)]. M.: Publishing House of the Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh: NPO "MODEK", 2004. 296 p.
2. Kim, A.S. *E'tnopoliticheskaya konfliktologiya sovremennyx diaspor. Metodologiya, teoriya, regionalistika : monografiya* [Ethnopolitical conflictology of modern diasporas. Methodology, theory, regional studies: monograph] / under scientific ed. I.F. Yarulina. Khabarovsk: Publishing House of the Pacific State University, 2011. 336 p.
3. Nazarchuk A.V. *Global'noe obshchestvo i e'tnicheskie seti* [Global society and ethnic networks] // Ethnos, nation, values: socio-philosophical research / scientific. ed. K.Kh. Momdzhyan, A.Yu. Antonovsky. M. : Kanon +, ROOOI "Rehabilitation", 2015. S. 174–180.
4. Smorgunov, L.V. *Transformaciya politicheskogo v setevom prostranstve* [Transformation of the political in the network space] // Russian political science: ideas, concepts, methods: scientific edition / ed. L.V. Smorgunov. M. : Aspect Press, 2015. S. 63–76.
5. Connor W. A nation is a nation, is a state, is an ethnic group, is a ... // Ethnic and Racial Studies. 1978. Vol. 1. № 3. P. 377–400.
6. Connor, W. Nation-building or nation-destroying? // World Politics. 1972. Vol. 24. № 3. P. 319–355.
7. Sheffer, G. Ethnic Diasporas: A Threat to their Hosts? // International Migration and Security. Boulder G. : Westview Press, San-Francisco, Oxford, 1993. P. 263–287.

Информация об авторах

А.С. Ким – доктор политических наук, доцент;
Е.Ю. Довгополов – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

A.S. Kim – Doctor of Political Sciences, Associate Professor;
E.Y. Dovgopopolov – Candidate of Law Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.02.2023; одобрена после рецензирования 17.03.2023; принята к публикации 24.03.2023.
The article was submitted 28.02.2023; approved after reviewing 17.03.2023; accepted for publication 24.03.2023.

Научная статья

УДК 316.722:316.4(518)

doi:10.31079/1992-2868-2023-20-2-38-42

МЕХАНИЗМ СОХРАНЕНИЯ РУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭМИГРАНТСКОЙ СРЕДЕ СЕВЕРО-ВОСТОКА КИТАЯ

Антон Михайлович Ковальчук¹, Михаил Александрович Ковальчук², Евгения Михайловна Самсонова³

¹Дальневосточный художественный музей, Хабаровск, Россия, mnbr88@mail.ru

²Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия, ma_kov@bk.ru

³Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, 003804@pnu.edu.ru

Аннотация. В данной статье авторы попытались выявить механизм сохранения этнокультурной идентичности русских эмигрантов, оказавшихся в Китае, точнее в Маньчжурии после революции и Гражданской войны. Материалом для нее послужила реклама, опубликованная на страницах газет «Заря» и «Рупор», наиболее популярных в эмигрантской среде в 1920–1930-х гг.

Ключевые слова: идентичность, идеальное/материальное, образы, мифы, реклама, русский эмигрантский рекламный стиль

Original article

THE MECHANISM FOR PRESERVING THE RUSSIAN IDENTITY IN THE ÉMIGRÉ ENVIRONMENT OF NORTHEAST CHINA

Anton M. Kovalchuk¹, Mikhail A. Kovalchuk², Evgenia M. Samsonova³

¹Far Eastern Art Museum, Khabarovsk, Russia, mnbr88@mail.ru

²Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia, ma_kov@bk.ru

³Pacific National University, Khabarovsk, Russia, 003804@pnu.edu.ru

Abstract. In this article, the authors tried to identify the mechanism for preserving the ethno-cultural identity of Russian emigrants who found themselves in China, more precisely in Manchuria after the revolution and civil war. The article is based on an advertisement published on the pages of the newspapers "Zarya" and "Rupor" which were the most popular among the émigrés in the 1920s and 1930s.

Keywords: identity, ideal/material, images, myths, advertising, Russian émigré advertising style

Русская диаспора в Китае – явление в определенном смысле уникальное. В отличие от других регионов мира, где существовали диаспоры русских, насчитывавшие сотни тысяч наших соотечественников, здесь сохранялась русская культура во всем ее многообразии. Работали фирмы и предприятия, существовали сельскохозяйственные районы, где было исключительно русское земледелие. Выходили десятки газет, журналов, в том числе рассчитанных на юного читателя. Издавались книги на русском языке. В литературных объединениях кипела творческая жизнь. Существовали русские учебные заведения, от средних школ до вузов. Характерно, что если русским эмигрантам в Западной Европе удавалось сохранить собственную языковую среду только в первом поколении, то на Северо-Востоке Китая она сохранилась вплоть до их возвращения на историческую Родину.

Этот исторический факт находится в фокусе внимания современных отечественных исследователей. Опыт русской диаспоры 1920–1940-х гг. в Китае, сохранившей свою национальную идентичность, внесшей вклад в развитие русской и китайской культуры, не только уникален, познавателен, но и крайне актуален. Русские, при всей незначительности своей диаспоры, смогли не только сохранить, но и развить лучшие черты национальной культуры во всем, включая даже такую специфически утилитарную ее сферу, как реклама.

Вектор поступательного развития культуры, идентифицирующей себя в инокультурном окружении, не предопределен. Не исключено было и мгновенное (в историческом измерении) растворение русских, потерявших свою национальную идентичность, в инациональной среде. Под идентичностью мы понимаем соотношение инди-

вида с какой-либо общностью – этнической, профессиональной, возрастной и т.д. [9: р. 71]. В данной публикации рассматривается этническая идентичность, которая так или иначе объективизируется, и не только через употребление русского языка или православную веру и воцерковленность, но и через активную творческую деятельность, что мы наблюдаем в русской эмигрантской среде в Маньчжурии в 20–30-е гг. прошлого столетия. Идентичность можно представить как некое единство идеального (идеи, представления, образы и т.д.) и материального, т.е. того, что воплощается, в том числе, и в творениях рук человеческих. В категориях диалектики Гегеля первое – идеальное – выступает как НИЧТО, второе – как НЕЧТО [1: с. 131]. При этом надо полагать, что и то и другое за давностью лет может кануть в Лету, раствориться в небытии. Однако в нашем распоряжении имеется несколько десятков подшивок эмигрантских газет «Заря» и «Рупор», вышедших тысячными тиражами и хранящимися ныне в Хабаровском госархиве. Особый интерес ввиду большого массива отдельных образцов представляет русская реклама, публикуемая на страницах этих изданий. Помимо репрезентации наиболее массовых товаров, изготавливаемых русскими эмигрантскими фирмами (чай, мыло, табак), эти графические рисунки ретранслировали определенные идеи и смыслы. Большая масса художественных артефактов (нами вычленено более 2 тыс. образцов художественной рекламы) позволяет представить диалектику взаимодействия идеального и материального как механизм воспроизводства русской идентичности в иноязычной эмигрантской среде.

Важно не только благоприятное стечение обстоятельств, но также целеполагание, которое, как точка притяжения (аттрактор), определяло траектории развития русского зарубежья. Это образ Родины – России, куда эмигранты полагали непременно вернуться. Эта «точка притяжения», «область порядка» в беспорядочном и хаотичном мире эмиграции воплотилась в соответствующих рекламных образах, отразивших разный уровень понимания этой центральной идеи. Мы полагаем, что на макроуровне – это образ храма – образное воплощение Святой Руси (рис. 1). На микроуровне – это образы «чудаков», изображенных в рекламе, относящейся к русскому эмигрантскому стилю. Сам этот стиль легко узнаваем, вполне оригинален и характеризуется апелляцией к русским литературным и художественным образам (рис. 2), преобладанием линии над цветным пятном и тенью, лаконичностью текста, сюжетностью, деликатным об-

ращением к высшим ценностям [3: с. 175]. Примечательно, что именно «чудаки» олицетворяют необычную святость истинно русского человека, «загадочность русской души», недоступной для понимания иностранцев (рис. 3).

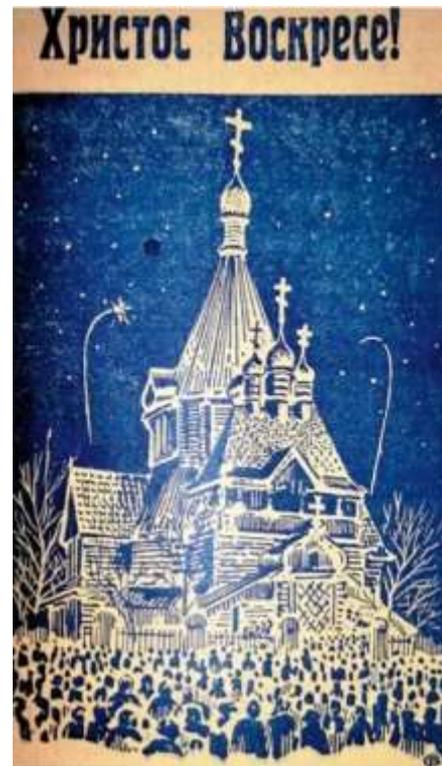


Рис. 1. Изображение Свято-Николаевского собора, воспроизводимого в рекламной продукции Орлова Л.Н. как образ Святой Руси



Рис. 2. Образец рекламы, отсылающей к картинам Кустодиева



Рис. 3. Образы «чужаков»
в русской эмигрантской рекламе

То, к чему стремились русские люди за рубежом (аттрактор), – к матушке-России, интеллектуально осознавалось ими, было страстно желаемо и эмоционально переживаемо. Таким образом воедино сливались интеллектуальный, волевой и, главное, эмоциональный моменты. Если про русских эмигрантов первой волны мы можем точно сказать, что они ставили такую задачу – непременно вернуться на Родину, то последующие их поколения такой цели не преследовали. Вторые, как правило, быстрее адаптировались к новой ситуации, но и быстрее теряли свой язык, а их дети растворялись в иноязычной среде.

Устремленность к матушке-России была неосознанной проекцией всеобщей метамифологемы о «потерянном рае», восходящей к ветхозаветным преданиям. Эту мыслительную идеальную конструкцию можно назвать НИЧТО первого порядка, т.е. высшей идеей, стоящей над разумом. Проекцией метамифологемы в русском сознании, на наш взгляд, тогда являлась мифологема о скором падении антихриста (власти советов) в матушке-России. При этом важна темпоральность переживания, т.е. вера не только в неизбежное, но и скорое падение. Хотя в 20–30-е гг. XX в. позиции СССР год от года укреплялись, но многие эмигранты находились в плену своих фантазий. Возникло идеальное представление (НИЧТО) второго порядка, в отличие от первого имевшее привязку к отдаленно связанному с русской действительностью.

Следующая стадия превращения НЕЧТО в НИЧТО – стадия творения мифов как образов архетипического, в которых в снятом виде моделируется поведение человека и его отношение к окружающему миру. Мы назвали это НИЧТО третьего по-

рядка как произвольное от первых двух. Большое место в самой рекламе занимают символы. Центральный символ, который был отображен в русской зарубежной рекламе, – это символ «Святой Руси». Он, в свою очередь, тесно связан с такими понятиями-символами, как соборность и духовность, соответственно также «переведенных» на язык рекламы. Сам по себе символ наделен множеством смыслов, т.е. ассоциативных восприятий (НИЧТО), но воплощены они в соответственные зрительные образы (НЕЧТО). Таким образом, в нашей схеме мы представляем эту стадию перехода небытия в бытие как НИЧТО-НЕЧТО первого порядка. Мы имеем дело с устойчивыми символами, относящимися, прежде всего, к этнической и религиозной идентичности русских.

НИЧТО-НЕЧТО второго порядка – это символика, т.е. возведенные в ранг символов ранее обычные предметы, смысл которых был тождественен им самим. Здесь есть элемент случайности (время) и ситуационности (место).

К тому же символика обыденного – товара (вещи необходимой или так представляемой) – функция рекламы. Смыслообразование представляется Ю.М. Лотманом как вхождение того или иного образа в меняющуюся культурную среду (семносферу). В ней, по мнению некоторых исследователей, происходит наполнение его – символа культурными смыслами [7: с. 191–204], содержание которых в конечном итоге (на «выходе») непредсказуемо [3: с. 22]. Отличительная особенность рекламного образа заключается в том, что он накрепко связан утилитарным свойством рекламы. Однако это свойство рекламы кратковременно, тогда как эстетическая сторона запоминается надолго.

Такая трактовка рекламы всецело относится к нашему времени. Тем не менее полагаем, что в «переломные» периоды развития зарубежной русской культуры, когда решалась ее судьба и требовалась мобилизация ее самоорганизующей способности, реклама поднялась до высот стилистической оригинальности. За стилем всегда стоит творческая личность, которая «прорывается из безвременья», не желая оставаться безымянной. Поэтому нам и известно имя создателя эмигрантского рекламного стиля Л.П. Орлова, который в отличие от большинства своих коллег-художников подписывал рекламные произведения*.

* Нами выявлено более 60 образцов рекламы, опубликованной в харбинских газетах «Рупор» и «Заря», подписанных Л.П. Орловым, который позиционировал себя и как карикатурист, и как просто художник [5: с. 16–98].

Знаки (визуальные, вербальные) трактуются нами как НЕЧТО-НИЧТО первого порядка, так как они, с одной стороны, будучи обозначающим, объективизируются вовне человеческих представлений, репрезентируя означаемое (материальный предмет или какой-то смысл). С другой стороны, знак по возможности максимально конвенционален, т.е. его смысл (идея) специально оговорен, с тем чтобы в отличие от символа достичь максимальной определенности.

Знаки в бесконечном сочетании порождают тексты. Это – НЕЧТО-НИЧТО второго порядка. Следует напомнить, что если «внешняя» видимая часть текста рекламы, будучи диалогичной, вариативна, то «внутренний» смысл её незатейливо однозначен и монологичен – «купите этот товар». Однако следует уточнить, что эмигрантская реклама в своем подтексте, адресованном русскому покупателю (реципиенту), ставила точные акценты: купите у нас, купите *наш* товар. Это ярко проявляется в национально идентифицированной рекламе.

Совокупность знаков и символов порождает рекламную реальность. Это уже НЕЧТО – зримое и значительное в эмигрантской среде, имеющее материальный статус, оказывающее активное воздействие на окружающую действительность, материализующее не только утилитарный смысл рекламы, но и те идеи, которые были заложены в ней изначально. Таким образом, круг замкнулся, что и представлено нами схематически (рис. 4).

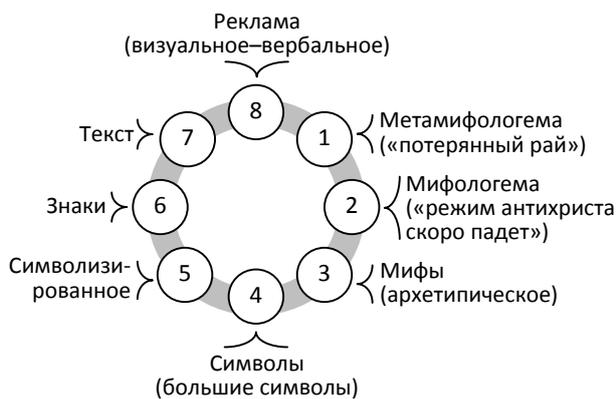


Рис. 4. Метаморфоза идеального (НИЧТО) в материальное (НЕЧТО) в рекламе (на материалах рекламы русского зарубежья в Китае)

На процесс превращения НЕЧТО (материальное) в НИЧТО (идеальное) и наоборот можно и нужно смотреть и как на парное соотношение категорий должного/сущего. В контексте нашего исследования должное выступает в виде таких понятий, как СВЯТАЯ РУСЬ, ДУХОВНОСТЬ, СОБОРНОСТЬ. Это,

можно сказать, идеалы, т.е. образцы, нормы, идеи, определяющие способ и характер поведения человека. В качестве всеобщей формы целеполагающей деятельности идеал выступает во всех областях жизни человека [2: с. 74]. Но если должное дается человеку в культуре, в теоретических и религиозных исканиях, то сущее – повседневная реальность, постигаемая, перво-наперво, опытом. Должное соотносится с НИЧТО, ИДЕАЛЬНЫМ, ИДЕЕЙ, сущее – с НЕЧТО, МАТЕРИАЛЬНЫМ, РЕАЛЬНЫМ.

В традиционном мышлении должное императивно, стоит над здравым смыслом, априорно, но при этом истинно прекрасно. Тогда как сущее – безобразно, не истинно, несовершенно. Бинарность мышления чревата внутренним конфликтом, дискомфортом. Реальность – это то, от чего человеку не уйти так же, как и от необходимости все время соотносить между собой должное (идеальное) и сущее (реальное).

Сущее – это данность, а не недоразумение: не хорошая, не плохая, а такая, какая есть. Поэтому, как полагают некоторые маститые культурологи, нужно освободиться от утопии, идеалом мерить должное в реальном, а не в абстрактном измерении [8: с. 117–119]. Все это так, но традиционно православие в России «завышает планку». Идеалом у него выступает не больше и не меньше как «СВЯТАЯ РУСЬ». Обращение к высшему идеалу (должному) не есть пустая и глупая отвлеченность на недостижимое. Это – практическая необходимость, позволившая русской культуре в условиях полной угрозы растворения в иноязычной среде сохраниться, генерировать и передавать новые смыслы.

По мнению отечественного мыслителя Э.В. Ильенкова, реальное движение вызывает реальные же противоречия и направляется на их разрешение путем действий и установления нового состояния, в результате чего прежние противоречия «снимаются». Это новое состояние и есть тот образ, который называется идеалом. В мышлении он возникает раньше, чем противоречия будут решены реально, т.е. раньше его собственного предметного воплощения. Возникает парадокс – образ возникает раньше, чем предмет, который он отражает [2: с. 80]. Однако стремление к такому образу-идеалу – стержень развития русского общества, культуры русского народа, наполненного духовностью. Именно он – образ-идеал, в основе которого лежит представление о СВЯТОЙ РУСИ как земном, но одновременно сакральном представлении о сущем. Именно это является своеобразным стержнем – аттрактором – «порядком в хаосе», консолидирующим русскую этнокультурную общность.

Русская эмигрантская реклама отразила и состояние русской культуры за рубежом в первые два десятилетия ее существования, став одним из факторов ее самоорганизации и выхода из хаоса, когда составляющие ее элементы были не взаимосвязаны и находились под угрозой энтропии, т.е. растворения в инокультурной среде. В самой русской эмигрантской культуре таким самоорганизующим фактором стала идея «Святой Руси», а в русской рекламе Китая – русский эмигрантский рекламный стиль. Оба аттрактора разноуровневые, но взаимосвязаны

между собой и представляют проявление одного – способности культуры при определенных стечениях обстоятельств к самоорганизации.

Итак, механизм самоорганизации культуры представляется нам последовательной метаморфозой перехода идеального – НИЧТО в НЕЧТО через ряд промежуточных этапов, когда высокие идеи превращаются в реальный творческий продукт, в нашем случае стилистически окрашенную рекламу, подымающуюся до высот подлинного искусства.

Список источников

1. Гегель Г. Наука логики. В 3 т. Т. 1. Москва : Мысль, 1970. 501 с.
2. Ильенков Э.В. Истоки мышления; Диалектика мышления. Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 296 с.
3. Кашеварова Л.Н. Культурные смыслы рекламы : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тюмень, 2011. 24 с.
4. Ковальчук А.М., Ковальчук М.А. Реклама русского зарубежья в Китае (1017–1939) – фактор сохранения и развития русской культуры в цивилизационном дискурсе «Запад–Восток». Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2016. 194 с.
5. Ковальчук А.М. Творчество русского художника-эмигранта Л.Н. Орлова. Хабаровск : Форпост науки, 2022. 152 с.
6. Кочетков В.В. Национальная и этническая идентичность в современном мире // Вестник Московского университета. 2012. № 2. С. 144–161. (Сер. 18. Социология и политология).
7. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. Москва : Гнозис ; Издательская группа «Прогресс», 1992. 272 с.
8. Яковенко И.Г. Познание России: цивилизационный анализ. Москва : РОССПЭН, 2012. С. 117–199.
9. Bloom W. Personal identity, national identity and international relations. Cambridge, 1996. 208 p.

References

1. Gegeľ G. *Nauka logiki* [The science of logic] In 3 t. T. 1. M.: Mysl', 1970. 501 p.
2. Il'enkov Je.V. *Istoki myshlenija; Dialektika myshlenija* [The origins of thinking; The dialectic of thinking]. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2010. 296 p.
3. Kashevarova L.N. *Kul'turnye smysly reklamy* [Cultural meanings of advertising]. Avtoref. dis. ... kand. filoz. nauk. Tjumen', 2011. 24 p.
4. Koval'chuk A.M., Koval'chuk M.A. *Reklama russkogo zarubezh'ja v Kitae (1017-1939) – faktor sohraneniya i razvitiya russkoj kul'tury v civilizacionnom diskurse «Zapad-Vostok»* [Russian Russian Abroad advertising in China (1017-1939) – a factor of preservation and development of Russian culture in the civilizational discourse "West-East"]. Khabarovsk: DVGUPS, 2016. 194 s.
5. Koval'chuk A.M. *Tvorchestvo russkogo hudozhnika-jemigranta L.N. Orlova* [The work of the Russian emigrant artist L.N. Orlov]. Khabarovsk: Forpost nauki, 2022. 152 p.
6. Kochetkov V.V. *Nacional'naja i jetnicheskaja identichnost' v sovremennom mire* [National and ethnic identity in the modern world] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sociologija i politologija. 2012. № 2. Pp. 144–161.
7. Lotman Ju.M. *Kul'tura i vzryv* [Culture and Explosion]. M.: Gnozis; Izdatel'skaja grupa «Progress», 1992. 272 p.
8. Jakovenko I.G. *Poznanie Rossii: civilizacionnyj analiz* [Cognition of Russia: civilizational analysis]. M.: ROSSPJeN, 2012. Pp. 117–199.
9. Bloom W. Personal identity, national identity and international relations. Cambridge, 1996. 208 p.

Информация об авторах

А.М. Ковальчук – кандидат культурологии;
 М.А. Ковальчук – доктор исторических наук;
 Е.М. Самсонова – кандидат социологических наук.

Information about the authors

A.M. Kovalchuk – Candidate of Cultural Studies;
 M.A. Kovalchuk – Doctor of Historical Sciences;
 E.M. Samsonova – Candidate of Sociological Sciences.

Статья поступила в редакцию 02.03.2023; одобрена после рецензирования 17.03.2023; принята к публикации 24.03.2023.
 The article was submitted 02.03.2023; approved after reviewing 17.03.2023; accepted for publication 24.03.2023.

Научная статья
УДК 316.722:257.7
doi:10.31079/1992-2868-2023-20-2-43-47

СЛАВЯНСКАЯ И РУССКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПОНИМАНИИ К.Н. ЛЕОНТЬЕВА

Ли Пин

Хулунбуирский университет, Хайлар, Китай, najiali@qq.com

Аннотация. Рассматриваются отличия взгляда К.Н. Леонтьева на славянскую и русскую культурную идентичность в контексте его религиозно-философского эстетизма. Леонтьев утверждал, что славянский культурный тип превратился в иллюзию «славизма», находится в сильной зависимости от романо-германского типа, причём эта зависимость лишь усиливается, и русская цивилизация для собственного сохранения должна отвергнуть славянский культурный тип в его реальном историческом существовании. Показана идейная связь социального учения Леонтьева с евразийством, его концепцией «континентальной солидарности» народов Центральной и Восточной Азии.

Ключевые слова: консерватизм, византизм, славянский тип, руссизм, церковность, религиозный провиденциализм

Original article

SLAVIC AND RUSSIAN CULTURAL IDENTITY AS UNDERSTOOD BY K.N. LEONTYEV

Lee Ping

Hulunbuir University, Hailar, China, najiali@qq.com

Abstract. The differences between K.N. Leontyev's view on Slavic and Russian cultural identity in the context of his religious and philosophical aestheticism are considered. Leontyev argued that the Slavic cultural type turned into the illusion of "Slavism," is strongly dependent on the Romano-Germanic type, and this dependence is only intensified and the Russian civilization for its own preservation should reject the Slavic cultural type in its real historical existence. The ideological connection of Leontyev's social teaching with Eurasianism, his concept of "continental solidarity" of the peoples of Central and East Asia, is shown.

Keywords: conservatism, Byzantism, Slavic type, Russism, ecclesiasticism, religious providentialism

Выдающийся русский мыслитель, дипломат и публицист Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891), получивший от младших современников прозвище «русский Ницше», своим «эстетическим пониманием истории» открыл новую станицу русского социально-философского консерватизма, который до того времени часто выглядел негибким, не принимавшим во внимание как реалии пореформенной России, так и цивилизационные и культурно-общественные изменения по периметру российских границ, особенно на Юго-Востоке Европы. Как писал по этому поводу современный российский историк философии М.А. Маслин, «Леонтьев в качестве дипломата выступил "в нужное время и в нужном месте", а в качестве мыслителя-консерватора проявил себя весьма творчески, сумев преодолеть штампы и предубеждения прежнего охранительства» [7: с. 216]. Изучение наследия К.Н. Леонтьева как раз позволит адекватно оценивать происходящие социальные и культурные процессы в России и вокруг неё, поможет сформировать правильную на

них реакцию, будет способствовать преодолению иллюзий и заблуждений в российском общественном сознании. Одновременно знакомство с «византизмом» Леонтьева позволит и иностранным исследователям понять и осмыслить специфику российской цивилизационной идентичности. Не случайно Леонтьева называют прямым предшественником русского классического евразийства 1920–30-х гг., с его идеей «континентальной солидарности» России и государств и народов Центральной и Восточной Азии. По словам исследовательницы Т.В. Померанской, «...увидеть в леонтьевских футурологических концепциях зерно истины стало возможным лишь потомкам, пережившим лихолетья нравственных и не только нравственных утрат глобального свойства» [9: с. 126]. На поразительные по своей точности предсказания автора «эстетического понимания истории» указывал и Санкт-Петербургский историк философии А.А. Корольков в своей книге с примечательным названием «Пророчества К.Н. Леонтьева» [2: с. 3–12].

Весьма интересен воистину пророческий взгляд Леонтьева на исторические судьбы славянских народов, что сопровождалось у него оценкой культурно-исторической миссии каждого из этих народов. В публикациях о наследии К.Н. Леонтьева в последние годы много внимания уделяется как раз отношению Леонтьева к «славянскому вопросу» в контексте его «византизма» [1: с. 259].

В силу того, что романо-германский мир, по его мнению, израсходовал запас творческих сил, выполнил свою историческую миссию, определённый шанс реализовать себя в истории имеется и у славянских народов. Впрочем, сам Леонтьев невысоко оценивал потенциал культурного творчества и сохранения самобытности славянских народов. «Славизм» как культурный принцип есть в его понимании нечто неопределённое и расплывчатое, он есть, как отмечал Леонтьев, «загадка» [3: с. 113]. Данный феномен есть явление почти только лишь «этнографическое», а вовсе не историческое, в нём вовсе нет совокупности принципов и идей религиозных, художественных, юридических, которые развили бы самобытную и оригинальную культуру. Подобного рода идей в славянстве нет, а потому нет и «славизма» как реального культурного принципа. Какая-либо славянская самобытность и оригинальность подавлена влиянием других народов или, возможно, она ещё не проявилась и незримо содержится в аморфной массе «племенного славянства» [3: с. 168]. Что бы мы ни думали, но мир совсем не знает самобытной и оригинальной славянской культуры. Славянство есть, но нет «славизма» [3: с. 169]. Леонтьев убеждён в том, что «чисто славянского, совершенно своеобразного – ничего до сих пор у славян не было» [3: с. 113]. Химера «всеславянства» для него – это какая-то аморфная, неорганизованная масса, которая в зависимости от обстоятельств и внешних условий может обрести самые разнообразные очертания и фигуры [3: с. 385]. И этому факту Леонтьев находит объяснения. Он указывает, что в силу естественных причин славянский мир подпал под влияние европейских народов как политически более опытных и культурно развитых, т.е. более зрелых. Европа, как он считает, передаёт славянам все свои слабости, вызванные процессами вторичного смешения и ассимиляции, и все эти «болезни» эгалитарного прогресса и земного материального благополучия перешли и к славянским народам. Будучи политически незрелыми и неокрепшими, они изменили принципам собственной жизни и потянулись за сомнительными перспективами всеобщей уравнительности и утилитарного счастья. Естественный

рост самобытных сил был остановлен, заимствованные же идеи и политические и общественно-культурные институты вместо желанного и страстно ожидаемого мира благополучия породили лишь дисгармонию и расстройство. Получилась для Леонтьева прискорбная ситуация у целого культурного мира, который оставил свою родную почву и живёт по идеям и принципам, чуждым народному духу и природным склонностям. Всё в этой картине неестественно и непрочно, славянские народы, воспитанные под влиянием народов Западной Европы, ничего не могут дать миру, кроме как карикатуры на современного либерала и демократа как среднего европейца – буржуа в миниатюре.

Поэтому исходное пожелание Леонтьева о сохранении в славянах и греках этнокультурной особенности столкнулось с реальностью, которую он сам же и описал, а именно – их добровольным желанием отказаться от своей культурной идентичности. Это касалось, как считал русский философ, в основном образованного класса. К простому народу Леонтьев относился ещё с некоторым уважением, во всяком случае, ему свойственна определённая консервативность и приверженность охранительным началам. Но и народные массы он не был склонен идеализировать, не ждал от них оригинального и самобытного творчества [4: с. 117]. В целом же славяне по складу своего национального характера либералы и демократы [3: с. 179]. Все они вырастают в слепом поклонении «либерал-демократической конституции», все они заражены «ядом» всеобщего земного благоденствия, полного равенства и неограниченной свободы [3: с. 179, 183]. Славяне представляют собой чистейший тип европейского либерала и демократа «средней руки», они в известной мере даже более европейцы, чем англичане и французы [3: с. 464]. В этом смысле К.Н. Леонтьев считал даже в чём-то оправданными меры, предпринимаемые турками по ограничению нападок многих южно-славянских политических активистов против православия [3: с. 184].

Как считал Леонтьев, все государства Европы – «разлагающиеся трупы, чуждые живительных сил», и в то же время носящие в себе вирус опасной и заразной болезни. Подобным состоянием европейского и славянского миров должно определяться отношение к ним России. Если Россия имеет будущее, если ей суждено будет сыграть какую-либо особую роль в истории, то она должна обособиться от Европы, противопоставлять себя ей как особый культурно-исторический тип [4: с. 119]. Русский философ полагал, что благотворным и полезным для государственного организма должно быть призна-

но всё то, что удаляет нас от европейского Запада [4: с. 107]. Идеалом же политики и руководящим правилом всех государственных деятелей должен служить принцип «как можно меньше современно-европейского во всём» [4: с. 210].

Леонтьев указывал, что той же тенденции к обособлению и удалению должна придерживаться Россия и в отношении к родственным славянским народам, потому что они мало отличаются от западно-европейских и часто настроены к России даже более враждебно. Панславизм, государственное объединение всех славянских народов под эгидой России, опасен и даже губителен для неё. Это разложило бы русское государство [3: с. 13, 18]. Столкновение и объединение с либеральными славянами представляется Леонтьеву более опасным, чем даже поражение на поле битвы [4: с. 176]. Племенной славизм есть глубоко ошибочная национальная политика, и как таковая заложила бы революционный заряд в тело России, привела бы к отрицательным и разрушительным результатам [4: с. 189]. Все славяне, по убеждению Леонтьева, есть либералы и демократы, и присоединение их к России неизбежно вызвало бы ослабление самодержавия, которым определяется величие и мощь российского государства и в прямой зависимости от которого находится будущее России [3: с. 40]. Впрочем, полагает Леонтьев, панславизм утопичен, и сами славянские народы Европы не захотят участвовать в такого рода проектах. Славянские народы, возможно, на короткий исторический период и объединятся в союз государств, но на непродолжительное время, и этот союз неизбежно распадётся [3: с. 12]. Союз этот не отличался бы прочностью [3: с. 15]. Антагонизм между русскими и славянами был бы столь велик, что многие другие, не родственные в этническом смысле с русскими народы, были бы русским куда ближе и понятнее, чем западные и южные славяне [3: с. 14, 19].

Вообще, указывает Леонтьев, Россия не была чисто славянским государством, и интересами тюркских, кавказских, финно-угорских и других народов Россия не должна пренебрегать [3: с. 385]. Славянской стихией, как считает философ, не исчерпывается всемирный дух русского гения, племенной славянский потенциал на территории России оказывается недостаточным для обеспечения великого будущего России [3: с. 18–19]. Леонтьев высказывал спорное для многих его современников мнение, что русские политики должны помогать Турции и Австрии сдерживать панславизм. В этих государствах Леонтьев видел оплот против племенной славянской политики с её космополи-

тическими, революционными и разрушительными идеями [4: с. 190].

Вместо политического объединения Леонтьев предлагает больше сконцентрироваться на объединении церковном. Именно на православие он возлагает наибольшие надежды [3: с. 309]. При этом Леонтьев вовсе не предлагает игнорировать славянский фактор, связь славян с Россией всё равно останется, и в данном контексте, как он полагает, всякое неведение и непонимание в данной области может негативно сказаться на внешних и внутренних делах [3: с. 266]. В данном случае философ предлагает оставить попытки приукрашивания и идеализации славян и панславизм заменить культурным руссизмом [4: с. 189]. Вступать в те или другие отношения со славянскими народами и государствами Россия будет, это просто неизбежно и это испытание, посланное ей судьбой. Но политика взаимодействия с этими государствами должна учитывать интересы православия. В силу этого Леонтьев пытался всех убедить в том, что «политика православного духа должна быть предпочтена политике славянской плоти» [3: с. 364].

Кроме того, Леонтьев считает, что в основе той славянской культуры, которая могла бы сблизить славян и русских, мог быть идеал эстетический. В письме к консервативному мыслителю И. Фуделю он писал, что «настоящий культурно-славянский идеал должен быть скорее эстетического, чем нравственного характера (цит. по: [8: с. 64]). Впрочем, полагает сам же Леонтьев, реальная жизнь в настоящий момент ставит ценностные барьеры между русскими и славянами, и этот эстетический идеал не сделает славян и русских более близкими в цивилизационном смысле.

Исходя из анализа политического сознания балканских славян, Леонтьев делает вывод о том, что Турция была неспособна противодействовать распространению «разрушительных» либеральных и демократических идей. Но она должна уступить место нации более сильной. И такой нацией является как раз русский народ, который вполне в состоянии противодействовать губительному, как он считал, воздействию либерализма и эгалитаризма. Это способности русского народа изживать в себе яд либерализма. Вместо этого России можно заняться активной внешней политикой. Это есть историческая судьба России, её неизбежный рост, который нельзя остановить никакими силами [3: с. 327]. Лично Леонтьев верил, что Россия имеет великое историческое предназначение. России суждено якобы изменить ход мировой истории. Она способна создать новую великую и оригинальную культуру и

постепенно заменить обанкротившуюся цивилизацию Европы [3: с. 107; 5: с. 315]. Хотя справедливо ради следует указать, что Леонтьев не особенно верил в «оптимистический» сценарий русской истории. Он часто разочаровывался в России и русском народе, предсказывал даже неизбежную гибель русской цивилизации, утверждая, что России уже больше тысячи лет [5: с. 198]. Достаточно привести одну его цитату: «Мы прожили много, сотворили духом мало и стоим у какого-то страшного предела» [6: с. 258]. Такие мрачные пророчества у Леонтьева встречаются достаточно часто. По его словам, гибель России почти неизбежна, и она может произойти по двум причинам – или с Востока, вследствие поражения в войне от какой-либо из азиатских держав (сразу приходит на ум неудачная для России война с Японией 1904–1905 гг.), или путём добровольного слияния с общеевропейской федерацией [5: с. 377]. Есть много сходного в этих эсхатологических пророчествах с Вл. Соловьёвым, Леонтьев тоже писал о закате российской цивилизации [6: с. 556–560].

У России есть шанс, но для новой её жизни и оригинальной творческой работы необходима новая среда и новые условия. На старой великорусской почве, «пропитанной ядом» европейских либеральных и демократических идей, при старых столицах, которые стали очагами революции и анархии, не может возникнуть ничего нового, оригинального и самобытного. Поэтому Леонтьев ратовал за то, чтобы центр русской жизни переместился на юго-восток, в сторону Черноморского побережья, вплоть до берегов Босфора. Здесь, в новой среде и на новой почве может быть реализован проект обновления российской цивилизации, когда русский гений откроет для себя новые перспективы и возможности [4: с. 87–88].

Леонтьев развивал целую «историософию столицы». Он считал, что столица у государства должна периодически менять своё месторасположение, потому что каждая столица является выразительницей особой идеи, способна раскрыть потенциал народной энергии, она способна изменить «метафизику жизни» страны, придать ей новый смысл существования. Леонтьев отмечает, что Русь-Россия меняла свои столицы – Новгород, Киев, Владимир, Москва, Санкт-Петербург. И каждая столица отражала особый этап жизни страны, причём каждая последующая стадия развития являлась противоположностью, даже отрицанием предыдущей. Как только истощались прежние жизненные принципы, на смену им выступали новые интересы и задачи. В этой своеобразной метафизике столицы Леонтьева отчётливо проявляется его религиозный по своей сути провиденциализм. Русь, в его трактовке, оставляла старинные, насиженные места и на новой, девственной почве старалась выполнить возложенную на неё Провидением миссию. В прежних столицах слишком жива была тяга к прошлому, что сдерживало новые социальные и цивилизационные эксперименты и мешало плодотворной и творческой работе.

Но при всём указании на оправданность идеи определённых социальных экспериментов сам К.Н. Леонтьев не был автором какого-то утопического проекта превращения России через насилие в «идеальный социум», его «алармизм» носит оборонительный характер. Как совершенно справедливо указывает Н.В. Скоробогатко, «Леонтьев не вменяет России никакого задания, он с благоговейным трепетом исследует жизнь этого яркого, самобытного явления – культуры России» [10: с. 1147]. Сутью его концепции является не утопизм, а, как отмечает исследователь С.В. Пишун, «романтический натурализм» [8: с. 63].

Список источников

1. Григорова Дарина. Константин Леонтьев о Болгарском вопросе на Балканах // Славяне и Россия. Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность) : сб. статей / гл.ред. К.В. Никифоров. Москва : Институт славяноведения, 2019. С. 258–270.
2. Корольков А.В. Пророчества Константина Леонтьева. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1991. 197 с.
3. Леонтьев К.Н. Собрание сочинений. Москва : Издание В. Саблина, 1912. Т. 5. 468 с.
4. Леонтьев К.Н. Собрание сочинений. Москва : Издание В. Саблина, 1912. Т. 6. 362 с.
5. Леонтьев К.Н. Собрание сочинений. Москва : Издание В. Саблина, 1913. Т. 7. 567 с.
6. Леонтьев К.Н. Собрание сочинений. Москва : Издание В. Саблина, 1913. Т. 8. 363 с.
7. Маслин М.А. Разноликость и единство русской философии. Санкт-Петербург : Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2017. С. 215–228.
8. Пишун С.В. В.В. Розанов и К.Н. Леонтьев // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2021. № 3 (57). С. 63–67.
9. Померанская Т.В. «Всего лишь неполный год...» // Литературная учёба. 1989. № 6. С. 126.
10. Скоробогатко Н.В. К.Н. Леонтьев // Культурология. Энциклопедия. В 2 т. Т. 1 / глав. ред. С.Я. Левит. Москва : РОС-СПЭН, 2007. 1392 с.

References

1. Grigorova, Darina. *Konstantin Leontyev o Bolgarskom voprose i bolgarah*. [Konstantin Leontyev on the Bulgarian question in the Balkans]. Slavs and Russia. Russia, Bulgaria, Balkans. Problems of war and peace. XVIII-XXI centuries. (Myths and reality). Sat. Stat / Ch. Ed. K.V. Nikiforov. M.: Institute of Slavic Studies, 2019. P. 258–270.
2. Korolkov A.V. *Prorochestva Konstantina Leontyeva*. [Prophecies of Konstantin Leontyev]. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 1991. 197 p.
3. Leontiev K.N. *Sobranie sochineniy*. [Collected works]. M.: Edition of V. Sablin, 1912. T. 5. 468 p.
4. Leontiev K.N. *Sobranie sochineniy*. [Collected works]. M.: Edition of V. Sablin, 1912. T. 6. 362 p.
5. Leontiev K.N. *Sobranie sochineniy*. [Collected works]. M.: Edition of V. Sablin, 1913. T. 7. 567 p.
6. Leontiev K.N. *Sobranie sochineniy*. [Collected works]. M.: Edition of V. Sablin, 1913. T. 8. 363 p.
7. Maslin M.A. *Raznolikost i edinstvo russkoy filosofii*. [Diversity and unity of Russian philosophy]. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Academy, 2017. P. 215–228.
8. Pishun S.V. *V.V. Rozanov i K.N. Leontyev*. [V.V. Rozanov and K.N. Leontyev]. Humanitarian research in Eastern Siberia and the Far East. 2021. № 3 (57). P. 63–67.
9. Pomeranian T.V. *“Vsego lish nenolnyy god”*. [“Only an incomplete year” ...]. Literary studies. 1989. № 6. P. 126
10. Skorobogatko N.V. *K.N. Leontyev*. [K.N. Leontyev]. Cultural studies. Encyclopedia in 2 vols. T.1./Editor-in-chief S.Ya. Levit. M.: ROSSPEN, 2007. 1392 p.

Информация об авторе

Ли Пин – старший преподаватель отделения русского языка и культуры Хулунбуирского университета (Автономный район Внутренняя Монголия, Китай).

Information about the author

Li Ping – Senior Lecturer, Department of Russian Language and Culture, Hulunbuir University (Inner Mongolia Autonomous Region, China).

Статья поступила в редакцию 24.02.2023; одобрена после рецензирования 17.03.2023; принята к публикации 24.03.2023.
The article was submitted 24.02.2023; approved after reviewing 17.03.2023; accepted for publication 24.03.2023.

Научная статья
УДК 271.22-9(510)
doi:10.31079/1992-2868-2023-20-2-48-52

НАЧАЛО ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ В КИТАЕ

(к 80-летию публикации книги Клиффорда Х. Плоппера «История восточных православных церквей»)

Ли Цзин

Университет Цинхуа, Пекин, КНР, 923639147@qq.com

Аннотация. «Историю восточных православных церквей» (1941) американского миссионера Клиффорда Х. Плоппера¹ можно считать первой книгой, дающей некоторые представления о Русской православной церкви и положившей начало изучению православия в Китае. Несмотря на некоторые ошибочные представления о русской истории, в том числе истории русской церкви, эта книга, написанная и опубликованная на китайском языке, по-своему знакомила китайскую аудиторию с важными и малоизвестными страницами истории русской культуры. И сейчас, через 80 лет после первого знакомства китайской аудитории с историей русской церкви, китайским руссистам – переводчикам, религиоведам, культурологам – предстоит ещё много работы, чтобы заполнить пробелы в изучении истории православия в России.

Ключевые слова: история русской церкви, восточное христианство, изучение православия в Китае, российско-китайское сотрудничество

Original article

THE STUDY OF THE HISTORY OF THE RUSSIAN CHURCH IN CHINA (dedicated to the 80th anniversary of the publication of Clifford H. Plopper's book "History of the Eastern Orthodox Churches")

Li Jing

Tsinghua University, Beijing, China, 1923639147@qq.com

Abstract. "The History of the Eastern Orthodox Churches" by American missionary Clifford H. Plopper can be considered the first book to provide some insight into the Russian Orthodox Church and to serve as the beginning of the study of Orthodoxy in China. Despite some misrepresentations of Russian history and Russian church history due to the author's ignorance, this book, published in Chinese, has played its undeniable role. And now, 80 years after the first attempt to tell the story of the Russian Orthodox Church, modern Chinese scholars still have much work to do to fill the gaps in the study of the History of the Russian Church.

Keywords: history of the Russian church, Eastern Christianity, the study of Orthodoxy in China, Russian-Chinese cooperation

К истории вопроса

Изучение православия в Китае началось гораздо позже, чем это произошло с протестантизмом и католицизмом. Ещё в XVI в. под руководством миссионеров-иезуитов китайские переводчики и учёные, принявшие католицизм, положили начало созданию целого корпуса работ, знакомящих китайцев с западным христианством. В их трудах можно наблюдать интересное, на наш взгляд – продуктивное, соединение нового религиозного опыта и культурных традиций китайской литературы. Так, хорошо известна среди китайских учёных книга Ли Чжизао² «Тяньсюэ Чухань»³, собравшая

под одной обложкой различные сочинения конца династии Мин, или труды Маттео Риччи⁴ [8], которые, распространяясь «среди друзей» [8: с. 114], знакомили китайскую аудиторию с идеями католицизма и некоторыми особенностями западной культуры. Знакомство же с восточным христианством произошло позже, и в ранних китайских представлениях о русской культуре, вплоть до конца эпохи династии Цин, православная церковь называлась греческой [16: с. 1519]. Впервые слово

¹ Клиффорд Х. Плоппер (Clifford H. Plopper, китайское имя Ло Цзиньшэн (罗金声)), американский миссионер в Китае в первой половине XX в.

² Ли Чжизао (李之藻, 1565–1630), учёный династии Мин в Ханчжоу (杭州), Чжэцзян (浙江). Был крещён и получил христианское имя Леон в 1610 г.

³ «Тяньсюэ Чухань» (天学初函, Первое собрание сочинений о небесном обучении) опубликовано в 1628 г. «Тяньсюэ» означает католицизм. В нём содержится двадцать наименований, большинство из которых были составлены иезуитами, приехавшими в Китай в конце династии Мин.

⁴ Маттео Риччи (Matteo Ricci, китайское имя 利玛竇, 1552–1610) итальянец. Иезуитский миссионер и учёный, он был послан в Китай в 1582 г. и оставался там в течение 28 лет до своей смерти в Пекине в 1610 г., что делает его одним из самых первых католических миссионеров в Китае.

православие (东正教), как и само название Русская православная церковь (俄国正教), появилось в записях о митрополите Иннокентии (Фигуровском), главе 18-й православной миссии в Китае. Таким образом, в целом к началу XX в. в Китае ещё не знали различий между православием, протестантизмом и католицизмом, тем более не было понимания особенностей русского православия. Именно поэтому «История восточных православных церквей» Клиффорда Х. Плоппера становится в известной степени первым «введением в православное христианство» [5: с. 215]. И хотя материалы о русской православной церкви содержались лишь в двух небольших главах, они в условиях того времени заполняли существующий в представлениях китайцев пробел, а также составили некоторое основание для продолжения исследований феномена русского православия в трудах китайских учёных.

Контекст и авторы

Книги по истории христианства, изданные в Китае, можно разделить на три категории [16: с. 1–2]:

1) тексты на китайском языке, авторами которых были миссионеры и китайцы-христиане, в том числе сочинения, рукописи, письма, отчёты, дневники, газетные статьи, трактаты, брошюры и листовки, аннотации к книгам с информацией об изданиях, сборниках, кратком содержании и т.д., изданные миссиями, церквями, отдельными миссионерами. Сюда же можно отнести и архивы, включая миссионерские карты и объекты изобразительного искусства;

2) тексты, созданные нерелигиозными китайцами или европейцами с позиций их понимания, принятия или оппозиционной критики;

3) все виды светских материалов для чтения, опубликованные христианскими издательствами, написанные и отредактированные миссионерами и китайскими христианами.

«История восточных православных церквей», основанная на лекциях представителя американской духовной миссии, выпускника Йельской богословской школы, преподавателя Нанкинской Цзиньлинской богословской семинарии, доктора Клиффорда Х. Плоппера» [13: с. 205], относится к первой категории. О причинах, побудивших его к чтению лекций и написанию истории, автор пишет в предисловии: «...потому что в Китае, вероятно, нет никого, кто бы дал сколько-нибудь подробное изложение этого предмета» [5: с. 1].

Задачей Шанхайского общества «Гуансюэхуэй» и издательства при нём было распространение западной культуры и христианства в Китае. Среди его основателей были и такие известные миссионеры,

как Тимоти Ричард⁵ и Дональд Макгилливрей⁶. Помимо «Истории восточных православных церквей» общество «Гуансюэ» издало сотни других книг. После реставрации Мэйдзи в Японии и Опиумных войн в Китае там были переведены книги по химии, акустике, свету, электричеству, а также из разных областей истории и общественного мнения западных стран. «Причем это было сделано настолько удачно, что многие последовали его примеру» [6: с. 371]. Но всё же основными были издания религиозного содержания, большей частью христианские. Они продавались по всему Китаю и использовались, в числе прочего, как справочники для проповедей во всех крупных церквях.

Сложности интерпретации истории Русской церкви

Сведения о Русской православной церкви в книге Плоппера сосредоточены во второй главе первой части в подглавке *Русское православие* (俄罗斯圣正教), пятой главе второй части в подглавке *Русская православная церковь* (俄罗斯圣正教会) и там же в подглавке *Русская православная и другие христианские церкви* (与俄罗斯教会有关的教会). Всего пятьдесят страниц. Остановимся лишь на некоторых неточностях или ошибках автора. Например, Плоппер, размышляя о том, «откуда пошла Русская земля, кто в Киеве стал первый княжить и как возникла русская земля» [10: с. 7], опираясь, что естественно, на норманнскую теорию, пишет: «...русские пришли из Швеции... Два князя отправились из Швеции и поселились в Киеве, краеугольном камне Востока и Запада» [5: с. 67]. При этом он ничего не пишет о призвании новгородцами на княжение варяга (шведа) Рюрика и о заключении договора между варягами и новгородцами. А говоря о зарождении христианства на Руси, он утверждает, что оно началось с возвращения армии Руси после осады Константинополя – «据传说, 他们回到俄罗斯去时, 也将基督教带回去了(八六六)» [5: с. 67]. И опять ничего не говорится ни о союзнических отношениях киевского князя Владимира и константинополь-

⁵ Тимоти Ричард (Timothy Richard, китайское имя 李提摩太, 1845–1919), британский миссионер. В 1886 г. Тимоти Ричард приехал в Пекин и познакомил китайцев с образованием в западных странах.

⁶ Дональд Макгилливрей (Donald MacGillivray, китайское имя 季理斐), канадский миссионер в Китае в девятнадцатом веке и известный китаевед. Он был первым миссионером в провинции Хэнань, а в Шанхай прибыл позднее. Его миссионерская карьера в Китае длилась более 40 лет, и в основном он занимался публикацией христианских текстов. Помимо перевода Библии он внес выдающийся вклад в культурный и научный обмен между Востоком и Западом.

ских соправителей Василия и Константина, ни о браке Владимира, крестителя Руси, и византийской принцессы Анны. Также, касаясь отношений золотоордынских правителей и Русской церкви в период монголо-татарского ига, Плоппер исходит из веротерпимости монголов. В частности, он пишет: «Монгольский император был веротерпимым к Церкви» (蒙古皇帝对于教会却很宽容) [5: с. 74]. В этом – только часть правды. При этом Плоппер оставляет без внимания тот ущерб, который был нанесён завоевателями православной церкви. Так, из авторитетных источников известно, что в первый период завоеваний (1237–1240) хан Батый приказывал грабить и поджигать церкви; тогда были убиты епископ Митрофан, другие служители церкви и миряне; Батый «разрушил церковь Архангела Михаила, захватил золотые сосуды церковные, бесчисленные драгоценные камни и епископа Симеона убил» [14: с. 518–519].

Поскольку Плоппер не владел русским языком, тем более древнерусским, у него не было возможности обращаться для уточнения тех или иных данных к текстам русских летописей. Этим же могут быть объяснены и ошибки лингвистического порядка. Ему не всегда удавалось правильно определить и выразить истинное значение русских слов, чтобы затем передать это значение в виде иероглифов на китайском. Например, в трактовке понятий 王公 (князь) и 大公 (великий князь) он называет Ивана I князем Московским [5: с. 75], но не указывает, что он с 1325 г. был *великим* князем Московским, а с 1328 г. ещё и *великим* князем Владимирским. Можно было бы указать и на другие неточности.

Причины этих неточностей в описании русской истории, включая историю Русской церкви, можно найти в изложении самого автора. Все русские тексты, на которые он ссылается, не были предварительно с хорошим качеством переведены на китайский язык. Автору помогали несколько китайских коллег, с которыми он много дискутировал в процессе перевода. В совместной работе он «более всего хотел быть понятым своими китайскими коллегами» [5: с. 1]. По завершении работы он попросил руководителя отдела компиляции г-на Се Шоулина сделать ещё «несколько более подробных исправлений по сравнению с оригиналом» [5: с. 1]. В ходе многочисленных обсуждений, пересмотров и исправлений окончательный перевод не всегда оказывался идентичным тексту оригинала. А то, что «автор не перечисляет в этой книге использованные справочные работы и имена авторов» [5: с. 1], не позволяет современным исследователям обращаться в полной мере к текстам, с которыми рабо-

тал Плоппер. В результате не всегда удаётся определить причины ошибок и степень влияния его личных идеологических установок на перевод.

Публикации и перспективы изучения истории Русской церкви в Китае

При обращении к «Истории восточных православных церквей» Плоппера возникает естественный вопрос: почему первая книга по истории Русской православной церкви на китайском языке была написана американцем, а не китайцем или русским?

С одной стороны, известно, что в 400-летней истории российско-китайских отношений русские миссионеры сыграли определённую роль; с другой, их результаты могли бы быть и более существенными. Но, по мнению архимандрита Софрония Грибовского, «русские миссионеры не были достаточно китаизированны» [1: с. 60], т.е. они не были знакомы с китайскими обычаями, не владели китайским языком и не открывали в Китае семинарии и другие соответствующие учреждения. Он также высказал мнение, что среди миссионеров было не так много русских, которые бы действительно понимали веру (большинство из них не имели необходимого образования, у них были слабые миссионерские навыки); и что некоторые миссионеры не отличались образцовым поведением, их религиозная дисциплина была слаба, персонал неоднократно нарушал правила Церкви и этим производил на китайцев не лучшее впечатление. Поэтому, видя это, «китайцы немало соблазняются, и по своему невежеству думают, что российская вера есть худая, которая де своих последователей не научает ни благочинию, ни доброму порядку, когда у русских нет старшого ни меньшего» [1: с. 60].

Вместе с тем в конце XIX в. православная миссия в Китае сумела наладить печатное дело: в 1902 г. митрополит Иннокентий (Фигуровский) сформировал специальный переводческий комитет, в котором помимо русских священников было шесть китайских сотрудников и два переписчика. На обороте «Краткой истории Русской православной миссии в Китае» (1916), изданной по случаю двухсотлетнего юбилея ее существования, есть приложение в виде списка опубликованных миссией богословских книг. Всего за шесть лет с момента основания Русской миссии в Китае было напечатано более 20 книг, переведённых с русского языка на китайский. Кроме того, в Харбине появилась первая типография, основанная первоначально также в миссионерских целях. Там тоже была опубликована «История русской церкви», но только на русском языке. Поэтому задача ознакомления христианской китайской общины с православной церковью и её историей продолжала быть актуальной.

С открытием Китайско-Восточной железной дороги в Харбине оказалось много русских эмигрантов. Количество школ для русских детей в самом Харбине и вдоль железнодорожной линии всё увеличивалось. В целях сохранения традиций русского православия Харбинская епархия предложила более строгую систему религиозного образования. Курс «История Русской церкви» был включен в учебную программу русских церковно-приходских школ. Но китайских версий этого курса нам обнаружить не удалось. Также не найдено никаких свидетельств того, что Харбинская епархия имела какие-либо планы по подготовке китайских священников. Не сохранилось и списков священнослужителей китайцев Харбинской епархии. А с началом Гражданской войны в России на первый план выходит практическая необходимость поддержания православия среди соотечественников. В сложившейся ситуации задачи миссионерской деятельности отходили на второй план.

Конечно, Русская православная миссия оставила значительное количество переведенных материалов по христианской тематике, но, к большому сожалению, вследствие сложной, подчас трагической истории взаимоотношений Китая и России в XX в. «усилия русских миссионеров, – по словам Петра Иванова (в те годы – помощника управляющего Московской епархией по церковно-общественным вопросам), – были оставлены, а плоды их работы исчезли и были забыты как в Китае, так и в России» [9].

Актуальность современных исследований православия в Китае

В первой четверти XXI в. между двумя странами с протяжённостью общих границ 4209,3 км установлены отношения стратегического партнёрства. Этим обусловлена и новая китайская волна интереса к национальной культуре Северного соседа. А поскольку русская культура по своей духовной традиции православная, то совершенно естествен интерес и к истории русского православия.

В научных кругах Китая существует понимание актуальности подобных исследований. Так, Цзинь

Лунъюнь отмечает, что только с 80-х гг. XX в. такие исследования становятся относительно регулярными и что «существует ещё много пробелов в научных представлениях о русском православии в Китае» [15: с. 62]. По мнению Дай Гуйцзю, изучение православия в Китае – это еще только формирующаяся область академических исследований, поскольку «до 2000 г. другие научные работы по православию появлялись в основном как главы в монографиях и пособиях по христианству или мировым религиям» [3: с. 77–80]. Известный переводчик и религиовед Чэнь Шулинь также отмечает, что во всём китайскоязычном мире (включая Гонконг и Тайвань) при изучении христианских религий основное внимание уделяется католицизму и протестантизму, в то время как «именно русское православие требует серьёзных исследований, а русский язык – не менее серьёзного изучения» [16: с. 215]. Наконец, Юэ Фэн, ведущий китайский специалист в сфере изучения православия, отмечая заслугу «Истории восточных православных церквей» Плоппера в формировании начального представления о русской церкви среди китайской аудитории [19], настоящим прорывом считает то, что за последние 20 лет китайские ученые перешли к сравнительно более глубокому и систематическому изучению православия. Он уверен, что в интересах самого Китая «и китайским ученым, и людям, не связанным с наукой, необходимо понимание особенностей русского православия, оказавшего огромное влияние на историю и культуру России» [18: с. 526].

Взаимодействие китайских и российских учёных в совместном освоении историко-архивных материалов, организации научных конференций, переводческая активность, усилия по выстраиванию системы академического сотрудничества в целом на новом этапе стратегического партнёрства, как было отмечено в Совместном заявлении КНР и России (2019), способствует «взаимообогащению и сближению культур обеих стран» [18].

Список источников

1. Веселовский Н.И. Материалы для истории российской духовной миссии в Пекине. Санкт-Петербург : Тип. Глав. упр. Уделов, 1905. 72 с.
2. Вэй Юань. Иллюстрированное описание морских держав. Т. 3. Чанша : Юэлу Шушэ, 2011. 1694 с.
3. Дай Гуйцзю. Русская православная церковь в Китае // Исследования о России, Центральной Азии и Восточной. 2006(05). С. 77–80.
4. Дан Дэсинь, Ли Шурун, Фан Чжаолинь и Комитет по культурно-историческим материалам Национального комитета Народной политической консультативной конференции Китая. Избранное из коллекции культурно-исторических материалов. Пекин : Издательство литературы и истории Китая, 2002. 828 с.
5. Плоппер Клиффорд Х. История восточных православных церквей. Шанхай : Шанхайский книжный магазин, 1941. 1032 с.
6. Комитет по литературе и истории городского совета Хэфэя НПКСК. Литература и история г. Хэфэя. Серия 7. Хэфэй : Редакционный отдел культурно-исторических материалов г. Хэфэя, 1991. 188 с.
7. Лидеры Китая и России подписали Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, в Синьхуа, 6 июня 2019 г. URL: http://russian.news.cn/2019-06/06/c_138121391.htm (дата обращения: 11.03.2023).

8. Маттео Риччи, Никола Триго. Журнал Маттео Риччи о Китае. Пекин : Коммерческая пресса, 2017. 369 с.
9. Petr Ivanov, translated by Zhang Xinzhang. Chinese Translation and Research Work of the Russian Orthodox Church. URL: <http://www.orthodox.cn/localchurch/index.html> (accessed: 11.03.2023).
10. Повесть временных лет : пер. с древнерусского Д.С. Лихачева, О.В. Творогова ; коммент. А.Г. Боброва, С.Л. Николаева, А. Ю. Чернова при участии А.М. Введенского и Л.В. Войтовича. Санкт-Петербург : Вита Нова, 2012. 507 с.
11. Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации о развитии новой эры всеобъемлющего стратегического партнерства для сотрудничества, подписанное главами государств Китая и России, в Синьхуа, 6 июня 2019 г. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2019-06/06/c_1124588505.htm (дата обращения: 11.03.2023).
12. Сюй Ихуа, Чжан Цинсюн. Христианское изучение. Шанхай : Шанхайское издательство древних книг, 2004. 360 с.
13. Тао Фейя, Ян Вэйхуа. Китайская литература и изучение китайского христианства. Шанхай : Изд-во Шанхайского университета, 2016. 366 с.
14. Тихомиров М.Н. Летопись по Ипатьевскому списку. Санкт-Петербург : Археографическая комиссия, 1871. 616 с.
15. Цзинь Лунъюнь. Обзор состояния православного христианства в Китае // Журнал Чанчуньского педагогического института. 2012. № 31(01). С. 62.
16. Чен Шулин. Российское философское обозрение Серия 1. Харбин : Изд-во Хэйлунцзянского университета, 2012. 371 с.
17. Чжан Шэн, Шу Цзяньчжун [и др.]. Историческая коллекция документов Йельского университета о Нанкинской резне. Нанкин : Народное издательство Цзянсу, 2010. 943 с.
18. Юэ Фэн. Исследования в области восточного христианства. Пекин : Издательство религиозной культуры, 2008. 572 с.
19. Юэ Фэн. История православной церкви. Пекин : Издательство общественных наук Китая, 1999. 366 с.

References

1. Veselovsky N.I. Materials for the history of the Russian spiritual mission in Peking. St.Petersburg: typescript. The Main Directorate of the Udelov, 1905. 72 p. (in Russ.).
2. Wei Yuan. The illustrated introduction to the countries oversea:3 vol. 37–61[M]. Changsha: Yuelu Shushe, 2011.1694 p. (in Chinese).
3. Dai Guijiu. The Russian Orthodox Church in China // Studies on Russia, Central Asia, and the East, 2006(05). С. 77–80. (in Chinese).
4. Dan Dexin, Li Shurin, Fang Zhaolin, and the Committee on Cultural and Historical Materials of the National Committee of the Chinese People's Political Consultative Conference. Selections from the Collection of Cultural and Historical Materials 23 Culture [M]. Beijing: China Literature and History Publishing House. 2002. 828 p. (in Chinese).
5. Clifford H. Plopper. The History of the Orthodox Churches [M]. Shanghai: Shanghai Bookstore, 1941. 1032 p. (in Chinese).
6. Committee on Literature and History of Hefei City Council NPCSC. Literature and History of Hefei City Series 7. Hefei: Editorial Department of Cultural and Historical Materials of Hefei City, 1991. 188 p. (in Chinese).
7. Leaders of China and Russia sign Joint Statement of the People's Republic of China and the Russian Federation on the Development of Comprehensive Partnership and Strategic Cooperation, Entering a New Era, in Xinhua, June 6, 2019. http://russian.news.cn/2019-06/06/c_138121391.htm.
8. Matteo Ricci, Nicolas Trigo. Matteo Ricci's Journal of China II [M]. Beijing: The Commercial Press 2017. 369 p. (in Chinese).
9. Petr Ivanov, translated by Zhang Xinzhang. Chinese Translation and Research Work of the Russian Orthodox Church. <http://www.orthodox.cn/localchurch/index.html>.
10. Tale of Bygone Years. [Translated from the ancient Russian] by D. S. Likhachev, O. V. Tworogova. Kommentar. A. G. Bobrov, S. L. Nikolaev, A. Yu. M. Vvedensky and L.V. Vojtovich. St.Petersburg: Vita Nova, 2012. 507 p. (in Russ.).
11. Joint Statement of the People's Republic of China and the Russian Federation on Developing a New Era of Comprehensive Strategic Partnership for Cooperation, signed by the heads of state of China and Russia, in Xinhua, June 6, 2019. http://www.xinhuanet.com/world/2019-06/06/c_1124588505.htm.
12. Xu Yihua, Zhang Qingxiong. Christian Studies[M]. Shanghai: Shanghai Ancient Books Publishers, 2004. 360 p. (in Chinese).
13. Tao Feiya, Yang Weihua. Chinese Literature and the Study of Chinese Christianity I [M]. Shanghai: Shanghai University Press, 2016. 366 p. (in Chinese).
14. M.N. Tikhomirova. Chronicle by the Ipatsky scroll. St.Petersburg: Archeographic commission, 1871. 616 p. (in Russ.).
15. Jin Lunyun. An Overview of the State of Orthodox Christianity in China // Journal of the Changchun Pedagogical Institute, 2012, 31(01). С. 62. (in Chinese).
16. Chen Shulin. Russian Philosophical Review Series 1 [M]. Harbin: Heilongjiang University Press, 2012. 371 p. (in Chinese).
17. Zhang Sheng, Shu Jianzhong, et al. Yale University Historical Document Collection on the Nanjing Massacre (70) II. Nanjing: Jiangsu People's Publishing House, 2010. 943 p. (in Chinese).
18. Yue Feng. Studies in Orthodox Church [M]. Religious Culture Publishing House, 2008. 572 p. (in Chinese).
19. Yue Feng. History of the Orthodox Church. [M]. Beijing: Social Sciences Academic Press (China), 1999. 366 p. (in Chinese).

Информация об авторе

Ли Цзин – аспирантка исторического факультета Института гуманитарных наук Университета Цинхуа.

Information about the author

Li Jing – Postgraduate student of the Department of History, Institute of Humanities, Tsinghua University.

Статья поступила в редакцию 17.02.2023; одобрена после рецензирования 17.03.2023; принята к публикации 24.03.2023. The article was submitted 17.02.2023; approved after reviewing 17.03.2023; accepted for publication 24.03.2023.

Научная статья
УДК 37.013:271
doi:10.31079/1992-2868-2023-20-2-53-58

ПЕДАГОГИКА В ПРАВОСЛАВНЫХ ВЫСШИХ ДУХОВНЫХ ШКОЛАХ В XIX ВЕКЕ: ОПЫТ ОБРЕТЕНИЯ СОБСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Елена Николаевна Лубенская

Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия, Lybenskaia@gmail.com

Аннотация. В статье показана связь православного философского мировоззрения с традицией русской педагогики, обозначены проблемы в области теории и обучения, привлекавшие внимание мыслителей из православных высших духовных школ. Обоснована связь православной моральной метафизики с духовно-академической философией образования. Представлен подбор исследований православных авторов, в которых разбираются вопросы истории педагогики, дидактики, практики воспитания.

Ключевые слова: духовно-философская традиция, философско-религиозная антропология, педагогика, психология, духовная жизнь, образование, воспитание

Original article

PEDAGOGY IN ORTHODOX HIGHER THEOLOGICAL SCHOOLS IN THE 19TH CENTURY: THE EXPERIENCE OF GAINING ONE'S OWN IDENTITY

Elena N. Lubenskaya

Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia, Lybenskaia@gmail.com

Abstract. The article shows the connection of the Orthodox philosophical worldview with the tradition of Russian pedagogy, identifies problems in the field of theory and learning that attracted the attention of thinkers from Orthodox higher theological schools. The connection of Orthodox moral metaphysics with the spiritual and academic philosophy of education is justified. A selection of studies by Orthodox authors that deal with the history of pedagogy, didactics, and the practice of education is presented.

Keywords: spiritual and philosophical tradition, philosophical and religious anthropology, pedagogy, psychology, spiritual life, education

Ситуация в современной культуре характеризуется поиском новых смыслов и идейных оснований, которые часто оказываются связанными с прошлыми мировоззренческими традициями. Эта связь во многом обусловлена воспроизводством той духовной среды, которая сформировалась ещё много столетий назад, когда образовались культуры и цивилизации, в которых зародились и получили развитие религиозные движения и философские школы, до настоящего времени влияющие на общественные устроения. В данном контексте можно отметить ключевую роль христианской культуры, во многом определившей облик современной западной цивилизации, оказавшей огромное воздействие на ход истории. Отечественная духовно-философская традиция в данном отношении не выглядит исключением, её становление в громадной степени связано именно с опытом восточного христианства, византийской духовной

школы. Вместе с тем в ходе исторического процесса феномен русской духовности структурировался и видоизменялся во многом в соответствии с той ситуацией, которая складывалась в разные эпохи в нашей стране. Но при этом оставались практически неизменными те фундаментальные положения и принципы духовной жизни, определявшие на протяжении ряда веков как культуру Византии, так и её идейных наследников.

Появление и развитие концепций православных теистов в области философии образования и воспитания было обусловлено рядом внутренних факторов, касающихся расширения интереса духовно-академической науки к разного рода вопросам, связанным с нравственным становлением личности. Обсуждение данных вопросов было невозможно без практических рекомендаций, касающихся путей, средств и способов обучения и воспитания человека, его приобщения к благам цивили-

зации и полноте духовной жизни. Духовно-академическая философия вначале следовала в сфере философии образования за католической философской традицией, затем (с сер. XVIII до сер. XIX в.) в русле философии европейского Просвещения. Но, по мере развития духовно-академической философско-религиозной антропологии и этики, в пору «интеллектуальной зрелости» представители православной теистической философии всё больше проявляли самостоятельность в обсуждении проблем воспитания и образования. Этот процесс был тесно связан с самой историей духовных академий в России, становлением в них философских кафедр.

Но, кроме внутренних, существуют и «внешние» факторы, способствующие усилению интереса православных исследователей к теории и практике образования и воспитания.

Следует отметить, что после появления первой реформированной Санкт-Петербургской духовной академии в 1809 г. качественная философская подготовка в ней сразу же стала приоритетом академического начальства. В частности, ключевые философские дисциплины стали преподавать приглашённые немецкие профессора И. Фесслер и И. Горн, которые старались привить студентам любовь к «любомудрию», организовали специальный кружок для студентов-академистов, на котором живо обсуждались вопросы о необходимости философского критицизма, изъянах материализма, ценности метафизики и т.п. [12: с. 22–26]. Этот процесс был в существенной мере дополнен восприятием отечественными философами-теистами концепций умозрительной психологии в её идеалистической интерпретации. Об этом, в частности, говорят сочинения преподававших во второй трети XIX в. В.Н. Карпова, Ф.А. Голубинского, О.М. Новицкого и др. Кроме того, западно-европейская религиозно-философская мысль после Гегеля стала отходить от установок «тотального логицизма» и в ней всё более и более стало формироваться теистическое и спиритуалистическое направление, что было особенно характерно для Германии (Г. Ульрици, Г. Фехнер, Г. Лотце, Имм. Фихте-младший, Г. Тейхмюллер) и Франции (П. Жанэ, Мен д' Биран, А. Фуллье и др.).

Силой исторических обстоятельств, связанных, прежде всего, с закрытием философских кафедр в университетах в 1850 г., духовно-академическая философия стала оплотом и центром профессионального философского образования, что, в свою очередь, делало её и центром исследований в области философской этики и антропологии в России. Такая ситуация сохранялась достаточно долго,

вплоть до конца XIX в., хотя формально философские кафедры в университетах были восстановлены в 1863 г. При этом философия, этика и нравственное богословие в православной интерпретации требовали практического применения, что подразумевало перенесение установок в сфере моральной метафизики в область реального опыта, связанного с обучением и воспитанием. В духовных академиях начинается с 1866 г. преподаваться и такая дисциплина, как педагогика, курсы по которой, как правило, читали как представители кафедр нравственного богословия или логики и психологии, так и собственно кафедры педагогики. Потребность во введении преподавания педагогики в учебный процесс была связана с необходимостью подготовки учительских кадров для духовных семинарий и духовных училищ. Сама программа по педагогике была составлена профессором Санкт-Петербургской духовной академии И.Т. Осининым, который одновременно являлся руководителем Санкт-Петербургской и Царскосельской женских гимназий. К этой работе были привлечены и преподаватели Смоленской духовной семинарии. Была создана группа экспертов из числа видных преподавателей духовных академий во главе с В.Н. Карповым, давших важные рекомендации для составителей программы, суть которых состояла в предостережении от чрезмерного увлечения прикладными разработками, узкими и конкретными методиками и т.п. Карпов полагал, что следовало бы усилить в курсе педагогики религиозно-философское ядро, саму теорию образования и воспитания. Правда, кафедры педагогики как отдельные подразделения в духовных академиях просуществовали недолго, уже в 1869 г., согласно новому академическому уставу, они были соединены с кафедрами нравственного богословия, в которых как раз велось преподавание этики.

Одним из центров философии образования, где педагогика соединялась с философией, стала Санкт-Петербургская духовная академия. В ней с 1871 г. педагогические дисциплины читал Сергей Александрович Соллертинский, опубликовавший в разные годы книги по педагогике [19–23].

Православные теисты обратились к историческому наследию духовного образования и воспитания, что было в значительной мере связано с деятельностью приват-доцента по кафедре русской церковной истории Евгения Михайловича Прилежаева – автора таких сочинений, как «Новгородские епархиальные школы в Петровскую эпоху» (опубликовано в журнале «Христианское чтение», 1887, кн. 3), «Школьное дело в России до Петра

Великого и в начале XVIII века» (Странник, 1881, кн. 1–2), «Проекты церковно-приходских школ в царствование Екатерины II» (Странник, 1882, кн. 12) и др. Число работ православных авторов из духовных академий, в которых подробно разбирались вопросы образования и воспитания, а также учебная и воспитательная деятельность в ряде духовных академий, непрерывно росло. При этом было много «смежных» исследований, в которых помимо собственно педагогических вопросов анализировались проблемы религиозно-нравственного воспитания на разных этапах истории России, роли духовенства и мирян в нём и т.д. В качестве примера можно привести кандидатские сочинения киевских исследователей Андрея Василевского «Деятельность русского духовенства для религиозно-нравственного воспитания народа в XVIII столетии» (1887) и Николая Ивановича Васильева «Религиозно-нравственное воспитание в России в эпоху Екатерины II» (1901).

Прежние рекомендации В.Н. Карпова о необходимости сохранить философское и метафизическое «ядро» в педагогических исследованиях остались актуальными для последующих православных авторов, введших педагогику в круг антропологических наук. Признавался тот тезис, что образовательная и воспитательная деятельность требует знакомства с человеческой природой, личностными особенностями каждого, что подразумевает обращение к богатому философско-антропологическому наследию прошлого, начиная с эпохи античности и далее – периода апологетики, патристики, средневековой схоластики, эпохи Возрождения и Нового Времени. В данном контексте следует также выявить теоретические истоки предлагавшихся православными теистами моделей философии образования и воспитания в истории европейского Просвещения, включая немецкую классическую философию, либеральные и консервативные течения в области теории образования и воспитания.

Следует подчеркнуть, что духовно-академическая концепция образования и воспитания являлась составной частью европейской традиции философии образования, она при этом идентифицировала себя в основном с её консервативной линией, включавшей в себя творческое наследие Фр. Шлейермахера, А. Шатобриана и др. Философско-педагогическая теория в духовно-академической науке развивалась такими выдающимися православными авторами, как И.Л. Янышев, В.Д. Кудрявцев-Платонов, архиеп. Антоний (Храповицкий), А.И. Введенский, Н.К. Маккавейский, И.П. Попов, П.В. Светлов, В.И. Несмелов, М.М. Тареев и др. В каждой из

духовных академий существовала собственная научная школа в области философии образования и воспитания. Так, среди представителей Киевской духовной академии можно отметить И. Володковича [2]. При этом многие исследования православных теистов касались критики с позиций религиозной философии педагогических взглядов как ведущих западных мыслителей прошлого и современности, так и русских философов, писателей, деятелей образования. Так, можно указать на кандидатские сочинения киевских исследователей М. Иллюминатова [7], А. Гонтаева [4], Ф. Наги [10], М.Ф. Глаголева [3], П.И. Грачёва [5], Н.В. Подольского [14]. Следует при этом помнить, что как в России, так и в Европе на протяжении XVI–XIX вв. нарастал процесс секуляризации разных сфер жизни. Этот процесс касался и внутрицерковного сознания, на что справедливо указывал автор известной работы «История русской философии» священник-эмигрант В.В. Зеньковский [6: с. 63]. Собственно, духовные академии и являлись такими центрами этой «внутрицерковной секуляризации», так как в них на первый план выходили философия, психология и педагогика, которые, хотя в значительной степени ориентировались на европейские интеллектуальные и философские традиции, но всё же пытались в лице своих наиболее выдающихся представителей сформулировать собственный взгляд на вопросы «любомудрия», образования и воспитания. Как отмечал В.В. Зеньковский, «...именно в духовных академиях впервые возникает идея своей национальной философии, опирающейся на учение Церкви и в то же время в свободном синтезе использующей идеи западно-европейской философии» [6: с. 73]. Преподавание педагогических курсов неоднократно включалось в учебную программу духовно-педагогических школ. Учёные из православных высших школ даже обосновывали необходимость наличия кафедр педагогики в духовных академиях, в частности, здесь можно указать на статью Н.К. Маккавейского в «Церковном вестнике» [9]. Но этот замысел воплотился лишь частично, чаще всего педагогические курсы читали преподаватели кафедр метафизики, логики и психологии, истории философии или нравственного богословия.

Вместе с тем православным теистам, занимавшимся вопросами воспитания и обучения, пришлось реагировать на обвинения в стремлении к клерикализации школьного образования, причём такого рода обвинения были частыми в русской либеральной печати. Например, в «Вестнике Европы» мы встречаем такое определение: «Клерикализм – это вторжение церковного конфессиональ-

ного элемента (представляемого не одним только духовенством) в государственную, общественную и умственную жизнь с целью подчинить её действия неподвижных, не подлежащих критике начал, заимствуемых из специальной сферы и только в ней имеющих право на существование» [23: с. 336]. Царский министр народного просвещения П.А. Ширинский-Шихматов и московский митрополит Филарет (Дроздов) тоже объявлялись либеральными публицистами «клерикалами», за то, что они допускали возможность участия духовенства в школьной образовательной деятельности. Православные авторы неоднократно выступали с критикой такого понимания клерикализма, в частности, на страницах издания Санкт-Петербургской духовной академии «Церковный вестник» [18: с. 1].

Встречались публикации православных авторов, в которых они затрагивали вопрос об улучшении социального статуса учителей гимназий, преподавателей семинарий и духовных академий. Повышение статуса, как они предполагали, будет способствовать в конечном итоге повышению уровня самой педагогической подготовки преподавателей. Особенно остро стоял вопрос о повышении социального статуса элиты духовных академий – профессоров. Эта тема поднималась всё более открыто и в ходе её обсуждения вскрывалось недовольство преподавателей и учёных академий условиями своего труда. Так, в одном из номеров «Церковного вестника» за 1910 г. в статье «О педагогической подготовке преподавателей духовно-учебных заведений» читаем следующее: «Тот 15–18-часовой без воздуха и света труд за чтением пыльных, выцветших и невразумительных печатных, старопечатных и рукописных документов туземных и иностранных, то мучительное, иногда безнадежное отыскивание в необъятном материале каких-нибудь крупин настоящего знания, те убийственные бисерным или иероглифическим почерком выписочки и заметочки в тетрадях и на отдельных бумажных лоскутках, та огромнейшая критическая работа мозга, та неизменно согбенная поза за письменным столом, те все неисчислимы умственные затраты, те все культурные результаты, кто желает ими пользоваться, – уже всё это не даёт права профессору на лучшее обеспечение?» [11: с. 114] Встречаем мы в

православной учебно-научной литературе и сетования о якобы понижении уровня духовно-академического образования, часто такая повышенная самокритичность свидетельствует о внутренней неудовлетворённости православных теистов общим состоянием академической науки и учебной деятельности. Так, на страницах журнала «Чтения в обществе любителей духовного просвещения» в 1878 г. была опубликована статья Н. Розанова о состоянии духовно-академического образования, на которую в «Церковном вестнике» вышла рецензия, в которой отмечалось следующее: «Уровень образования в духовных школах в последние 50 лет всё понижался и понижался и, несмотря на изменившиеся и благоприятные условия, богословская наука и литература по-прежнему у нас ещё очень бедны, бедны самостоятельностью и людьми вполне подготовленными к учёной и научно-литературной деятельности. До 40-х годов наши духовные академии были поставлены сравнительно высоко знаменитыми профессорами, как, например, гениальным Иннокентием, учёным Павским и Филаретом, Голубинским, Горским и др., приводившими в восторг своих слушателей и возбуждавших их к самостоятельности – всё это подавало надежду на блестящее будущее русской богословской науки. Но этого не случилось» [8: с. 95].

Для повышения уровня образования, воспитания думающих и интеллектуально и духовно развитых личностей, которые критически относились бы к модным тогда позитивизму и материализму, некоторые православные авторы из духовных академий предлагали усиливать философскую подготовку. Так, преподаватель Московской духовной академии А.И. Введенский в статье «О целях изучения истории философии» указывал на то, что «Философствование должно дать в области теоретической единое мысленное начало, которое могло бы пересилить дробность отдельных явлений знания и свести их к единству; далее оно должно произвести в нас то своеобразное практическое настроение, которое известно под именем философского, и, наконец, оно должно уладить все несогласия между нашими религиозными верованиями и нашей самостоятельной мыслью, – должно между всеми верами указать единую разумную веру» [1: с. 116].

Список источников

1. Введенский А.И. О целях изучения истории философии // Православное обозрение. 1887. № 12. С. 112–132.
2. Володкович И. Религиозное воспитание на основе психологии детского и юношеского возраста. Киев, 1915 // Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (далее – ИР НБУВ). Ф. 304. Д. 2323. 435 с.
3. Глаголев М.Ф. Педагогические воззрения Г. Спенсера с христианской точки зрения. Киев, 1905 // ИР НБУВ. Ф. 304. Д. 1847. 204 с.

4. Гонтаев А. Монтень, Локк и Руссо. Педагогические идеи их с христианской точки зрения. Киев, 1911 // ИР НБУВ. Ф. 304. Д. 2145. 296 с.
5. Грачёв П.И. Педагогика (педагогические идеи) графа Л.Н. Толстого в связи с общим мировоззрением его (критическое исследование). Киев, 1909 // ИР НБУВ. Ф. 304. Д. 2042. 188 с.
6. Зеньковский В.В. История русской философии. Ленинград : ЭГО, 1991. Т. 1. Ч. 1. 222 с.
7. Иллюминатов М. Педагогика Яна Амоса Коменского с христианской точки зрения. Киев, 1905 // ИР НБУВ. Ф. 304. Д. 1854. 342 с.
8. Л.П-в. Журнальное обозрение// Церковный вестник. 1879. № 12–13. С. 95.
9. Маккавейский Н.К. Кафедры педагогики в духовных академиях. К вопросу о педагогической подготовке к учебно-воспитательному делу в духовной школе // Церковный вестник. 1906. № 8.
10. Наги Ф. Религия и религиозное воспитание по Ж.-Ж. Руссо, Киев, 1906 // ИР НБУВ. Ф. 304. Д. 1905. 249 с.
11. Педагог. О педагогической подготовке преподавателей духовно-учебных заведений // Церковный вестник. 1910. № 4. С. 114.
12. Пишун С.В. Немецкие профессора у истоков преподавания философии в Санкт-Петербургской духовной академии в начале XIX века // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2004. № 1. С. 22–26.
13. Пишун С.В. Православная персонология и духовно-академическая философия XIX века. Москва : Прометей, 1996. 431 с.
14. Подольский Н.В. Педагогические воззрения Н.И. Пирогова. Киев, 1912 // ИР НБУВ. Ф. 304. Д. 1959. 330 с.
15. Прилежаев Е.М. Новгородские епархиальные школы в Петровскую эпоху // Христианское чтение. 1887. № 3.
16. Прилежаев Е.М. Школьное дело в России до Петра Великого и в начале XVIII века // Странник. 1881. Кн. 1–2.
17. Прилежаев Е.М. Проекты церковно-приходских школ в царствование Екатерины II // Странник, 1882. № 12.
18. Рецензия на статью в «Вестнике Европы» по поводу «клерикализма» // Церковный вестник. 1881. № 27. С. 1–3.
19. Соллертинский С.А. Дидактическое значение священной истории в круге элементарного образования. Санкт-Петербург, 1883.
20. Соллертинский С.А. Курс лекций по педагогике и дидактике. Санкт-Петербург, 1884.
21. Соллертинский С.А. Учебник практической дидактики в вопросах и ответах. Санкт-Петербург, 1892.
22. Соллертинский С.А. О происхождении воспитательного дела и об основных опорах его существования в человеческой жизни. Санкт-Петербург, 1899.
23. Соллертинский С.А. Педагогика. Санкт-Петербург, 1903.
24. Школьное образование и клерикализм // Вестник Европы. 1881. № 6.

References

1. Vvedensky A.I. *O tseliah izuchenia istorii filosofii*. [On the purposes of studying the history of philosophy]. Orthodox review. 1887. № 12. P.112–132. (In Russ).
2. Volodkovich I. *Religioznoye vospitanie na osnove psihologii detskogo i yunosheskogo vozrasta*. [Religious education based on the psychology of childhood and youth. Kyiv, 1915]. Institute of Manuscripts of the National Library of Ukraine named after V.I. Vernadsky (hereinafter IR NBUV). F.304. D.2323. 435 p. (In Russ).
3. Glagolev M.F. *Pedagogicheskie vozzreniya G. Spensera s hristianskoy tochki zrenia*. [Pedagogical views of G. Spencer from a Christian point of view. Kyiv, 1905]. IR NBUV. F.304. D.1847. 204 p. (In Russ).
4. Gontaev A. *Monten, Lokk i Russo. Pedagogicheskie idei ih s hristianskoy tochki zreniya*. [Montaigne, Locke and Russo. Their pedagogical ideas from a Christian point of view. Kyiv, 1911]. IR NBUV. F.304. D.2145. 296 p. (In Russ).
5. Grachev P.I. *Pedagogiya (pedagogicheskie idei) grafa L.N.Tolstogo v sviazi s obschim mirovozzreniem ego (kriticheskoe issledovanie)*. [Pedagogy (pedagogical ideas) of Count L.N. Tolstoy in connection with his general worldview (critical study). Kyiv, 1909]. IR NBUV. F.304. D.2042. 188 p. (In Russ).
6. Zenkovsky V.V. *Istoria russkoy filosofii*. [History of Russian philosophy]. L.: EGO, 1991. T.1. Ch.1. 222 p. (In Russ).
7. Illuminatos M. *Pedagogika Jana Amosa Komenskogo s hristianskoy tochki zreniya*. [Pedagogy Jan Amos Comenius from a Christian point of view. Kyiv, 1905]. IR NBUV. F.304. D.1854. 342 p. (In Russ).
8. L. P-v. *Jurnalnoe obozrenie*. [Journal Review]. Church Bulletin. 1879. № 12–13. P.95. (In Russ).
9. Maccabees N.K. *Kafedry pedagogiki v duhovnyh akademiayah. K voprosu o pedagogicheskoy podgotovke k uchebno-vospitatel'noy delu v duhovnoy shkole*. [Department of Pedagogy in Theological Academies. On the issue of pedagogical preparation for educational work in a theological school]. Church Bulletin .1906. № 8. (In Russ).
10. Nagi F. *Religia i religioznoe obrazovanie po J.-J.Russo*. [Religion and religious education according to J.-J. Russo, Kyiv, 1906]. IR NBUV. F.304. D.1905. 249 p. (In Russ).
11. Teacher. *O pedagogicheskoy podgotovke prepodavateley duhovno-uchebnyh zavedeniy*. [On pedagogical training of teachers of spiritual and educational institutions]. Church Bulletin. 1910. № 4. P.114. (In Russ).
12. Pishun S.V. *Nemetckie professora u istokov prepodavaniya filosofii v Sankt-Peterburgskoy duhovnoy akademii v nachale XIX veka*. [German professors at the origins of teaching philosophy at the St. Petersburg Theological Academy at the beginning of the 19th century]. Social and humanities in the Far East. 2004. № 1. P.22–26. (In Russ).
13. Pishun S.V. *Pravoslavnyaya personologiya i duhovno-akademicheskaya filosofia XIX vteka*. [Orthodox personology and spiritual and academic philosophy of the XIX century]. M.: Prometheus, 1996. 431 p. (In Russ).
14. Podolsky N.V. *Pedagogicheskie vozzreniya N.I. Pirogova*. [Pedagogical views N.I. Pirogov. Kyiv, 1912]. IR NBUV. F.304. D.1959. 330 p. (In Russ).

15. Prilezhaev E.M. *Novgorodskie eparhialnye sholy v petrovskuyu epohu*. [Novgorod diocesan schools in the Petrovsky era]. Christian reading. 1887. № 3. (In Russ).
16. Prilezhaev E.M. *Shkolnoye delo v Rossii do Petra Pervogo*. [School business in Russia before Peter the Great and at the beginning of the 18th century]. Wanderer. 1881. Book 1–2. (In Russ).
17. Prilezhaev E.M. *Proekty tserkovno-prihodskih shkol v tsarstvovanie Ekateriny II*. [Projects of parish schools during the reign of Catherine II]. Wanderer, 1882. № 12. (In Russ).
18. *Retzenzia na statiu v "Vestnike Evropy" po povodu klerikalizma*. [Review of an article in the "Bulletin of Europe" on "clericalism"]. Church Herald. 1881. № 27. P.1–3. (In Russ).
19. Sollertinsky C.A. *Didakticheskoe znachenie sviascennoy istorii v krug elementarnogo obrazovania*. [Didactic significance of sacred history in the circle of elementary education]. St. Petersburg, 1883. (In Russ).
20. Sollertinsky S.A. *Kurs lekcii po pedagogike i didaktike*. [Course of lectures on pedagogy and didactics]. St. Petersburg, 1884. (In Russ).
21. Sollertinsky S.A. *Uchebnik prakticheskoy didajtki v voprosah i otvetah*. [Textbook of practical didactics in questions and answers]. St. Petersburg, 1892. (In Russ).
22. Sollertinsky S.A. *O proishozhdenii vospitatelnogo dela i ob osnovnykh oporah ego suscestvovaniia v chelovecheskoy zhizni*. [On the origin of the educational case and on the main pillars of its existence in human life]. St. Petersburg, 1899. (In Russ).
23. Sollertinsky S.A. *Pedagogika*. [Pedagogy]. St. Petersburg, 1903. (In Russ).
24. *Shkolnoe obrazovanie i klerikalizm*. [School education and clericalism]. Herald of Europe. 1881. № 6. (In Russ).

Информация об авторе

Е.Н. Лубенская – аспирант кафедры «Философия, социология и право».

Information about the author

E.N. Lubenskaya – Postgraduate student of the Department of Philosophy, Sociology and Law.

Статья поступила в редакцию 06.03.2023; одобрена после рецензирования 17.03.2023; принята к публикации 24.03.2023.
The article was submitted 06.03.2023; approved after reviewing 17.03.2023; accepted for publication 24.03.2023.

Научная статья

УДК 17.022.1:316.722

doi:10.31079/1992-2868-2023-20-2-59-64

ВКЛАД ИННОКЕНТИЯ (БОРИСОВА) В ФИЛОСОФСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ НРАВСТВЕННОСТИ КАК ФАКТОР ОСМЫСЛЕНИЯ СПЕЦИФИКИ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Софья Владимировна Медовник

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, medovnik.sv@dvfu.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка выявления философской интерпретации феномена «нравственность» в учении Иннокентия (Борисова). Нравственность – одно из ключевых понятий отечественного мировоззрения. Русские теисты XIX в. говорили о синтезе рационального и иррационального мышления, что отличало их от западных философов и позволяло акцентировать внимание на активной практической деятельности. По мнению Иннокентия (Борисова), правильное понимание нравственности приводит человека к исполнению своей высшей задачи. Нравственность обосновывается им как заложенный в человека образ Бога, позволяющий ему подражать своему создателю и приближаться к слиянию с Абсолютом. Личная воля и знание воли Божией помогает человеку созерцать свою истинную деятельность и направлять её к преобразованию мира. Его философия антропоцентрична и обращается к проблемам современного человека. Являясь ректором Киевской духовной академии, оплота православной мысли, Иннокентий (Борисов) не только сделал вклад в осмысление специфики русского мировоззрения, но и доказал правильность своего учения на деле.

Ключевые слова: Иннокентий (Борисов), российская цивилизация, русский теизм, Киевская духовная академия, нравственность

Original article

INNOCENTY'S (BORISOV) CONTRIBUTION TO THE PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF MORALITY AS A FACTOR IN UNDERSTANDING THE SPECIFICS OF RUSSIAN CIVILIZATION

Sofya V. Medovnik

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, medovnik.sv@dvfu.ru

Abstract. The article touches upon an attempt to identify the philosophical interpretation of the concept of "morality" by Innocenty (Borisov). Morality is one of the key concepts of the Russian worldview. Russian theists of the 19th century talked about the synthesis of rational and irrational thinking, which distinguished them from Western philosophers and allowed them to focus on active practical activity. According to Innocenty (Borisov), a correct understanding of morality leads a man to the fulfillment of his higher task. Morality is justified by him as the image of God inherent in a man, allowing him to imitate his creator and move closer to fusion merge with the Absolute. The personal will and knowledge of God's will help a man to contemplate his true activity and direct it toward the transformation of the world. His philosophy is anthropocentric and addresses the problems of modern man. Being the rector of the Kiev Theological Academy, a bastion of Orthodox thought, Innocenty (Borisov) not only contributed to the comprehension of the specifics of the Russian worldview, but also proved the correctness of his teachings in practice.

Keywords: innocenty (Borisov), Russian civilization, Russian theism, Kiev Theological Academy, morality

В переломные моменты отечественной истории наблюдается усиление интереса к определению национальной идентичности. В XIX в. происходила переоценка ценностей, появлялся интерес к духовному наследию прошлого. Национальный подъём был особенно заметен после Отечественной войны и 1812 г. Безусловно, в России всегда были мыслители, которые так или иначе пытались осмыслить бытие страны, но в моменты социально-экономического кризиса этот процесс обостряется.

Одним из таких мыслителей являлся архиепископ Херсонский и Одесский Иннокентий (Борисов)

(1800–1857). Будучи религиозным философом и участвуя в реформах духовно-академического образования, он оказал, на наш взгляд, заметное влияние на формирование специфики русской идентичности. Его система философских и теистических воззрений соответствовала ключевым установкам русской православной мысли, опиравшейся на святоотеческую традицию. В данной статье предпринимается попытка выявить особенности осмысления темы нравственности в произведениях архиеп. Иннокентия (Борисова). К слову, нравственность является ключевым понятием в русском

мировоззрению. Кроме того, современная политическая ситуация заставляет нас искать ответы на вопросы по поводу собственного национального самоопределения. Всё это повышает значимость произведений русских философов XIX в. в сфере моральной метафизики, поскольку в них содержатся ответы на многие сущностные вопросы.

Киевская духовная академия, в которой преподавал архиеп. Иннокентий, считалась одним из оплотов православной философской мысли. Её, как и Санкт-Петербургскую, Московскую и Казанскую духовные академии, отличал более высокий уровень преподавания по сравнению с университетами [5: с. 4]. Активное восприятие опыта классической европейской философии, начавшееся ещё в XVII–XVIII вв. и продолженное в первой четверти XIX в. (благодаря привлечению к преподаванию в Санкт-Петербургской духовной академии немецких профессоров И. Фесслера и И. Горна), сменилось затем «русификацией» образовательного процесса и выработкой собственного научно-терминологического аппарата. В этом процессе принял активное участие Иннокентий (Борисов). Кроме того, благодаря ему во второй четверти XIX в. стал формироваться оригинальный стиль национального философствования – «русский теизм» [7: с. 38].

Отметим важную особенность русской философии, особенно проявленную в рассматриваемый период: сочетание научности и общедоступности. Эти два элемента исходят из синтеза двух направлений, одно из которых устремлено к рационализации мысли, а второе – к истолкованию духовности. Поэтому русская философия приобретает интересную особенность: она не уходит от понимания реального человека, не пытается выработать оторванную от жизни умозрительную систему, а обращается непосредственно к человеку, человечности и, следовательно, к нравственности [7: с. 170].

Если классическая европейская философия абсолютизировала рациональный подход к познанию, считая, что истину можно объяснить и логически согласовать, то русский философский теизм опирался на иррациональное как на альтернативу рациональному, поскольку последнее имело существенный недостаток: оно не могло объяснить некий «иррациональный остаток», который включал в себя ряд сущностных вопросов. Западные философы, которые находились в иллюзии полной объяснимости мира, помещали этот остаток за скобки и не могли приблизиться к решению этих вопросов.

Для того, чтобы выйти в сферу иррационального, необходима особая перестройка мышления. Здесь задачей философствования становится осознание

своей ответственности по направлению к личной сверхъестественной задаче, смыслу жизни. Человеку тогда открывается Абсолютное, когда он готовит свою душу, нравственно совершенствуясь. Напротив, в западной философии нравственность понимается скорее как механизм общественного регулирования.

Данная черта интересно проявляется в паре категорий «образ–понятие». С точки зрения западного философа, весь мир можно объяснить с помощью абстрактных понятий, загоняя бытие в рамки буквы. А для философа, который апеллирует к иррациональному, важен не объяснимый словами образ. Такой мистицизм, понимаемый как эмоциональное, интуитивное восприятие, черпаемое в повседневной действительности, индивидуальном и коллективном сознании, позволял русским философам преодолеть рамки абстрактного теоретизирования и обратиться к «цельному знанию» – знанию, недоступному одному лишь разуму и являющемуся в многообразии и неделимой полноте [5: с. 39]. Примечательно, что этика и искусство не противоречили религиозному элементу у некоторых философов, а органически дополняли его. Проблема в том, что западные философы пытались говорить о добре и зле, полагая, что этим будет постигнуто высшее, однако обрекали себя на неудачу, поскольку упускали из виду высшее, абсолютное, с позиций которого и добро, и зло являются категориями низшего. В этом плане, несмотря на восприятие западных идей, русские теистические концепции отличались от европейской мысли.

Однако рациональное не исключалось отечественными религиозными философами, но мыслилось в качестве временной необходимости на пути к познанию. А иррациональное, которое следует понимать как особое невыразимое чувственное ощущение, открывало путь к подлинному познанию во всей его целостной полноте. Это обусловлено тем, что человек является носителем духа (по дихотомическим взглядам архиеп. Иннокентия, – души).

По-настоящему образованным человеком, с точки зрения отечественных философов, может считаться не тот, кто связывает познание в единую абстрактную систему, а тот, кто может подчинить эти познания своему кругу обязанностей, что соответствует его нравственной цели. Это отличается от общепринятого понятия философии, согласно которому она является чистым умозрением. По замечанию Е.Г. Яковлева, русские религиозные философы говорили не только о личном спасении, спасении ближнего, мира, но и о приобщении к Универсуму, который может существовать и без человека [8: с. 45].

Путь к вечности происходит через нерациональное откровение и преображение. Отсюда мы можем заключить, что для русских философов истинный смысл жизни человека состоит не столько в бесконечном преобразовании мира, сколько в самосовершенствовании, открывающем путь к слиянию с Абсолютом. Поэтому нравственность так важна в этой концепции.

Иннокентий (Борисов) обращается к социально-духовному бытию человека и посредством философии обосновывает его метафизическое существование. В своих воззрениях он синтезирует рационализм и мистицизм, «при этом вера понимается как специфический познавательный акт» [5: с. 11]. Среди философских задач он преследовал раскрытие взаимоотношений Абсолюта с миром и человеком. Абсолют находится вне мира и непостижим в своей сущности, но имманентен миру по совершенствам, пусть мир отражает их лишь в несовершенной степени. Кроме того, Абсолют постоянно заботится о мире. Это требует от человека самосовершенствования, чтобы определить свое место в мире и устремиться к Абсолюту.

Для некоторых православных авторов была характерна идея сближения божественного и человеческого через моральное подражание нравственности Бога. В этом состоит обоснование цели человеческого существования [5: с. 24]. По Иннокентию (Борисову), духовность Бога предполагает не только его бестелесность, но и ум и нравственную свободу. Следовательно, человек как производное от Него должен стремиться к Нему «в истине и добродетели» [4: с. 666]. Нравственность является условием преодоления кажущегося метафизического разрыва между Богом и миром, перед которым сталкивается человек. Смысл и цель жизни заключается в ней как в таковой и определяется полнотой его существования. Земное как конечное не может удовлетворить человеческое предназначение, когда как вечность – это то, к чему он должен обратиться. В этом контексте жизнь и смерть – это не разные явления, а составляющие единого бытия человека.

Сущность добра (добродетели, нравственности), по архиеп. Иннокентию, – святая воля Бога, который является полнотой жизни, эта воля проявляется и в природе, и в человеке, и в сверхъестественном Откровении как «как высочайшая беспредельная любовь, дающая благо всем в меру их восприимчивости, сама не нуждающаяся ни в чем» [3: с. 347]. Условие нравственности – бескорыстная любовь, которая воспитывается на основании Самой Любви –

Бога, который даровал Свой образ всей твари – видимому и невидимому миру [3: с. 364].

Вездеприсутствие Бога – условие нравственности, так как оно заставляет размышлять об уровне духовной сверхреальности, недоступном человеческому восприятию, которое ощущает только материальное пространство. Тем не менее мысль о присутствии Бога заставляет человека поступать согласно истине Его существования, совершая угодные Ему нравственные поступки. Примечательно, что разум упускает истину сверхъестественного вездеприсутствия, ставя её под сомнение, так как он не улавливает переход из бесконечного в конечное [4: с. 672–673].

Понимая божественную волю, человек устремляется к Его познанию. Совершая добрые поступки, т.е. исполняя принцип морали, следуя этой воле, человек приближается к слиянию с Абсолютом. Архиепископ Иннокентий (Борисов) отводил в деле достижения нравственности особую роль личной воле, ставя её в какой-то степени выше познания: «Какая способность человеческая важнее всех? От какой зависит больше спасение человеческое? От воли. Но чему обыкновенно отдают люди большую честь, за каким совершенством больше гонятся и чем гордятся? Познаниями, просвещением ума» [4: с. 176]. Безусловно, он не отрицал роль познания в деле самосовершенствования человека, однако познание само по себе бессмысленно. По его свидетельству, бывают случаи, когда познание даётся человеку легко, а вот воля требует со стороны человека усилий.

Говоря о возможностях саморазвития человека, Иннокентий (Борисов) утверждает, что воля относится к способностям практическим. На наш взгляд, архиеп. Иннокентий, говоря о свободе как о высшем состоянии воли, приводит нас к мысли о нравственном законе, который присущ человеку изначально и является предикатом его природы, а воля действует по этому закону. Совесть в данной системе есть осознание этого закона. Проявление воли мобилизует и подчиняет правильным связям высшие и низшие способности человека, а такая связь является способностью творческой – воображением. «Воображение стоит в душе на пределах между миром телесным и духовным; оно составляет черту, через которую предметы материальные делаются духовными, а духовные – материальными» [5: с. 111]. Следовательно, воображение необходимо для психической жизни человека так же, как свобода для нравственности.

Человек приходит к нравственности, когда его разум сталкивается с несовершенствами материального мира. Материальное не даёт ответов на

вопросы, поэтому его разум обращается к духовному. На этом этапе человек начинает отличать себя от мира и ощущает себя не только как материальное, но и духовное существо. Тогда он приходит к необходимости попечительства над окружающим его миром, исходя из того, что он создан как духовно-нравственное творение.

Будучи в полном смысле нравственным существом, человек являет преобразовательную деятельность по отношению к миру. Если по отношению к Богу он состоит в подчиненном положении, то по отношению к миру он властитель, который в то же время и ответственен перед всем сотворенным.

Философской концепции Иннокентия (Борисова) характерен антропоцентризм, а в его проповедях отчётливо проявляется сочувствие к личности, когда его слово обращается в первую очередь к человеку, к преодолению острых современных проблем. Его проповеди, которые связывают роль современного человека, его проблемы с тезисами из Писания, призывают человеческую душу к практической нравственной деятельности. Они принимают характер философствования, но опираются не на оторванную от жизни философскую теорию, а на область практического разума. В его проповедях, тяготеющих к «учительной» философии, присутствует психологическая доминанта [б: с. 272].

Интересно, что в философии Иннокентия (Борисова) несоединимые понятия видятся едиными: мир и Бог, жизнь и смерть, страдания и радость. Например, в беседе в среду 5-й недели Великого поста он говорит об облегчении положения женщины, которая осознанно принимает страдания деторождения: зная о том, что Промысел задумал через муки родов приобретение особой привязанности к ребенку, следует через нравственное повиновение этому принципу обрести особый вид радости [2: с. 277].

Свою философскую концепцию он подтверждал на деле, что говорит о правильности и весомости его идей, способных оказать влияние на русскую философию. Иными словами, деятельность Иннокентия (Борисова) подтверждала правильность его нравственной концепции. Так, реформируя образовательную среду, осуществляя преподавательскую деятельность, он ориентировался на то, чтобы его подопечные получали духовную пользу и нравственно росли. Именно при нём Киевская духовная академия получила наибольший расцвет, наступивший после периода частой смены ректоров. Составляя конспект богословских наук по поручению Комиссии духовных училищ, он учитывал необходимость перестройки «обветшавшего до-

ма», под которым он подразумевал систему современного ему образования. Введение русского языка вместо латыни, увеличение объёма преподавания философии и её разделение на метафизику, эмпирическую психологию, историю систем философских входят в эту линию. Заметим, что преподавание на русском языке, о котором многие исследователи деятельности Иннокентия (Борисова) говорят как о событии, значимом для отечественного образования, является показателем его влияния на самоидентификацию русского человека, поскольку у него с этого момента расширяются возможности мыслить философскими категориями на родном языке. Несомненно, в это же направление входит подчёркивание архиеп. Иннокентием важности преподавания в академии истории России и Русской церкви.

Иннокентий (Борисов) воспитывал своих подопечных как развитых личностей, поэтому он следил, чтобы они изучали естественную историю, астрономию и другие науки, побуждал лучших студентов принимать монашеский подвиг. Это важно, поскольку подобные люди становятся достойными представителями своего отечества.

В своих лекциях он сочетал собственную образность слова с мыслями из новейшей западной богословской литературы, соединял философию и богословие. За счёт этого лекции наполнялись живым философским смыслом, который побуждал слушателей к изменению ума в сторону положительных нравственных поступков. То же самое характерно для его проповедей, производивших на слушателей глубокое впечатление.

Не только как управитель, но и как личность в проявлении своих человеческих качеств Иннокентий (Борисов) полностью подтверждал своё учение. В рамках деятельности в Харьковской епархии он следил за развитием проповедничества, собеседованием паствы, обращением старообрядцев в православие. Примечательно, что одним из методов его борьбы со старообрядчеством являлось просвещение староверов в области истории раскола. Кроме того, он следил за тем, чтобы пример, подаваемый священниками, соответствовал нравственной чистоте. По пятницам устраивал «вечера литературы духовной», на которых присутствовали светские и духовные лица. Для того, чтобы повысить образовательный уровень духовенства в своём управлении, назначал выпускников духовных академий священниками в Симферополе, Севастополе и Ялте. Такая деятельность сближала людей разного круга и способствовала общему повышению духовно-образовательного уровня сограждан.

Пример просветительской деятельности Иннокентия (Борисова) в Крыму также показателен. Он поддерживал контакты местных народов с русскими и стремился к укреплению православия. С начала Крымской войны исполнял плодотворную деятельность, совершал торжественные богослужения и напутственные молебны во время бомбардировок, благодаря чему снижал любовь паствы и армии. Это показывает, что величие русского духа в его устойчивых нравственных основаниях было характерно Иннокентию (Борисову). Этим качеством он заражал и других: читал проповеди и служил молебны под обстрелами, обличал малодушные на поле битвы и т.д.

Проведение просветительской политики по отношению к болгарам показывает традиционное заботливое отношение русских людей к соседним народам. Например, он говорил о том, что необходимо не оружием, но «пером и умом» просвещать собратьев. Он собирал в Болгарию богослужебные книги, церковные облачения, различные вещи. Одним из наиболее весомых результатов, достигнутых архиеп. Иннокентием в этой области, стало строительство в Константинополе болгарской церкви и возведение в сан епископа Лаодикийского Стефана Ковачевича [1].

В научных статьях последних десятилетий, изучающих духовное наследие русской религиозно-философской мысли, хорошим тоном считается упомянуть, что тема исследована недостаточно. Это верно и даже полезно, но обратим внимание на изначальное побуждение подобного утверждения. Добросовестный автор, например Н.А. Куценко, действительно раскрывает нам глубину и важность учения того или иного мыслителя; читатель, вникая в материал, очевидно, найдёт для себя способ выхода из духовного и культурного кризиса современного общества, так как у такого значимого мыслителя, как Иннокентий (Борисов), любой элемент его системы обязательно приведет изучающего к обладанию алгоритмом духовного роста. Для этого ищущая личность должна допустить и принять изучаемую доктрину в конструктивном ключе со всеми содержащимися процессами и выводами, потому что философская система Иннокентия (Борисова) состоит не из застывших выводов и мёртвых афоризмов, но предлагает способы активизации психических процессов, направляет их, показывает способы преодоления возникающих трудностей. Так, например, он предупреждает человека-мыслителя, обратившегося к миру духовному для поиска объединяющего основания всех тайн природы, что философия на этом пути переходит к

этапу сверхопытного, становится метафизикой, входя в пространную область ума [4: с. 941]. Здесь осознание себя существом духовно-нравственным побуждает человека присоединиться к умственным созерцаниям и попечению об истинной деятельности. Но как человек поймёт положительную сущность своей деятельности? Познание себя на этой ступени есть ещё знание внешнее, значительно превосходящее скудость внутреннего опыта, выражающегося в формальных проявлениях, которые лишь поддерживают «благовидную наружность», и не даёт понимания истины своей деятельности [5: с. 88]. Лишь самомышление ведёт человека к познанию общего здравого смысла, а источник такого познания есть внутреннее нравственное чувство.

Индивид, искушенный в вопросах философии или богословия, очевидно, определил своё место в мироздании. Что же найдёт наш современник в поисках смысла жизни в философской системе архиеп. Иннокентия, когда российская цивилизация снова вынуждена утверждать своё право на существование? Такой вопрос предполагает либо построение и осмысление собственной космологии, либо принятие уже существующей с последующей корректировкой и систематизацией своих познаний в полноту цельного мировоззрения, представляя весь спектр своих отношений к миру, соотнося их с личными обязанностями и нравственными ценностями. Вариант такой космологии и предлагает Иннокентий (Борисов), даже несмотря на то, что она рассеяна по его произведениям.

Человек, стремящийся к полноте мировоззрения, не избежит вопроса об установлении гармонии по отношению к себе и миру. Гармоничным следует назвать такое состояние, когда центробежные и центростремительные силы рассматриваемого явления уравновешены. Так, например, Иннокентий (Борисов), говоря о природе, определяет её кажущуюся неподвижность как проявление порядка и правды, когда её углубленное изучение обнаруживает в её состоянии подлинную свободу, что, в свою очередь, говорит о присутствии в природе чувства и смысла. По утверждению архиеп. Иннокентия, развитие мира направлено на изживание хаоса. Руководствуясь красотой и гармонией в проявлениях жизни, мир стремится оставить себе лишь малое отражение хаоса.

Таким образом, нравственность как часть философской системы Иннокентия (Борисова) является философски осмысленным инструментом человеческого совершенствования и помогает его духовному восхождению, конечная цель которого – слияние с Абсолютом, вечностью. Эта особенность его

концепции есть проявление характеристических черт русской философии, которая сочетает в себе рационализацию и активное действие. Его живое обоснование выходит за рамки философского теоретизирования и призывает человека стремиться к исполнению высшей задачи, при этом заставляя его совершать соответствующие нравственные поступ-

ки. Такой подход не мог не оказать влияние на национальное самоопределение, чьему мы и можем найти подтверждение в русской истории. Чтобы конкретизировать и расширить выявленное влияние, целесообразно проводить дальнейшие исследования, что, на наш взгляд, не только возможно, но и необходимо.

Список источников

1. Барсов Н.И. Несколько слов об архиепископе Иннокентии (Борисове) по поводу новых материалов для его биографии // Христианское чтение. 1884. № 3–4. с. 489–531.
2. Иннокентий Борисов. Беседа в среду 5-й недели Великого Поста // Историко-философский ежегодник'99. Москва : Наука, 2001. 456 с.
3. Иннокентий (Борисов). Сочинения. Т. 4. Санкт-Петербург : Изд-во Вольфа, 1902. 456 с.
4. Иннокентий (Борисов). Сочинения Иннокентия архиепископа Херсонского и Таврического. Т. 6. Изд. 2-е. Санкт-Петербург : Изд. И.Л. Тузов, 1908. 985 с.
5. Красотин Е.П. Архиепископ Иннокентий (Борисов) и становление религиозно-философской школы в Киевской духовной академии во второй трети XIX века. Благовещенск, 2007. 157 с.
6. Куценко Н.А. К вопросу о нравственно-антропологической философии Иннокентия Борисова // Историко-философский ежегодник'99. Москва : Наука, 2001. 456 с.
7. Куценко Н.А. Профессиональная философия в России первой половины – середины XIX века: процесс становления и виднейшие представители. Москва : ИФ РАН, 2008. 229 с.
8. Яковлев Е.Г. Заглянуть в самую бездну: О некоторых онтологических чертах русского духа // Вестник МГУ. 1994. № 2. С. 45–47. (Сер. 7: Философия).

References

1. Barsov, N.I. Neskol'ko slov ob arkhiepiskope Innokentii (Borisove) po povodu novykh materialov dlia ego biografii // Khristianskoe chtenie. 1884. № 3–4. p. 489–531. (in Russ.).
2. Innokentii Borisov. Beseda v sredu 5-i nedeli Velikogo Posta // Istoriko-filosofskii ezhegodnik'99. Moscow : Nauka, 2001. 456 p. (in Russ.).
3. Innokentii (Borisov). Sochineniia. T. 4. Saint Petersburg : Izd-vo Vol'fa, 1902. 456 p. (in Russ.).
4. Innokentii (Borisov). Sochineniia Innokentii arkhiepiskopa Khersonskogo i Tavricheskogo. T. 6. Izd. 2-e. Saint Petersburg : Izd. I. L. Tuzov, 1908. 985 p. (in Russ.).
5. Krasotin E.P. Arkhiepiskop Innokentii (Borisov) i stanovlenie religiozno-filosofskoi shkoly v Kievskoi dukhovnoi akademii vo vtoroi treti XIX veka. Blagoveshchensk, 2007. (in Russ.).
6. Kutsenko N.A. K voprosu o nrvstvenno-antropologicheskoi filosofii Innokentii Borisova // Istoriko-filosofskii ezhegodnik'99. Moscow : Nauka, 2001. 456 p. (in Russ.).
7. Kutsenko N.A. Professional'naia filosofiiia v Rossii pervoi poloviny – serediny XIX veka: protsess stanovleniia i vidneishie predstaviteli. Moscow : IF RAN, 2008. 229 p. (in Russ.).
8. Iakovlev E. G. Zaglianut' v samuiu bezdnu: O nekotorykh ontologicheskikh chertakh russkogo dukha // Vestnik MGU. Ser. 7: Filosofiiia. 1994. № 2. p. 45–47. (in Russ.).

Информация об авторе

С.В. Медовник – аспирантка Департамента философии и религиоведения.

Information about the author

S.V. Medovnik – Postgraduate student of the Department of Philosophy and Religious Studies.

Статья поступила в редакцию 06.03.2023; одобрена после рецензирования 17.03.2023; принята к публикации 24.03.2023. The article was submitted 06.03.2023; approved after reviewing 17.03.2023; accepted for publication 24.03.2023.

Научная статья
УДК 130.3:141.41
doi:10.31079/1992-2868-2023-20-2-65-69

ПРАВОСЛАВНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ ТЕИЗМ КАК СПЕЦИФИЧЕСКОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ XIX ВЕКА

Евгений Евгеньевич Моисеенко

Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России, Владивосток, Россия,
moiseenko-16@mail.ru

Аннотация. В статье разбираются особенности существования православной философской традиции XIX в., сформировавшейся с учётом специфики российской религиозной ментальности. При этом показано влияние и европейского философского идеализма на отечественный духовно-академический теизм. Отмечается факт появления именно феномена религиозной философии или религиофилософии в высших духовных школах, при этом определена его роль в формировании православного академического этико-социального учения.

Ключевые слова: духовно-академическая философия, метафизика, религиофилософия, этика, социальное учение, консерватизм

Original article

ORTHODOX PHILOSOPHICAL THEISM AS A SPECIFIC MANIFESTATION OF RUSSIAN RELIGIOUS IDENTITY IN THE 19TH CENTURY

Evgeny E. Moiseenko

Vladivostok branch of the Far Eastern Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Vladivostok, Russia, moiseenko-16@mail.ru

Abstract. The article deals with the peculiarities of the existence of the Orthodox philosophical tradition of the 19th century which was formed taking into account the specifics of the Russian religious mentality. At the same time, the influence of European philosophical idealism on domestic spiritual and academic theism is shown. The fact of the phenomenon of religious philosophy or religious philosophy in higher theological schools is noted, while its role in the formation of Orthodox academic ethical and social teaching is determined.

Keywords: spiritual and academic philosophy, metaphysics, religious philosophy, ethics, social teaching, conservatism

Духовно-академическая философия представляет собой феномен, в котором тесно соединены собственно философская, психологическая, теологическая, социологическая составляющие. Можно, в частности, утверждать, что имеется теснейшая связь философских и богословских компонентов в трудах русских православных теистов. Следует также иметь в виду, что большая часть отечественных теистов из православных высших учебных заведений XIX – начала XX в. имели богословскую учёную степень, что накладывало сильный отпечаток на само содержание их философских сочинений. Тем не менее, при всей гетерономности православной академической философии, её связанности с богословием и даже зависимости от него, мы всё же с уверенностью можем утверждать, что философское наследие представителей духовно-академической

науки являет собой вполне автономный от богословия феномен, мы видим в данном случае именно философскую метафизику, разработку как раз в философском ключе проблем теории познания, онтологии, антропологии, этики и пр. С самого зарождения духовно-академической системы образования философия в ней рассматривалась как важнейшая дисциплина. Эта традиция восходила к многовековой практике преподавания предметов в западно-европейских университетах, особенно после принятия за основу преподавания системы перипатетизма. Уже начиная с учебных курсов Феофилакта Лопатинского мы видим чрезвычайно уважительное отношение в русских духовных академиях к философии в разных её отраслях.

Философия в духовных академиях преподавалась вначале (вплоть до второй половины XVIII в.)

на основе метафизики Аристотеля, что было вполне ожидаемо, учитывая господство аристотелизма в католических учебных заведениях, которые и были в формальном смысле образцом для подражания для русских преподавателей, отдельные представители которых ещё и обучались в католических школах (Палладий Роговский, Петр Постников и др.).

Со временем интерес к философии в духовных академиях лишь усиливался, но в данном случае речь идёт о философии религиозной. Можно этот феномен обозначить как «религиофилософия», хотя, впрочем, этот феномен был исходным для православных теистов, он дополнялся и чисто философскими исследованиями, в которых религиозная тема была представлена не более чем в любой классической модели философского идеализма (будь то у Р. Декарта, Б. Паскаля, Г.В. Лейбница, Х. Вольфа, Фр. Шеллинга, Г. Ульрици и др.). Кроме того, у православных теистов XIX – начала XX в. мы видим публикации и по истории философии, логике, философской эстетике, философским вопросам естествознания, т.е. по всем темам, которые обсуждались и в европейской университетской философии (за исключением, пожалуй, социально-философской тематики, её православные теисты из академий в силу внешних причин и обстоятельств исследовали с трудом). Эта «философская продвинутость» академий, в частности Московской духовной академии, по сравнению с университетами стала особенно явственной во второй четверти XIX в. Философ-теист С.С. Глаголев писал по этому поводу следующее: «В то время, как в Московской духовной академии читались рефераты по философии, обсуждался смысл и значение философии Канта, в журнале, издававшемся при Московском университете ("Вестнике Европы"), Канта, Фихте и Шеллинга называли сумасшедшими и их сочинения "немецкой галиматьёй". Юные студенты академии удивлялись невежеству и нелепости суждений университетского журнала» [55: с. 20–21].

Всё же необходимо остановиться именно на феномене религиозной философии (или религиофилософии), который являлся смыслоопределяющим в духовно-академическом теизме. Основная проблема, связанная с данным явлением, заключается в том, что есть противоречие между «священным» правом философа на свободное рассуждение и изначальной установкой того же философа на подчинение догматам. Нам представляется, что такое сочетание не просто возможно, оно определяло значительную часть всего философского ландшафта европейской культуры, начиная с эпохи

средневековья и вплоть до секуляризации XVIII в. Этот тип философии сформировался в европейской традиции ещё в эпоху поздней античности, начиная с неопифагорейцев, Филона Александрийского, христианских апологетов, Оригена, Григория Нисского, Августина и Боэция. Такого рода философствование приобрело в христианской традиции вид «гетерономного», т.е. зависимого от базовых положений вероучения, но не потерявшего при этом характера свободного рассуждения. Подобная модель философии доминировала также и в эпоху Средневековья, встречается она и у некоторых конфессионально ориентированных философов эпохи Нового времени (яркий пример такого «религиозного философа» – Фр. Суарес). В русской философско-идеалистической традиции такой тип философии продолжал доминировать вплоть до конца XIX в. Оплотом такого философствования, соединённого с приверженностью религиозно-догматическим убеждениям, были как раз высшие духовные учебные заведения, в которых философские кафедры занимали чрезвычайно важное место. Этот тип религиозного философа отчасти формировался в начале XIX в. и под «наблюдением» немецких профессиональных философов – приверженцев философского идеализма, приглашённых в качестве преподавателей в Санкт-Петербургскую духовную академию и проработавших там несколько лет. Можно также отметить, что один из виднейших русских религиозных философов В.С. Соловьёв обрёл своё «лицо» в таком качестве именно под воздействием посещения лекций в Московской духовной академии как «посторонний слушатель». Исследователь А.В. Лукьянов, дореволюционный биограф Вл. Соловьёва, указывал в этой связи, что Московская духовная академия «представлялась Соловьёву в более сочувственном освещении, чем университет. Те области знания, которые по-преимуществу занимали его, разрабатывались в академии и шире, и глубже, чем в университете, да и притом и общая идеалистическая окраска академии ... должна была производить на него хорошее впечатление» [4: с. 343]. Подобный сложившийся тип профессионального философа-идеалиста и теиста или «религиозного философа» пропагандировался и распространялся русскими профессорами-теистами, выходцами из духовных академий, и в университетах, которые стали приглашать к себе хорошо зарекомендовавших себя профессоров из православных высших учебных заведений, когда в 1863 г. в университетах были восстановлены кафедры философии. В данном случае можно назвать Ф.Ф. Сидонского, перешедшего

в Санкт-Петербургский университет, и П.Д. Юревича, бывшего преподавателем Киевской духовной академии и перешедшего в Московский университет. Подражание им со стороны студентов, вероятно, и продуцировало тип религиозного философа, который так характерен для отечественной философской публицистики последней трети XIX – начала XX в. Сам феномен отечественной религиозной философии существовал и в среде русской эмиграции после драматических событий в России начала XX в. Впрочем, и сейчас религиозная философия как направление русской православной мысли имеет все перспективы не только для возрождения, но и последующего развития, когда новейшие философские идеи могут быть синтезированы, соединены с религиозным пониманием.

Православный академический теизм есть наиболее последовательный и завершённый тип религиозной философии, который концентрируется на ряде важнейших тем. Во-первых, он стремится ввести в философский дискурс феномен Абсолюта, причём речь идёт об Абсолюте как Личности. Такая попытка приводит к «персонализации» самой метафизики, которая должна отражать возможность и необходимость присутствия в бытии Абсолюта как Живой и Всесовершенной личности. Во-вторых, данная модель «персоналистической метафизики» предполагает повышенный интерес к человеку в его противоречиях, с описанием творческих возможностей субъекта. Поэтому философско-религиозная антропология была ключевым элементом духовно-академического философского теизма. В-третьих, православные философы-теисты давали рациональное объяснение ряду христианских догматов и положений, включая обоснование бытия Сверхсущего, обоснование духовности и бессмертия человеческой души. Это породило феномен философско-теологического рационализма, представленного такими выдающимися православными философами, как Ф.А. Голубинский, В.Д. Кудрявцев-Платонов, Ф.Ф. Сидонский, С.С. Гогоцкий, П.И. Линицкий и др. Эти рациональные объяснения, безусловно, относятся к числу философских, и лишь по недоразумению их иногда относят к корпусу богословия. В-четвёртых, православный академический теизм очень чутко воспринимал западные философские «новинки», живо откликался на них, и поэтому исследования православных теистов, особенно кандидатские сочинения, касались и новейших проблем европейского философского сознания, при этом предпринимались попытки со стороны русских философов-теистов выработать ответ на эти новые идеи. Например, в кандидат-

ских сочинениях студентов духовных академий мы встречаем и критику эмпириокритицизма и махизма, и критическое обсуждение интуитивизма А. Бергсона, и критику французского католического персонализма Э. Мунье, и разбор философской концепции неоавгустинистов, и анализ религиозной феноменологии У. Джеймса и др.

Обращаясь к интерпретации русскими теистами вопросов этики, моральных феноменов, мы можем выделить у них «двойной» подход. С одной стороны, эти вопросы истолковывались ими в богословском ключе, когда речь заходила о трактовке отдельных положений Священного Писания, комментариях на мнения известных богословов и т.п., с другой стороны, в сочинениях православных авторов из духовных академий, касающихся вопросов этики, очевидна постановка и решение философских вопросов, в частности в том, что касается смысла и цели жизни человека, определения важнейших ценностей, жизненных ориентиров для каждого в отдельности и всего общества в целом. Особое значение в данном случае имеет философское осмысление православными теистами нравственных способностей человека. Также русские теисты исходили из убеждения о первостепенной важности вопроса свободы воли человека, в её связи с темой нравственной ответственности. Кроме того, следует учесть, что православные теисты активно применяли те достижения в области философской этики, которые были характерны для их коллег-современников из европейских университетов. Так, православные теисты неоднократно ссылались на работы ведущих западных исследователей в области философской этики Дж. Бенстама, Г. Спенсера, кроме того, они критиковали позитивистские и неокантианские концепции, касающиеся области нравственной жизни, но иногда их концепты и использовали, особенно это касалось неокантианцев с их критикой марксизма.

В отношении к социальным явлениям русские теисты также использовали в своей интерпретации разнообразный философский инструментарий, сводимый ими нередко к этико-философскому уровню. В целом для православных теистов характерно намерение именно с этических позиций оценивать социальные и экономические явления, что было следствием недостаточности их экономических и социально-философских знаний. Их интерес к явлениям социально-экономической и социально-политической жизни носил в первую очередь именно нравственный характер, т.е. им необходимо было применить имевшиеся в их распоряжении нравственные критерии к этим явлениям.

Общая черта и особенность социальной философии русских православных теистов – их принадлежность к консервативному направлению отечественной общественно-политической мысли. Этот консерватизм имел свои нюансы в интерпретациях разных русских православных авторов, но общие социально-философские установки ставили этих авторов на «одну сторону баррикад» при обсуждении путей развития форм социальной жизни в России.

Существенным элементом социально-философских взглядов православных теистов была критика оппонентов русского консерватизма, к числу которых относили, главным образом, представителей либерального направления, а также социалистов, включая и марксистов. Иногда эта критика была архаичной по сути, касалась, например, социалистов-утопистов и сторонников первых вариантов коммунистической утопии – Т. Кампанеллы, Т. Мора, Гр. Бабёфа, Ш. Фурье, Р. Оуэна и др., которые уже не увлекали русскую политически активную общественность второй половины XIX в. Интересно также проанализировать критику православными теистами из духовных академий социально-философской концепции анархизма (М.А. Бакунин,

П.А. Кропоткин и др.). Кроме того, интерес представляет исследование соотношения социально-философских и этических концепций православных теистов с аналогичными концепциями русских философов-консерваторов – Н.Я. Данилевского, П.Е. Астафьева, Н.Н. Страхова и др. В некоторых случаях степень близости взглядов была достаточно сильной, в некоторых (например, в случае со славянофилами, К.Н. Леонтьевым и В.В. Розановым) – можно скорее говорить о противоположных подходах в том, что касается вопросов семьи и брака (полемика с В.В. Розановым) или национально-государственного строительства («эстетическое понимание истории» К.Н. Леонтьева). Но в любом случае, несогласие представителей духовно-академического теизма с русскими консерваторами и «реакционерами» не было столь радикальным, как с социалистами и либералами. Частные расхождения по вопросам общественного уклада компенсировались их общим убеждением в необходимости отстаивать ценности православной русской цивилизации перед лицом попыток эти ценности заменить иным социально-политическим проектом.

Список источников

1. Глаголев С.С. Протоиерей Фёдор Александрович Голубинский: его жизнь и деятельность. Сергиев Посад, 1898. С. 21–24.
2. Емельянов Б.В. Избранные страницы русской философии: Статьи. Персоналии. Выступления. Письма. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2007. 236 с.
3. Кирилл, архиеп. Богословское образование в Петербурге-Петрограде-Ленинграде: традиция и поиск // Богословские труды. Сборник, посвящённый 175-летию Ленинградской духовной академии. Издание Московской патриархии. Москва, 1986.
4. Лукьянов А.В. О Вл.С. Соловьёве в его молодые годы. Материалы к биографии. Кн. 1. Москва : Книга, 1990.
5. Нижников С.А., Гребешев И.В. Генезис и развитие метафизической мысли в России. Москва : Руниверс, 2016. 504 с.
6. Панибратцев А.В. Философия в Московской славяно-греко-латинской академии: первая четверть XVIII . Москва : ИФ РАН, 1997. 151 с.
7. Пишун С.В. Православная персонология и духовно-академическая философия XIX века. Москва : Прометей, 1996. 431 с.
8. Пишун С.В., Гунькин И.В., Пинчук В.Ю., Сахатский А.Г. Православный философский теизм. Владивосток : Изд-во Дальневосточного университета, 2006. 196 с.
9. Старокадомский М.А. Опыты умозрительного толкования теизма в трудах профессоров Московской духовной академии. Загорск, 1969. 311 с.
10. Цвык И.В. Духовно-академическая философия в России XIX в. Москва, 2002. 333 с.

References

1. Glagolev S.S. *Protoierey Fyodor Aleksandrovich Golubinskiy: ego zhizn i deyatelnost*. [Archpriest Fyodor Alexandrovich Golubinsky: his life and work]. Sergiev Posad, 1898. P.21-24. (In Russ.).
2. Emelyanov B.V. *Uzbrannyie stranitsy russkoy filosofii. Statii. Personalii. Vystupleniya. Pisma*. [Selected Pages of Russian Philosophy: Articles. Personalities. Performances. Letters]. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University, 2007. 236 p. (In Russ.).
3. Cyril, archbishop *Teologicheskoye oberazovaniye v Sankt-Peterburgwe-Petrorrade-Leningrade: traditsiya i poisk*. [Theological education in St. Petersburg-Petrograd-Leningrad: tradition and search]. Theological Works. Collection dedicated to the 175th anniversary of the Leningrad Theological Academy. Edition of the Moscow Patriarchy. M., 1986. (In Russ.).
4. Lukyanov A.V. *O VI.S.Solovieve v ego molodye gody*. About VI.S. Solovyov in his youth. Materials for the biography. Book 1. M. : "Book", 1990. (In Russ.).

5. Nizhnikov S.A., Grebeshev I.V. *Genezis i razvitiye metafizicheskoy mysli v Rossii*. [Genesis and development of metaphysical thought in Russia]. M.: Rusunivers, 2016. – 504 p. (In Russ.).
6. Panibrattsev A.V. *Filosofiya v Moskovskoy Slaviano-Greko-latinskoy akademii: pervaya Chetvert XVIII veka*. [Philosophy at the Moscow Slavic-Greek-Latin Academy: the first quarter of the XVIII]. M.: IF RAN, 1997. – 151 p. (In Russ.).
7. Pishun S.V. *Pravoslavnaya personologiya i duhovno-akademicheskaya filosofiya XIX veka*. [Orthodox personology and spiritual-academic philosophy of the 19th century]. M.: Prometheus, 1996. – 431 p. (In Russ.).
8. Pishun S.V., Gunkin I.V., Pinchuk V.Yu., Sakhatsky A.G. *Pravoslavniy filosofskiy teizm*. [Orthodox philosophical theism]. Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern University, 2006. 196 p. (In Russ.).
9. Starokadomsky M.A. *Opyty umozritel'nogo tolkovaniya teizma v trudah professorov Moskovskoy duhovnoy akademii*. [Experiences of Speculative Interpretation of Theism in the Works of Professors of the Moscow Theological Academy]. Zagorsk, 1969. 311 p. (In Russ.).
10. Tsvyk I.V. *Duhovno-akademicheskaya filosofiya v Rossii v XIX veke*. [Spiritual-academic philosophy in Russia in the 19th century]. M., 2002. 333 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Е.Е. Моисеенко – преподаватель кафедры общеправовых дисциплин.

Information about the author

E.E. Moiseenko – lecturer at the Department of General Legal Disciplines.

Статья поступила в редакцию 06.03.2023; одобрена после рецензирования 17.03.2023; принята к публикации 24.03.2023.
The article was submitted 06.03.2023; approved after reviewing 17.03.2023; accepted for publication 24.03.2023.

Научная статья

УДК 141.41:130.3

doi:10.31079/1992-2868-2023-20-2-70-74

ПРАВОСЛАВНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ ТЕИЗМ И СЛАВЯНОФИЛЬСТВО: ВЗГЛЯД НА СОЦИАЛЬНУЮ ТЕМАТИКУ

Наталья Валерьевна Новикова

Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия, natashylya19@bk.ru

Аннотация. Показан интерес православных философов-теистов из духовных академий к философскому наследию славянофилов. Выявлены различия среди духовно-академических авторов в оценке вклада славянофильства в развитие русской религиозной философии. Определены особенности православно-теистического восприятия идеологических поисков славянофилов и почвенников.

Ключевые слова: славянофилы, духовно-академическая философия, теизм, «национальный элемент», консерватизм, утопизм

Original article

ORTHODOX PHILOSOPHICAL THEISM AND SLAVOPHILISM: A SOCIAL PERSPECTIVE

Natalia V. Novikova

Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia, natashylya19@bk.ru

Abstract. The interest of Orthodox theist philosophers from theological academies in the philosophical heritage of Slavophiles is shown. Differences are identified among spiritual and academic authors in assessing the contribution of Slavophilism to the development of Russian religious philosophy. The peculiarities of the Orthodox-theistic perception of the ideological searches of Slavophiles and Pochvenniks are determined.

Keywords: slavophiles, spiritual and academic philosophy, theism, "national element," conservatism, utopianism

Трудно оспаривать точку зрения о том, что славянофилы являются одним из ведущих направлений отечественной социально-философской мысли XIX в. Сложно представить всю русскую общественную мысль без творческого наследия А.С. Хомякова и И.В. Киреевского, Ю.Ф. Самарина и К.С. Аксакова. Идея верности православию, отстаивание цивилизационной идентичности России – это кредо славянофильства вызывало несомненные симпатии среди представителей других религиозно-философских школ и направлений. Очевидно, что и православные преподаватели духовных академий обязательно должны были обратиться к теме славянофильства, его ценности в рамках разрабатывавшихся моделей на путях укрепления российского государства, возвращения общества к своему «естественному состоянию». Достаточно часто они тепло отзывались о вождах славянофильства. Например, в некрологе по случаю смерти Ю.Ф. Самарина этот видный славянофил характеризуется как «дорогой человек, один из лучших борцов за всё лучшее, благороднейшее проявление нашей жизни» [17: с.12].

В самом деле, интерес православных философов-теистов к наследию славянофилов был большой. Можно упомянуть, в частности, две работы Н.И. Барсова «Новый метод в богословии (опыт синтеза богословских идей Хомякова)» [2], «О значении Хомякова в истории русского богословия» [3], статью М.О. Кояловича в «Сборнике статей в память 50-летия служения высокопреосвящённого митрополита Исидора в сане епископа» [8], статьи Ф.А. Терновского [20], две работы А.М. Иванцова-Платонова «По поводу издания богословских сочинений Хомякова» [5] и «По поводу писем Хомякова к Пальмеру» [6], статью Е.К. Смирнова «Славянофилы и их учение в отношении к богословской науке» [19].

Одно из интересных суждений о родоначальнике славянофильства высказал в журнале «Православный собеседник» выпускник Киевской духовной академии и профессор Казанской духовной академии, филолог А.С. Царевский, который так-же считал Н.В. Гоголя. Тот же А.С. Царевский с большим восторгом отзывался о других первых

славянофилах – А.С. Хомякове, И.В. Киреевском, Ю.Ф. Самарине, братьях К.С. и И.С. Аксаковых, Ф.И. Тютчеве и М.П. Погодине. Они, по мысли А.С. Царевского, составили «целую группу писателей в высшей степени симпатичных и незабвенных в истории национального русского самосознания», они – «богатыри национального русского духа», «подвигом своей жизни запечатлевшие искренность и правду своих убеждений» [21: с. 404–405].

Выдающиеся православные теисты В.Д. Кудрявцев-Платонов и П.И. Линицкий также обратились к наследию ранних славянофилов. И если В.Д. Кудрявцев-Платонов в целом сочувственно, хотя часто и критически отзывался о славянофильском учении, указывая на православный характер концепции А.С. Хомякова и отвергая его обвинение в протестантизме [9: с. 553–563], то П.И. Линицкий в своей объёмной работе «Славянофильство и либерализм. Опыт систематического обзора того и другого» даёт гораздо более жёсткую оценку славянофильству [12].

Линицкий обнаруживает в учении Хомякова и Киреевского гипертрофированно возросший «национальный элемент». Другой профессор Киевской духовной академии М.Е. Ковальницкий указывал, что «национальный элемент» уже со времён императора Константина лишь способствовал разжиганию вражды между церквями и что «национальная гордыня» не даёт возможности «объединить усилия христиан всего мира и по сей день» [7: с. 234]. Кроме того, Линицкий признавал внутреннюю противоречивость славянофильского учения, в котором «разум то рассматривается как единство веры и знания, и в этом смысле говорится о цельном разуме, о единстве мыслей жизни, то противопоставляется как область знания вере, причём говорится об ограниченности разума и разум понимается уже как сила аналитическая» [11: с. 336]. Впрочем, и симпатии В.Д. Кудрявцева-Платонова к славянофилам тоже были весьма условными. Профессор кафедры психологии Московской духовной академии П.П. Соколов в память о Кудрявцеве-Платонове высказал следующее: «Славянофилы соединяли с искренней преданностью религии и с мечтой о национальной русской философии романтическое преклонение перед допетровской Русью и сентиментальную идеализацию всего славянского братства. Вот в это-то время ты вступил на философское поприще. Ты не примкнул к славянофилам, которые хотели видеть в тебе опору. Ты поднял знамя старых, вечных, общечеловеческих идеалов и с силою убеждения и таланта выступил в их защиту» [10: с. 153]. Расхождения православных теистов

и славянофилов в отношении социальной проблематики лежали на поверхности и были очевидными. Славянофильские учения есть попытка выработать вполне определённую идеологию, основанную на этнорелигиозной патриархальности, реализовать принципы историософского утопизма, сочетающиеся с романтизмом. Об этом писали, в частности, православные исследователи А. Майеранов и П. Рождественский, указывавшие на существование генетической связи европейского романтизма и немецкой философии с содержанием славянофильской теории [14: с. 312–315]. В славянофильской доктрине произошло объединение культуры, политики и религии, что вызывало возражения в духовно-академической науке. Как писал русский философ и публицист Л. Савельев, «...славянофилы смотрели на национальное возрождение России сквозь призму космических мессианских задач. Но только в плане реальной возможности выхода России из тупика европейского духовного кризиса, но и в плане спасения всего человечества от духовно-нравственного разложения» [16: с. 155]. Вместе с тем, по мере возникновения внутренних и внешних вызовов России (революционные волнения, военные конфликты), некоторые представители духовно-академической науки начинали искать ответы на актуальные вопросы, в том числе и в учении славянофилов. Но в целом православные теисты были намного менее активны в обсуждении насущных социально-политических проблем. С.В. Пишун замечает по данному поводу: «Для славянофилов центром философских поисков являлось стремление понять цель и смысл существования не *отдельной* личности, а личности *коллективной* – всего славянства. Славянофильская триада – Бог, Народ (община, мир), Церковь. Для духовно-академической философии триада выглядела иначе – Бог, Личность, Вера» [15: с. 102–103].

Феномены социального и политического были в православном теизме тесно связаны с этическими категориями и принципами. Тем самым определялась «персоналистическая» природа социального и политического учений. Фактически социальное учение православных авторов заключалось в их же философско-антропологическом, философско-этическом и нравственно-богословском наследии. В подобной интерпретации человек – ключевая «клеточка» общественного организма, и поэтому только через разгадку «тайны самого человека» можно понять тайну организации общества и его институтов. Впрочем, некоторые православные теисты, обращаясь к историческому материалу, признавали ценными некоторые разработки сла-

вянофилов, например учение о духе общинности в социально-экономической жизни и учение о соборности в религиозной жизни, иногда заводя так близкий славянофилам разговор «об историческом призвании русского народа», как писал уже упоминавшийся нами выше большой поклонник философского и богословского учения А.С. Хомякова профессор Киевской духовной академии В.З. Завитневич [4: с. 341–365]. Значимой и ценной для православных теистов была консервативная установка славянофилов, их желание направить русскую историю и русскую политику в русло традиционного уклада и христианских установлений. Но социальные взгляды представителей духовно-академической философии должны были отражать имперские настроения, ведь Русская церковь была, по существу, одной из ключевых институций Российской империи, находившейся под определённым контролем. В каком-то смысле идейными наследниками православных теистов в вопросах социального и политического характера были русские эмигранты-евразийцы (Н.Н. Алексеев, П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой и др.), также понимавшие ограниченность и ущербность славянофильского общественного идеала. Интересно то, что ряд православных исследователей из духовных академий с симпатией и пониманием относились к критике известным почвенником К.Н. Леонтьевым славянофильских концепций и его альтернативной социально-философской и социально-политической концепции «византизма». В частности, можно указать на вышедший в 1914 г. труд «Политические и церковно-общественные идеалы К.Н. Леонтьева» выпускника Санкт-Петербургской духовной академии Андрея Цыганова [22], в котором автор фактически разделяет скептицизм Леонтьева в отношении возможности создания какого-либо сообщества русских практически со всеми славянскими нациями в Центральной и Южной Европе, включая болгар, чехов, поляков, даже сербов. В то же время у автора вызывает сочувствие идея К.Н. Леонтьева о духовном родстве русских с проживающими вместе с ними тюркскими и другими азиатскими народами. Он считает её весьма полезной для России в связи с тем, что фактор единения русских и тюркских народов будет становиться всё более значимым для исторического выживания нашей страны.

Но, вместе с тем, следует указать и на некоторую общность взглядов духовно-академических

авторов и славянофилов, в частности, воззрений на природу государства как такового, его цели и задачи. Например, православные авторы, подобно славянофилу И.С. Аксакову, различали «языческое» или «древнее» государство и тот тип государства, который возник под влиянием христианства. Они не гипертрофировали это различие, понимали принципиальную схожесть условно «дохристианского» и условно «христианского» государства, но всё же указывали на те огромные изменения, которые несла с собой Церковь Нового Завета. Тот же И.С. Аксаков писал следующее: «Христианство открыло человеку и человечеству "высшее" призвание "вне" государства и высший идеал вселенского единства в Церкви, ограничило значение государства значением "царства от мира сего", указало предел воздаяния Кесарю (олицетворение принципа государства); одним словом, поставило над Кесарем (государством) Бога и провозгласило то высшее божественное начало, которому подчинена личная совесть и правящих, и управляемых, а следовательно, подчинено нравственно и государство и всякий иной вид человеческого общежития» [1: с. 202]. Преображающая роль христианства для общественной и государственной жизни неоднократно подчёркивалась и представителями духовно-академической науки. Некоторые выдающиеся выпускники духовных академий стремились «направить» само славянофильство на путь православного теизма. Показательна в этом смысле личность Н.П. Гилярова-Платонова, который, по словам архим. Сергия, произнесённым по случаю его кончины, был «талантливый бывший профессор-эксегет, богослов, историк, археолог и философ, – примкнул к кружку светских философов-богословов, славянофилов», при этом «первые славянофилы, после долгого искания истины в области немецкой философии, устремились в недра православной церкви и богословской науки и, заимствуя от неё свет, просвещающий всякого человека, грядущего в мир, сами привнесли в неё приток свежей глубокой мысли и чувства». Гиляров-Платонов, как писал архим. Сергей, вышел «навстречу этому течению научному со свежою и обильною струёй мысли цельной, возвышенной, глубокой и прочувствованной и, заимствуя многим от них, сам немало привнёс к ним, предохраняя их от философии по стихиям мира, а не по Христе (Кол. II, 3) (от увлечения гегелевской философией» [18: с. 738].

Список источников

1. Аксаков И.С. Собрание сочинений. Т. 4. Москва : Типография М.Г. Волчанинова, 1886.
2. Барсов Н.И. Новый метод в богословии (опыт синтеза богословских идей А.С. Хомякова) // Христианское чтение. 1869. Т. 1.

3. Барсов Н.И. О значении А.С. Хомякова в истории русского богословия // Христианское чтение. 1873. Т. 2.
4. Завитневич В.З. Об историческом призвании русского народа // Труды Киевской духовной академии. 1893. № 11. С. 341–365.
5. Иванцов-Платонов А.М. По поводу издания богословских сочинений А.С. Хомякова // Православное обозрение. 1869. № 1.
6. Иванцов-Платонов А.М. По поводу писем А.С. Хомякова к Пальмеру // Православное обозрение. 1869. № 3–5.
7. Ковальницкий М.Е. О значении национального элемента в историческом развитии христианства // Труды Киевской духовной академии. 1880. Т. 1.
8. Коялович М.О. Так называемые славянофилы // В память 50-летия служения высокопреосвященного митрополита Исидора в сане епископа. Санкт-Петербург, 1884.
9. Кудрявцев-Платонов В.Д. Вопрос о протестантстве в воззрении А.С. Хомякова // Православное обозрение. 1883. № 3. С. 553–563.
10. Кудрявцев-Платонов В.Д. Сочинения. Т. 1. Вып. 1. Сергиев Посад, 1892.
11. Линицкий П.И. Отзыв на кандидатское сочинение П. Лотоцкого «К вопросу об отношении веры к знанию: основания для решения указанного вопроса, заключающиеся в сочинениях Владимира Соловьёва (критическое исследование). Журнал Совета Киевской духовной академии за 1903–1904 учебный год. С. 336 // Труды Киевской духовной академии. 1904. № 10.
12. Линицкий П.И. Славянофильство и либерализм: опыт систематического обозрения того и другого // Труды Киевской духовной академии. 1882. № 3–5.
13. Лотоцкий П. Вопрос об отношении веры к знанию: основания для решения указанного вопроса, заключающиеся в сочинениях Владимира Соловьёва (критическое исследование). Журнал Совета Киевской духовной академии за 1903–1904 учебный год // Труды Киевской духовной академии. 1904. № 10.
14. Майеранов А. Представители славянофильства в России. Киев, 1880.
15. Пишун С.В. Православная персонология и духовно-академическая философия XIX века. Москва : Прометей, 1996.
16. Савельев Л. Записки по русской философии // Москва. 1993. № 4.
17. Самарин Ю.Ф. (некролог) // Церковный вестник. 1876. № 14. С. 11–13.
18. Архим. Сергей. Речь при отпевании Н.П. Гилярова-Платонова // Церковный вестник. 1887. № 43. С. 738.
19. Смирнов Е.К. Славянофилы и их учение в отношении к богословской науке // Странник. 1877. № 2–3.
20. Терновский Ф.А. О сочинениях И.В. Киреевского // Труды Киевской духовной академии. 1864. Т.1.
21. Царевский А. Значение русской словесности в национальном русском образовании // Православный собеседник. 1893. № 11.
22. Цыганов А. Политические и церковно-общественные идеалы К.Н. Леонтьева Андрея Цыганова. Санкт-Петербург, 1914.

References

1. Aksakov I.S. *Sobraniye sochineniy* [Collected works. T.4]. M.: Printing house M.G. Volchaninov, 1886.
2. Barsov N.I. *Novyi metod v bogoslovii (opyt sinteza bogoslovskih idey A.S.Homyakova)* [A new method in theology (experience in the synthesis of theological ideas by A.S. Khomyakov)]. Christian reading. 1869. T.1.
3. Barsov N.I. *O znachenii A.S.Homyakova v istorii russkogo bogosloviya* [On the significance of A.S. Khomyakov in the history of Russian theology]. Christian reading. 1873. T.2.
4. Zavitnevich V.Z. *Ob istoricheskom prizvanii russkogo naroda* [On the historical vocation of the Russian people]. Proceedings of the Kyiv Theological Academy. 1893. № 11. S.341–365.
5. Ivantsov-Platonov A.M. *Po povodu izdaniya bogoslovskih sochineniy A.S.Homyakova* [Regarding the publication of theological works by A.S. Khomyakov]. Orthodox Review. 1869. № 1.
6. Ivantsov-Platonov A.M. *Po povodu pisem A.S.Homyakova k Palmeru* [Regarding the letters of A.S. Khomyakov to Palmer]. Orthodox Review. 1869. № 3–5.
7. Kovalnitsky M.E. *O znachenii natsionalnogo elementa v istoricheskom razvitii hristianstva* [On the significance of the national element in the historical development of Christianity]. Proceedings of the Kyiv Theological Academy. 1880. T.1.
8. Koyalovich M.O. *Tak nazyvaemye slavyanofily* [The so-called Slavophile]. In memory of the 50th anniversary of the ministry of His Eminence Metropolitan Isidore in the rank of bishop. St. Petersburg, 1884.
9. Kudryavtsev-Platonov V.D. *Vopros o protestantstve v vozzrenii A.S.Homyakova* [The question of Protestantism in the opinion of A.S. Khomyakov]. Orthodox Review. 1883. № 3. S.553–563.
10. Kudryavtsev-Platonov V.D. *Sochineniya* [Works]. T.1. Issue 1. Sergiev Posad, 1892.
11. Linitzky P.I. *Otzyv na kandidatskoye sochinenie P.Lototskogo "K voprosu ob otnoshenii veri k znaniyu: osnovaniya dlia resheniya ukazannogo voprosa, zakluhausciesia v sochineniah Vl. Solovieva* [Review of the candidate essay by P. Lototsky "On the question of the attitude of faith to knowledge: the grounds for resolving this issue, consisting in the works of Vladimir Solovyov (critical study)]. Journal of the Council of the Kyiv Theological Academy for 1903–1904. S.336// Proceedings of the Kyiv Spiritual Acaemia. 1904. № 10.
12. Linitzky P.I. *Slavyanofilstvo i liberalizm: opyt sistematicheskogo obozreniya togo i drugogo* [Slavophilism and liberalism: experience in systematic review of both] Proceedings of the Kyiv Theological Academy. 1882. № № 3–5.
13. Lototsky P. *K voprosu ob otnoshenii veri k znaniyu: osnovaniya dlia resheniya ukazannogo voprosa, zakluhausciesia v sochineniah Vl. Solovieva* [The question of the attitude of faith to knowledge: the grounds for solving this issue are the works of Vladimir Solovyov (critical study)]. Journals of the Council of the Kyiv Theological Academy for the academic year 1903–1904 // Proceedings of the Kyiv Theological Academy. 1904. № 10.

14. Mayeranov A. *Predstaviteli slavyanofilstva v Rossii* [Representatives of Slavophilia in Russia]. Kyiv, 1880.
15. Pishun S.V. *Pravoslavnaya personologiya i duhovno-akademicheskaya filosofiya XIX veka* [Orthodox personology and spiritual and academic philosophy of the XIX century]. M.: Prometheus, 1996.
16. Savelyev L. *Zapiski po russkoy filosofii* [Notes on Russian Philosophy]. Moscow. 1993. № 4.
17. *Samarin U.F. (nekrolog)* [Samarin Yu.F. (obituary)]. Church Herald. 1876. № 14. S.11–13.
18. Archim. Sergius. *Rech pri opevanii N.P. Gilyarova-Platonova* [Speech during the funeral service of N.P. Gilyarov-Platonov]. Church Bulletin. 1887. № 43. S.738.
19. Smirnov E.K. *Slavyanofily i ih ucheniye v otnoshenii k bogoslovskoy nauke* [Slavyanophiles and their teachings in relation to theological science]. Wanderer. 1877. № 2–3.
20. Ternovsky F.A. *O sochineniyah I.V.Kireevskogo* [On the works of I.V. Kireevsky]. Proceedings of the Kyiv Theological Academy. 1864. T.1.
21. Tsarevsky A. *Znachenie russkoy slovesnosti v natsionalnom russkom obrazovanii* [The meaning of Russian literature in national Russian education]. Orthodox interlocutor. 1893. № 11.
22. Tsyganov A. *Politicheskiye i tserkovno-obschestvennyye idealy K.N. Leontieva* [Political and church-social ideals of K.N. Leontiev] Andrei Tsyganov. St. Petersburg, 1914.

Информация об авторе

Н.В. Новикова – преподаватель высшей квалификационной категории.

Information about the author

N.V. Novikova – a top-rank teacher.

Статья поступила в редакцию 06.03.2023; одобрена после рецензирования 17.03.2023; принята к публикации 24.03.2023.
The article was submitted 06.03.2023; approved after reviewing 17.03.2023; accepted for publication 24.03.2023.

Научная статья
УДК 141.41:271.22
doi:10.31079/1992-2868-2023-20-2-75-84

Ф.А. ГОЛУБИНСКИЙ И ПОИСК РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РУССКОЙ ДУХОВНОЙ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ XIX ВЕКА

Сергей Викторович Пишун

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия, pishoons@mail.ru

Аннотация. В статье проведён анализ религиозно-философского наследия Ф.А. Голубинского, показан его вклад в развитие отечественной интеллектуальной и духовной традиции XIX в., заключающийся в соединении рационалистической дискурсивности с интуитивизмом и мистицизмом. Следствием такого соединения стала теистическая метафизика Голубинского, придавшая русской духовно-академической философии системный характер. В статье разбираются отдельные элементы этой системы – онтология, гносеология, метафизическая психология, делается вывод об их существенных характеристиках.

Ключевые слова: русская духовно-академическая философия, академический теизм, онтология, гносеология, метафизическая психология, традиционизм

Original article

F.A. GOLUBINSKY AND SEARCH FOR RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL IDENTITY IN THE RUSSIAN SPIRITUAL AND INTELLECTUAL CULTURE OF THE 19TH CENTURY

Sergey V. Pishun

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia, pishoons@mail.ru

Abstract. The article analyzes the religious and philosophical heritage of F.A. Golubinsky, shows his contribution to the development of the domestic intellectual and spiritual tradition of the 19th century, which consists in combining rationalistic discursiveness with intuitivism and mysticism. The consequence of such a connection was the theistic metaphysics of Golubinsky, which gave the Russian spiritual and academic philosophy a systematic character. The article examines individual elements of this system – ontology, gnoseology, metaphysical psychology, and concludes about their essential characteristics.

Keywords: russian spiritual and academic philosophy, academic theism, ontology, gnoseology, metaphysical psychology, traditionism

Последние полтора десятилетия современная отечественная историко-философская наука сделала большой шаг вперёд в осмыслении идейного наследия российской религиозной философии XIX – начала XX в. Было выпущено много интересных работ, посвящённых философскому наследию представителей школы «всеединства», представителей «нового религиозного сознания», неокантианства, славянофильства, почвенничества и др. В целом многие историко-философские аспекты, связанные с проблематикой отечественного религиозного «любомудрия», были очень хорошо разобраны и исследованы.

Вместе с тем остаются темы в истории отечественной религиозно-философской мысли, которые исследованы недостаточно. В частности, пока ещё мало публикаций посвящено истории русского духовно-академического теизма. Нам представля-

ется, что данная тема является одной из наиболее перспективных и многообещающих. Во всяком случае, именно духовно-академическая философия имела наибольший уровень сложности, в наибольшей степени обнаруживала в себе признаки системности и концептуальности. В этой связи можно указать на выдающихся русских философов и богословов, относившихся к московской школе духовно-академического теизма (Ф.А. Голубинский, В.Д. Кудрявцев-Платонов, М.М. Тареев, А.И. Введенский, С.С. Глаголев и др.).

Таким образом, изучение истории русского духовно-академического теизма остаётся весьма актуальным. Восстанавливающаяся традиция русской религиозной философии должна, на наш взгляд, опираться на прошлую духовно-философскую традицию, отличавшуюся разнообразием имён и направлений. Наибольшей глубиной отличалась

именно духовно-академическая философская школа, представленная, в первую очередь, философами из Московской духовной академии. В этом высшем православном учебном заведении первым выдающимся философом, создавшим собственную метафизическую систему, был **Фёдор Александрович Голубинский** (1797–1854).

Голубинский стремился привить студентам вкус к философскому творчеству. При его участии студенты готовили переводы основных сочинений представителей немецкой классической философии. Особенно серьёзно в кружке Голубинского изучались книги Канта. По словам С.К. Смирнова, под руководством Голубинского студенты «философствовали, спорили, помогали друг другу в понимании Кантова учения, трудились над переводом технических слов его языка и разбирали системы его учеников». Голубинский и его философская школа неоднократно давали отповедь поверхностным суждениям о немецкой классической философии. В частности, это произошло, когда в журнале Московского университета «Вестник Европы» появилась заметка, в которой Кант, Фихте и Шеллинг объявлялись «помешанными», а их творческое наследие названо «немецкой галиматьёй». Известно, что Ф.А. Голубинский вёл активную переписку с Фр. Шеллингом, причём немецкий философ считал Голубинского «одним из лучших и талантливых мыслителей своего времени» [14: с. 53].

Голубинский был, несомненно, самым популярным профессором, среди преподавателей и студентов пользовался наибольшим уважением. Об этом свидетельствуют многочисленные отзывы его современников. По словам русского православного исследователя А. Никольского, «...слава о нём (Ф.А. Голубинском. – С.П.), как великом мыслителе, традиционно переходила и среди профессоров от поколения к поколению, и среди студентов от курса до курса, и в восьмидесятые, и даже девятые годы, среди студентов традиционно передавались рассказы о протоиерее Голубинском, рисующие его, как великого мыслителя» [11: с. 112–113]. О бескорыстии Ф.А. Голубинского говорит тот факт, что он отдавал половину своего скудного жалованья нуждающимся студентам (в основном сиротам). В 1864 г. в Московской духовной академии была учреждена стипендия имени Ф.А. Голубинского, которая выплачивалась в основном именно сиротам. Один из её получателей из числа студентов взял себе фамилию выдающегося философа. Этот студент (Евгений Евстигнеевич Голубинский) впоследствии стал крупнейшим историком русской церкви.

Ф.А. Голубинского отличала крайняя скромность, и он даже отказался публиковать свои лекции по философским дисциплинам, которые при его жизни не были изданы. Лишь в 1867 г. его бывший студент, протоиерей В. Назаревский по имевшимся у него конспектам отпечатал «Лекции по умозрительному богословию», а в 1871 опубликовал «Умозрительную психологию». После смерти В. Назаревского его наследниками было предпринято печатание в 1884 г. в московском православном журнале «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения» ещё четырёх курсов лекций Голубинского, которые затем вышли отдельным изданием [5].

Первые опыты исследования творческого наследия Ф.А. Голубинского относятся ещё к середине XIX в., когда было опубликовано несколько интересных заметок о нём людей, хорошо знавших его лично. В частности, здесь можно указать на публикацию С.К. Смирнова [14]. В конце XIX – начале XX в. в канун столетнего юбилея Голубинского его философско-религиозную систему исследовали Я.Н. Колубовский [9], А.И. Введенский [4], С.С. Глаголев [7]. В первые полтора десятилетия XX в. ряд авторов из духовных академий вновь обращаются к творчеству выдающегося профессора-теиста из Московской духовной академии. Так, интересный материал о Ф.А. Голубинском представлен А.И. Никольским [11], А. Даниловским [8]. В послереволюционную эпоху центр изучения наследия Ф.А. Голубинского перемещается за границу, в эмигрантскую среду. Наиболее интересные заметки о Ф.А. Голубинском мы обнаруживаем у В.В. Зеньковского в его «Истории русской философии» и Г.В. Флоровского в «Путях русского богословия». В советской историко-философской литературе отношение к Голубинскому как философу-мистiku было негативным, он рассматривался однозначно как «реакционный» философ-мистик, отстаивавший ортодоксальные, консервативные позиции в метафизике. Исключение составляет интересная статья А.И. Абрамова, в которой исследуется феномен «русского платонизма», и в данной связи рассматривается философское творчество Ф.А. Голубинского [1].

Новая волна работ о Ф.А. Голубинском связана с переменами в общественной жизни нашей страны начиная с конца 80-х гг. В частности, можно отметить монографию И.В. Цвык [16]. На данном этапе публикации о Ф.А. Голубинском носят характер анализа отдельных аспектов его философской системы, разбираются в основном его подходы к онтологической проблематике, а также концептуаль-

ная связь его учения с философскими воззрениями классиков немецкого идеализма.

Ф.А. Голубинский, будучи священником, поднимал и решал задачи не только философского, но и богословского, теологического характера. Он известен и как автор нескольких богословских сочинений. Следовательно, в работах о Голубинском обязательно используется религиозоведческий, историко-биографический, культурологический и прочий материал. Но мы настаиваем на том, что деятельность Ф.А. Голубинского как учёного имела в первую очередь философское значение. И одновременно говорим о тесной связи его философии с теологией. Метафизика московского теиста представляет собой некий синтез рационального и иррационального компонентов, соединяет в себе дискурсивность и аналитизм с интуитивизмом и даже мистицизмом. В этом соединении разных познавательных подходов религиозное начало обретает черты «разумного ведения». В самом европейском богословии первой половины XIX в. присутствовали факторы, ускорившие появление такого типа теистической метафизики, который отстаивал Ф.А. Голубинский. Собственно, далеко не все православные философы оказались способны к теоретическому смешению, синтезу веры и разума. Некоторые русские теисты придерживались одной из двух крайностей. Условно их можно обозначить как «рационализм» или «гносеологический оптимизм» и «антирационализм» или «гносеологический негативизм». Первое направление признавало права разума на теоретическое осмысление важнейших религиозных вопросов. Представителями этой линии являлись Ф.Ф. Сидонский, архиеп. Иннокентий (Борисов), П.И. Линицкий, М.И. Каринский, А.П. Высокоостровский. Второе направление существенно ограничивало права дискурса на познание метафизических истин. В какой-то мере к этой по сути «интуитивистской» позиции склонялись П.Д. Юркевич, М.М. Тареев, отчасти В.И. Несмелов. Эти авторы широко применяли так называемый метод ведения, подразумевающий принципиально-субъективное отношение к исторической и психологической феноменологии христианства. Их можно назвать христианскими философами, владеющими опытом этико-мистического изучения новозаветного учения. Противоречия при определении Божества преодолеваются в данном случае с помощью мистических переживаний. Указанные выше православные мыслители остаются носителями традиции духовно-этической мистики, обретающей форму мистики самосознания, мистики «Лица». Христианский философ здесь в личном

опыте психологически постигает в себе Образ Божий, уясняет в себе всё живое, отражающее Лик Христа. Душевное ведение как средство познания Божества обязательно должно сопровождаться верой и переживанием, связанным с наполнением в душе чувства любви к Всеблагому Существо. Очевидно, что в таком случае философский дискурс лишь относительно свободен, ибо ограничен религиозным опытом. Здесь метафизика связывается с религиозной тайной.

Крайнюю точку зрения здесь имел «ранний» П.А. Флоренский, в трактате «Столп и утверждение истины» провозглашавший «гносеологический оптимизм» и «теологический рационализм» одним из проявлений безбожия.

Ценность Ф.А. Голубинского как религиозного философа состояла в том, что он сумел соединить эти две установки, оставаясь глубоким аналитиком и одновременно сочетая свой аналитизм с мистическими инспирациями. Он породил целое направление, использовавшее системный метод для реализации интенций своего универсального ума. Вслед за Ф.А. Голубинским подобной позиции в дальнейшем стал придерживаться его ученик и преемник В.Д. Кудрявцев-Платонов, а затем А.И. Введенский и др.

В современной историко-философской науке нет достаточно чётких критериев различения постановки теологической и собственно философской проблематики в русском православном теизме XIX в. Сам феномен теистического умозрения представлял собой религиозно-философскую интерпретацию духовных, психических и материальных процессов. Подобное «смешение» философии и религии, веры и разума было основано на том, что действительно существует круг теоретических вопросов, общих богословию и философии. Эти вопросы касаются самой сути мировых религий, но одновременно являются философскими. Это касается, в частности, метафизики как концептуального оформления учения о конечных, безусловных, абсолютных началах бытия и познания. Задача нашей статьи состояла как раз в реконструкции данной модели «религиофилософии» в контексте поисков собственной философской идентичности как характерной черты русской интеллектуальной культуры.

Православные теисты выводили идею человека, учение о назначении и цели его жизни из идеи мира. По их мнению, внутреннюю сущность Абсолюта составляют три лица в своём взаимодействии, имеющие философское толкование как тезис, анти-тезис и синтез. Мировое развитие в данном контексте выглядит откровением Бога. Это откровение,

как полагали русские теисты, сначала выводит бытие вообще, отличное от Абсолютного бытия, а затем это целостное бытие распадается на множественные элементы и противопоставляется Единому Богу. Но затем мировое развитие, пройдя через фазу множественности, существуя в бесчисленных формах, вновь возвращается к Абсолюту. Бог, с точки зрения православных теистов, есть причина существования, центр, из которого исходит всё мировое бытие. Первым творческим актом Бога, первым «продуктом» его творения «из ничто» является, согласно положениям православной метафизики, всеобщее бытие мира, в котором, тем не менее, содержались зачатки будущего раскрытия мира в определённых и множественных формах. Постепенно происходила внутренняя самоорганизация этих форм и происходило отдаление этих определившихся с содержанием форм от Абсолюта. Разумеется, все указанные процессы оказывались возможными благодаря непосредственному присутствию божественных энергий в бытии и всех его элементах. Тем не менее «естественное» бытие постепенно приобретало относительную автономность. Вершина и последняя ступень этой самостоятельности условного бытия – сам человек. В его лице это бытие обретает свободу самоопределения, получает осознанную волю. В этой точке развития бытия, по мнению русских теистов, анти-тезис (т.е. метафизическое отличие мира от Абсолюта) доходит до последнего предела, во всяком случае, человек обладает относительной свободой перед Богом, может иметь собственное мнение и т.п. Но вслед за этой «метафизической отчуждённостью» от Абсолюта человек поворачивается к Совершенному Существу, что знаменует собой начало синтеза. Это возможно потому, что, как полагали русские теисты (Ф.А. Голубинский, В.Н. Карпов, П.Д. Юркевич), человек в своём духовном бытии обладает самосознанием и свободой воли, но вместе с самосознанием в нём является сознание бытия Абсолюта, вместе со свободной волей в его нравственном сознании открывается божественная воля и нравственный закон. В силу этого человек чувствует себя связанным со Сверхсущим.

Голубинский был одним из немногих русских религиозных философов, кто попытался создать стройную систему православной, теистической метафизики. В философии он различает два смысла, а именно – «состояние духа в его стремлении к познанию» и «ведение или знание» [5: с. 6]. При этом в первом смысле философия есть лишь «любовь к мудрости» [5: с. 7] и соответственно её цель в данном контексте – «возбудить, воспитать и направить

в человеке любовь к мудрости Божией, человеку предназначенной» [5: с. 7], а во втором она предстаёт исследованием «главных, основных сил, законов и целей существ» [5: с. 8] с целью «возбудить, направить и питать в человеке любовь к идеям истины, красоты, добра или к осуществлению сих идей, т.е. к уравнению своих познаний с идеей истины, своих ощущений с идеей красоты, своих действий с идеею добра» [5: с. 11]. При всём различии двух типов философии в системе Голубинского они не противопоставляются друг другу, а, напротив, тесно связанные, взаимообусловлены. Как полагает Голубинский, философ должен, во-первых, пробудить в себе живое, свободное, самостоятельное стремление к мудрости, выработать в себе способность к философскому отношению к окружающему и только вслед за этим начать строить собственную философскую систему, которая неизбежно будет носить синтетический характер, являться, по словам мыслителя, ведением. В данном контексте, по мнению Голубинского, первая трактовка философии выступает по отношению ко второй трактовке, как сущность к форме, и «если первое неправильно, то и последнее тщетно» [5: с. 10]. Из данного умозрительного конструкта проистекает определение Голубинским философии как «системы знаний, приобретённых разумом, под управлением ума и при способствовании опыта, как внешнего, так и внутреннего, о всеобщих, главнейших, существеннейших силах, законах и целях природы внешней и внутренней, равно и о свойствах Бога, – система направленная к тому, чтобы возбудить в духе человеческого, воспитать и направить любовь к премудрости Божественной и человеку предназначенной» [5: с. 8]. Данное определение по сути совпадает с платоновским, на что мы уже ранее указывали [12: с. 210–211]. Подобно великому греческому философу-идеалисту Ф.А. Голубинский признаёт целью философских размышлений человека реализацию им в жизни идеи истины, красоты и добра в том смысле, что философия должна рассмотреть то, «как познавательная способность должна проявляться по идее истины, воля – по идее добра нравственного, и чувство – по идее красоты» [5: с. 14]. Соответственно, Голубинский разделяет философию на теоретическую (её цель, как он полагает, – «показать разуму путь, по которому он должен стремиться к истине»), практическую (её цель – «воле предписать законы») и эстетическую (её назначение – «чувству дать истинное направление»). Из данных частей философского знания, в понимании Голубинского, первые два являются ведущими, а третье – вспомогательным.

Ядром, основанием теоретической философии Голубинский признаёт метафизику, которая есть «система познаний, которые умствующий закон, через разрешение идеи бесконечного и через применение к ней наблюдений опыта внешнего и внутреннего, необходимо собирает о Существо Бесконечном и Его свойствах равно как и о том, какое сходство или подобие с ним существенно принадлежит существам конечным, как материальным, так и духовным» [5: с. 16]. Из данного определения метафизику следует, что её основой является исследование Существа Бесконечного, Божества. Но Существо Бесконечное может быть представлено в метафизике по-разному: во-первых, само по себе, в своём Абсолютном бытии, и, во-вторых, в Его отношении к миру духовному (свободно-сознательному, человеку) и миру материальному, чувственно воспринимаемому. Отсюда Голубинский разделяет метафизику на богословие, или учение о Существо бесконечном, Его бытии и свойствах, умственную психологию, или душесловие, т.е. учение о внутреннем мире человека, его сознании, и мирословие, т.е. учение о мире материальном. Кроме того, Голубинский вводил в структуру метафизику ещё один обязательный элемент – онтологию, которая у него выступает учением о коренных и всеобщих основах бытия конечного и учение о бытии бесконечном. Указанные элементы метафизику Голубинский располагает в следующем порядке: 1) онтология; 2) богословие; 3) умозрительная психология; 4) космология. Все они, по мнению мыслителя, находятся в тесной связи и, органически соединяясь, образуют метафизику как единую науку, ценность которой заключается уже в самом факте её существования, т.е. «метафизика драгоценна сама по себе», ибо «долг её утвердить всеобщие и необходимые истины – бытие Бога, Его совершенства, образ Божий в душе, её бессмертие, сообщить правильный и ясный взор на природу её, устройство и порядок, на цель всего существующего» [5: с. 22].

Таким образом, мы находим у Ф.А. Голубинского цельную и стройную метафизическую систему, рассматривающую конечные основания бытия и познания и тяготеющую к мистике. Не случайно православный исследователь Александр Даниловский называл его философско-метафизическую систему «теософической» [8: с. 41], сравнивая её с соответствующим учением Баадера (и одновременно замечая и различия между ними). О мистицизме Ф.А. Голубинского писал и профессор Московской духовной академии С.С. Глаголев [7: с. 45]. Но умозрительный мистицизм Голубинского был

«синтетическим», русский теист отнюдь не отказывался от интеллектуализма, логических методов постижения истины.

Философский анализ проблемы бытия в многообразии его аспектов занимает весьма существенное место в учении московского профессора-теиста. Интерес к онтологической проблематике был обусловлен пониманием Ф.А. Голубинским того, что категория бытия является фундамирующей в любой метафизической системе. Московский профессор-теист указывал, что «понятие бытия есть самое коренное, в отношении к которому все прочие понятия суть не что иное, как разные стороны, служащие к раскрытию и объяснению того, что уже предполагается в бытии» [5: с. 10]. Среди всех представителей духовно-академической философии Ф.А. Голубинский является одним из немногих, кто представил свою концепцию бытия в завершённом виде.

Голубинский прослеживает непростой путь философской онтологии в истории метафизику, особенно после Декарта, заменившего исследование бытия раскрытием внутренней природы сознания, анализом идеи того, что «душа, отрешившись от всего чувственного, находит в себе, в принадлежащих ей идеях» [5: с. 3]. Намерения Лейбница превратить онтологию в монатологию Ф.А. Голубинский также не принимал, хотя и согласился с тем, что последующие за Лейбницем представители его школы так или иначе вынуждены были заняться онтологической проблематикой. Среди таковых Голубинский называет Хр. Вольфа, утверждавшего, что необходимо создание цельной философской системы, и представившего собственный вариант онтологии. Нельзя сказать, что тот вариант онтологии, который был представлен Вольфом, нашел у Голубинского поддержку. Как считает русский теист, Хр. Вольф в принципе «не имел общего и точного понятия о сей науке (онтологии. – С.П.) и оттого лишён был основного начала, из коего мог бы вывести в связи и систематическом порядке положения своей системы», кроме того, полагает Голубинский, в онтологии Вольфа «находится много постороннего, не относящегося к предмету; его положения извлечены частью из опыта, частью из разума и не относятся к главной господствующей силе духа – к уму» [5: с. 4]. В частности, Голубинский подверг критике определение бытия в школе Вольфа – «бытие есть дополнение возможного». По мнению русского философа, вольфианцы истолковывали это определение следующим образом: «для возможного довольно, чтобы оно оставалось только в мыслях, как незаключающее в себе проти-

воречия, но когда далее мыслей дополняется нечто, то это и есть бытие». Голубинский считает это истолкование неприемлемым, так как здесь не объясняется бытие, а только показывается отношение действительного к возможному. Но собственно суть бытия не объясняется.

Более приемлемо, понятнее для Голубинского определение бытия, данное Дж. Локком. По мнению английского философа-эмпирика, бытие есть то, что находится в пространстве и времени. Но московский теист не может принять и это истолкование.

Онтологические изыскания Канта также не вполне удовлетворяли Голубинского по причине отказа знаменитого кенигсбергского учёного проводить философский анализ категории Абсолюта, без которого, как мыслит московский профессор-теист, невозможно построение подлинно единой онтологической системы.

Голубинский совершенно справедливо ставит проблему о предмете онтологии, указывая, что эта отрасль философии не должна заниматься конкретными свойствами конкретных вещей, в противном случае она стала бы наукой, не имеющей пределов... По этой причине Голубинский так определяет сущность онтологии как философской науки: «сообщить понятие о всеобщих коренных свойствах вещей и о необходимых основаниях бытия их» [5: с. 9].

Московский профессор-теист пытается реконструировать саму логику онтологической аналитики, которая заключается, как он полагает, в восхождении от конкретного к абстрактному, от бытия конечного к Абсолюту. В соответствии с этим Ф.А. Голубинский делит всю философскую онтологию на Первое и Второе отделения.

Первое отделение философского учения о бытии начинается у Ф.А. Голубинского с решения вопроса «Существует ли что-нибудь?»

Теоретические изыскания Ф.А. Голубинского затрагивали все три уровня познания – чувственный, рациональный и идеальный. Его **гносеология** вполне органично вписывалась в теистическую метафизическую систему. Общий смысл теории познания Голубинского заключался в определении достоверности познавательного опыта человека.

Касаясь чувственного уровня познания, московский профессор-теист обосновывает достоверность чувственных представлений, т.е. их соответствие объективной реальности, и указывает, что «внешние предметы в отношении к нам суть не только причины, но и первообразы наших представлений, отражающихся в сих последних, т.е. что точно есть в предметах свойства, которые соответствуют чув-

ственным нашим представлениям» [5: с. 30]. В предметах, доступных нашему чувственному опыту, выделяются как частные и случайные свойства, так и свойства постоянные, которые остаются практически неизменными. Вслед за Кантом в его «Критике чистого разума» Голубинский указывает на связь постоянных свойств чувственно познаваемых предметов с пространством и временем, которые, по мнению Голубинского, суть первоначальные свойства и законы нашей чувственности. В частности, Ф.А. Голубинский указывает: «Обращаясь к действию чувств внешних, примечаем, что мы можем опустить из внимания различные случайные и изменяющиеся свойства внешних предметов, например, цвет, запах и пр., однако всё ещё деятельность чувственной нашей способности от того не пресечётся; вообще у неё останется стремление отыскивать что-то простёртое, положенное одно подле другого, т.е. остаётся форма пространства» [5: с. 32]. Голубинский во многом принимает ту версию трактовки пространства и времени, которая отстаивается в «Критике чистого разума», допуская, что пространство и время не могут быть, во-первых, действительными предметами, вне нас существующими, во-вторых, свойствами или отношениями вещей, в-третьих, они не могут быть абстрактными категориями и, наконец, в-четвёртых, они не могут быть продуктом воображения и фантазии [5: с. 33–39]. Голубинский указывал на то, что в любом случае нельзя смешивать представления человека с самим реальным миром, реально существующим пространством, и потому сила фантазии и представления не есть нечто реальное и объективное. Московский профессор-теист отмечает: «Наблюдая за деятельностью чувства внутреннего, примечаем также, что различные качества, подлежащие его наблюдению, как то: изящество, приятность, доброту и пр. мы можем опустить, но никак не можем изгладить в явлениях души того свойства, по которому одно следует за другим, или последование различных ощущений одного за другим, т.е. форму времени» [5: с. 32]. Одновременно Голубинский добавляет в истолкование пространства и времени и идею Лейбница о том, что пространство и время суть отношения вещей – ибо одним предметам мы приписываем совокупно бытие одного подле другого, т.е. пространство, а другим – преимственность – бытие одного подле другого, т.е. время. Тем самым Голубинский синтезирует кантовскую и лейбницевскую концепции пространства и времени, выдвигая собственную трактовку:

1) пространство и время суть чувственные воззрения, данные прежде опыта, но не произведён-

ные или порождённые душой (на что указывал И. Кант), а прирождённые её через Бога-Творца;

2) пространство и время суть представления чувственной познавательной силы прежде опыта, как представления неопределённые;

3) пространство и время имеют всеобщее и необходимое значение.

Вместе с тем, признавая, что первоначальные формы пространства и времени истинно существуют не только в наших чувственных представлениях, но и в самих предметах представлений, и не только внутри нас, но и в бытии окружающих нас вещей, Голубинский допускает существование и происходящих из них понятий, как их принадлежностей. Сюда относятся пространственные **измерения**: длина, ширина и высота или глубина, растяжение, очертание или фигура, место и движение и временное **продолжение**.

Ф.А. Голубинский также интересовался вопросом о том, может ли пространство и время до бесконечности расширяться [5: с. 47–53]. Будучи философом-теистом, Голубинский отрицательно относился к идее о том, что пространство бесконечно, так как иначе бесконечное пространство было бы онтологически равно Абсолюту и ограничило, тем самым, сферу. В целом, по мнению Голубинского, в кантианстве недостаточно отражена религиозная трактовка происхождения пространства и времени. Кант в данном случае проявлял себя как агностик, в то время как Голубинский настойчиво отстаивал точку зрения, что пространство и время даны душе человека Творцом, т.е. они врождены человеку. Голубинский замечает в этой связи: «Только существо Божественное, Его силы и действие неограниченны; вне Его нет ничего неограниченного. Кто устроил всё, тот и ведает всё... А когда Высочайший ум всё объёмлет, то бесконечность мира и содержащего его в себе пространства совершенно исчезает» [5: с. 55].

Голубинский, признавая как объективный идеалист объективно-реальную природу пространства, оперировал категориями «ограниченная» и «неограниченная сила». Идею о связывании пространства именно с силой Голубинский воспринял у Лейбница.

Если говорить о принадлежности православных теистов и, в частности, Ф.А. Голубинского к тем или иным концептуальным трактовкам пространства и времени, то им больше импонировал реляционистский подход (в духе Аристотеля, Декарта, Лейбница). Здесь они могли опираться также на отцов церкви, в частности, Григория Назианзина (Великого), указывавшего: «Это пустое умствование, когда мы прежде мира полагаем начало времени» [5: с. 145].

Исследовав законы чувственного восприятия человека и открыв на их основе фундаментальные свойства в самих вещах, реально существующих, Голубинский задаётся целью проанализировать высшую способность человека – разум. Объектом его внимания является то, как разум обнаруживает себя в «частных формах», т.е. категориях, которые выражают потребность разума искать общее, единое в сущем. Сам разум находится посередине между миром изменяемым и бытием вечным, неизменяемым. Разум приводит (или, во всяком случае, должен привести) к единству ум и чувственность, которые сами по себе могут быть источниками различных данных о мире. Подобное единство может быть лишь в том случае, если применяются категории. Поэтому требуется решить, действительно ли категориям разума соответствуют действительные свойства вещей, «точно ли им принадлежит истинность предлежательная, или они имеют силу только, как законы познания, когда силы представительные по первоначальным необходимым и всеобщим законам обязаны так, а не иначе вещи представлять для того, что целая система нашего познания могла иметь связь и единство» [5: с. 59]. Сама же чувственная способность человеческой души пассивна, со стороны чувственной своей природы душа может только воспринимать впечатления и увлекаться ими. Разум же укрепляется под постоянным потоком ощущений и ищет в этом потоке сходства, порядка, постоянства, т.е. ищет, обретает в этом потоке самого себя. Разум в этом потоке внешних чувств выступает «центрирующим» началом, вводит единство понимания. Но эта способность понимания в единстве происходит оттого, что способность «быть единым, быть основанием – душе принадлежит не самой по себе, но потому, что она есть образ истинно Единого, истинного Основания, для которого нет более высокого основания» [5: с. 56].

Голубинский при анализе непосредственного процесса рационального познания вновь опирается на «Критику чистого разума», на этот раз – на учение о категориях.

Впрочем, необходимо помнить, что теория познания Голубинского носила теистический характер, была тесно связана с целями апологетическими. Как верно указывает исследователь Д.В. Леонидов, «...центральной идеей Голубинского в области теории познания является идея Божества как гаранта истины» [10: с. 119]. Отправной точкой познавательной деятельности субъекта является идея самознания, всякое иное познание не может быть истинным само собою, но исключительно благодаря тому,

что в нашей душе есть нечто постоянное, твёрдое, основанное, укоренённое в Абсолютном. Именно в феномене нашего сознания, как «вырастающего» из присутствия в нашем уме идеи Абсолютного бытия, и возможно само познание как восхождение от частного к общему, от условного к безусловному, от феноменального к сущностному.

В философской системе Ф.А. Голубинского большое значение играло учение, раскрывающее основы духовного бытия человека. В частности, он посвятил часть своего творчества исследованию в области метафизической психологии. Он читал по соответствующему предмету лекции студентам Московской духовной академии. Ученики Голубинского спустя много лет после его смерти опубликовали эти лекции под названием «Умозрительная психология». Сам профессор-теист следующим образом определил существо данной науки: она есть «та часть метафизики, которая наблюдения внутреннего чувства или акты нашего сознания, возводя к идее о Бесконечном, исследует, какое сходство и подобие, какое соотношение и связь имеет дух человеческий с Существом Абсолютным» [6: с. 3]. Отсюда Голубинский выводит и предмет метафизической психологии, заключающийся, по его мнению, в «познании совершенств души, её богособразных элементов» [6: с. 18]. Вместе с тем познание души образуется через анализ сущности души и её высших сил и стремлений, через исследование происхождения её и определения особенностей бытия её в разные временные периоды. Стало быть, и сама метафизическая психология Голубинского разделяется им на две части: «1) на учение о субстанциональности души, её невещественности и высших духовных силах совершенствах, проявляющихся в уме, сердце и воле и 2) на учение о первоначальном происхождении души, значении её настоящей жизни и о жизни будущей или бессмертии души» [6: с. 20–21].

В своём анализе природы души человека Ф.А. Голубинский на первое место ставит формулировку понятия души, причём в этом понятии должны быть определены не только её эмпирические свойства, но также внутреннее родство с Абсолютом и уподобление Совершенному Существо. Применяя к душе свойства и совершенства Абсолютного бытия и рассматривая те свойства Абсолюта, которые хоть в какой-то степени могут быть соотнесены с ограниченной душевной природой, московский профессор-теист логически подходил к метафизическому определению души. По словам Голубинского, душа «есть ограниченная субстанция самодеятельная, невещественная, выражающая

свою сообразность с Бесконечным Существом в том, что она умом своим стремится к объятию безусловной истины и мудрости, свободно волею к достижению Высочайшего блага и к выражению его в своей деятельности, чувством ищет чистого и вечного блаженства, и по продолжению бытия своего бессмертна» [6: с. 29]. Отсюда главными свойствами души являются, как указывал московский философ-теист, во-первых, самостоятельность или субстанциональность и, во-вторых, невещественность, духовность и простота. Голубинский в данной связи замечает: «Субстанциональность души состоит в том, что в человеке есть внутреннее начало, непрестанно из себя действующее, единое, тождественное, на котором, как на центре, держатся все силы души, исходя из него одного, и это одного, и это начало или субстанция есть душа» [6: с. 30]. Если же касаться вопроса о невещественности, духовности и простоте души, то автор «Умозрительной психологии» полагал, что душа «не только отлична от грубого тела, но и не может быть ни тончайшей материей, ни самонаименьшим атомом, ни силою физической или материальной, хотя бы она и была невидимая, но есть чистая, проникает его и наполняет, но не так как силы физические, наконец, движет оное произвольно» [6: с. 43].

В первой части своего сочинения по метафизической психологии Голубинский определил свою позицию по отношению к расположению души в каком-либо участке тела. Он полагал, что «душа присутствует во всём теле» и указывает на то, что в своём нахождении во всём теле она есть «умалённое подобие вездеприсутствия Божия» [6: с. 71].

Во второй части своего труда московский профессор-теист исследует сущность и высшие коренные силы и свойства души, которые делают человека высшим по сравнению с другими живыми существами. Он предполагает, что метафизическая психология должна провести исследование, во-первых, генезиса души, затем «разные периоды её бытия, именно, первоначальное состояние её и причины ниспадения из сего состояния, значение настоящей жизни её в мире и наконец нескончаемое бытие её в загробной жизни» [6: с. 98]. Фундаментальный вопрос, который рассматривается Ф.А. Голубинским, касается того, какое онтологическое отношение Абсолют имеет к душе, т.е. есть ли в происхождении души следы божественного действия. Разбирая существующие гипотезы о происхождении душ отдельных людей, московский философ-теист объявляет себя сторонником концепции так называемого «традиционизма», признающего тезис о том, что и душа, и тело рождаются от

родителей в ходе зачатия. При этом важнейшим аргументом для Голубинского является сам феномен наследственности, включая восприятие детьми многих черт характера своих родителей. Голубинский отмечает, что истинность традиционизма подтверждается теми наблюдениями, что «многие склонности, темпераментные предрасположения, даже не добрые влечения переходят от родителей к детям» [6: с. 108].

Не остаётся без внимания Голубинского и тема «повреждения» душевной жизни человека, затемнения образа и подобия Божия в душе. Он пишет о первой человеческой душе – у Адама и отмечает, что Первый Человек собственным грехопадением низвергнул свою душу в худшее состояние. Но, как замечает Голубинский, душа всякого человека мечтает о возвращении к своему естественному состоянию, собственному Первообразу. Это естественное по своему характеру влечение является, по мнению московского философа и богослова, залогом бессмертия человеческой души. Доказательство бессмертия души основывается у Голубинского на трёх тезисах: 1) бессмертие можно вывести из внешней природы; 2) о бессмертии говорят внутренние свойства души и 3) на бессмертие указывает умозрительный взгляд на совершенную природу Абсолюта.

Эти три свои тезиса Голубинский поясняет следующим образом.

Во-первых, «во внешней природе нельзя не видеть закона сохранения. Суть его состоит в том, что ни один из элементов материи, с начала своего бытия, не уничтожается, но в разных существах они сочетаются и отделяются, служат материалом для разных форм бытия, но не обращаются в ничтожество» [6: с. 126].

Во-вторых, «в самой душе основанием бессмертия служит невещественность или духовность её. Поскольку душа невещественна, то никакое могущество, кроме Бесконечного, не может разрушить её» [6: с. 128].

И, наконец, в-третьих, «Бог есть творец души. Он не творит богоподобных существ с тем, чтобы разрушать их, не хочет, чтобы пред взорами Его носились пробегающие, ничтожные тени» [6: с. 130].

Таким образом, Ф.А. Голубинский сформулировал философские установки русского православного сознания относительно содержания метафизики, онтологии, понимания познания и природы души. Эти установки, разумеется, соответствовали святоотеческой традиции, которая в целом в философии ориентировалась на платоновский идеализм.

Список источников

1. Абрамов А.И. Оценка философии Платона в русской идеалистической философии // Платон и его эпоха. Москва, 1979. С. 212–238.
2. Акулинин В.Н. Философия всеединства. Новосибирск, 1990.
3. Барсуков И.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 3. Санкт-Петербург, 1890.
4. Введенский А.И. Протоиерей Ф.А. Голубинский как профессор философии. Сергиев Посад, 1897.
5. Голубинский Ф.А. Лекции философии. Вып. 2. Москва, 1884.
6. Голубинский Ф.А. Лекции по умозрительной психологии. Москва, 1897.
7. Глаголев С.С. Протоиерей Фёдор Александрович Голубинский. Сергиев Посад: 2-ая типография А.И. Снегирёвой, 1898.
8. Даниловский А. История преподавания философских наук в духовно-учебных заведениях России. Москва, 1912 // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 172. МДА. К. 232. Е.х. 10.
9. Колубовский Я.Н. Ф.А. Голубинский // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Санкт-Петербург, 1890–1907.
10. Леонидов Д.В. Гносеология в духовно-академическом теизме XIX века. Уссурийск, 2003.
11. Никольский А. Русская духовно-академическая философия как предшественница славянофильства и университетской философии в России // Вера и разум. 1907. № 9.
12. Пишун С.В. Православная персонология и духовно-академическая философия XIX века. Москва, 1996.
13. Письма митрополита Филарета. Санкт-Петербург, 1891.
14. Смирнов С.К. Протоиерей Фёдор Александрович Голубинский. Биографический очерк. Москва, 1855.
15. Толстой М.В. Хранилище моей памяти // Душеполезное чтение. 1891. Т. 1. С. 204–213.
16. Цвык И.В. Духовно-академическая философия в России XIX в. Москва, 2002.

References

1. Abramov A.I. *Otsenka filosofii Platona v russoy idealisticheskoy filosofii*. [Assessment of Plato's philosophy in Russian idealistic philosophy//Plato and his era]. M., 1979. P.212–238. (in Russ.).
2. Akulinin V.N. *Filosofiya vseedinstva*. [Philosophy of unity]. Novosibirsk, 1990. (in Russ.).
3. Barsukov I.P. *Zhizn i trudy M.P.Pogodina*. [Life and works of M.P. Pogodin]. St. Petersburg, 1890. (in Russ.).
4. Vvedensky A.I. *Protoierey F.A. Golubinskiy kak professor filosofii*. [Archpriest F.A. Golubinsky as a professor of philosophy]. Sergiev Posad, 1897. (in Russ.).
5. Golubinsky F.A. *Lektcii filosofii*. [Lectures of philosophy]. Issue 2. M., 1884.(in Russ.).

6. Golubinsky F.A. *Lekcii po metafizicheskoy psikhologii*. [Lectures on speculative psychology]. M., 1897. (in Russ.).
7. Glagolev S.S. *Protoierey Fedor Aleksandrovich Golubinskiy*. [Archpriest Fedor Fedorovich Golubinsky]. Sergiev Posad: 2nd printing house A.I. Snegireva, 1898. (in Russ.).
8. Danilovsky A. *Istoriya prepodavaniya filosofskih nauk v duhovno-uchebnyh zavedeniyah rossii*. [History of teaching philosophical sciences in spiritual and educational institutions of Russia. M., 1912]. Department of Manuscripts of the Russian State Library. F.172. MDA. K.232. E.x.. 10. (in Russ.).
9. Kolubovsky Y.N. *F.A.Golubinskiy*. [F.A. Golubinsky]. Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron. St. Petersburg,
10. Leonidov D.V. *Gnoseologiya v duhovno-akademicheskome teizme*. [Gnoseology in spiritual and academic theism of the XIX century]. Ussuriysk, 2003. (in Russ.).
11. Nikolsky A. *Russkaya duhovno-akademicheskaya filosofiya kak predshestvennitsa slavianofilstva i universitetskoy filosofii v Rossii*. [Russian spiritual and academic philosophy as the predecessor of Slavophilism and university philosophy in Russia]. Faith and reason. 1907. № 9. (in Russ.).
12. Pishun S.V. *Pravoslavnyaya personologiya i duhovno-akademicheskaya filosofiya XIX veka*. [Orthodox personology and spiritual and academic philosophy of the XIX century]. M., 1996. (in Russ.).
13. *Pisjma mitropolita Filareta*. [Letters of Metropolitan Filaret]. St. Petersburg, 1891. (in Russ.).
14. Smirnov S.K. *Protoierey Fedor Aleksandrovich Golubinskiy. Biograficheskiy ocherk*. [Archpriest Fedor Alexandrovich Golubinsky. Biographical essay]. M., 1855. (in Russ.).
15. Tolstoy M.V. *Hranilische moyey pamiati*. [Storage of my memory]. Useful reading. 1891. T.1. P.204–213. (in Russ.).
16. Tsvyk I.V. *Duhovno-akademicheskaya filosofiya v Rossii XIX v.* [Spiritual and academic philosophy in Russia XIX century]. M., 2002. (in Russ.).

Информация об авторе

С.В. Пишун – доктор философских наук, профессор.

Information about the author

S.V. Pishun – Doctor of Science (Philosophy), Professor.

Статья поступила в редакцию 06.03.2023; одобрена после рецензирования 17.03.2023; принята к публикации 24.03.2023.
The article was submitted 06.03.2023; approved after reviewing 17.03.2023; accepted for publication 24.03.2023.

Научная статья
УДК 005.44:271.22
doi:10.31079/1992-2868-2023-20-2-85-93

РУССКАЯ ИДЕЯ КАК ВЫСШЕЕ ПРОЯВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Роман Евгеньевич Селеверстов

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, 26011973@list.ru

Аннотация. В статье анализируются размышления русских мыслителей XIX – начала XX в. об исторической судьбе России и рассматриваются оригинальные концепции, сложившиеся в этот период. Учитывая историческую ситуацию в современном мире, автор уделяет большое внимание взглядам русских философов на характер отношений России и Европы и своеобразие путей их развития. В этой связи автор рассматривает также евразийское учение, полагающее, что лишь обращение к Азии и взгляд на Россию с Востока открывает возможность для адекватного осмысления исторического развития России. Автор надеется, что знакомство с оригинальными концепциями русских мыслителей поможет наметить подходы к формированию новой национальной идеи, найти оптимальное соотношение национальной специфики и зарубежного опыта и выработать стратегию, которая обеспечит социально-экономический прогресс российского общества и будет способствовать дальнейшему возрождению России и обретению исторической перспективы.

Ключевые слова: глобализация, идентичность, мессионизм, западники, славянофилы, культурно-исторический тип, русская идея, национальная идея, вселенская теократия, евразийство, идеократия

Original article

THE RUSSIAN IDEA AS THE HIGHEST MANIFESTATION OF NATIONAL IDENTITY

Roman E. Seleverstov

Pacific National University, Khabarovsk, Russia, 26011973@list.ru

Abstract. The article analyzes the reflections of Russian thinkers of the XIX - early XX centuries on the historical fate of Russia and examines the original concepts developed during this period. Taking into account the historical situation in the modern world, the author pays great attention to the views of Russian philosophers on the nature of relations between Russia and Europe and the peculiarities of their development. In this regard, the author also considers the Eurasian doctrine, which believes that only turning to Asia and looking at Russia from the East opens up an opportunity for an adequate understanding of the historical development of Russia. The author hopes that acquaintance with the original concepts of Russian thinkers will help outline approaches to the formation of a new national idea, find the optimal balance between national specifics and foreign experience, and develop a strategy that will ensure the socio-economic progress of Russian society and will contribute to the further revival of Russia and the acquisition of a historical perspective.

Keywords: globalization, identity, messianism, Westerners, Slavophiles, cultural and historical type, Russian idea, national idea, universal theocracy, Eurasianism, ideocracy

Глобализация как устремленность человека к всеобъемлющей интеграции открывает невиданные ранее возможности для сближения культур и расширения коммуникативного пространства. Но, с другой стороны, она порождает множество серьезных проблем, таких как потеря привычных жизненных ориентиров, утрата сложившихся обычаев, ценностей, верований. Все это ведет к кризису сложившейся национальной идентичности.

В XX в. Россия дважды переживала разрушительные кризисы идентичности. Первый кризис национальной идентичности произошел в начале века и привел к потере миссии вселенского право-

славия. Второй кризис, произошедший в конце XX в., обернувшийся утратой идеи коммунизма и распадом великой державы, поставил Россию на грань выживания. Нынешняя миссия России – миссия «нефтяной державы» – не устраивает ни Россию, ни мировое сообщество. В сложившейся ситуации перед Россией стоит задача завершить формирование новой цивилизационной идентичности и сформулировать национальную идею, являющуюся ее высшим проявлением и определяющую миссию нации, стратегию ее дальнейшего развития.

Но развернувшиеся в настоящее время поиски новой идентичности и соответствующей нацио-

нальной идеи пока не дали положительного результата. А только на основе четко сформулированной национальной идеи могут строиться адекватные инструменты государственной стратегии: военная доктрина, концепция национальной безопасности, внутренняя и внешняя политика. Конечно, национальную идею можно придумать за письменным столом (и такие попытки неоднократно предпринимались), но реально работающей стратегией она может стать, лишь будучи отражением не придуманных, а действительно существующих интересов и ценностей основных социальных групп.

К сожалению, у нас пока отсутствует четкое представление о том, что собой представляет наше общество на современном этапе и в какой стране мы живем. А для того, чтобы прогнозировать образ будущего, надо прежде всего понять и осмыслить настоящее. История любого государства развивается циклами. Не совсем ясно, на каком этапе этой циклической истории находится сегодня Россия и пришло ли время для выработки новой национальной идеи, определяющей стратегию ее развития. Некоторые исследователи считают, что мы пока к этому не готовы, и нужна большая подготовительная работа в различных сферах общественной жизни. Как уже отмечалось, национальная идея должна отражать интересы социальных групп. Но даже так называемый креативный класс сегодня еще не осознал своих интересов. Судя по тому, какие масштабы приняли в последнее время такие процессы, как вывоз капиталов и активов за рубеж, приобретение там недвижимости, устройство на обучение своих детей и пр., этот «креативный класс» даже еще не знает, будет ли он вообще жить в России. Иными словами, существуют объективные трудности в определении национальной идеи России на современном этапе и формировании новой идентичности.

В последние годы в отечественной литературе ведется немало споров вокруг «русской идеи», ее содержания, а также возможности и необходимости ее возрождения в современной России. Вряд ли можно согласиться с последним суждением, но вычленение и оценка главных этапов в трансформации идеи позволит наметить подходы к формированию ее современного варианта.

Русская идея, будучи истинно национальной и отражая особенности национального менталитета, возникла в определенном социально-историческом пространстве: после победы в Отечественной войне 1812 г. стал актуальным вопрос о взаимоотношении России и Европы и об исторической миссии России. Poleмика вокруг русской идеи про-

должается уже третье столетие. Трудности, с которыми сталкивается современное российское общество, делают сегодня эту проблематику актуальной. Размышления русских мыслителей о путях развития России и о той роли, которую Россия должна сыграть в истории человечества, активно велись в XIX – начале XX в. Поиск ответа на вопрос о сущности «русского начала» и его историческом призвании породил оригинальные концепции славянофилов, Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского, Л.П. Карсавина, В.В. Розанова и многих других. Думается, что национальная идея должна вытекать из национальной истории и что размышления этих философов сегодня важны и актуальны. Они помогут, переосмыслив историю нашей страны, выработать стратегию, открывающую дорогу к возрождению и обретению чувства исторической перспективы.

Однако размышлять о судьбе России и ее исторической миссии русские мыслители начали гораздо раньше.

Важнейшим документом развития исторического сознания Древней Руси является «Повесть временных лет», авторство которой приписывается монаху Киево-Печерского монастыря Нестору. Уже в этой летописи предпринята попытка ответить на вопрос: «Откуда есть пошла земля Русская?» или «Кто в Киеве начал первым княжить?», т.е. «варяжский вопрос». Нестор решает весьма важную для всего последующего развития Киевской Руси государственно-правовую задачу: он утверждает легитимность власти рода Рюриковичей в силу добровольного призвания князей и «юрьда», чтобы они судили по праву.

Оригинальным историософским сочинением, относящимся к самому раннему периоду развития русской православной культуры, является «Слово о законе и благодати» Илариона, написанное между 1037 и 1050 г. во времена княжения Ярослава Мудрого. Вера благодатная дошла до русского народа, говорит Иларион, связывая это событие с крещением Руси князем Владимиром и воздавая ему хвалу [б: с. 107]. Здесь Владимир впервые сравнивается с византийским равноапостольным императором Константином, что предвосхитило концепцию «Москва – Третий Рим», где Руси отводилась роль мировой державы, наследницы Рима и Византии.

В XVI в. Русь превращается в одну из крупнейших мировых держав. Сбросив иго Орды, она проводит настойчивую политику по собиранию древнерусских земель, захваченных после падения Киевской Руси. Центром этого процесса была все бо-

лее возвышающаяся Москва. И не случайно именно в XVI в. складывается доктрина «Москва – Третий Рим». После падения Западной Римской империи в 476 г. Константинополь, ставший столицей Восточной Римской империи, все чаще стал именовать себя вторым Римом. После его захвата турками в 1453 г. постепенно формируется концепция о перемещении политического и духовного центра восточно-христианских стран в Москву. Зародившись в середине XV в., эта идея приобретает окончательные очертания во многом благодаря Филофею, монаху Елизарова монастыря. Он является автором ряда посланий к великому князю Василию III, Ивану Грозному и другим адресатам, в которых Филофей пишет, что «два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывать» [10: с. 441]. Эта формулировка и стала классическим выражением концепции «Москва – Третий Рим». В идеологеме Филофея «Москва – Третий Рим» были объединены и выражены две фундаментальные идеи: идея преемственности царств и идея богоизбранности русского народа. Идея богоизбранности Руси, задавая вектор мессионизма, развилась впоследствии в практику неприятия западного христианства, прежде всего, католичества, и в теорию потенциальной перспективности России по отношению к Западу, что и нашло отражение в поиске «русской идеи» мыслителями XX в.

Идеологема «Москва – Третий Рим», заложив основы мессианской идеологии в период образования русского централизованного государства, стала прологом русской философии истории, определив в ней мессианское направление и проблематику ее развития. Конечно, позднее, в XIX в., идея русского мессианства приобретет другую форму и станет развиваться в новой парадигме – в системе философских построений, связанных с вопросом об отношении России к Западу и поиском ее собственных путей исторического развития. Однако и в новой форме идея мессианства останется центральным звеном историософских построений славянофилов и западников.

Но еще до славянофилов и западников тема русской самобытности и осознания русской мощи прозвучала в романе В.Ф. Одоевского «Русские ночи». Если до этого встречались лишь отдельные критические замечания в адрес Запада, то Одоевский впервые в систематической форме дает критику западной культуры. В уста главного героя «Русских ночей» Фауста он вкладывает мысль о гибели Запада, о внутреннем распаде его былой силы [9: с. 179]. И если в свое время христианство внесло новые силы в дряхлеющий мир античности

и обновило его жизнь, то ныне спасение Европы, считает он, возможно лишь в том случае, если на историческую сцену вступит новый народ со свежими силами. Таким народом, по мнению Одоевского, является русский народ. Обращаясь к русскому народу, он говорит: «В святом триединстве веры, науки и искусства ты найдешь то спокойствие, о котором молились твои отцы. Девятнадцатый век принадлежит России» [9: с. 184]. В последующем эти идеи В.Ф. Одоевского будут развивать и славянофилы, и западники.

Родоначалником западничества традиционно считается П.Я. Чаадаев, автор «Философических писем». Центральная тема Чаадаева, ставшая для него роковой, – историческая судьба России и ее место в истории всего человечества. Его высказывания на этот счет можно рассматривать как свидетельство проснувшегося самосознания. При жизни Чаадаева в 1836 г. было опубликовано только одно из его восьми писем. Чаадаев не учел, что к тому времени резко изменилась политическая ситуация в России. В 30–40-е гг. XIX в. культивируется теория «официальной народности», власть призывает оживить народный дух, возвысить все отечественное и исцелить существующее поколение от слепого и необдуманного пристрастия к иноземному.

Полагая, что истинный патриотизм состоит во все не в безотчетном восхвалении всего «своего», Чаадаев с поразившей современников смелостью говорит об отставании России, об ее экономической, политической, социальной и культурной отсталости. Вот почему в нем увидели ниспровергателя русских святынь и объявили сумасшедшим.

С позиций провиденциализма Чаадаев утверждает, что смысл истории определяется божественной волей, ведущей человеческий род к конечной цели. Цель эта – утверждение «Царства Божия» на земле, т.е. утверждение на земле порядка, основанного на принципах всеобщего благоденствия, братства, любви, мира, единства народов. «Царство Божие» П.Я. Чаадаева – это облаченная в религиозную форму социальная утопия.

Вместе с тем Чаадаев откровенно признает какой-то странный ущерб в самой идее провиденциализма и отмечает, что Россия, оставленная Провидением и предоставленная всецело самой себе, стала наглядным примером того, как не надо жить. В России отсутствуют идеи долга, справедливости, права, порядка, которые прочно вошли в сознание и быт европейских народов. И все это произошло потому, что Россия, приняв христианство в его византийской форме, оказалась выключенной из нравственного и социального единства европейских

народов, созданного католицизмом. Таким образом, у истоков столь несчастной русской судьбы стоит, по мнению П.Я. Чаадаева, ошибочный религиозный выбор. Православная церковь, холопствуя перед деспотизмом самодержавия, не способна была сделать нравственные идеи христианства реальной социальной силой. Идеализируя католицизм, Чаадаев подвергает православие резкой критике за то, что оно препятствует раскрепощению внутренних творческих сил человека [15: с. 323–324].

Однако уже в чаадаевских письмах 1835–1836 гг. и в «Апологии сумасшедшего» (1837) довольно отчетливо намечается поворот от негативного мессианизма первого «Философического письма» к позитивному мессианизму. Чаадаев вносит поправку к загадке России: русская отсталость, незатронутость России всемирным воспитанием человечества, оказывается, таит в себе какой-то высший смысл. Именно русские призваны решить большую часть проблем социального порядка, ответить на важнейшие вопросы, занимающие человечество, поскольку они свободны от предрассудков и авторитетов, очаровавших Европу. Сравнив Россию с Западной Европой и выявив их абсолютное несходство, Чаадаев делает вывод, что Россия находится в особых отношениях с божественным Провидением. Провидение поставило Россию вне интересов национальностей, поручив интересы человечества [15: с. 374].

П.Я. Чаадаеву русская историософия обязана постановкой проблем, ставших сквозными в последующие десятилетия ее развития и направленными на выявление сокровенной сущности русского начала.

Западники, отмечая прогрессивные стороны общественного развития Европы, призывали к социально-политическим преобразованиям по образцу передовых европейских стран: к уничтожению крепостного права, самодержавия, сословности, к развитию просвещения, к утверждению свободы человеческой личности.

Славянофилы, напротив, указывали на пороки западной цивилизации: обуржуазивание жизни, социальный антагонизм, формальный, сухой и рационалистический характер европейской культуры, превращение общества в раздробленную массу эгоистических, жестоких, меркантильных личностей, чрезмерное выпячивание личного «Я». Считая судьбу Запада трагичной, славянофилы верили, что Россию ждет великое будущее. Славянофилы считали русский народ богоизбранным, наиболее полно воплотившим нравственный смысл христианства. История призывает Россию встать впереди всемирного просвещения и дает ей это право за

всесторонность и полноту ее начал. Причем, обличая общественные и нравственные пороки России, славянофилы никогда не касались вопроса о ее политическом строе и были искренне уверены в непоколебимости монархического принципа.

Основные положения славянофильской доктрины сформулировали А.С. Хомяков и И.В. Киреевский. Так, Хомяков в «Записках по всемирной истории» различные пути развития России и Запада объясняет неодинаковостью внутренних начал русской и западно-европейской жизни, а за начала принимает формы религиозного мировоззрения: Россия исповедует православие, а Запад – католицизм, в котором учение Христа подверглось искажению.

Хомяков верил в великую миссию России и считал, что именно Россия призвана встать в центре мировой цивилизации. Почему? На Западе христианство искажено и наследием греко-римского язычества, и средневековой схоластикой. К еще большему искажению основ веры привело раздвоение христианства на католичество и протестантизм. Православие же сохранило верность древним истокам христианства, чистоту веры и единство церкви. Вот почему человек на Руси чужд эгоизму, в нем живет готовность к самопожертвованию. Эта цельность русской души, единство общественного и личного предопределили право России на духовное лидерство во всемирной истории. Сама история призывает Россию встать впереди всемирного просвещения.

В 70–80-е гг. XIX в. философское учение славянофилов получило новый импульс развития благодаря работам Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева. Н.Я. Данилевский рассматривает историю как сферу проявления различных культурно-исторических типов [4: с. 23]. Данилевский утверждает, что славянский мир во главе с Россией не принадлежит к европейскому или германо-романскому культурно-историческому типу, а составляет особую, развивающуюся цивилизацию, расцвет которой еще впереди. Данилевский выступает против претензий Запада представлять себя как лучшую и универсальную цивилизацию. Он также против утвердившегося мнения, согласно которому Запад представляет олицетворение прогресса, а Восток связан со стагнацией. Данилевский считает, что прогресс и стагнация присущи каждому культурно-историческому типу, являясь характерными признаками его возрастной ступени. Европа находится в апогее своего цивилизационного периода, но ее расцвет – предвестник близкого заката. На смену европейской идет славянская цивилизация с самобытными общественно-политическими учреждениями и культурой.

Способность славян к восприятию других культур и использованию их достижений ведет к тому, что славянский культурно-исторический тип будет более всех приближен к общечеловеческому идеалу. Однако пока нет прочной консолидации собственного типа, надо больше заботиться о своеобразии, а не о приближении к общечеловеческому. Вот почему для формирующейся славянской цивилизации гораздо важнее отстоять свою независимость и обособленность во всех сферах. И Данилевский предостерегает об опасности «европейничанья» – бездумного заимствования «европействующими демократами» чуждых русскому народу европейских учреждений и ценностей. Он говорит: «Иссушая самобытный родник народного духа, лишая его внутреннего содержания, они препятствуют осуществлению великих судеб русского народа» [4: с. 87].

То новое, что было внесено Данилевским в понимание «русской идеи», было прежде всего связано с обоснованием своеобразия славянской культуры, в особенности России. Причем трактовке «русской идеи» Данилевский придал новый геополитический смысл: она оказалась знаменем, под которым вокруг России должны объединиться славянские народы для того, чтобы навсегда решить «Восточный вопрос» – отвоевать Константинополь как традиционный центр православно-славянского мира.

В дальнейшем вопрос о судьбе России, оставаясь главной темой русской философии, был сведен к «русской идее». Термин «русская идея» родился под пером Ф.М. Достоевского, который еще в 1861 г. писал, что без высшей идеи не могут существовать ни человек, ни нация [5: с. 720]. Слова эти будут повторены вслед за ним другими мыслителями, которых никак не заподозришь в узко понятом национализме.

В 1880 г. на торжествах по случаю открытия памятника Пушкину в Москве Достоевский выступил с большой речью, которая может рассматриваться как духовное завещание писателя, ибо в ней он изложил программные положения относительно развития русского народа и его всемирного признания. Считая недоразумением всю предшествующую идейно-политическую борьбу, он призывает к единению сословий и провозглашает русский народ народом-богоносцем. Именуя русских «народом-богоносцем», он не придавал этому шовинистического значения, что переводило проблему из сферы национального в сферу христианского служения. Мессианскую роль русского народа Достоевский связывает не с экономическим и политическим прогрессом России, а с нравственным со-

вершенствованием русского народа, основанным на православии. Идя по пути нравственного совершенствования, Россия спасется сама и спасет Запад от ужасов социализма. Историческое развитие России показало, что Достоевский ошибся, что в русском народе не оказалось противоядия против антихристовых соблазнов религии социализма. Однако иллюзии Достоевского не помешали ему раскрыть природу русского социализма и предсказать его последствия. Достоевский предостерегает об угрозе тоталитаризма.

Не ограничиваясь проповедью нравственного совершенствования личности и органически связывая общественные и нравственные идеалы, Достоевский ищет идеал справедливой общественной организации в направлении социализма, но не революционного и атеистического, а христианского. Он был уверен, что общественные идеалы, выработанные Россией, исходя из Христа и личного самосовершенствования, будут либеральнее европейских.

В. Соловьеву принадлежит заслуга в дальнейшей разработке проблемы, которую еще Достоевский обозначил словосочетанием «русская идея». В 1888 г. он выступил в Париже с лекцией под названием «Русская идея». В ней мыслитель поставил вопрос, который считал крайне важным, – вопрос о смысле существования России во всемирной истории. Ответом на него и служила сформулированная автором «русская идея». Соловьев считал, что каждая нация, объединенная в соответствующее государственное единство, призвана выполнять в составе человечества определенную миссию или роль. Миссия или роль нации в составе мирового целого и есть ее национальная идея. Национальная идея не вытекает непосредственно из материальных условий существования России. Национальная идея – это задание, данное Богом, долг народа перед Богом. По мнению Соловьева, русская идея или историческая миссия России состоит в том, чтобы стать инициатором в создании европейского сообщества стран на основе христианских ценностей, в создании вселенской теократии [11: с. 220].

Соловьев считал, что с созданием вселенской теократии Россия внесет в отношения европейских народов элементы сердечности, непосредственности, утраченные рациональным Западом. С другой стороны, сотрудничество с Западом позволит преодолеть характерные для России тенденции варварства, обскурантизма, нигилизма и тем самым будет способствовать вступлению России на путь подлинного просвещения и прогресса. Для России этот проект важен еще и потому, что, находясь на границе двух миров, она испытывала постоянное

давление со стороны азиатского Востока. Объединение со странами Европы позволило бы России более тесно интегрироваться в сообщество христианских стран, что дало бы твердую гарантию сохранения христианских основ русской культуры.

К концу жизни Соловьева постигло жестокое разочарование в мессианском предназначении России и во всемирной теократии, о чем свидетельствует предсмертное сочинение философа «Три разговора» с включенной в него «Повестью об антихристе».

Таким образом, поиск «русской идеи» шел в XIX в. в рамках философского дискурса и породил оригинальные концепции П.Я. Чаадаева и славянофилов, Ф.М. Достоевского, Н.Я. Данилевского, В.С. Соловьева. В XX в. под непосредственным влиянием этих идей и концепций продолжают поиск ответа на вопрос о сущности «русского начала» и его историческом призвании такие русские мыслители, как Н.А. Бердяев, Вяч. Иванов, П.А. Флоренский, Л.П. Карсавин, В.В. Розанов и др.

В 20–30-е гг. XX в. наиболее активно проявляет себя социально-философское учение и идейно-политическое движение русского зарубежья, получившее название евразийства.

Основоположителем и ведущим теоретиком евразийского движения был Н.С. Трубецкой. Другими крупными деятелями евразийства были П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский, Г.В. Флоровский. Впоследствии к евразийскому движению присоединятся такие интеллектуалы русского зарубежья, как правовед Н.Н. Алексеев, философ Л.П. Карсавин, религиозный философ и публицист В.Н. Ильин, историк Г.В. Вернадский, философ С.Л. Франк и многие другие. Во многом благодаря их усилиям появились основные программные документы евразийства и было дано систематическое изложение их концепции. И сегодня можно утверждать, что евразийское учение представляет довольно полно разработанный вариант русской идеи.

В центре исследований евразийцев проблема определения места России в системе координат «Восток–Запад» с учетом особенностей ее духовной культуры. Рассуждая об этом, евразийцы пришли к выводу, что культура, которую в течение веков преподносили России как общечеловеческую, на самом деле есть культура небольшой группы романских и германских народов. Главная ее «родовая» черта – упорное нежелание признать самобытность и право на существование других и, прежде всего, восточных культур, а также упорное стремление навязать себя миру. Европеизированный народ отбрасывает свое прошлое, заклеивая

его эпитетом варварства. Все свое, самобытное, национальное он считает пустым и ничтожным, не испытывая психологического комфорта в собственной культуре.

Евразийцы считают, что европеизация отрицательно повлияла на внутреннюю и внешнюю политику России. По примеру европейских государств, стремящихся обезличить покоренные народы, русское правительство во всех областях с нерусским населением проводит политику «русификации», что стало полной изменой историческим традициям. Еще более тяжелые последствия вызвала европеизация в области внешней политики. Россия, войдя в круг европейских государств, вынуждена была принимать участие в бесчисленных войнах, борясь не за свои собственные, а за иноземные интересы. Западные страны, стремясь прикрыть свои корыстные замыслы, выдвигают идеи и лозунги, которые Россия принимает за чистую монету [12: с. 43–54].

Евразийцы считают, что революция разрушила чужеродные для русской «почвы» элементы западной культуры: форму государственности, бюрократию, законы, элиту, образ жизни. Несмотря на явленный ею произвол и насилие, она освободила творческие силы народа. В связи с этим вновь встает вопрос о дальнейшем пути развития России и ее месте в мире. По мнению евразийцев, лишь обращение к Азии и взгляд на Россию с Востока открывает действительный путь к познанию русской истории, русской государственности и позволяет ответить на вопрос: кто мы? [13: с. 130].

Идейно-политическим источником евразийства являются учения поздних славянофилов Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева. Однако считая славянофилов своими предшественниками, евразийцы в то же время не приемлют идею о приоритетной роли славянства в русской государственности, считают утопической идею панславизма. По этому вопросу позиции евразийцев гораздо ближе к византизму К.Н. Леонтьева, который предрекал России другую, более высокую миссию – создание особой, невиданной доселе русско-азиатской цивилизации [8].

Евразийцы, как и поздние славянофилы, настаивали не только на национальной самобытности, но и на альтернативности исторических цивилизационных парадигм Европы и России. Однако в отличие от славянофилов они не фетишизировали славянских корней русской национальной жизни, признавая существенное влияние на нее восточного элемента, «наследия Чингисхана».

Так, Г.В. Вернадский (сын великого русского ученого В.И. Вернадского) утверждал, что экспансия с Востока в форме так называемого татаро-

монгольского ига при всех ее негативных сторонах способствовала становлению России как единого и сильного государства. По мнению Г.В. Вернадского, Александр Невский видел в монголах дружественную в культурном отношении силу, которая помогла ему утвердить русскую культурную самобытность и оградить ее от влияния латинского Запада и тем самым вывести Россию на правильный исторический путь [2: с. 151–163].

На аналогичных позициях стоял Л.Н. Гумилев. По мнению Л.Н. Гумилева, господство татар было в русской истории не деструктивным, а конструктивным фактором, который помог сохранить самобытность русской души. Монголы не только не разрушили формы русской жизни, но очень полезно их дополнили, дав России школу администрации, финансовую систему, организацию почты и многое другое [2: с. 20–37].

Но далеко не все согласны с евразийской интерпретацией влияния татаро-монголов на судьбу России. Так, отечественный исследователь В.К. Кантор считает, что татаро-монгольское завоевание стало самой грандиозной катастрофой в нашей исторической судьбе. Чудовищные последствия степного владычества трудно до конца выявить и оценить. Через четверть тысячелетия татарское иго было сломлено, но последствия его не преодолены и сегодня. Господство татар оказало деструктивное влияние на развитие русской истории и все стороны жизни русского народа [7: с. 26–41].

Краеугольным камнем евразийской социальной философии является концепция идеократического государства (идеократия – власть идеи). Евразийцы считали, что реально народами и странами правят не люди и учреждения, а идеи. В перспективе, по мнению евразийцев, на Земле обязательно будет создан ансамбль идеократических сообществ и культур.

Евразийцы утверждали, что далеко не всякое государство может стать идеократией, для этого необходимы большие изменения психологического, идеологического и национального самосознания народов. Однако это единственный и естественный путь развития земной цивилизации. Ценой тяжелых испытаний до подлинной идеократии может дойти СССР, Европе же предстоит еще более длительный и тернистый путь. Абсолютизируя роль государства в сфере общественной жизни, евразийцы подчеркивают, что в основе государственной политики лежит идеология и не допускаются ее критика и инакомыслие.

С одной стороны, евразийцы считали возможным использование готовых большевистских структур, т.е. тех форм организации общественной жизни,

которые утвердились в 20–30-е гг. XX в. в СССР. С другой стороны, крайне негативно относясь к коммунистической идеологии как к антинародной, атеистической, чуждой, евразийцы видят свою задачу в том, чтобы вытеснить ее и заменить новой идеологией – евразийской. Критикуя большевиков за то, что духовный идеал во многом был подменен экономическим, евразийцы утверждают, что в духовной жизни общества ведущую роль должна играть религия. Как и славянофилы, евразийцы считали религию абсолютным началом всех сторон жизни общества. Рассматривая православие как единственное правомерное выражение христианства, они считали, что к нему тяготеют все нехристианские религии и культы евразийского мира: язычество, буддизм, магометанство. Отсюда вытекала историческая миссия русской православной церкви: обеспечить условие для самораскрытия всех иноверных вероисповеданий, не допустить их латинизации и тем самым обеспечить духовное единство евразийского мира. Конечно, религиозная доктрина евразийцев уязвима и критиковалась, прежде всего, за огосударствление церкви, за использование ее в качестве главного рычага для решения политических и идеологических задач.

Таким образом, евразийцы видели свою задачу в том, чтобы вытеснить чужеродную коммунистическую идеологию, заменив ее православно-евразийской. Причем эта замена мыслилась ими с использованием готовых большевистских структур, и, прежде всего, единственной правящей партии и Советов как форм связи правящего слоя с массами.

Концепция идеократического государства подверглась в эмигрантских кругах резкой критике за идеологический диктат, за примат коллектива над личностью. К концу 20-х гг. евразийство вступает в фазу кризиса и раскола. Причем именно Г.В. Флоровский, которому это движение было обязано разработкой философских основ, подверг евразийство самой глубокой критике в статье «Евразийский соблазн» (1928). Разоблачая иллюзии евразийцев, он говорит, что соравная коммунизму православная евразийская идея – эта такая же химера, ведущая Россию в «бездну отпадения» [14: с. 362].

Н.А. Бердяев видит заслугу евразийцев в том, что они поддерживают достоинство России и русского народа в эпоху, когда его унижают. Вместе с тем он предупреждает, что евразийство может сыграть положительную политическую роль, лишь освободившись от соблазнов утопии. Главный соблазн евразийства он видит в стремлении усилить тоталитаризм государства авторитетом церкви, которая возьмет на себя организацию всей жизни и

даже сферы духа, но это может обернуться русским фашизмом. При этом Бердяев выражает уверенность в том, что новое поколение будет более реалистичным и сможет преодолеть утопизм евразийцев [1: с. 329–335].

Таким образом, евразийство представляло попытку русских эмигрантов, переживающих крах национального самосознания и культуры русской интеллигенции, осмыслить свершившуюся революцию и последующий исторический путь России. Не случайно идеи евразийства регулярно появляются в отечественной социально-политической литературе именно в эпохи цивилизационных разломов, стремительных и глубоких перемен в жизни общества. На современном этапе развития российского общества идеи евразийцев вновь становятся актуальными, и, опираясь на них, современные исследователи пытаются найти то оптимальное соотношение национальной специфики и зарубежного опыта, которое обеспечит социально-экономический прогресс российского общества.

К сожалению, стратегия государственного развития России на протяжении многих лет заключалась в перманентных попытках догнать более развитые западно-европейские страны, причем часто путем прямого копирования и воспроизводства их политических институтов и технологий.

Существующий сегодня кризис идеологии, утрата чувства исторической перспективы оборачиваются огромными издержками и требуют новой

национальной идеи, которая укрепляла бы сознание общей судьбы, восстанавливала чувство исторического времени. Некоторые исследователи считают, что такой идеей вполне могло бы стать модифицированное евразийство. Сегодня, как никогда, ясно, что современный однополярный мир во главе с США – конструкция весьма неустойчивая, так как не уравновешена другими полюсами. Новый полюс в лице объединенной Европы представляется малоэффективным ввиду того, что эти страны продолжают идти в фарватере США. Адекватным полюсом может стать союз России с азиатскими странами, особенно такими великими державами, как Китай и Индия.

Жизнь нашей страны никогда не протекала легко и не раз оказывалась на перепутье, возможно, и потому, что мудрость философской мысли не вошла в наше сознание, не овладела нашими умами. И хочется верить, что нынешняя Россия переживет смуту так называемого плюрализма и свои метания от нигилизма до рабской подражательности по отношению к чужеземным образцам жизни. И, в конце концов, критически переосмыслив свою трагическую историю, Россия выработает самосознание, способствующее дальнейшему возрождению России. Все это определяет огромную важность для нынешнего поколения философских размышлений русских мыслителей об исторической миссии России и путях ее развития.

Список источников

1. Бердяев Н.А. Утопический этатизм евразийцев // Мир России – Евразия : антология. Москва, 1995. С. 329–335.
2. Вернадский Г.В. Два подвига Св. Александра Невского. Монгольское иго в русской истории // Наш современник. 1992. № 3. С. 151–163.
3. Гумилев Л.Н. Заметки последнего евразийца // Наше наследие. 1991. № 3. С. 20–37.
4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. Москва, 1991.
5. Достоевский Ф.М. Статьи и заметки (1845–1861) // Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 18. Ленинград, 1978.
6. Иларион. Слово о законе и благодати // Златоустрий. Древняя Русь XI–XIII веков: антология. Москва, 1990.
7. Кантор В.К. Стихия и цивилизация: два фактора «русской судьбы» // Вопросы философии. 1994. № 5. С. 26–41.
8. Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство: философская и политическая публицистика. Духовная проза. Москва, 1996.
9. Одоевский В.Ф. Русские ночи. Ленинград, 1975.
10. Послание старца Филофея к великому князю Василию // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. Москва, 1984.
11. Соловьев В.С. Русская идея // Соловьев В.С. Сочинения. В 2 т. Т. 2. Москва, 1989.
12. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Берлин, 1925.
13. Трубецкой Н.С. Об истинном и ложном национализме // Мир России – Евразия : антология. Москва, 1995. С. 43–54.
14. Флоровский Г.В. Евразийский соблазн // Мир России – Евразия : антология. Москва, 1995. С. 354–385.
15. Чаадаев П.Я. Философические письма // Полн. собр. соч. и избр. письма. В 2 т. Т. 1. Москва, 1991.

References

1. Berdjaev N.A. *Utopicheskiy jetatizm evrazijcev* [Utopian statism of the Eurasians] // Mir Rossii – Evrazija: antologija. Moscow, 1995. Pp. 329-335.
2. Vernadskij G.V. *Dva podviga Sv. Aleksandra Nevskogo. Mongol'skoe igo v ruskoj istorii* [Two exploits of St. Alexander Nevsky. The Mongol Yoke in Russian History] // Nash sovremennik [Our contemporary]. 1992. № 3. Pp. 151-163.

3. Gumilev L.N. *Notes of the last Eurasian* [Notes of the last Eurasian] // Our heritage [Our Legacy]. 1991. No. 3. pp. 20-37.
4. Danilevskij N.Ja. *Rossija i Evropa: vzgljad na kul'turnye i politicheskie otnoshenija Slavjanskogo mira k Germano-Romanskomu* [Russia and Europe: a look at the Cultural and Political relations of the Slavic World to the Germanic-Romance]. Moscow, 1991.
5. Dostoevskij F.M. *Stat'i i zametki (1845-1861)* [Articles and notes (1845-1861)] // Poln. sobr. soch. V 30 t. T. 18. Leningrad, 1978.
6. Ilarion. *Slovo o zakone i blagodati* [A word about the law and grace] // Zlatostruj. Drevnjaja Rus' XI–XIII vekov: antologija. Moscow, 1990.
7. Kantor V.K. *Stihija i civilizacija: dva faktora «rossijskoj sud'by»* [The elements and civilization: two factors of the "Russian fate"] // Voprosy filosofii [Questions of philosophy]. 1994. №5. Pp. 26-41.
8. Leont'ev K.N. *Vostok, Rossija i slavjanstvo: filosofskaja i političeskaja publicistika. Duhovnaja proza* [The East, Russia and Slavs: Philosophical and Political journalism. Spiritual prose]. Moscow, 1996.
9. Odoevskij V.F. *Russkie nochi* [Russian Nights]. Leningrad, 1975.
10. *Poslanie starca Filofeja k velikomu knjazju Vasiliju* [The message of Elder Philotheus to Grand Duke Vasily] / Pamjatniki literatury Drevnej Rusi. Konec XV – pervaja polovina XVI veka. Moskva, 1984.
11. Solov'ev V.S. *Russkaja ideja* [Russian idea] // Solov'ev V.S. Sochinenija. V 2 t. T. 2. Moscow, 1989.
12. Trubeckoj N.S. *Nasledie Chingishana. Vzgljad na russkuju istoriju ne s Zapada, a s Vostoka* [The legacy of Genghis Khan. A look at Russian history not from the West, but from the East]. Berlin, 1925.
13. Trubeckoj N.S. *Ob istinnom i lozhnom nacionalizme* [About true and false nationalism] // Mir Rossii – Evrazija: antologija. Moscow, 1995. Pp. 43-54.
14. Florovskij G.V. *Evrazijskij soblazn* [The Eurasian Temptation] // Mir Rossii – Evrazija: antologija. Moscow, 1995. Pp. 354–385.
15. Chaadaev P.Ja. *Filosoficheskie pis'ma* [Philosophical Letters] // Poln. sobr. soch. i izbr. pis'ma. V 2 t. T. 1. Moscow, 1991.

Информация об авторе

Р.Е. Селеверстов – кандидат философских наук, доцент кафедры психологии Педагогического института.

Information about the author

R.E. Seleverstov – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor of the Psychology Department of the Pedagogical Institute.

Статья поступила в редакцию 20.02.2023; одобрена после рецензирования 17.03.2023; принята к публикации 24.03.2023.
The article was submitted 20.02.2023; approved after reviewing 17.03.2023; accepted for publication 24.03.2023.

Научная статья
УДК 130.3:141.41
doi:10.31079/1992-2868-2023-20-2-94-99

ВКЛАД НИКАНОРА (БРОВКОВИЧА) В ФОРМИРОВАНИЕ ТРАДИЦИИ «ПРАВОСЛАВНОГО ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ»

Хань Юй

Хэбэйский Северный университет, Чжанцзякоу, Китай, 2009gh@mail.ru

Аннотация. В статье проводится анализ творческого наследия православного философа Никанора (Бровковича). Он стремился создать такой тип философии, в котором на основе теоцентризма соединялись бы отвлечённо-созерцательное и жизненно-практическое начала, происходило преодоление старой схоластической метафизики. Указаны православные мыслители, взгляды которых коррелируются с «позитивной философией» Никанора, даётся обоснование сходства их теоретических положений.

Ключевые слова: духовно-академическая философия, схоластика, «позитивный» идеал, консерватизм, синтетизм, теистическая метафизика

Original article

CONTRIBUTION OF NIKANOR (BROVKOVICH) TO THE FORMATION OF THE TRADITION OF "ORTHODOX PHILOSOPHY"

Han Yui

Hebei Northern University, Zhangjiakou, China, 2009gh@mail.ru

Abstract. The article analyzes the creative heritage of the Orthodox philosopher Nikanor (Brovkovich). He sought to create a type of philosophy in which, on the basis of theocentrism, distracted-contemplative and vital-practical principles were combined, old scholastic metaphysics was overcome. Orthodox thinkers are indicated, whose views are correlated with the "positive philosophy" of Nikanor, a justification for the similarity of their theoretical provisions is given.

Keywords: spiritual and academic philosophy, scholasticism, "positive" ideal, conservatism, synthetism, theistic metaphysics

Творческое наследие **архиепископа Никанора** (в миру – **Александра Ивановича Бровковича**, 1826–1890) знаменует настойчивое стремление найти собственный путь философствования для православного «верующего сознания». Сам православный философ-теист прекрасно разбирался в специфике подходов представителей католической и протестантской схоластики, критикуя их за изначально, как он полагал, неверные догматические и мировоззренческие установки. Но его метод предполагал не только критику, а выдвигание положительного («позитивного») идеала и способа объяснения существующих философских проблем.

Философские взгляды архиепископа Никанора формировались в эпоху серьёзного мировоззренческого кризиса, охватившего русское общество в середине XIX в. Наметились расхождения между различными группами образованного слоя, ориентировавшимися на совершенно разные ценности и идеалы. Этот кризис начал с особенной силой про-

являть себя уже в 30-е гг. XIX в., с выхода знаменитых «Философических писем» П.Я. Чаадаева. Ещё больше культурно-философский водораздел внутри русской интеллигенции прошёл после выхода на культурно-историческую арену западников и славянофилов, интерпретировавших социальные и исторические процессы прошлого и настоящего России часто совершенно противоположным образом. В философском сознании русского образованного слоя также намечается совершенно непохожее друг на друга восприятие как идей представителей немецкой классической философии (Кант, Гегель, Шеллинг, Фихте), так и мыслителей, ориентировавшихся на философско-теистическую традицию. Кроме того, усиливается и так называемое естественно-научное направление в русской философии, в значительной мере находившееся под влиянием только что появившегося в Европе философского позитивизма.

Его отталкивание от традиционной философской схоластики заключалось в неприятии её многих положений, что было связано с недостаточным вниманием схоластов к проблемам теории познания, взаимоотношения религии и философии с естественными науками, а также отказом от приоритетного включения темы человека в философское познание. Но сама философская схоластика, в основе которой находилась аристотелевская система изложения философского материала и которая «приручала к культуре связанного логического мышления» [11: с. 50], вызывала уважение у архиеп. Никанора, и он требовал развивать её в духе православного мирозерцания. Примером преодоления схоластической метафизики могло бы явиться для архиеп. Никанора религиозно-философское учение Григория Саввича Сковороды (1722–1794), в котором вполне сочетались мистицизм и рационализм. Как отмечал С.В. Пишун, «...бесспорным остаётся факт, что Сковорода – первый оригинальный философ в России» [11: с. 58].

В православных высших духовных школах процесс обретения собственной традиции и стиля философствования происходил непросто. Главным здесь было обретение чувства меры, когда надо было избегать крайностей эмпиризма и рационализма, позитивистского сциентизма и метафизической отвлечённости. Такие попытки соединения разных моделей философствования на началах теоцентризма предпринимались православными мыслителями особенно активно начиная со второй четверти XIX в. Здесь налицо было намерение соединить философию и богословие, хотя всё это изначально предполагало не только гармонию, но и немало сложностей. И здесь непосредственными предшественниками архиеп. Никанора можно назвать преподававшего сначала в Санкт-Петербургской духовной академии, а затем в Киевской духовной академии (в качестве ректора) **архиеп. Иннокентия (Борисова)**, профессора Московской духовной академии **Ф.А. Голубинского** и профессора Санкт-Петербургской духовной академии **В.Н. Карпова**.

Особенностью развития русской философской мысли в то время являлось то, что в ней наметилось как «журнально-публицистическое» крыло, в котором глубокое философское осмысление часто заменялось яркостью оценок, связанных с актуальностью выводов и их «живым» восприятием общественным сознанием. Такая «популярная философия», представителями которой были, как правило, публицисты и писатели, играла в России, можно сказать, чрезмерно большую роль, именно этот факт породил мнение о «литературности» как спе-

цифической черте русской философии. Об этом якобы признаке часто пишут с целью показать, что в России вплоть до начала XX в. практически не было профессиональной философии или её существование носило «очаговый» характер в лице нескольких талантливых авторов, которые могли разбираться в отдельных философских проблемах, как правило, в области социальной философии и при обсуждении проблем естествознания. При этом отрицается факт наличия в России мыслителей, которые могли представить собственные философские системы, содержащие в себе в достаточно полном виде онтологическое, гносеологическое, эпистемологическое, этико-антропологическое и социально-философское учения. В самом деле, среди представителей университетской науки России таких авторов на протяжении всего XIX в. было очень мало, причём некоторые из них сформировались как учёные-философы именно в духовных высших учебных заведениях (Ф.Ф. Сидонский, В.Н. Воскресенский, П.Д. Юркевич, С.С. Гогоцкий, М.И. Каринский, отчасти М.И. Владиславлев). В то же время в православных духовных академиях таких мыслителей с «универсальным взглядом» было существенно больше, причём некоторые из них были известны и в Европе, например профессор Московской духовной академии Ф.А. Голубинский.

Качество преподавания философских дисциплин во всех духовных академиях было весьма высоким. «Любомудрие» считалось важнейшей из отраслей наук, свидетельством чего являлось наличие в высших духовных школах сразу нескольких философских кафедр, в частности, метафизики, логики и психологии, истории философии, а также кафедры нравственного богословия, представители которой, как правило, занимались и вопросами философской этики. Преподаватели философских дисциплин никак не ущемлялись в своих научных и педагогических поисках, положение философии в академиях было весьма прочным. Такая благоприятная ситуация с преподаванием философских предметов сложилась благодаря талантливому руководству значительной части ректоров высших духовных учебных заведений. К их числу можно отнести, между прочим, и архиеп. Никанора, а также А.В. Горского, архиеп. Иннокентия (Борисова), архиеп. Антония (Храповицкого) и др. Не следует также забывать, что при каждой академии издавались богословско-философские журналы, где печатались статьи как ведущих учёных, философов, историков и богословов академий, так и наиболее интересные работы студентов-выпускников, многие из которых являлись не столько богословскими,

сколько философскими. Количество академических кандидатских сочинений и магистерских диссертаций, которые были чисто философскими, исчисляется многими десятками, если не сотнями. Большинство из них сохранились и содержатся в центральных научных архивах России и Украины. Они ещё ждут своих исследователей и могут быть на полных основаниях введены в историко-философский контекст. Можно сказать, что история духовно-академического «любомудрия» далеко ещё не изучена. Те, кто знакомятся с этой своеобразной архивной «источниковой базой», по вполне понятным причинам отказываются от упомянутого нами выше тезиса о якобы «литературности» и «поверхности» русской философии.

Особого внимания заслуживает плеяда авторов из числа духовных лиц, которые были церковными администраторами, но одновременно продолжали заниматься изучением философских вопросов. Их семинарская и духовно-академическая подготовка в области философии была столь впечатляюща, что позволяла им обладать очень высоким уровнем компетентности в сфере онтологии, гносеологии, этики, антропологии. Архиепископ Никанор как раз принадлежал к числу таких выдающихся представителей православной учёности, он умел не только заниматься текущей церковно-административной и проповеднической деятельностью, вести службу в храмах, но и писать серьёзные философские статьи и целые книги, оставившие глубокий след в истории русской религиозной философии позапрошлого столетия. При этом он, по словам Г.В. Флоровского, «всегда был охранителем» [14: с. 224]. Когда читаешь сохранившиеся тексты проповедей архиеп. Никанора, убеждаешься в том, что это его «охранительство» было вызвано беспокойством за судьбу России, оно было совершенно искренним и не имело ничего общего с показным и притворным лицемерием, за которым могло скрываться равнодушие, нежелание вовлекаться в политические споры и дискуссии. Архиепископ Никанор вовсе не боялся участвовать в таких спорах и в своих проповедях публично мог касаться самых злободневных вопросов. Его теоретические изыскания и практическое служение пересекались самым тесным образом. Вполне справедливы слова одного из исследователей его творчества, Н. Беляева, о том, что у архиеп. Никанора «и теоретическая и практическая, научная и общественная стороны жизни, и притом на высокой степени развития той и другой, не только не ослабляли одна другую и не противоречили одна другой, но восполняли, подкрепляли и, так сказать, освежали одна другую» [2: с. 47].

Следует также учесть, что социальный консерватизм архиеп. Никанора отнюдь не сопровождался стремлением войти в своеобразную «философскую изоляцию», отгородиться от влияния современных ему европейских философских школ. Напротив, православный философ-теист считал жизненно необходимым учёт достижений различных наук для развития православного философского дискурса. Его позиция относительно характера православной теистической философии предполагала поддержание постоянного внимания к иному типу философским системам, с иным содержанием. Именно в непрерывной научной дискуссии, как он предполагал, должен выстраиваться фундамент духовно-академической философии. Сам архиеп. Никанор строит свой главный труд «Позитивная философия и сверхчувственное бытие» на критике популярных тогда материалистических и позитивистских трактовок новейших достижений естественных наук.

Вместе с тем его критическое отношение распространялось и на римско-католическую догматику. В своём труде «Разбор римского учения о видимом главенстве в церкви» он затрагивает и вопросы философского характера, хотя в целом это сочинение можно отнести к сфере сравнительного богословия. Данная работа заслужила высокую оценку со стороны православного научного сообщества того времени. В частности, можно прочесть в одной из статей о его творческом пути, что «это есть труд, который занимает выдающееся положение не только между богословскими произведениями русской литературы, но и смог бы служить украшением всякой другой литературы – немецкой, французской, английской. Громаднейшая эрудиция, близкое знакомство с постановкой вопроса и его аргументацией в католическом богословии, самое тщательное исследование первоисточников и патристической литературы, полнейший при этом научный объективизм..., делают рассматриваемую книгу образцовым творением» [3: с. 83–84].

Относительно направления, самого характера философии архиеп. Никанора следует отметить то, что истины его религиозной метафизики имеют не только и не столько отвлечённо-созерцательный характер, сколько жизненно-практический. Основной концепт религиозной философии архиеп. Никанора – вера в Абсолют имеет несколько опор для себя, он основывается как на рационалистических аргументах и рассудочных доказательствах, так и на «прочувствованных» идеях. В его трактовке православное богословие должно в высшей степени благоприятно и с полным доверием относиться к религиозной философии, православному филосо-

фу-теисту не должны навязываться какие-то дополнительные обязательные методы и программы решения теоретических вопросов. Архиепископ Никанор оставляет за православным философом большое пространство свободы, с его слов, такому философу можно идти разными путями, лишь бы он не входил в противоречие с базовыми религиозными утверждениями.

С архиеп. **Иннокентием (Борисовым)** (1800–1857) Никанора (Бровковича) роднит желание создать практический, «жизнестроительный» [7: с. 272] тип философствования. Разумеется, архиеп. Никанора нельзя признать только лишь «философом-моралистом», он не отказывался обсуждать вопросы, касающиеся области теоретического разума, философской онтологии и т.п. Но одновременно следует признать, что Никанор (Бровкович) строил свою теистическую метафизику именно на нравственных основаниях, для него высшим уровнем философских размышлений являлась именно сфера морально-дискурсивная. Оба этих автора критиковали односторонний рационализм западной идеалистической философии и посвятили много внимания внедрению положений святоотеческой психологии и антропологии в дискурс русской религиозной философии XIX в. Тот и другой мыслители имели сходные взгляды на взаимоотношения души и тела в том смысле, что они признавали тело и душу как два несводимых принципа жизни и способа существования, и одновременно они указывали, что душа и тело не являются лишь противоположными проявлениями природы человека, но каждая из них органично вписывается в бытие человека, выступая как его неотъемлемый элемент. Являясь противоположными субстанциями, тело и душа, тем не менее, образуют единого человека, что являлось глубокой и трудноразрешимой загадкой самого бытия.

Архиепископов Иннокентия и Никанора (Бровковича) объединяла точка зрения, что в основе религии лежит разумное начало, хотя проявляется религия в акте веры. Вместе с тем они оба не были склонны тотально смешивать религию и философию, заявляя о том, что каждая из них решает собственные задачи и руководствуется собственными методами, при всей их гармонии и единстве. Смешивать рассудок и веру нет никакой необходимости, но все они в своей деятельности должны идти к нравственному (христианскому) идеалу.

Ещё одно важное сходство архиепископов Иннокентия и Никанора – их желание рассматривать непосредственно природу в качестве объекта философского рассмотрения, причём в природе оба

православных мыслителя видели определённые мистические жизненные силы, которые исходят из идеальных сущностей, витализм в данном случае соединяется с христианизированным платонизмом. Вместе с тем взгляд архиеп. Иннокентия был более эмоциональным, в каком-то смысле даже поэтическим, такой же «поэтической» была его религиозная метафизика, что впоследствии дало повод Г.А. Флоровскому в его «Путях русского богословия» оценить архиеп. Иннокентия как человека острого ума, с «блестящей манерой изложения», но якобы не способного творчески мыслить, вообще не мыслителя. Но такие оценки наследия архиеп. Иннокентия сами требуют комментария. Архиепископ Иннокентий имел своеобразную манеру рассуждать философски, часто по поводу каких-то событий или фактов повседневной жизни, и далее он интерпретировал эти события именно в философском ключе и уже затем доходил до необходимых умозрительных обобщений, часто этически окрашенных. Этот способ выражения собственных философских убеждений требует от специалистов применения специальных методов историко-философской реконструкции, и здесь какие-то ранее «шаблонные» и общераспространённые методы не могут быть применены в полной мере, на что совершенно справедливо указывает Н.А. Куценко [7: с. 270].

Архиепископ Никанор тоже часто раскрывал свою философскую мысль в многочисленных проповедях, пастырских речах, и делал это весьма талантливо и ярко. Но общие его философские убеждения были больше склонны к строгости и системности, кроме того, архиеп. Никанору принадлежат специальные философские работы, где он вполне профессионально и системно исследует проблематику европейской философской культуры начала и середины XIX в.

Данную свою умозрительную строгость архиеп. Никанор мог почерпнуть у **Фёдора Александровича Голубинского** (1797–1854), который преподавал философские дисциплины в течение почти трёх десятилетий в Московской духовной академии. Идея бесконечного лежит в основе религиозно-философских систем обоих мыслителей. Тот и другой считали её источником индивидуального акта постижения мира, причём всё это глубоко укоренено в бытии человека, является его врождённой сущностью. Их взгляд на теорию познания исходил из необходимости субстантивного подхода, когда, по словам С.В. Пишуна, гносеологическая проблематика переводится в онтологическое русло, с обнаружением «внутреннего центра» во всяком предмете метафизического умозрения [11: с. 234].

Но между их философскими взглядами имеются и некоторые различия, особенно в области гносеологии, оценке внутренних познавательных способностей человека. Так, Ф.А. Голубинский в своей иерархии познавательных способностей человека совершенно определённо ставил чувство ниже рассудка, тогда как архиеп. Никанор был здесь не столь однозначен – у него низким является внешнее душевное чувство, тогда как внутреннее душевное чувство ставится им весьма высоко – оно признаётся способностью, которая напрямую может постигать бесконечное начало мира.

Василий Николаевич Карпов (1898–1867) являлся непосредственным преподавателем А.И. Бровковича в Санкт-Петербурге и, разумеется, оказал на него определённое влияние. Так, архиеп. Никанор воспринял у В.Н. Карпова интерес к философскому платонизму (сам Карпов называл себя «русским платоником»), что проявлялось в желании везде усмотреть безусловное в условном. Кроме того, оба философа исходным началом своей философии признают сознание человека исходным фактом нашего реального внутреннего опыта. Такая интроспективность есть особенность философской позиции архиеп. Никанора. Ряд его учеников и по-

следователей (в частности, В.А. Снегирёв, а затем и В.И. Несмелов) из этой установки на самопознание выведут собственное философско-антропологическое учение, поставив в центре внимания проблему человека и решение так называемой антропологической тайны. Как писал архиеп. Никанор, «...моё Я есть центральный фокус мирозерцания: я созерцаю мир в самом себе» [10: с. 69]. Также оба мыслителя претендовали на то, чтобы их теистические концепции рассматривались как выражение философского синтетизма, когда бытие и мышление, вера и разум, идеальное и реальное рассматриваются в их единстве [1: с. 147].

Среди всех православных академических философов середины и второй половины XIX в. архиеп. Никанор наряду с профессором Московской духовной академии Виктором Дмитриевичем Кудрявцевым-Платоновым (1828–1891) являлся наиболее компетентным в вопросах философии науки, он неплохо разбирался в открытиях в области физики, химии, биологии и был способен вполне логично и убедительно трактовать их все в философско-теистическом ключе, полемизируя с позитивистами и философами-материалистами.

Список источников

1. Абрамов А.И. Духовно-академическая философия в её сущностном отношении к философскому наследию Фихте // Философия Фихте в России. Санкт-Петербург : РХГИ, 2000.
2. Беляев Н. Краткие биографические сведения о преосвящ. Никаноре. Казань, 1899 // Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 10/2. № 1611.
3. Беляев Н.Я. Памяти высокопреосвящ. Никанора, архиепископа Херсонского и Одесского // Православный собеседник. 1891. № 1. С. 81–92.
4. Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 2. Ленинград : ЭГО, 1991. С. 88–101.
5. Красносельцев Н.Ф. Никанор, архиепископ Херсонский и Одесский, и его учёно-литературная деятельность. Одесса, 1893.
6. Крылов А.Л. О сочинении преосвящ. Никанора «Позитивная философия» // Донские епархиальные ведомости. 1876. № 86.
7. Куценко Н.А. К вопросу о нравственно-антропологической философии Иннокентия (Борисова) // Историко-философский ежегодник-99. Москва : Наука, 2001. С. 270–274.
8. Милославский П. Позднее слово о преждевременном деле // Православное обозрение. 1879. № 2. С. 265–292.
9. Невзоров И. Вера и неверие в отношении к просвещению и жизни (по сочинениям Никанора, архиепископа Херсонского) // Странник. 1892. № 12. С. 121–135.
10. Никанор (Бровкович). Позитивная философия и сверхчувственное бытие. Санкт-Петербург, 1875. Т. 1.
11. Пишун С.В. Православная персоналогия и духовно-академическая философия XIX века. Москва : Прометей, 1996. 431 с.
12. Соловьёв А.П. Источники для исследования философии архиепископа Никанора (Бровковича) // Вестник ПСТГУ. I: Богословие. Философия. 2013. Вып. 2 (46).
13. Соловьёв В.С. Опыт синтетической философии (Несколько слов о книге епископа Никанора «Позитивная философия и сверхчувственное бытие». Т. 2 // Православное обозрение. 1877. № 5.
14. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 223–225.

References

1. Abramov A.I. *Duhovno-akademicheskaya filosofiya v ee suschostnom otnoshenii k filosofskomu naslediyu Fihte*. [Spiritual and academic philosophy in its essential relation to the philosophical heritage of Fichte]. Philosophy of Fichte in Russia. St. Petersburg: Russian Agricultural Institute, 2000. (in Russ.).
2. Belyaev N. *Kratkiye biograficheskiye svedeniya o preosvyasch. Nikanore*. [Brief biographical information about the prize. Nicanore]. Kazan]. 1899. National Archive of the Republic of Tatarstan. F.10/2. № 1611. (in Russ.).

3. Belyaev N.Ya. *Pamyati vysokopreosviasch. Nikanora, arhiepiskopa Hersonskogo i Odesskogo*. [Of High Memory. Nikanor, Archbishop of Kherson and Odessa]. Orthodox interlocutor. 1891. № 1. S.81–92. (in Russ.).
4. Zenkovsky V.V. *Istoriya russkoy filosofii*. [History of Russian philosophy]. Leningrad: "EGO," 1991. T.2. P.88–101. (in Russ.).
5. Krasnoseltsev N.F. *Nikanor, arhiepiskop Hersonskiy i Odesskiy, i ego ucheno-literaturnaya deyatel'nost*. [Nikanor, Archbishop of Kherson and Odessa, and his scientific and literary activity]. Odessa, 1893. (in Russ.).
6. Krylov A.L. *O sochinenii preosviasch Nikanora "Pozitivnaya filosofiya"*. [On the composition of the prize. Nikanora "Positive Philosophy"]. Don Diocesan Gazette. 1876. № 86. (in Russ.).
7. Kutsenko N.A. *K voprosu o npravstvenno-antropologicheskoy filosofii Innokentiya (Borisova)*. [On the question of moral and anthropological philosophy of Innocent (Borisov)]. Historical and philosophical yearbook-99. M.: "Science," 2001. P. 270–274. (in Russ.).
8. Miloslavsky P. *Pozdnee slovo o prezhdevremennom dele*. [Later the word about premature deed]. Orthodox review. 1879. № 2. P.265–292. (in Russ.).
9. Nevzorov I. *Vera i neverie v otnoshenii k prosvescheniyu i zhizni. (Po sochineniyam Nikanora, arhiepiskopa Hersonskogo)*. [Faith and disbelief in relation to education and life (according to the works of Nikanor, Archbishop of Kherson). Wanderer. 1892. № 12. P.121–135. (in Russ.).
10. Nikanor (Brovkovich). *Pozitivnaya filosofiya i sverhchuvstvennoye bytie*. [Positive philosophy and hypersensitive being]. St. Petersburg, 1875. T.1. (in Russ.).
11. Pishun S.V. *Pravoslavnaya personologiya i duhovno-akademicheskaya filosofiya XIX veka*. [Orthodox personology and spiritual and academic philosophy of the XIX century]. Moscow: Prometheus, 1996. – 431 p. (in Russ.).
12. Solovyov A.P. *Istochniki dlia issledovaniya filosofii arhiepiskopa Nikanora (Brovkovicha)*. [Sources for the study of the philosophy of Archbishop Nikanor (Brovkovich)]. Bulletin of PSTGU. I: Theology. Philosophy. 2013. Issue 2 (46). (in Russ.).
13. Solovyov V.S. *Opyt sinteticheskoy filosofii (Neskolko slov o knige episkopa Nikanora "Pozitivnaya filosofiya i sverhchuvstvennoye bytie". T.2* [Experience of synthetic philosophy (A few words about the book of Bishop Nikanor "Positive philosophy and hypersensitive being." T.2)]. Orthodox Review. 1877. № 5. (in Russ.).
14. Florovsky G.V. *Puti russkogo bogosloviya*. [Ways of Russian theology]. Vilnius, 1991. P.223–225. (in Russ.).

Информация об авторе

Хань Юй – старший преподаватель факультета русского языка и культуры.

Information about the author

Han Yui – Senior Lecturer of the Faculty of the Russian Language and Culture.

Статья поступила в редакцию 06.03.2023; одобрена после рецензирования 17.03.2023; принята к публикации 24.03.2023.
The article was submitted 06.03.2023; approved after reviewing 17.03.2023; accepted for publication 24.03.2023.

Научная статья
УДК 641.5(571)
doi:10.31079/1992-2868-2023-20-2-100-111

ГАСТРОНОМИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ПИТАНИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ НАРОДОВ

Жан Жанович Чимитдоржиев

Дальневосточный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Хабаровск, Россия, jeanjean@mail.ru

Аннотация. С развитием интереса к взаимодействию этносов на различных полях особое внимание уделяется межкультурным отношениям в сфере кулинарии. Гастрономическая культура для многих исследователей представляет эпистемологическое поле повседневности, что является определенной проблемой с точки зрения исторической ретроспективы. Более слабые этносы заимствовали новые социальные практики от сильного этноса, пришедшего на их земли. Особенно хорошо это прослеживается в гастрономической области. Существуют различные механизмы заимствования, что свидетельствует о сложности данного процесса.

Ключевые слова: заимствование, гастрономическая культура, этнос, Дальний Восток, восточные славяне, азиаты

Original article

GASTRONOMIC BORROWING IN THE FOOD SYSTEM OF THE FAR EASTERN PEOPLES

Zhan Zh. Chimitdorzhiev

Far East Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Khabarovsk, Russia jeanjean@mail.ru

Abstract. With the development of interest in the interaction of ethnic groups in various fields, intercultural interactions in the culinary field are of particular interest. Gastronomic culture for many researchers represents the epistemological field of everyday life, which is quite problematic from the point of view of historical retrospective. A weaker ethnic group borrows new social practices from a strong ethnic group that came to their lands. This is especially evident in the gastronomic field. There are various borrowing mechanisms, which indicates the complexity of this process.

Keywords: borrowing, gastronomic culture, ethnos, Far East, Eastern Slavs, Asians

Территория Дальнего Востока, до прихода азиатов и европейцев, представляла собой пространство, сотканное из сложного этнического материала. Множество народов населяли эту территорию. Дальневосточные аборигены прошли долгий путь эволюционного развития и адаптации к местным условиям проживания. В ходе эволюции они создали уникальную систему рационального питания. Сбалансированное, гармоничное сочетание совместимых продуктов, режим приёма пищи позволяют обеспечивать организм необходимым количеством питательных веществ, дающих пластический материал для пролиферативного и регенерационного процесса, обеспечивают энергией для работы в суровом климате [1–11]. Рациональное питание, кроме формулы Белки/Жиры/Углеводы, включает в себя ещё много различных компонентов, позво-

ляющих выживать в экстремальных природно-климатических условиях. В частности, исследователи из Дальневосточного государственного медицинского университета, изучая здоровье коренных малочисленных народов Севера, отмечают, что традиционная модель питания обеспечивает организм необходимым количеством витаминов, микроэлементов, минералов и т.д. [1: с. 15]. Коренные народы обжили все климатические зоны от берегов Северного Ледовитого и Тихого океанов до Амура, создали уникальную культуру. Особенности эволюционного пути и своеобразие социально-культурных элементов во многом зависели от той среды обитания, в условиях которой и формировался уникальный мир этносов Дальнего Востока.¹

¹ Мы не будем вдаваться в древнюю историю, поскольку это не входит в задачи исследования.

Методологической базой исследования послужили работы Тевено, Болтанского, Бурдьё и др. [12–16]. Нам представляется, что на основе теоретических разработок можно объяснить трансформационные изменения в пищевом габитусе [13] коренных народов Дальнего Востока. Нами также использован медиалистский подход [1; 2; 14], который корреспондируется с природно-экологической подсистемой. Именно биологическое начало формирует модель природно-экологического взаимодействия между человеком и средой обитания [15].

Наиболее значимое воздействие на гастрономическую культуру аборигенов оказала кухня азиатов, в первую очередь китайская, затем корейская и японская. Китайская кухня наиболее сильно повлияла на формирование гастрономической культуры и кулинарное искусство дальневосточного региона. С повышением активности России по терраформированию территории на тихоокеанском побережье в её города ринулись китайцы в надежде заработать, в результате чего сформировалась мощная китайская диаспора [18–25]. Китайское присутствие активно проявляло себя на берегах Тихого океана и Амура, что, несомненно, сказалось на гастрономической культуре местных народов. Шло активное развитие кросскультурных контактов в кулинарном поле между китайской и местной аборигенной гастрономической культурой. Местные этносы прямо заимствовали продукты и технологии, в основном те, которые они сами не могли произвести. В частности, в кулинарно-технологической сфере был заимствован вок и прилегающиеся к нему технологии, в основном касающиеся варки и тушения мяса [26]. Были заимствованы такие вкусовые продукты, как чай, ханьша, которые активно использовались в питании. «(Нанайцы) В пищу часто использовали рис, который покупали у маньчжуров и в Китае. "Тури" – блюдо из отварной фасоли, приправленное растительным маслом» [28]. «Тазы ...: готовят лепёшки и пирожки на пару, пельмени, похожие на китайские, мелко нарезанное мясо и картошку.... Тазы разводили свиней и коров, но не употребляли молоко (влияние китайцев!), собирали женьшень и древесные грибы, морскую капусту, трепангов, моллюсков» [27; 28]. Как видим, заимствование происходило достаточно интенсивно. Буссе считает, что влияние китайской культуры было очень мощным и сильно изменило быт местных этносов, которые очень тесно с ней контактировали [29]. В этот период самыми восприимчивыми к чужой кулинарной культуре оказались местные аборигены.

Второе по значимости влияние на формирование дальневосточной кухни оказала корейская гастрономическая культура. Первые упоминания о присутствии корейцев на российской стороне датируются 1860-ми гг. [30–36], не углубляясь сильно в историю, возьмём за отправную точку эту дату. Притеснения со стороны местных чиновников, бедность и голодное существование заставили корейцев покинуть обжитые места и уйти на российскую территорию. Несмотря на чужеродную среду, первых переселенцев влекли комфортные условия адаптации, поскольку в то время началось освоение Дальнего Востока, и правительство России предоставляло максимальные преференции для переселенцев с целью активного освоения территорий. Переход совершался, как правило, целыми семьями, а порой и целыми поселениями [30; 36]. На кулинарном поле в плане межэтнических контактов между другими этническими кухнями можно выделить влияние корейской кухни на местную. Можно предполагать, что такое блюдо, как сугудай, к местным этносам пришло именно из корейской кухни, если в качестве базового идентификационного маркера взять уксус, который местные этносы не используют в кулинарной практике.

Японская гастрономическая культура наиболее активно проявляла себя в прибрежной зоне тихоокеанской России. Японцы не так ярко проявили себя на кулинарном поле, как китайцы и корейцы. Проведённые полевые исследования не смогли обнаружить следы влияния японской гастрономической культуры на гастрономическую культуру местных аборигенов на континентальной части Дальнего Востока. Только на острове Сахалин можно наблюдать влияние японской кухни на гастрономическую культуру местных коренных этносов. В меню айнов, нивхов есть блюда, имеющие японские корни [37–45].

Следующей по значимости воздействия стала восточно-славянская гастрономическая культура [46–55]. Гастрономическая культура – один из важнейших элементов межэтнических коммуникаций. Обогащение своей гастрономической культуры путем активного заимствования других этнических кулинарий создает новые телесные практики вкусов. Происходит активный процесс кросскультурного обмена между европейскими, азиатскими, местными аборигенскими и другими гастрономическими культурами. Начались активные кросскультурные контакты между этносами на территории тихоокеанской России, в том числе это коснулось и кулинарии. Приход этносов с Запада и из Азии привнес на эти территории новую гастрономическую культуру. Экспо-

зиционный период колонизации Дальнего Востока подошёл к своему новому качественному состоянию, чему способствовал количественный рост славянских народов. Проводимая национальная политика, ассимиляция и относительная толерантность к «жёлтому вопросу» [19; 21; 32; 37] дали свои плоды, пришлые люди активно стали контактировать с местным населением, ходили друг к другу в гости, вместе вели хозяйственную деятельность, стали заключать межэтнические браки [37], все это обогащало и гастрономическую культуру. Приход на Дальний Восток поморов и сибиряков, имевших опыт контакта с инородцами, позволил активизировать межкультурный обмен. Доминанция восточных славян имела простое обоснование: переселенческая политика правительства была ориентирована на славянские этносы, им и предоставлялись все преференции от государства, в то время как остальные этносы шли на Восток на свой страх и риск. Также отметим ещё ряд гастрономических культур. Европейская группа была представлена немногочисленными этносами: поляками, греками, немцами, евреями, эстонцами, латышами, литовцами и т.д. Кавказская группа имела в своём составе грузинскую, азербайджанскую, турецкую, армянскую, осетинскую кухню.

Мы выделили несколько механизмов заимствования, которые протекали в сложных коммуникативных каналах кросскультурного взаимодействия гастрономических культур местного коренного этноса с пришлыми этносами.

1. Механизм народной дипломатии. Мы рассматриваем его как вариант добровольного заимствования. Общественно-экологическая подсистема [15] реализовывалась через механизм дружбы между этносами на основе принципов добрососедства и дружелюбия [12; 66; 69; 79; 83; 84]. Такая тесная дружба не могла не отразиться на гастрономической культуре взаимодействующих этносов. Были и элементы «промышленного шпионажа», когда хозяйки выведывали друг у друга секреты того или иного блюда. Такая народная дипломатия лежала в основе адаптивных процессов пришлых людей, благодаря кухне местных этносов они смогли выжить и адаптироваться к суровым климатическим условиям.

Гостеприимство – основа социального взаимодействия миров [83]. В культуре социальных общностей существует практика начала социальных взаимодействий. Автохтоны Дальнего Востока все свои контакты начинали с традиционного чаепития и последующего обильного застолья. Не торопясь, за чаем узнавали чужака, пытаясь понять его смыс-

лы, цели прихода и т.д., затем наступало время основной трапезы, где раскрывались хозяева. Первопроходцы почему-то не пользовались этим каналом коммуникации при заселении новых земель. Согласно Зиммелю [83], совместная трапеза – это показатель определённого уровня доверия одной из сторон.

В плане заимствования восточные славяне обучили аборигенов земледелию, готовке мучных изделий, потреблению молочных продуктов. Аборигены охотно перенимали все практики славян, считая их правильными по умолчанию, поскольку их ментальность была настроена на представление славян как сильного партнёра и осознание своего вассального положения [12; 14; 16].

2. Межэтнические браки. Множество источников указывают на обилие межэтнических браков между пришлыми людьми и коренными народами. Анализ статистических материалов показывает большой процент холостых мужчин у славян и китайцев [22; 23], что во многом объясняет такое явление, как межэтнические браки.

Женщина, приходя в быт мужчины, приносила с собой свою кулинарную культуру, попутно осваивая кулинарную культуру своего мужчины [65; 75; 84]. Ежедневное питание является важной потребностью человека для поддержания необходимого уровня работоспособности, соответственно при приёме пищи мало внимания уделяли тому, что едят. Женщина, получив знания, навыки и умения готовки пищи в своей первородной семье, готовит то, что она умеет, и только со временем воспринимает гастрономическую культуру своего мужа, когда он уже полностью переведён на другую кухню.

3. Религиозный механизм [18; 85]. Пришлые этносы, попав на благодатную почву, развили бурную миссионерскую деятельность, неся свет истинной веры в сердца иноверцев. Доминирующей религией была христианская.

В составе православия выделяют так называемых староверов (старообрядцы, они же семейские²), данная субкультура оказала сильное влияние на формирование региональной кухни. Как считает Ю.В. Аргудяева, старообрядцы стали своеобразным хранителем старорусской кухни на Дальнем Востоке. «Конфессиональные традиции более стойко, чем этнические, способствовали сохранению национальной культуры, в том числе в пище. Религиозные каноны выполнялись старообрядцами неукоснительно и требовали чередования

² Это самоназвание наиболее употребимо в Восточной Сибири.

определённых пищевых запретов в дни постов и религиозных праздников. Существовали и абсолютные запреты в пище. Так, не употребляли в пищу мясо животных с лапами (медведь, кролик, краб), которые ассоциировались с чёртом. Такой системы придерживались и северорусская, и южно-русская традиции, характерные для дальневосточного старообрядчества» [56; 57]. В то же время она утверждает, что это не носило догматического характера и старообрядческая кухня была открыта для экспериментов, опять же это имело адаптационный механизм. «Обширные земельные угодья Дальнего Востока, не менее значительные природные ресурсы, богатые зверем, рыбой и полезными дикоросами, позволяли иметь староверам обильный и высококалорийный стол. Структура питания старообрядцев, как и русских в целом, базировалась на многоотраслевом хозяйстве, сочетавшем земледелие с животноводством, а на Дальнем Востоке – с охотой, рыболовством, пчеловодством и собиранием даров природы» [56].

Как мы ранее писали, религия является мощным регулятором пищевого поведения этносов, реализуя социорегуляторную функцию [15; 18; 56; 85]. Вовлекая иноверцев в лоно своей церкви, они автоматически распространяли на них свои религиозные пищевые регуляторы. Несомненно, это пагубно сказалось на экологии питания местных этносов. Они отлучались от своей привычной трофической модели, нарушался их органон. А как мы знаем, экология питания тесно коррелируется с физическим и психическим здоровьем этноса. Нарушение органа ведёт к вырождению народа [1; 86–88]. Мощным инструментом отлучения местных этносов от привычной трофической модели были церковные школы. Молодое поколение всегда стремится быть не похожим на своих родителей, хочет попробовать новые социальные практики. Гастрономические пристрастия также были в поле их телесных экспериментов [89]. Неся свет учения молодому поколению аборигенов через церковные школы, староверы также несли и новые телесные практики через гастрономическую культуру доминирующего этноса.

Старообрядцы активно заимствовали гастрономическую культуру у местных этносов. «От аборигенных народов ими были восприняты различные способы добычи продуктов питания – дикого мяса, птицы, рыбы, а также приёмы заготовки их впрок. От них старообрядцы узнали и неизвестные, весьма полезные дикоросы – дикий виноград, актинидию, лимонник и др.» [56].

Католики начали активную и агрессивную миссионерскую деятельность, считая возможным по праву сильного нести «свет истинной веры», не гнушаясь грязными методами³ [33; 86], обращая инородцев в свою веру и тем самым вовлекая вновь обращённых в свою гастрономическую культуру. Религиозные табу⁴ на пищу порой приводили к необратимым последствиям для здоровья аборигенов.

Ислам и буддизм не оказали существенного влияния на местные этносы, первые в силу их малочисленности, а вторые в силу своего терпимого отношения к процессу питания своих новообращённых адептов.

В то же время следует отметить, что при переходе из одной веры в другую новообращённые адепты сохраняли привязанность к своей изначальной вере и привычному пищевому габитусу, и тогда возникала ситуация двухверия, с чем пытались бороться миссионеры.

4. Ассимиляция. Для колониальной политики характерна принудительная ассимиляция, когда более могущественный народ понуждает принять свою культуру побеждённый народ [12; 13; 16]. Ведущим инструментом принудительной ассимиляции являются государственные и общественные институты. Через нормативно-правовой механизм реализуется социорегуляторная функция социума [15]. Данный механизм делится на два направления: запретительное и порицательное, реализуется через морально-этические предписания господствующего этноса. Администрация ограничивала дальневосточные этносы в их привычных практиках хозяйствования, что соответственно вело к нарушению в трофической цепи и, как следствие, изменению системы питания. Кроме господствующего этноса, принудительной ассимиляцией занимались и азиатские этносы, особой активностью отличались китайцы, которые закабалили местных инородцев, пользуясь их наивностью и простотой [8; 28; 36; 50; 61; 90].

Важным фактором в реализации ассимиляционного механизма является количество популяционного состава. Чем меньше популяция этноса, тем быстрее происходит процесс ассимиляции. Вместе с другими факторами создаётся синергетический эффект, и опять же скорость ассимиляции резко возрастает. Собственный опыт показывает, что чем меньше популяция этноса, проживающая на терри-

³ Одним из инструментов вовлечения была «огненная вода», многие батюшки, выезжая на территорию для миссионерской деятельности, заказывали и брали с собой большой запас спиртных напитков.

⁴ Несоблюдение религиозных предписаний в питании каралось физически.

тории с другими этносами, тем быстрее она воспринимает другую культуру. На наш взгляд, наиболее агрессивная политика ассимиляции проводилась в советский период. При царизме колонизаторы не проявляли большой активности по изменению культуры этноса в широком смысле, не вторгались в религию, а больше осуществляли экспансию хозяйственной территории аборигенов. По сравнению с европейцами, которые колонизировали Африку, Америку и Азию, используя прямой геноцид, россияне проводили мягкую имперскую политику, приводя местные народы под могущественную руку московского царя [54]. Советский период характеризуется более грубым вмешательством Советов во внутреннюю жизнь аборигенов: массовой коллективизацией, внедрением оседлости, обучением и т.д. В течение этого периода аборигены стали более грамотными, образованными, поскольку советская власть уделяла этому большое значение. Во время учёбы молодые аборигены активно заимствовали пищевой габитус советского народа. Нам представляется, что именно интернаты, куда практически насильно забирались дети, стали местом изменения пищевого габитуса. Советская торговля и общественное питание предлагали стандартный ассортимент пищевых продуктов, которые также формировали новое пищевое поведение местного населения. Переход к оседлости и переселение из традиционного жилища в европейские дома также внёс изменения в кулинарные технологии. Даже такой воинственный народ, как чукчи, был приведен к покорности [91].

Гигантский социальный эксперимент по ассимиляции коренных народов Севера можно считать успешным, удалось присоединить к многонациональной стране множество самобытных этносов, которые считали русских своим «старшим братом». Без излишнего геноцида, только благодаря мягкой политике ассимиляции, удалось получить верных союзников на Дальнем Востоке [54]. В то же время Арсеньев отмечал губительность вторжения русских на Дальний Восток, поскольку многие народы, которые никак не были готовы к столкновению с иным миром, были безвозвратно потеряны [12; 16; 39; 86; 87].

5. Адаптация. Природно-климатические условия имеют тесную корреляцию с ареалом проживания и оказывают существенное влияние на алиментарное поведение этносов [92–94]. Коренные этносы Дальнего Востока в ходе обживания территорий адаптировали свою пищеварительную систему под интенсивный белково-жировой метаболизм, который коррелирует с условиями обитания. «В экстремальных условиях, связанных с работой

на открытом воздухе, наблюдается повышение основного обмена, которое достигает 39 % по сравнению с обычными, т.е. неэкстремальными, условиями существования. Холод создаёт стрессовую ситуацию, ведущую к повышению выделения азота из организма, а следовательно, к увеличению потребности в белках, главным образом животного происхождения (мясо, рыба, птица и др.). Потребность в энергии в целом по Дальнему Востоку на 5–10 % выше, чем в Центральном регионе страны, а на севере Дальневосточного региона – на 15–20 %. Общая калорийность пищи северян должна составлять не менее 3500 ккал, а для жителей южных районов Дальнего Востока – 2800–3000 ккал» [1]. Ареал обитания деформирует привычную модель питания и предписывает новые трофические модели. К примеру, Северо-Восток тихоокеанской России практически не пригоден к земледельческому хозяйству и понуждает пришлых людей переходить на модели хозяйствования, принятые в данном регионе [4; 5; 10; 11; 28; 39; 40; 41; 88; 90]. Гастрономическая культура дальневосточных этносов давала возможность другим пришлым культурам адаптироваться под местные условия [56].

6. Рыночный механизм. Тихоокеанская Россия представляет собой полиэтничное образование. Этнический котёл, который варился в рыночной среде, породил рыночную механику заимствования этнических кухонь. Мы выделяем три основных варианта:

1) наём поваров, кухарок в частное домохозяйство, часто это были лица другой этнической принадлежности;

2) трактирный промысел, который вывел на рынок внедомового питания этнические кухни;

3) развитие торговли, которое привело к появлению в рационе аборигенов не только азиатских продуктов, но и европейских [97; 98].

Так или иначе, происходил активный обмен новыми телесными практиками на уровне вкуса. Аборигенная кухня также участвовала в этом процессе, прямого участия мы не видим, а вот косвенное участие заметно. Она пришла на рынок через кухню первопроходцев [3–6; 10; 27; 28; 39–41; 64; 66; 73; 88; 94; 100–102]. Именно первопроходцы активно заимствовали аборигенную кухню, реализуя это через природно-экологическую и общественно-экологические подсистемы гастрономической культуры [15; 56; 95].

Существует мнение, что в условиях индустриализации тихоокеанской России национальные традиции, быт, питание, обычаи, хозяйство малочисленных народов в принципе не могли сохраниться.

Непродуманная политика ассимиляции коренных народов привела к катастрофическим последствиям. Хозяйственная деятельность в охотничьих угодьях стала причиной утраты привычного кормящего ландшафта, пришлые охотники стали серьёзно конкурировать с местными охотниками и дискриминировать их. «Активные консолидационные, интеграционные и ассимилятивные процессы, прежде всего по отношению к русским, привели к разрушению традиционного образа жизни, народных верований, института шаманства, культурно-экологических (в том числе психологических) норм, смене устойчивого жизненного стереотипа, а в конечном счёте – к утрате языков, фольклора, обрядовой традиционной культуры, нравственных устоев; все это в целом повлияло на здоровье коренного населения» [87]. Несомненно, значительный вклад в разрушение здоровья популяции аборигенов внесли процессы ассимиляции пищевого пове-

дения. Начиная с момента контакта с пришлыми народами в привычную пищевую культуру местных аборигенов были привнесены новые продукты и способы приготовления и потребления, наиболее пагубным оказался алкоголь [7; 96]. В настоящее время мы можем наблюдать практически полный переход на европейскую кухню коренных этносов, полностью подвергнувшихся ассимиляции [28]. По нашим наблюдениям, самым критичным в разрушении пищевого поведения коренных этносов стал советский период. Именно в этот период был внедрён габитус советской кухни. Массовая коллективизация, обязательное образование, оседлость, торговля и общественное питание привели к тому, что этносы стали практически насильственно переводиться на новую модель питания. В то же время следует отметить нарастание тенденции к возрождению этнической идентичности, и гастрономическая культура становится драйвером этого процесса.

Список источников

1. Константинов А.А. Дальневосточная кухня. Питание и здоровье. Хабаровск : Изд-во Хворова А.Ю., 2013. 272 с.
2. Боринская С.А., Козлов А.И., Янковский Н.К. Гены и традиции питания // Этнографическое обозрение. 2009. № 3. С. 117–137.
3. Книга рецептов национальной эвенкийской кухни из села Тугур Хабаровского края. Хабаровск : МТС, «Культурный код», 2019. 18 с.
4. Кухня без огня. Строганина // Северные просторы. 1985. № 2. С. 44.
5. Погаевский Р.А. Пища сахалинских гилак (Фрагмент из «Сахалинского календаря на 1899 г.») / Южно-Сахалинский музей «Остров»: печатается в типографии на о. Сахалин, по приказу губернатора, 1899. С. 150–163.
6. Иващенко Я.С. Модель традиционного питания нанайцев в контексте пищевого поведения народов Северо-Востока и Юго-Востока Азии // Вестник ТОГУ. 2010. № 4. С. 187–194.
7. Врадий В.П. Опьяняющие напитки китайцев, корейцев, японцев и инородцев Уссурийского края. Санкт-Петербург : 1904. 13 с.
8. Лопатин И.А. Гольды // Записки Приамурского отделения Императорского общества востоковедения. Вып. III. Хабаровск : Тип. Канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1916. С. 9–108.
9. Лопатин И.А. Лето среди орочей и гольдов. Владивосток : Общество изучения Амурской области, 1915. 33 с.
10. Национальные блюда народов Камчатки. Петропавловск-Камчатский : Холдингвая компания «Новая книга», 1993. 48 с.
11. Самар Ю. Медвежий праздник // Пробуждение. URL: <http://waking-up.org/religii-mira/medvezhiy-prazdnik/> (дата обращения: 07.05.2023).
12. Болтанский Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. Москва : Новое литературное обозрение, 2013. 576 с.
13. Бурдьё П. Структуры, habitus, практики // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск : Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. С. 1639.
14. Льюис Р. Столкновение культур. Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2013. 640 с.
15. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. Москва : Мысль, 1983. 284 с.
16. Тевено Л. Множественность способов координации: равновесие и рациональность в сложном мире // Вопросы экономики. 1997. № 10. С. 69–84.
17. Социология питания: традиции и трансформации : коллективная монография / под общ. ред. Н.Н. Зарубиной, С.А. Кравченко. Москва : МГИМО-Университет, 2017. 302 с.
18. Праздничная и обрядовая пища народов мира / отв. ред. С.А. Арутюнов, Т.А. Воронина. Москва : Наука, 2017. 773 с.
19. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. Хабаровск, 1914. 195 с.
20. Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. Москва : Восточная книга, 2009. 512 с.
21. Петров А.И. История китайцев в России, 1856–1917 годы. Санкт-Петербург : Береста, 2003. 960 с.
22. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897. Тетрадь 3. LXXVI. Приморская область. Центральный статистический комитет МВД / под ред. И.А. Троицкого. Санкт-Петербург, 1901. 212 с.
23. Перепись населения города Владивостока 1916 года. Владивосток : Владивостокское городское общественное управление статистического бюро, 1917. Вып. 2. 78 с.

24. Шкуркин А.М. Китайские мигранты на российском Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX века // Этномиграционные процессы на Дальнем Востоке : материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Хабаровск, 27–28 октября 2017 г.). Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2017. С. 298–305.
25. ГАХК. ФР 904. Оп. 1. Ед.хр. 69. Л. 78. Об открытии в китайской слободе столовой с изготовлением специальных китайских блюд и организации производства туфы в целях удовлетворения запросов китайских трудящихся : постановление президиума Хабаровского городского совета № 403 от 13 июля 1937 г.
26. Леви-Стросс К. Узнавать других. Антропология и проблемы современности. Москва : Текст, 2016. 158 с.
27. Селюк О.Д. Дары дальневосточных морей. Владивосток : Дальнаука, 2003. 260 с.
28. Бельды О.А. Традиционная кухня нанайцев // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2020. Т. XVII, Вып. 2. С. 18–23.
29. Буссе Ф.Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883–1893 гг. Санкт-Петербург : Тип. «Общественная польза», 1896. 165 с.
30. Демьяненко А.Н. Территориальная организация хозяйства на Дальнем Востоке России. Владивосток : Дальнаука, 2003. 284 с.
31. Ким Г.Н. История иммиграции корейцев. Книга первая. Вторая половина XIX в. – 1945 г. Алматы : Дайк-пресс, 1999. 424 с.
32. Песоцкий В.Д. Корейский вопрос в Приамурье. Хабаровск : Канцелярия Приамурского генерал-губернатора, 1913. 180 с.
33. Удинкан О.В. Толерантность в межкультурном диалоге Востока и Запада: содержание и контroversы смыслов // Этномиграционные процессы на Дальнем Востоке : материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Хабаровск, 27–28 октября 2017 г.). Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2017. С. 250–255.
34. Энциклопедия корейцев России. Москва : РАЕН, 2003. 1440 с.
35. Эпецель А., Вагнер Г. Путешествия по Сибири и прилегающих к ней странам Центральной Азии. Санкт-Петербург : Тип. М.О. Вольфа, 1865. 518 с.
36. Этномиграционные процессы на Дальнем Востоке : материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Хабаровск, 27–28 октября 2017 г.) / под ред. Ю.М. Сердюкова. Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2017. 313 с.
37. Васкевич П. Очерк быта японцев в Приамурском крае. Владивосток, 1906.
38. Мизь Н.Г. Владивосток: прогулки в прошлое. Краеведческие очерки. Владивосток : Общество изучения Амурского края, 2016. 384 с.
39. Осипова М.В. Изменение рациона питания как фактор, влияющий на продолжительность жизни человека (по материалам исторических сведений о северокурильских айнах) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2020. Т. XVII, Вып. 2. С. 59–63.
40. Особенности кухни Дальнего Востока. URL: <https://www.eastrussia.ru/> / 07.09.2017/ (дата обращения: 07.05.2023).
41. Смоляков А. Тала – рыбное блюдо народов Приамурья // Северные просторы. 1986. № 1. С. 45.
42. Спальвин Е.Г. Японские общества в г. Владивосток и других населённых пунктах Приамурья 1906–1909 гг. Владивосток, 1911. 163 с.
43. Статистическое отделение Приморского переписного района. Бюллетень (10 сентября – 10 октября). Владивосток : Тип. Прим. обл. правительства, 1914. 20 с.
44. Чехов А.П. Остров Сахалин (Из путевых заметок) // Чехов А.П. Собрание сочинений. В 8 т. Т. VIII. Москва : Правда, 1970. 509 с.
45. Мартин Р. Будущность России и Японии. Москва : Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1907. 284 с.
46. Материалы для истории русских заселений по берегам восточного океана. Санкт-Петербург : Тип. Морского министерства, 1861. 126 с.
47. Сборник узаконений и распоряжений о переселении. Санкт-Петербург : Тип. М-ва внутр. дел, 1901. 499 с.
48. Материалы о положении и нуждах торговли и промышленности на Дальнем Востоке. Санкт-Петербург : Тип. В.Ф. Киршенбаума, 1911. 284 с.
49. Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства и всех произошедших в нём дел от начала (а особенно) от покорения его российской державой до сих времён. Санкт-Петербург : А.Н. Шилер, 1750. 457 с.
50. Михайлов Г.П. Переселенческое дело в Уссурийском крае // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 202–246.
51. Михайлов И.П. Восемь лет на Сахалине. Санкт-Петербург : Тип. Суворина А.С., 1901. 287 с.
52. Муров Г.Т. Люди и нравы Дальнего Востока: От Владивостока до Хабаровска (путевой дневник). Томск : Типо-Лит. П.И. Макушина, 1901. 161 с.
53. Надаров И.П. Северо-Уссурийский край. Санкт-Петербург : Военная тип., 1887. 166 с.
54. Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России. 1849–1855. Санкт-Петербург : Издат. дом «Русская скоропечать», 1878. 418 с.
55. Никитенко В.Н. Менталитет и культура дальневосточного субэтноса // Этномиграционные процессы на Дальнем Востоке : материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Хабаровск, 27–28 октября 2017 г.). Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2017. С. 215–222.
56. Аргудяева Ю.В. Повседневная и обрядовая пища и напитки русских старообрядцев-дальневосточников // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2020. Т. XVII, Вып. 2. С. 11–17.
57. Михайлов Г.П. Староверы как колонизаторы Уссурийского края // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 247–258.
58. Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых её насельников. Харьков : Тип. губернского правления, 1889. 340 с.

59. Вонлярлярский В.М. Чукотский полуостров : экспедиция В.М. Вонлярлярского и открытие нового золотоносного района близ устья р. Анадыря 1900–1912 гг. Санкт-Петербург : Типо-Лит. К.И. Лингарда, 1913. 69 с.
60. Георгиевский А.П. Русские на Дальнем Востоке // Труды Государственного дальневосточного университета. Серия III. 1926. Вып. I. 71 с.
61. Пикалов Ю.В., Асеев А.А. Социальные последствия переселения на Дальний Восток РСФСР (ноябрь 1922 – июнь 1941 г.). Хабаровск : Хабаровская краевая тип., 2013. 304 с.
62. Гондатти Н.Л. Поездка из с. Маркова, на р. Анадырь, в бухту Провидения (Берингов пролив) // Записки Приамурского отдела института Русского географического общества. 1905. Т. 4, Вып. № 1. С. 1–42.
63. Мазанкова Т.В. Национальная кухня в диалоге культур // Пространство ШОС как растущий центр партнёрства в науке, образовании и культуре : материалы Международной научно-практической конференции. Хабаровск : РИЦ ХГУЭП. 2016. С. 108–111.
64. Острая закуска // Северные просторы. 1985. № 2. С. 44.
65. Павловская А.В. Понятие национальной кухни: к теории вопроса // История еды и традиции питания народов мира : материалы II Международного симпозиума. Вып. II. Москва : Центр по изучению взаимодействия культур, 2016. С. 64–75.
66. Похлебкин В.В. Национальные кухни. Москва : Э, 2016. 448 с.
67. Похлебкин В.В. Кухни славянских народов. Москва : Э, 2016. 272 с.
68. Россия XVIII в. глазами иностранцев. Ленинград : Лениздат, 1989. 544 с.
69. Русские старожилы Сибири. Историко-антропологический очерк / отв. ред. И.М. Золотарева. Москва : Наука, 1973. 189 с.
70. Садовников Д. Наши землепроходцы (рассказы о заселении Сибири 1581–1712 гг.). Москва : Изд. Народного журнала «Грамотей», 1874. 178 с.
71. Сибирский характер как ценность : коллективная монография. Т. 1 / под общ. ред. М.И. Шиловой. Красноярск, 2004. 256 с.
72. Словцов П.А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. Москва : Вече, 2020. 512 с.
73. Сметанин А.Н. Полевая кухня из дикоросов Камчатки // Проблемы региональной экономики, управления и образования : материалы Международной научно-практической конференции (17–19 февраля 2009 г.). Петропавловск-Камчатский : КФ РУК, 2009. С. 114–120.
74. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. В 6 кн. Кн. 4. Т. XVI–XX. Санкт-Петербург : Товарищество «Общественная польза», 1851–1879.
75. Фетисова Л.Е. Традиционно-бытовая культура городского населения северо-востока России в конце XVIII – начале XX в. // Дальневосточный город в контексте освоения Тихоокеанской России : сб. науч. ст. Владивосток : ООО «Рея», 2014. С. 307–315.
76. Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания этой земли российским оружием. Санкт-Петербург : Императорская академия наук, 1774. 631 с.
77. Шперк Ф.Ф. Россия Дальнего Востока // Записки ИРГО. Т. XIV. Санкт-Петербург, 1885. 490 с.
78. Шредер Д.И. Наш Дальний Восток. Санкт-Петербург : Тип. А.Ф. Девриена, 1897. 468 с.
79. Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток (три года в Уссурийском крае). Санкт-Петербург : Изд. А.Ф. Девриена, 1897. 468 с.
80. Энгельгарт А.Н. Письма из деревни (1872–1882 гг.). Санкт-Петербург : Изд. А.С. Суворина, 1882. 493 с.
81. Энгельгарт А.П. Русский Север. Москва : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2019. 278 с.
82. Якименко Н. А. Переселение крестьян на Дальний Восток в конце XIX – начале XX в. (на примере выходцев с Украины) // Хозяйственное освоение русского Дальнего Востока в эпоху капитализма : сб. науч. тр. Владивосток, 1989. С. 82.
83. Зиммель Г. Социология трапезы // Социология: теория, методы, маркетинг. 2010. № 4. С. 187–192.
84. Домострой / изд. подг. В.В. Колесов, В.В. Рождественская. Санкт-Петербург : Наука, 2016. 399 с.
85. Религия и общество / сост. В.И. Гараджа, Е.Д. Руткевич. Москва : Аспект Пресс, 1996. 775 с.
86. Арсеньев В.К. Вымирание инородцев Амурского края : лекция, прочитанная директором Гродековского музея В.К. Арсеньевым в Хабаровске на съезде врачей в 1913 г. // Отт. из «Трудов съезда врачей Приамурского края». Хабаровск : Тип. Канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1914. 18 с.
87. Подмаскин В.В. Медико-демографические последствия этнокультурных контактов коренных малочисленных народов Дальнего Востока России // Вестник ДВО РАН. 2012. № 2. С. 102–110.
88. Титорева Г.Т. Культура питания как часть системы экологической адаптации эвенов Приохотья // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2020. Т. XVII, Вып. 2. С. 80–83.
89. Кириленко С.А. Культурная унификация в сфере питания как отражение функционального телесного опыта // Studia culturae. Вып. 3. Санкт-Петербург, 2002. С. 104–117.
90. Общий очерк Анадырской округи, её экономического состояния и быта населения / сост. А.В. Олсуфьев. Санкт-Петербург : ИРГО, 1896. 245 с.
91. Нефёдкин А.К. Военное дело чукчей. Первая иллюстрированная энциклопедия. Москва : Яуза : Эксмо, 2017. 496 с.
92. Вандеканделаере Э., Арфини Ф., Беллетти Д., Марескотти А. Географические указания: закрепляя взаимосвязь людей, мест и продуктов. Будапешт : ФАО, 2019. 224 с.
93. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Москва : ТОО «Мишель и К⁹», 1993. 503 с.
94. Дальневосточная кухня: Дальневосточная кухня объединяет блюда коренных народов, населяющих тихоокеанский регион нашей страны. URL: <http://discovery-russia.ru> (дата обращения: 07.05.2023).

95. Капкан М.В., Лихачева Л.С. Гастрономическая культура: понятие, функции, факторы формирования // Известия Уральского государственного университета. 2008. № 55. С. 34–42. (Серия 2. Гуманитарные науки).
96. Чернов В.А. Становление трактирного промысла как этап развития индустрии гостеприимства (на примере Дальнего Востока) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2011. № 1 (29). С. 129–135.
97. Деловой мир Приамурья (середина XIX – начало XX в.). В 2 т. Т. 1. Благовещенск : ОАО «Амурская ярмарка», 2013. 552 с.
98. Деловой мир Приамурья (середина XIX – начало XX в.). В 2 т. Т. 2. Благовещенск : ОАО «Амурская ярмарка», 2013. 320 с.
99. Иващенко Я.С. Семиотика еды (на материале традиционной нанайской культуры). Владивосток : Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2010. 290 с.
100. Кухня России, региональная и современная. Москва : Изд-во гастрономической литературы «Чернов и К^о», 2016. 456 с.
101. О рыбном промысле в Приморской области и на острове Сахалин. Хабаровск : Канцелярия Приамурского генерал-губернатора, 1903. 44 с.
102. Социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера Хабаровского края. URL: <https://mpr.khabkrai.ru/Deyatelnost/Korennye-malochislennye-narody-Severa/514> (дата обращения: 07.05.2023).

References

1. Konstantinov A.A. *Dal'nevostochnaja kuhnja. Pitanie i zdorov'e* [Far Eastern cuisine. Nutrition and health]. Habarovsk: Izd-vo Hvorova A.Ju., 2013. 272 s.
2. Borinskaja S.A., Kozlov A.I., Jankovskij N.K. *Geny i tradicii pitaniya* [Genes and traditions of nutrition] // *Jetnograficheskoe obozrenie*. 2009. № 3. S. 117–137.
3. *Kniga receptov. Nacional'noj jevenkijskoj kuhni iz sela Tugur Habarovskogo kraja* [Recipe book. National Evenk cuisine from Tugur village of Khabarovsk Krai]. Habarovsk : MTS, «Kul'turnyj kod», 2019. 18 s.
4. *Kuhnja bez ognja. Stroganina* [Kitchen without fire. Stroganina] // *Severnnye prostory*. № 2. 1985. S. 44.
5. Pogaevskij R.A. *Pishha sahalinskih giljak (Fragment iz «Sahalinskogo kalendarja na 1899g)* [Пища сахалинских гиляк (Фрагмент из «Сахалинского календаря на 1899г)] / R.A. Pogaevskij Juzhno-Sahalinskij muzej «Ostrov»: pechataetsja v tipografii na o. Sahalin, po prikazu gubernatora: 1899. 150–163 s.
6. Ivashhenko Ja.S. *Model' tradicionnogo pitaniya nanajcev v kontekste pishhevogo povedenija narodov Severo-Vostoka i Jugo-Vostoka Azii* [The model of traditional Nanai nutrition in the context of the eating behavior of the peoples of the Northeast and Southeast Asia] // *Vestnik TOGU*. 2010, № 4. S. 187–194.
7. Vradij V.P. *Op'janjajushhie napitki kitajcev, korejcev, japoncev i inorodcev Ussurijskogo kraja* [Intoxicating drinks of Chinese, Koreans, Japanese and foreigners of the Ussuri region]. SPb.: 1904. 13 s.
8. Lopatin I.A. *Gol'dy* [Goldy] // *Zapiski Priamurskogo otdelenija Imperatorskogo obshhestva vostokovedenija*. Vyp. III. Habarovsk: Tip. Kanceljarii Priamurskogo general-gubernatora, 1916. S. 9–108.
9. Lopatin I.A. *Leto sredi orochej i gol'dov* [Summer among orochei and golds]. Vladivostok: Obshhestvo izuchenija Amurskoj oblasti, 1915. 33 s.
10. *Nacional'nye bljuda narodov Kamchatki* [National dishes of the peoples of Kamchatka]. Petropavlovsk-Kamchatskij: Hold-ingovaja kompanija «Novaja kniga», 1993. 48 s.
11. Samar Ju. *Medvezhij prazdnik* [Bear Holiday] // *Probuzhdenie*. URL: <http://waking-up.org/religii-mira/medvezhiy-prazdnik/>
12. Boltanskij L., Teveno L. *Kritika i obosnovanie spravedlivosti: Ocherki sociologii gradov* [Criticism and justification of justice: Essays on the sociology of Grads]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. 576 s.
13. Burd'jo P. *Struktury, habitus, praktiki* [Structures, habitus, practices] // *Sovremennaja social'naja teorija: Burd'jo, Giddens, Habermas*. Novosibirsk: izd-vo Novosibirskogo un-ta, 1995. S. 16–39.
14. L'juis R. *Stolknovenie kul'tur* [Clash of cultures]. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2013. 640 s.
15. Markarjan Je.S. *Teorija kul'tury i sovremennaja nauka* [Theory of culture and modern science]. M.: Mysl', 1983. 284 s.
16. Teveno L. *Mnozhestvennost' sposobov koordinacii: ravnovesie i racional'nost' v slozhnom mire* [Multiple ways of coordination: balance and rationality in a complex world] // *Voprosy jekonomiki*. 1997. № 10. S. 69–84.
17. *Sociologija pitaniya: tradicii i transformacii* [Sociology of nutrition: traditions and transformations] / Ed. N.N. Zarubinoj, S.A. Kravchenko. M.: MGIMO-Universitet, 2017. 302 s.
18. *Prazdnichnaja i obrjadovaja pishha narodov mira* [Festive and ceremonial food of the peoples of the world] / Ed. S.A. Arutjunov, T.A. Voronina. M. : Nauka, 2017. 773 s.
19. Arsen'ev V.K. *Kitajcy v Ussurijskom krae* [The Chinese in the Ussuri region]. Habarovsk: 1914. 195 s.
20. Larin A.G. *Kitajskie migranty v Rossii. Istorija i sovremennost'* [Chinese migrants in Russia. History and modernity]. M.: Vostochnaja kniga, 2009. 512 s.
21. Petrov A.I. *Istorija kitajcev v Rossii, 1856–1917 gody* [The history of the Chinese in Russia, 1856–1917]. SPb.: Beresta, 2003. 960 s.
22. Pervaja vseobshhaja perepis' naselenija Rossijskoj imperii 1897. Tetrad' 3. LXXVI, Primorskaja oblast'. Central'nyj statisticheskij komitet MVD [The first general population census of the Russian Empire in 1897. Notebook 3. LXXVI. Primorsky Region. Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs.]. 1901. 212 s.
23. Perepis' naselenija goroda Vladivostoka 1916 goda. Vladivostok: Vladivostokskoe gorodskoe obshhestvennoe upravlenie statisticheskogo bjuro, 1917, vyp. 2. 78 s.

24. Shkurkin A.M. *Kitajskie migranty na rossijskom Dal'nem Vostoke v konce XIX – nachala XX vekov* [Chinese migrants in the Russian Far East in the late XIX – early XX centuries] // *Jetnomigracionnye processy na Dal'nem Vostoke: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* (Habarovsk, 27–28 oktjabrja 2017 g.). Habarovsk: Izd-vo DVGUPS, 2017. S. 298–305.
25. GAHK. FR 904, op. 1, ed.hr., 69, l. 78. Postanovlenie prezidiuma Habarovskogo gorodskogo soveta № 403 ot 13 ijulja 1937g. Ob otkrytii v kitajskoj slobode stolovoj s izgotovleniem special'nyh kitajskih bljud i organizacii proizvodstva tufy. V celjah udovletvorenija zaprosov kitajskih trudjashhihsja.
26. Levi-Stross K. *Uznavat' drugih. Antropologija i problemy sovremennosti* [Get to know others. Anthropology and problems of modernity]. M.: Tekst, 2016. 158 s.
27. Seljuk O.D. *Dary dal'nevostochnyh morej* [Gifts of the Far Eastern seas]. Vladivostok: Dal'nauka, 2003. 260 s.
28. Bel'dy O.A. *Tradicionnaja kuhnja nanajcev* [Traditional Nanai cuisine] // *Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*. 2020. T. XVII. Vyp. 2. S. 18–23.
29. Busse F.F. *Pereselenie krest'jan morem v Juzhno-Ussurijskij kraj v 1883–1893 gg* [Resettlement of peasants by sea to the South Ussuri region in 1883–1893]. SPb.: tipografija «Obshhestvennaja pol'za», 1896. 165 s.
30. Dem'janenko A.N. *Territorial'naja organizacija hozjajstva na Dal'nem Vostoke Rossii* [Territorial organization of the economy in the Russian Far East]. Vladivostok: Dal'nauka, 2003. 284 s.
31. Kim G.N. *Istorija immigracii korejcev. Kniga pervaja. Vtoraja polovina XIX v. – 1945 g.* [The history of immigration of Koreans. The first book. The second half of the XIX century. – 1945] Almaty: Dajk-press, 1999. 424 s.
32. Pesockij V.D. *Korejskij vopros v Priamur'e* [The Korean question in the Amur region]. Habarovsk: kanceljarija Priamurskogo general-gubernatora, 1913. 180 s.
33. Udinkan O.V. *Tolerantnost' v mezdkul'turnom dialoge Vostoka i Zapada: sodержanie i kontroverzy smyslov* [Tolerance in the intercultural dialogue of the East and the West: the content and contrastions of meanings] // *Jetnomigracionnye processy na Dal'nem Vostoke: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* (Habarovsk, 27–28 oktjabrja 2017g.). Habarovsk: Izd-vo DVGUPS, 2017. S. 250–255.
34. *Jenciklopedija korejcev Rossii* [Encyclopedia of Koreans of Russia]. M.: RAEN, 2003. 1440 s.
35. Jepecel' A., Vagner G. *Puteshestvija po Sibiri i priliegajushhih k nej stran central'noj Azii* [Travel in Siberia and the Central Asian countries adjacent to it]. SPb.: tipografija M.O. Vol'fa, 1865. 518 s.
36. *Jetnomigracionnye processy na Dal'nem Vostoke: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* (Habarovsk, 27–28 oktjabrja 2017g.) / pod red. Ju.M. Serdjukova. Habarovsk: Izd-vo DVGUPS, 2017. 313 s.
37. Vaskevich P. *Oчерк byta japoncev v Priamurskom krae* [An essay on the life of the Japanese in the Amur region]. Vladivostok, 1906.
38. Miz' N.G. *Vladivostok: progulki v proshloe. Kraevedcheskie oчерki* [Vladivostok: walking into the past. Local history essays]. Vladivostok: Obshhestvo izuchenija Amurskogo kraja, 2016. 384 s.
39. Osipova M.V. *Izmenenie raciona pitaniya kak faktor, vlijajushhij na prodolzhitel'nost' zhizni cheloveka (po materialam istoricheskikh svedenij o severokuril'skih ajnah)* [Changing the diet as a factor affecting human life expectancy (based on historical information about the North Kuril Ainu)] // *Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*. 2020. T. XVII. Vyp. 2. S. 59–63.
40. *Osobennosti kuhni Dal'nego Vostoka* [Features of the cuisine of the Far East]. URL: <https://www.eastrussia.ru/07.09.2017/>
41. Smoljakov A. *Tala – rybnoe bljudo narodov Priamur'ja* [Tala is a fish dish of the peoples of the Amur region] // *Severnye pro-story*. № 1. 1986. S. 45.
42. Spal'vin E.G. *Japonskie obshhestva v g. Vladivostok i drugih naseljonnyh punktah Priamur'ja 1906–1909 gg.* [Japanese societies in Vladivostok and other settlements of the Amur region 1906–1909]. Vladivostok, 1911. 163 s.
43. *Statisticheskoe otdelenie Primorskogo perepispnogo rajona. Bjulleten' (10 sentjabrja – 10 oktjabrja)* [Statistical Department of Primorsky Census district. Bulletin (September 10 – October 10)]. Vladivostok: tip. Prim. obl. Pravitel'stva, 1914. 20 s.
44. Chehov A.P. *Ostrov Sahalin (iz putevyh zametok)* [Sakhalin Island (From travel notes)] // A.P. Chehov, *Sobranie sochinenij v 8 tt.* T. VIII. M.: Pravda, 1970. 509 s.
45. Martin R. *Budushhnost' Rossii i Japonii* [The future of Russia and Japan]. M.: tipografija tov-va I.D. Sytina, 1907. 284 s.
46. *Materialy dlja istorii russkikh zaselenij po beregam vostochnogo okeana* [Materials for the history of Russian settlements along the shores of the Eastern Ocean]. SPb.: tipografija Morskogo ministerstva, 1861. 126 s.
47. *Sbornik zakononij i rasporyazhenij o pereselenii* [Collection of laws and orders on resettlement]. SPb.: Tip. Min-va vnutr. del, 1901. 499 s.
48. *Materialy o polozhenii i nuzhdah trgovli i promyshlennosti na Dal'nem Vostoke* [Materials on the situation and needs of trade and industry in the Far East]. SPb.: tipografija V.F. Kirshenbauma, 1911. 284 s.
49. Miller G.F. *Opisanie Sibirskogo carstva i vseh proizoshedshih v njom del ot nachala (a osobenno) ot pokorenija ego rossijskoj derzhavoj do sih vremjon* [Description of the Siberian Kingdom and all the things that happened in it from the beginning (and especially) from its conquest by the Russian state until now]. SPb.: A.N. Shiler, 1750. 457 s.
50. Mihajlov G.P. *Pereselencheskoe delo v Ussurijskom krae* [Resettlement business in the Ussuri region] // *Sibirskie voprosy*. 1905. № 1. S. 202–246.
51. Mihajlov I.P. *Vosem' let na Sahaline* [Eight years on Sakhalin]. SPb.: tipografija Suvorina A.S., 1901. 287 s.
52. Murov G.T. *Ljudi i nrvy Dal'nego Vostoka: Ot Vladivostoka do Habarovska (putevoj dnevnik)* [People and customs of the Far East: From Vladivostok to Khabarovsk (travel diary)]. Tomsk: Tipo-Lit. P.I. Makushina, 1901. 161 s.
53. Nadarov I.P. *Severo-Ussurijskij kraj* [North-Ussuri region]. SPb.: Voennaja tipografija, 1887. 166 s.

54. Nevel'skoj G.I. *Podvigi russkikh morskikh oficerov na krajnem Vostoke Rossii. 1849–1855* [The exploits of Russian naval officers in the Far East of Russia. 1849–1855]. SPb.: Izdatel'skij dom «Russkaja skoropechat'», 1878. 418 s.
55. Nikitenko V.N. *Mentalitet i kul'tura dal'nevostochnogo subjetnosa* [Mentality and culture of the Far Eastern subethnos] // *Jetnomigracionnye processy na Dal'nem Vostoke: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* (Habarovsk, 27–28 oktjabrja 2017g.). Habarovsk: Izd-vo DVGUPS, 2017. S. 215–222.
56. Argudjaeva Ju.V. *Povsednevnaia i obrjadovaja pishha i napitki russkikh staroobrjadcev-dal'nevostochnikov* [Everyday and ritual food and drinks of Russian Old Believers-Far East] // *Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*. 2020. T. XVII. Vyp. 2. S. 11–17.
57. Mihajlov G.P. *Starovery, kak kolonizatory Ussurijskogo kraja* [Old Believers as colonizers of the Ussuri region] // *Sibirskie voprosy*. 1905. № 1. S. 247–258.
58. Bucinskij P.N. *Zaselenie Sibiri i byt pervyh ejo nasel'nikov* [Settlement of Siberia and the life of its first inhabitants]. Har'kov: tipografija gubernskogo pravlenija, 1889. 340 s.
59. Vonljarljarskij V.M. *Chukotskij poluostrov jekspedicija V.M. Vonljarljarskogo i otkrytie novogo zolotonosnogo rajona bliz' ust'ja r. Anadyrja 1900–1912 gg.* [The Chukchi Peninsula expedition of V.M. Vonlyarlyarsky and the discovery of a new gold-bearing area near the mouth of the Anadyr 1900–1912]. SPb.: Tipo-Litografija K.I. Lingarda, 1913. 69 s.
60. Georgievskij A.P. *Russkie na Dal'nem Vostoke* [Russians in the Far East] // *Trudy Gosudarstvennogo dal'nevostochnogo universiteta*. Serija III. 1926. Vyp. I. 71 s.
61. Pikalov Ju.V., Aseev A.A. *Social'nye posledstviya pereselenija na Dal'nij Vostok RSFSR (nojabr' 1922 – ijun' 1941 g.)* [Social consequences of resettlement to the Far East of the RSFSR (November 1922 – June 1941)]. Habarovsk: Habarovskaja kraevaja tipografija, 2013. 304 s.
62. Gondatti N.L. *Poezdka iz s. Markova, na r. Anadyr', v buhtu Providenija (Beringov proliv)* [A trip from the village of Markov, on the Anadyr River, to Providence Bay (Bering Strait)] // *Zapiski Priamurskogo otdela instituta Russkogo geograficheskogo obshhestva*. 1905. T. 4. Vyp. № 1. S. 1–42.
63. Mazankova T.V. *Nacional'naja kuhnja v dialoge kul'tur* [National cuisine in the dialogue of cultures] // *Prostranstvo ShOS kak rastushhij centr partnjorstva v nauke, obrazovanii i kul'ture. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii*. Habarovsk: RIC HGUJeP. 2016. S. 108–111.
64. *Ostraja zakuska* [Spicy snack] // *Severnye prostory*. № 2. 1985. S. 44.
65. Pavlovskaja A.V. *Ponjatie nacional'noj kuhni: k teorii voprosa* [The concept of national cuisine: to the theory of the question] // *Materialy II Mezhdunarodnogo simpoziuma. Istorija edy i tradicii pitaniya narodov mira*. Vypusk II. M.: Centr po izucheniju vzaimodejstvija kul'tur, 2016. S. 64–75.
66. Pohlebkij V.V. *Nacional'nye kuhni* [National cuisines]. M.: Izdatel'stvo «Je», 2016. 448 s.
67. Pohlebkij V.V. *Kuhni slavjanskikh narodov* [Cuisines of Slavic peoples]. M.: Izdatel'stvo «Je», 2016. 272 s.
68. *Rossija XVIII v. glazami inostrancev* [Russia of the XVIII century through the eyes of foreigners]. L.: Lenizdat, 1989. 544 s.
69. *Russkie starozhily Sibiri. Istoriko-antropologicheskij ocherk* [Russian old-timers of Siberia. Historical and anthropological essay] / otv. red. I.M. Zolotareva. M: Nauka, 1973. 189 s.
70. Sadovnikov D. *Nashi zemleprohodcy (rasskazy o zaselenii Sibiri 1581-1712gg.)* [Our explorers (stories about the settlement of Siberia in 1581–1712)]. M.: izd. Narodnogo zhurnala «Gramotej», 1874. 178 s.
71. *Sibirskij karakter kak cennost': kollektivnaja monografija. T. 1* [Siberian character as a value: a collective monograph] / pod obshh. red. M.I. Shilovoj. Krasnojarsk, 2004. 256 s.
72. Slovcov P.A. *Istorija Sibiri. Ot Ermaka do Ekateriny II* [The History of Siberia. From Ermak to Catherine II]. M.: Veche, 2020. 512 s.
73. Smetanin A.N. *Polevaja kuhnja iz dikorosov Kamchatki* [Field cuisine from wild plants of Kamchatka] // *Problemy regional'noj jekonomiki, upravlenija i obrazovanija. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii, 17–19 fevralja 2009 g.* Petropavlovsk-Kamchatskij: KF RUK, 2009. S. 114–120.
74. Solov'jov S.M. *Istorija Rossii s drevnejshih vremjon: v 6 kn. Kn. 4.* [The history of Russia since ancient times] T. XVI–XX. SPb.: Tovarišhestvo «Obshhestvennaja pol'za», 1851–1879 s.
75. Fetisova L.E. *Tradicionno-bytovaja kul'tura gorodskogo naselenija severo-vostoka Rossii v konce XVIII – nachale XX vv.* [The traditional household culture of the urban population of the north-east of Russia in the late XVIII – early XX centuries] // *Dal'nevostochnyj gorod v kontekste osvoenija Tihookeanskoj Rossii: sb. nauch. st. Vladivostok: OOO «Reja», 2014. S. 307–315.*
76. Fisher I.Je. *Sibirskaja istorija s samogo otkrytija Sibiri do zavoevanija jetoj zemli rossijskim oruzhjem* [Siberian history from the very discovery of Siberia to the conquest of this land by Russian weapons]. SPb.: Imperatorskaja akademija nauk, 1774. 631 s.
77. Shperk F.F. *Rossija Dal'nego Vostoka* [Russia of the Far East] // *Zapiski IRGO*. T. XIV. SPb., 1885. 490 s.
78. Shreder D.I. *Nash Dal'nij Vostok* [Our Far East]. SPb.: tipografija A.F. Devriena, 1897. 468 s.
79. Shreder D.I. *Nash Dal'nij Vostok (tri goda v Ussurijskom krae)* [Our Far East (three years in the Ussuri region)]. SPb.: izd. A.F. Devriena, 1897. 468 s.
80. Jengel'gart A.N. *Pis'ma iz derevni (1872–1882 gg.)* [Letters from the village (1872–1882)]. SPb.: izdanie A.S. Suvorina, 1882. 493 s.
81. Jengel'gart A.P. *Russkij Sever* [Russian North]. M.: T8 Izdatel'skie tehnologii / RUGRAM, 2019. 278 s.
82. Jakimenko N. A. *Pereselenie krest'jan na Dal'nij Vostok v konce XIX – nachale XX vv. (na primere vyhodcev s Ukrainy)* [The resettlement of peasants to the Far East in the late XIX – early XX centuries. (on the example of immigrants from Ukraine)] // *Hozjajstvennoe osvoenie russkogo Dal'nego Vostoka v jepohu kapitalizma: sb. nauch. tr. Vladivostok, 1989. S. 82.*
83. Zimmel' G. *Sociologija trapezy* [The sociology of the meal] // *Sociologija: teorija, metody, marketing*. 2010. № 4. S. 187–192.

84. Domostroj / izd. podg. V. V. Kolesov, V. V. Rozhdestvenskaja. SPb.: Nauka, 2016. 399s.
85. *Religija i obshchestvo* [Religion and Society] / Sost. V.I. Garadzha, E.D. Rutkevich. M.: Aspekt Press, 1996. 775 s.
86. Arsen'ev, V. K. *Vymiranie inorodcev Amurskogo kraja: lekcija, pročitannaja direktorom Grodekovskogo muzeja V. K. Arsen'evym v Habarovske na sezde vrachej v 1913 g.* [The extinction of the aliens of the Amur Region: a lecture delivered by the director of the Grodno Museum V. K. Arsenyev in Khabarovsk at the congress of doctors in 1913.] // Ott. iz «Trudov sezda vrachej Priamurskogo kraja». Habarovsk: Tip. Kanceljarii Priamur. general-gubernatora, 1914. 18 s.
87. Podmaskin V.V. *Mediko-demograficheskie posledstviya jetnokul'turnyh kontaktov korenyh malochislennyh narodov Dal'nego Vostoka Rossii* [Medical and demographic consequences of ethno-cultural contacts of indigenous small-numbered peoples of the Russian Far East] // Vestnik DVO RAN. 2012. № 2. S. 102–110.
88. Titoreva G.T. *Kul'tura pitaniya kak chast' sistemy jekologicheskoj adaptacii jevenov Priohot'ja* [Food culture as part of the system of ecological adaptation of the Evens of Priokhotye] // Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke. 2020. T. XVII. Vyp. 2. S. 80–83.
89. Kirilenko S.A. *Kul'turnaja unifikacija v sfere pitaniya kak otrazhenie funkcional'nogo telesnogo opyta* [Cultural unification in the field of nutrition as a reflection of functional bodily experience] // Studia culturae. Vypusk 3. SPb., 2002. S. 104–117.
90. *Obshhij ocherk Anadyrskoj okrugi, ejo jekonomicheskoe sostojanie i byta naselenija* [General outline of the Anadyr district, its economic condition and the way of life of the population] / sost. A.V. Olsuf'ev. SPb.: IRGO, 1896. 245 s.
91. Nefjodkin A.K. *Voennoe delo chukchej. Pervaja illjustrirovannaja jenciklopedija* [Military affairs of the Chukchi. The first illustrated Encyclopedia]. M.: Jauza: Jeksmo, 2017. 496 s.
92. Vandekandelaere Je., Arfini F., Belletti D., Mareskotti A. *Geograficheskie ukazaniya: zakrepljaja vzajmosvjaz' ljudej, mest i produktov* [Geographical indications: fixing the relationship of people, places and products]. Budapest: FAO, 2019. 224 s.
93. Gumilev L.N. *Jetnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and biosphere of the Earth]. M.: TOO «Mishel' i K^o», 1993. 503 s.
94. Dal'nevostochnaja kuhnja obedinjaet bljuda korenyh narodov, naseljajushhij tihookeanskij region nashej strany. URL: <http://discovery-russia.ru>
95. Kapkan M.V., Lihacheva L.S. *Gastronomicheskaja kul'tura: ponjatie, funkcii, faktory formirovanija* [Gastronomic culture: concept, functions, factors of formation] // Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2. Gumanitarnye nauki. 2008. № 55. S. 34–42.
96. Chernov V.A. *Stanovlenie traktirnogo promysla kak jetap razvitija industrii gostepriimstva (na primere Dal'nego Vostoka)* [Establishment of the tavern trade as a stage in the development of the hospitality industry (on the example of the Far East)] // Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke. 2011. № 1 (29). S. 129–135.
97. *Delovoj mir Priamur'ja (seredina XIX – nachalo XX vv.)* [The business world of the Amur region (mid-XIX – early XX centuries)]. V 2-h tt. Tom 1. Blagoveshensk: OAO «Amurskaja jarmarka», 2013. 552 s.
98. *Delovoj mir Priamur'ja (seredina XIX – nachalo XX vv.)* [The business world of the Amur region (mid-XIX – early XX centuries)]. V 2-h tt. Tom 2. Blagoveshensk: OAO «Amurskaja jarmarka», 2013. 320 s.
99. Ivashhenko Ja.S. *Semiotika edy (na materiale tradicionnoj nanajskoj kul'tury)* [Semiotics of food (based on the material of traditional Nanai culture)]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. feder. un-ta, 2010. 290 s.
100. *Kuhnja Rossii, regional'naja i sovremennaja* [Russian cuisine, regional and modern]. M.: Izd-vo gastronomicheskoi literatury «Chernov i Ko», 2016. 456 s.
101. *O rybnom promysle v Primorskoj oblasti i na ostrove Sahalin* [About fishing in the Primorsky region and on Sakhalin Island]. Habarovsk: kanceljarija Priamurskogo general-gubernatora, 1903. 44 s.
102. *Social'no-jekonomicheskoe razvitie korenyh malochislennyh narodov Severa Habarovskogo kraja* [Socio-economic development of the indigenous small-numbered peoples of the North of the Khabarovsk Territory]. URL: <https://mpr.khabkrai.ru/Deyatelnost/Korenyje-malochislennye-narody-Severa/514/data>

Информация об авторе

Ж.Ж. Чимитдоржиев – кандидат медицинских наук.

Information about the author

Zh.Zh. Chimitordzhiev – Candidate of Science (Medicine).

Статья поступила в редакцию 17.02.2023; одобрена после рецензирования 17.03.2023; принята к публикации 24.03.2023.
The article was submitted 17.02.2023; approved after reviewing 17.03.2023; accepted for publication 24.03.2023.

Научная статья
УДК 392.7:316.722
doi:10.31079/1992-2868-2023-20-2-112-117

РУССКОЕ ГОСТЕПРИИМСТВО

Владислав Афиногенович Чернов

Тихоокеанский государственный университет, Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия, vl.af.chernov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8193-9655>

Аннотация. В статье рассматриваются различные культурные ценности гостеприимства в России и западном мире, прослеживается их происхождение и то, как они отражаются в культурной идентичности. Отмечается, что в России гостеприимство уходит корнями в традиции щедрости по отношению к гостям, когда хозяева принимают гостей, не ожидая ничего взамен. В отличие от этого западное понятие гостеприимства связано с коммерческим обменом, когда хозяева ожидают от гостей определённой выгоды. Исследование также показало, что культурная идентичность играет значительную роль в формировании отношения к гостеприимству: у русских сильнее выражено чувство общности и коллективизма, в то время как западноевропейцы подчёркивают индивидуализм и личное пространство. Автор утверждает, что осознание этих культурных различий важно для понимания напряжённости между Западом и другими культурами, и подчёркивает, как традиции гостеприимства продолжают формировать социальные обычаи и отношение к иностранцам и почему Россия продолжает отстаивать традиционные ценности и общий мировой порядок, а европейцы – только свои личные выгоды. Результаты исследования имеют значение для индустрии гостеприимства, поскольку они подчёркивают важность культурной осведомлённости и чувствительности при предоставлении услуг гостям из разных регионов. Необходимо понимать различия в предпочтениях гостей, чтобы обеспечить им положительные впечатления. Исследование также вносит вклад в литературу по кросс-культурной психологии и проливает свет на различия в отношении к гостеприимству среди разных культурных групп.

Ключевые слова: гостеприимство, Россия, Западная Европа, русская идентичность, культурная идентичность, коллективизм, индивидуализм, кросс-культурная психология, культурная осведомлённость, культурная чувствительность

Original article

RUSSIAN HOSPITALITY

Vladislav A. Chernov

Pacific National University, Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia, vl.af.chernov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8193-9655>

Abstract. The article examines different cultural values of hospitality in Russia and the Western world, tracing their origins and how they are reflected in cultural identity. It is noted that in Russia hospitality is rooted in the tradition of generosity toward guests, when hosts accept guests without expecting anything in return. In contrast, the Western notion of hospitality is associated with a commercial exchange, when hosts expect a certain benefit from their guests. The study also showed that cultural identity plays a significant role in shaping attitudes towards hospitality: Russians have a stronger sense of community and collectivism, while Western Europeans emphasize individualism and personal space. The author claims that understanding these cultural differences is important for to understanding tensions between the West and other cultures, and emphasizes how the traditions of hospitality continue to shape social customs and attitudes toward foreigners, and why Russia continues to uphold traditional values and the general world order, while the Europeans only stand up for their personal benefits. The results of the study have significance for the hospitality industry because they emphasize the importance of cultural awareness and sensitivity when providing services to guests from different regions. It is necessary to understand the differences in guest preferences in order to provide them with a positive experience. The study also contributes to the literature on cross-cultural psychology and sheds light on differences in attitudes toward hospitality among different cultural groups.

Keywords: hospitality, Russia, Western Europe, Russian identity, cultural identity, collectivism, individualism, cross-cultural psychology, cultural awareness, cultural sensitivity

Сегодня мы живём в том времени, когда многим приходится задумываться, как случилось, что, казалось, близкие и братские народы стали враждовать друг с другом. Время – понять свою идентичность, время для определения истоков этого разделения, понять, кто прав, а кто – нет, почему мы стали раз-

ными и когда это произошло. И если старшее поколение ещё может проследить трансформацию многих устоев современной жизни, то для молодых – это в какой-то степени крах каких-то надежд и сложность в понимании, где истина, а где иллюзии.

У любого историка есть своё объяснение происходящего, каждый оперирует своими знаниями и историческими фактами, показывая, что причины сегодняшнего противостояния закладывались издревле и существовали на протяжении столетий, то сглаживаясь, то обостряясь до состояния войны. Сегодня западный мир пытается навязывать свои «ценности» и мировоззрение православному, мусульманскому и другим мирам, переходя все рамки дозволенного и считаясь только со своими «правилами».

Рассмотрим наше расхождение с западным миром на основе только одной ценности – гостеприимства. Казалось, на первый взгляд, – что тут может быть противоречивого? В чём разница? И тут начинаешь анализировать сначала свой опыт, а потом погружаешься всё дальше и дальше в историю, пытаешься найти начало противоречий.

Попав впервые в США в 1992 г., я был поражен многим, но в плане гостеприимства хочу отметить следующее. Мы остановились в американской семье – друзей одного из наших коллег. В первый вечер, собравшись за общим столом с американской семьёй, мы начали знакомиться, и в это время, прослышав, что приехали русские, к ним в гости пришли их друзья – трое мужчин. Они принесли с собой бутылку виски и в огромной пластиковой закрытой тарелке (в виде тортницы) уже готовые к употреблению нарезанные разные овощи с соусом к ним в середине самой тарелки. Мы разговаривали примерно полчаса-час. Затем гости, сказав, что им надо идти дальше, забрали с собой недопитую бутылку виски и, что самое поразительное, недоёденные овощи с тарелкой. Потом были и другие случаи, когда мы с хозяйкой ходили в гости к другим американцам со своими котлетами и после ужина забирали остатки «своих» котлет с собой.

Это сильно контрастирует с тем, как обычно у нас происходит. Любая хозяйка, по крайней мере из всего моего окружения, принимая гостей, готовит столько, что съесть всё невозможно. Помимо этого делает столько заготовок на зиму, что её семья не в состоянии это съесть, – на случай, что придут гости или чтобы кому-то просто подарить одну или несколько баночек. Даже не очень «состоятельные» хозяйки стараются не ударить «в грязь лицом», выставляя всё, что есть. Эти традиции ещё крепки в Сибири и на Дальнем Востоке, но ослабевают в западной части России, где уже «проскакивают» такие «американские» манеры, как «сбрасываться» деньгами на еду, помимо подарка, идя в гости на день рождения.

Кстати, у северных народов, живущих в суровых климатических условиях, традиции гостеприимства

сильны и сейчас, по сути, для них – это средство выживания в дикой природе [1].

Само понятие «гостеприимство» у нас и в западном мире имеет немного разное происхождение. *Гость* – это старославянское слово, обозначающее приезжего иноземного купца [2], хотя у древних славян было ещё слово «купец» от «купити» наряду со словом «гость». От «гостя» же произошли и другие слова, которые появились в литературе уже в X в. – *гостьба* (торговля), *гостиньница* (ныне гостиница, в древности была ещё и странноприимница для странников), *погост* (изначально место сбора дани и торговли), *гостиный двор* (изначально место, где останавливались и торговали иноземные купцы) [3; 4]. Поэтому и отношение к гостю проявлялось уважительное, почтенное, бескорыстное.

Совсем по иным правилам образовано слово «гостеприимство» на Западе. В латинском языке «гость» обозначается словами *hostis* и *hospes*, где основным является термин *hospes* [одного корня с *hostis*] (1. чужестранец, чужак, гость; 2. оказывающий гостеприимство, хозяин) [5]. По сути, эти слова, сливаясь, обозначают «хозяин гостя». Следует учесть, что в латинском языке *hostis* означает также и «враг», а слово *hospes* в русской лексике через старославянское «*gos-podi*» (от готского *gast* – *гость*) трансформируется в «*хозяина*» (*господин*) [6]. И здесь уже отношение к гостю проявляется совсем другое: хочу – угощаю, хочу – не угощаю, могу пустить, а могу – и нет, и есть ли мне от этого выгода.

Как пишет доктор филологических наук С.Н. Зенкин, «...французское слово *hospitalité* в истории обозначало практику приёма паломников и беженцев, тогда как этимологически родственное русское слово «гость» исторически обозначает купца; соответственно развитие этой общей лексемы на французской почве породило слова *hôpital* и *hospice*, позднее заимствованные русским через посредство других языков, – «госпиталь» и «хоспис», тогда как собственно на русской почве возник «гостиный двор». В первом случае «гость» рассматривается как слабый, возможно, больной человек, нуждающийся в помощи и убежище, во втором – как состоятельный, равный или даже более богатый участник торгового обмена. В первом случае отношения между подателем и получателем гостеприимства носят несимметричный характер (покровительство), во втором случае – симметричный (партнёрство)» [7].

Сравним, как проявлялось отношение к гостям на Руси и на Западе. Русский историк Н.М. Карамзин писал: «Столь же единогласно хвалят лето-

писи общее гостеприимство Славян, редкое в других землях и донныне весьма обыкновенное во всех Славянских: так следы древних обычаев сохраняются в течение многих веков, и самое отдалённое потомство наследует нравы своих предков. Всякий путешественник был для них как бы священным: встречали его с ласкою, угощали с радостью, провожали с благословением и сдавали друг другу на руки. Хозяин отвечал народу за безопасность чужеземца, и кто не умел сбегать гостя от беды или неприятности, тому мстили соседи за сие оскорбление как за собственное. Славянин, выходя из дому, оставлял дверь отворённую и пищу готовую для странника. Купцы, ремесленники охотно посещали Славян, между которыми не было для них ни воров, ни разбойников; но бедному человеку, не имевшему способа хорошо угостить иностранца, позволялось украсть всё нужное для того у соседа богато: важный долг гостеприимства оправдывал и самое преступление» [8: с. 59–60].

По словам русского историка В. Соловьёва, гостеприимство имело для восточных славян сакральный смысл: «Сюда должно присоединить и религиозные понятия: каждое жилище, очаг каждого дома был местопребыванием домашнего божества; странник, входивший в дом, отдавался под покровительство этого божества; оскорбить странника значило оскорбить божество» [9: с. 97].

Благодаря такому качеству славян, как радушное гостеприимство, становилось и развивалось новое государство – Русь. Оно возникло благодаря гостеприимству славян на торговом пути «из варяг в греки», наиболее расцветшим в IX в. На всём пути возникали новые города, которые за счёт торговли, обмена и обслуживания торговцев только процветали. Приветливое отношение к гостям у славян проявлялось ещё до призвания Рюрика, подтверждение чему находим в имени новгородского старосты Гостомысла, по словам М.В. Ломоносова, Гостомысл – это тот, «кто о гостях мыслит» [10: с. 20].

Совсем другое отношение к гостям, и не только к паломникам и «убогим», но и к состоятельным купцам было в европейских странах. Пошлины и всякого рода поборы взимались с купцов при переезде из владений одного сеньора в земли другого, при переправе через мосты и даже речные броды, при проезде по реке, протекавшей во владениях того или иного сеньора. Знатнейшие рыцари и даже короли не останавливались перед разбойными нападениями на купеческие караваны [11: с. 296]. В своей книге «Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» историк Фернан Бродель описывает отношение к купцам в Средизем-

номорском регионе в XVI в.: «Купец был свободным человеком, но он также был подозреваемым лицом. Он должен был иметь при себе документы, оправдывать своё присутствие, подвергаться обыскам и допросам... Его товары подлежали произвольному изъятию, облагались налогами и таможенными пошлинами» [12].

Не вытравилось это качество славян и у русского народа как в отношении к своим гостям, так и к торговым партнёрам, и даже к тем, кто попадал в прямую зависимость, т.е. к пленённым и пленным. Надо отметить, что рабов у восточных славян практически не было – это отмечает большинство историков. Пленённые обычно выполняли разную работу у древних славян и по истечении определённого срока могли либо вернуться домой, либо остаться на новой родине уже в качестве члена общества. В то же время практически все западные страны прошли через период рабовладения, а в Бельгии «человеческий» зоопарк сохранялся ещё в 1958 г., и чернокожих детишек в клетках дарили белым детям, как забавную зверушку. Наиболее резко разница в отношении к пленным проявилась во время Второй мировой войны. Военнопленные в Советском Союзе отработывали определённый срок на стройках по восстановлению разрушенного народного хозяйства, после чего возвращались домой. Советские же военнопленные в фашистских концлагерях просто уничтожались. И сегодня мы наблюдаем, как Запад «не замечает» жестокого обращения с российскими военнопленными, по сути, поощряя это отношение к россиянам.

Разница проявлялась не только в отношении к пленным, но и к собственным народам, вернее к народам, проживающим в собственной стране или в собственных колониях. Россия, оперируя западной терминологией, по сути, колонизировала Сибирь, но сибирские народы не истреблялись (не исключаем отдельных военных стычек и захвата территорий), а вовлекались в хозяйственную деятельность, что не скажешь об Англии, где были заморены голодом миллионы индийцев, и США, где были истреблены миллионы индейцев.

Европейским странам всегда не нравилась наша независимость. Как только Россия начинала возрождаться после тяжёлых годин, тотчас же ей чинились невероятные препятствия со стороны коллективного Запада. Сразу после освобождения от тяжёлого монгольского ига Русь начала налаживать торговые связи с европейскими государствами. Русский царь Иван IV отвоевал русские земли на Балтике и определил город Нарву для торговли с английскими, голландскими и французскими куп-

цами. Но это не понравилось Ганзейскому союзу (читай Европейскому), который более двухсот лет управлял всем европейским купечеством, т.е. торговлей. В столице Ганзейского союза, «в городе Любеке учинено было общим всех приморских городов согласием определение, дабы купеческие корабли к Нарве не ходили; а кто бы дерзнул туда ездить, тот бы у всех был бесчестен, и не вольно бы ему ничем торговать» [13: с. 177]. Не прошло и 100 лет после освобождения от монгольского ига(!), а Европа, убоявшись возрождения Московского государства, немедленно наложила санкции на русских купцов, «дабы россияне от приходящих туда иноземцев навигации и воинского искусства не обучились» [13: с. 178].

Русский археолог и историк И.Е. Забелин таким образом объяснял появление различий в «западном» и «русском» характере, менталитете, можно сказать, идентичности: «Природа, обособив для западного европейского человечества прелестные, покойные, уютные помещения, как добрый хозяин, позаботилась и о том, чтобы эти помещения были наделены большую часть года светлым небом и тёплой погодой. Она наградила его климатом умеренным и благораспорядочным, который давал столько облегчений для жизни человека, что его свобода ни одного часу не оставалась в тёмном порабощении от простых физических препон существования. Западный человек никогда не был угнетён непрестанной работой круглый год лишь для того, чтобы быть только сытым, одеться, обуться, спастись от непогоды, устроиться в жилище так, чтобы не замёрзнуть от стужи, чтоб не потонуть в грязи, чтобы заживо не быть погребённым в сугробах снега. Западный человек не знал и половины тех забот и трудов, какие поработают и почти оупляют человека в борьбе с порядками природы, более скупой и суровой. Всё это, конечно, служило первой причиной, почему западный отдел Европы, этот сильно расчленённый ветвистый полуостров, сделался с древнейшего времени средоточием и гнездом культурной жизни всего человечества» [14: с. 4–5].

Исторически сложилось так, что суровые условия жизни русского народа также способствовали повышению значимости гостеприимства. Во время долгих и холодных зим люди должны были объединяться и поддерживать друг друга, чтобы выжить. Возможно, это способствовало развитию чувства общности и щедрости по отношению к чужакам. В западно-европейских странах иные культурные ценности и исторический опыт, которые определяют их отношение к гостям. Например, влияние протестантизма в

некоторых западно-европейских странах может подчеркивать индивидуализм и самодостаточность, что может привести к тому, что гостеприимству по отношению к чужакам будет уделяться меньше внимания. Кроме того, раннее развитие капиталистической экономики в Западной Европе могло привести к большему акценту на материализме и индивидуальных достижениях, что также могло повлиять на отношение к гостям. В России же даже при появлении капитализма страна продолжала оставаться в своей основной массе крестьянской, где были сильны традиции крестьянской общины.

В истории развития наших народов и этносов мы находим всё больше подтверждений тому, что мы разные, и наша идентичность не всегда нас оберегает на «коротком» пути, потому что мы становимся доверчивыми и нас часто обманывают, но в то же время наша идентичность сохраняет нас и наши ценности на «долгом» пути. Эти традиции «обмана» существуют на Западе с давних пор, американский бизнес не станет выполнять свои контракты и подписанные договоры, если вдруг появляются такие условия, что при выплате неустоек выгода неисполнения превышает выгоду контрактов. Особенно это стало очевидно во время «газовой» войны в борьбе за европейский рынок, несмотря на подписанные контракты с азиатскими странами, американские газовозы развернулись и ушли в Европу, где цена на газ выросла кратно. Россия же всё время продавала газ по установленным контрактам, даже если рыночная цена в это время в несколько раз превышала контрактную.

Даже на государственном уровне как в устной, так и в письменной форме Запад не выполняет своих обязательств, если ему их выгодно не исполнять. Это происходило и во время Карибского кризиса, когда и Россия, и США должны были вывести свои воинские контингенты с Кубы, в том числе и с военно-морской базы Гуантанамо, где находится печально известная тюрьма Гуантанамо. И во время объединения Германии, когда НАТО «обещало» не сдвигаться на Восток. И в XXI в. не выполняются подписанные западными странами либо заключённые при их участии соглашения. Это Соглашение об урегулировании политического кризиса на Украине в феврале 2014 г., когда было свергнуто законно избранное правительство во главе с В. Януковичем, а также Минские соглашения, подписанные руководителями четырёх стран в феврале 2015 г. Кроме российского президента, трое остальных (Германия в лице премьера, Франция и Украина) признались в 2022 г., что изначально не собирались их выполнять, и целью Минских согла-

шений было затягивание времени для подготовки Украины к войне с Россией.

Европа издревле «привыкала» обогащаться за счёт других, устанавливая правила, выгодные ей самой. Как результат, западные страны, подчинив себе после развала СССР основную часть мира и почувствовав себя «хозяином», называя остальные страны «джунглями», стали подчинять своим правилам и мировые «институты» права и распределения богатств, не считаясь с интересами других стран и народов.

В последнее время, с ростом экономической независимости России резко обострились отношения с западными странами. Несмотря на это, Россия продолжает следовать своим традиционным ценностям, придерживаясь мирового правопорядка на условиях уважения, взаимовыгодности и партнёрства со всеми странами.

Интересен взгляд иностранца, который попал в Россию, побывав до этого в 50 с лишним странах. В своей книге «Тонкое искусство пофигизма» Марк Мэнсон пишет: *«Русской культуре присуща грубость, которая часто коробит американцев и европейцев. Никаких вам лживых любезностей и расшаркиваний. Вы не улыбаетесь незнакомым людям и не делаете вид, что вам нравится то, что не нравится... Уж сколько лет я путешествовал, и уж на что Россия не похожа на Америку, но именно там я по-особенному вкусил свободу: возможность открыто говорить, что у меня на душе, не боясь последствий... Скажем, Россия заставила меня задуматься о фальшивой и дешёвой доброжелательности, столь типичной для англо-американской культуры... В западных культурах стало нормой улыбаться и говорить приятные вещи, даже если думаешь иное, а также врать по мелочам и делать вид, что соглашаешься. Вот почему люди научаются "дружить" с теми, кто им не нравится, и покупать вещи, которые они не хотят. Экономическая система способствует такому самообману. Но все это не безобидно: на Западе никогда не знаешь, можно ли полностью до-*

верить человеку. Подчас этого не знают даже добрые друзья и члены семьи» [15: с. 127–129].

Сегодня традиционное русское гостеприимство продолжает оставаться важной культурной чертой, проявляющейся в повседневной жизни. Мы по-прежнему придаём большое значение тому, чтобы иметь возможность принимать гостей в своих домах, угощать и создавать для них «тёплую» обстановку. Это особенно характерно для удалённых регионов и сельской местности, где люди больше связаны со своими традициями и обычаями.

Гостеприимство и дружелюбие как часть культуры россиян проявляются не только в виде личного (индивидуального) гостеприимства, но и сама Россия также прилагает усилия для приёма иностранных гостей в стране. В последние годы правительство упростило визовые процедуры, развивает туристическую инфраструктуру и активно продвигает страну как туристическое направление. Россия принимала Чемпионат мира по футболу 2018 г. и сделала значительные инвестиции в инфраструктуру, чтобы принять большое количество гостей. И это радушие и гостеприимство было направлено на все страны, даже на те, в которых развиты русофобские настроения, которые ограничивают или вообще запрещают въезд россиян.

Хотя основное внимание в статье уделено различиям в отношении к гостеприимству между народами России и Западной Европы, стоит отметить, что эти отношения не обязательно фиксированы или присущи конкретной культуре или региону. Скорее на них могут влиять различные факторы, включая исторические события, экономические условия и социальные нормы.

Кроме того, важно понимать, что отношение к гостеприимству – это не единственное культурное различие, существующее между Россией и Западом. Поскольку глобализация и международный туризм продолжают привлекать людей из разных стран и культур к контактам друг с другом, важно способствовать взаимопониманию и уважению, преодолевая культурные различия.

Список источников

1. Чернов В.А., Бобышев С. В., Лушкина Т.А. Гостеприимство коренных народов как фактор успешного освоения Дальнего Востока // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2021. Т. 18, № 1. С. 232–237.
2. Чернов В.А. Правовое положение гостеприимства на Руси // Туризм в современном мире: направления и тенденции развития : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2013. С. 339–342.
3. Чернов В.А. К вопросу о первых гостиницах на Руси // Сервис и туризм: инновации, теория, практика : материалы III Междунар. конф. Абакан : Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2011. С. 241–243.
4. Чернов В.А. К вопросу о терминологии истории индустрии гостеприимства // Вопросы туризмоведения. 2012. № 2. С. 16–23.
5. Латинско-русский словарь. Москва : Гл. изд. иностр. и национальных словарей, 1949. 960 с.
6. Афинская З.Н. L'hospitalité/l'hostilité – случай когнитивного диссонанса // Вестник Московского университета. 2016. № 2. (Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/l-hospitalit-l-hostilit-sluchay-kognitivnogo-dissonansa> (дата обращения: 05.01.2023).

7. Зенкин С. Гостеприимство: к антропологическому и литературному определению. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2004/1/gostepriimstvo-k-antropologicheskomu-i-literaturnomu-opredeleniyu.html> (дата обращения: 05.01.2023).
8. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 1. Изд. 2-е, испр. Санкт-Петербург : В тип. Н. Греча : иждивением братьев Слениных, 1818.
9. Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. 1: История России с древнейших времен. Т. 1–2. Москва : Мысль, 1988. 797 с.
10. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 6. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747–1765 гг. Москва–Ленинград, 1952. 690 с.
11. История Средних веков. В 2 т. Т. I. 6-е изд. Москва : Изд-во Моск. ун-та: Печатные Традиции, 2008. 681 с.
12. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. В 3 ч. Ч. 2: Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. Москва : Языки славянской культуры, 2003. 808 с.
13. Чулков М.Д. Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах от древних времён до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великой. Т. I. Кн. I. Санкт-Петербург : Императорская Академия Наук, 1781. 624 с.
14. Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времён. Ч. 1. Санкт-Петербург : Тип. Грачева и К., 1876. 645 с.
15. Мэнсон М. Тонкое искусство пофигизма. Парадоксальный способ жить счастливо. Москва : Альпина Паблшер, 2017. 191 с.

References

1. Chernov V.A., Bobyshev S.V., Lushkina T.A. Gostepriimstvo korennykh narodov kak faktor uspeshnogo osvoeniya Dalnego Vostoka [Hospitality of indigenous peoples as a factor in the successful development of the Far East]. *Social and Humanities Sciences in the Far East*. 2021, no 1, p. 232–237.
2. Chernov V.A. Pravovoe polozhenie gostepriimstva na Rusi [Legal status of hospitality in Russia]. *Turizm v sovremennom mire: napravleniya i tendentsii razvitiya*. Khabarovsk: DVGUPS, 2013. p. 339–342.
3. " Chernov V.A. K voprosu o pervykh gostinitsah na Rusi [On the question of the first hotels in Russia]. *Servis i turizm: innovatsii, teoriya, praktika*. Abakan: Khakasskii gosuniversitet im. N.F. Katanova, 2011. p. 241–243.
4. Chernov V.A. K voprosu o terminologii istorii industrii gostepriimstva [On the terminology of the history of the hospitality industry]. *Voprosy turizmovedeniya*. 2012. no 2. p. 16–23.
5. *Latinsko-russkii slovar* [Latin-Russian dictionary]. Moskva: Izd. Inostrannuh I natsionalnyh slovarei, 1949. 960 p.
6. Afinskaya Z.N. L'hospitalité/l'hostilité – sluchai kognitivnogo dissonansa [Hospitality/hostility – a case of cognitive dissonance]. *Bulletin of Moscow University. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*. 2016. No 2.
7. Zenkin S. Gostepriimstvo: k antropologicheskomu i literaturnomu opredeleniyu [Hospitality: towards an anthropological and literary definition]. *NLO*. 2004. No 1.
8. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva rossiiskogo* [History of the Russian State]. Т. 1. Sankt-Peterburg, 1818.
9. Solov'ev S. M. *Sochineniya : V 18 kn. Kn. 1: Istoriya Rossii s drevnejshih vremen* [History of Russia since ancient times]: Т. 1–2. Moskva : Mysl', 1988. 797, [1] s.
10. Lomonosov M.V. *Polnoe sobranie sochinenij*. Т. 6. *Trudy po russkoj istorii, obshchestvenno-ekonomicheskim voprosam i geografii* [Complete works, including works on Russian history, socio-economic issues and geography. 1747–1765 gg. Moskva–Leningrad, 1952. 690 s.
11. *Istoriya Srednih vekov* [History of the Middle Ages]: V 2 t. Т. I. 6-е изд. Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta: Izd-vo «Pechatnye Tradicii», 2008. 681 s.
12. Brodel' F. *Sredizemnoe more i sredizemnomorskij mir v epohu Filippa II* [The Mediterranean and the Mediterranean world in the age of Philip II]: V 3 ch. Ч. 2: *Kollektivnye sud'by i universal'nye sdvigi*. Moskva: Yazyki slavyanskoy kul'tu-ry, 2003. 808 s.
13. Chulkov M.D. *Istoricheskoe opisanie Rossijskoj kommercii pri vseh portah i granichah ot drevnih vremen do nyne nastoyashchego i vsekh preimushchestvennykh zakoneniij po onoj gosudarya imperatora Petra Velikogo i nyne blagopoluchno carstvuyushchej gosudaryni imperatricy Ekateriny Velikoj* [Historical description of Russian commerce at all ports and borders from ancient times to the present and all the privileged laws of sovereign emperor Peter the Great and reigning sovereign empress Catherine the Great]. Т. I. Кн. I. SPb.: Imperatorskaya Akademiya Nauk, 1781. 624 s.
14. Zabelin I.E. *Istoriya russkoj zhizni s drevnejshih vremyon* [History of Russian life from the most ancient times]. Ч. 1. Тип. Gracheva i K., 1876. 645 s.
15. Menson M. *Tonkoe iskusstvo pofigizma. Paradoxsal'nyj sposob zhit' schastlivo* [The subtle art of piffilism. The Paradoxical Way to Live Happily]. Moskva: Al'pina Pablsher, 2017. 191 s.

Информация об авторе

В.А. Чернов – кандидат исторических наук.

Information about the author

V.A. Chernov – Candidate of Historical Sciences.

Статья поступила в редакцию 23.02.2023; одобрена после рецензирования 17.03.2023; принята к публикации 24.03.2023.
The article was submitted 23.02.2023; approved after reviewing 17.03.2023; accepted for publication 24.03.2023.

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ
В СОЦИАЛИЗАЦИИ БУДУЩЕГО ПРОФЕССИОНАЛА

SOCIAL AND PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES
IN SOCIALIZATION OF FUTURE PROFESSIONALS

Научная статья

УДК 378:371.61

doi:10.31079/1992-2868-2023-20-2-118-124

СТУДЕНЧЕСКИЕ КЛУБЫ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ В ВУЗЕ

Жанна Васильевна Бойко^{1✉}, Ирина Николаевна Гукова², Светлана Юрьевна Крупская³

^{1, 2, 3}Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

¹boiko@bsu.edu.ru✉

²gukova_i@bsu.edu.ru

³krupskaya@bsu.edu.ru

Аннотация. Высшие учебные заведения, осуществляющие подготовку специалистов по гуманитарным направлениям, в настоящее время нуждаются в инновационных формах работы, которые давали бы возможность создавать практики, приближенные к профессиональным, позволяющие апробировать полученные компетенции в стенах вуза. В статье представлен практический опыт совместной деятельности авторов и их коллег в сфере образования, одной из важных задач которой является воспитание профессионала. Рассматривается работа студенческих клубов на базе Института межкультурной коммуникации и международных отношений (ИМКиМО) НИУ «БелГУ», в процессе которой обучающиеся погружаются в творческую, профессиональную атмосферу, позволяющую проверить свои знания и умения. Такая деятельность преподавателей и студентов является эффективным способом работы, направленной на формирование необходимых профессиональных компетенций у студентов, обучающихся по разным направлениям подготовки.

Ключевые слова: студенческий клуб, культура, политическая культура, образование, гуманизация, профессиональные компетенции

Original article

STUDENT CLUBS AS AN EFFECTIVE WAY
TO DEVELOP PROFESSIONAL COMPETENCIES AT THE UNIVERSITY

Zhanna V. Boyko^{1✉}, Irina N. Gukova², Svetlana Yu. Krupskaya³

^{1, 2, 3}Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

¹boiko@bsu.edu.ru✉

²gukova_i@bsu.edu.ru

³krupskaya@bsu.edu.ru

Abstract. Higher educational institutions that focus on training specialists in the humanities currently require innovative forms of work. It would give the opportunity to create practices close to professional ones, allowing them to test the acquired competencies within the walls of the university. The article presents the practical experience of joint activities of the authors and their colleagues in the field of education, one of the important tasks of which is the education of a professional. The work of student clubs is considered on the example of the Institute of Cross-cultural Communication and International Relations (ICC&IR) of NRU «BelSU». Students are immersed in a creative, professional atmosphere that allows them to test their knowledge and skills. Such activity of professors and students is an effective way of work aimed at developing the necessary professional competencies of students of different majors.

Keywords: student club, culture, political culture, education, humanization, professional competencies

Среди множества актуальных проблем, возникающих сегодня в сфере образования, гуманизация по-прежнему занимает особое место по своей значимости, поскольку в целом является стратегией высшего образования. Ее целью становится подготовка высококвалифицированного профессионала определенного направления деятельности, а также воспитание творческой, креативной, гуманистически и патриотически направленной личности. Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования предусматривают разнообразные компетенции, которые должны быть сформированы у студентов в период обучения. Многие из компетенций указывают на то, что будущий профессионал должен уметь осуществлять в первую очередь различные виды коммуникаций, которые позволят ему в дальнейшем ориентироваться в мультикультурной среде, анализировать поставленные задачи, общественно-политические и социально-экономические события и процессы, понимать причинно-следственные связи. Как отмечают исследователи, «...в контексте российского законодательства современный студент рассматривается как субъект образовательного процесса, участвующий в его организации и осуществлении», что определяет его активную позицию в ходе образования [4]. Таким образом, перед вузами стоит серьезная задача – подготовить мобильного профессионала, целостную, инициативную, вариативно мыслящую личность, способную к поиску и осмыслению информации. В связи с этим, исходя из создавшихся условий, необходимо находить новые способы обучения и апробировать их в целях достижения нужных результатов, которые будут проявляться в профессиональных и жизненных успехах выпускников, их активных действиях, направленных на созидание.

Студенчество – это сензитивный период для саморазвития личности, когда она начинает экспериментировать, примеряя на себя различные роли, верифицировать взгляды и теории, в её самосознании проявляются аналитические функции, все это выражается в повышенной активности. Об особенностях юношеского периода, отличающегося особой деятельностной энергией, желанием созидать, пишут многие ученые. Действительно, в данный период у человека возникает потребность в самопознании, самовоспитании, самосовершенствовании, обретении самостоятельности, самоорганизации жизни. Понимание этого приводит к мысли о необходимости создания в вузе условий, позволяющих студентам в полной мере реализовать свой творческий и хоть и небольшой, но все

же профессиональный потенциал, проявить себя, найти единомышленника и друга, апробировать в практической деятельности полученные теоретические знания. На наш взгляд, клубная деятельность, качественно организуемая и регулируемая в стенах вуза, может стать той площадкой, где студент сможет проявить свои умения и навыки, приобрести уверенность в своих силах, найти дело по душе.

Клубы как молодежные объединения во многих исследованиях рассматриваются в качестве особого коллектива, объединяющего своих членов на основе общих интересов, устоявшихся традиций, норм поведения. Клубы имеют устав, программу, план, которые регламентируют их деятельность, обеспечивают ее стабильность и системность, а также обладают особой символикой и атрибутами.

В НИУ «БелГУ» широко представлена студенческая клубная работа – это и интеллектуальные клубы «Дебаты», «Мыслим вслух», «Что? Где? Когда?», и клуб молодых избирателей «Перспектива», Клуб молодых политологов, Клуб ООН и другие объединения¹.

В качестве конкретного примера, отражающего эффективную работу студенческих объединений, направленную на формирование необходимых профессиональных и личностных компетенций, хотелось бы представить Клуб молодых политологов, который был образован в 2018 г. на базе кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии Института межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ». Главной целью Клуба является создание условий для развития у студентов навыков общественно-политической работы, применения сформированных компетенций в общественно-политической, экспертной и административно-управленческой деятельности.

Одной из сложных задач в гуманитарной сфере является создание условий для социогуманитарной экспертизы предполагаемых проектов, выдвигаемых идей и теорий. Важной задачей политологического объединения стало интегрирование обучающихся в социально-политический процесс, формирование у них гражданской культуры. В процессе участия в мероприятиях Клуба студенты обсуждают актуальные проблемы современности, учатся взаимопознанию, умению слушать и слышать друг друга. Помимо студенческой молодежи, а в основном это постоянные члены объединения – студен-

¹ Студенческие объединения // Сайт НИУ «БелГУ». URL: https://bsuedu.ru/bsu/info/structure/section.php?SECTION_ID=7008 (дата обращения: 17.02.2023).

ты-политологи 1–4-го курсов, к работе привлекаются обучающиеся по другим направлениям подготовки, а также учащиеся старших классов различных образовательных учреждений г. Белгорода и области. За время работы Клуба было организовано и проведено более 300 расширенных заседаний, формат которых создает широкий спектр возможностей для получения молодыми людьми знаний о политике и применения их на практике [2].

Клуб политологов представляет «...некую модель гражданского общества: это и научное сообщество, и клуб по интересам, и площадка для вынесения суждений по текущим политическим моментам. Это пример эффективной образовательной технологии» [3]. Он представляет собой своего рода модель внеаудиторного развивающего обучения и воспитания. Такая работа помогает сформировать позитивную интеллектуальную среду для обмена мнениями, «сопоставления позиций, выработки предложений, стратегических концептов решения разнообразных социально-политических проблем, позволяет применить теоретические знания на практике» [3]. Важно отметить, что Клуб создан на основе студенческой инициативы, и это существенный момент в его деятельности, поскольку в достижении успеха внутреннее желание самих студентов является весомым фактором. Как указывают исследователи, один из значимых внутренних, побуждающих к действию механизмов личности – ее интерес «к явлению или процессу, связанный, прежде всего, с удовлетворением потребности любопытства, познания...» [4], желанием испытать себя, проверить свои знания и умения. Мотивационная сторона является значимой в «познавательной самостоятельности» и указывает на степень включенности студента, будущего молодого специалиста-политолога, в активную общественно-политическую деятельность [2].

Положительно зарекомендовавшими себя формами организации деятельности студентов в Клубе молодых политологов стали круглые столы, деловые игры, встречи с политиками, госслужащими, образовательные экскурсии и др.

• *Круглые столы* – форма публичного освещения и обсуждения актуальных политических вопросов, острых социальных тем. В рамках работы круглого стола у молодежи создаются равные права для изложения своего мнения согласно выстроенной очередности. Значимым является и то, что в такой непринужденной атмосфере знания о политике, политических процессах получают и закрепляют в совместных беседах не только студенты-политологи, но и студенты-гуманитарии, не имею-

щие базового политологического образования, а также студенты-негуманитарии из разных вузов города, среднепрофессиональных образовательных учреждений, учащиеся школ, гимназий, которые имеют возможность присоединиться к нам в период расширенных заседаний.

На ежегодно проводимых заседаниях круглого стола регулярно обсуждаются: гражданская идентичность молодежи, знания о политике – как получить и где применить, общественно-политическая и электоральная активность молодежи, политизация исторического прошлого, СМИ в сфере политики. Наибольший интерес у молодежной аудитории вызвали круглые столы, посвященные следующим темам:

«Особенности электоральной активности современной молодежи» (проводился совместно с Избирательной комиссией Белгородской области);

«Выборы в Государственную Думу VIII созыва: прогнозы, перспективы и риски для новых партий» (проводился совместно с лидерами региональных отделений политических партий);

«Проблемы формирования политического мировоззрения у современной молодежи» (с участием школьников и членов Молодежного Правительства Белгородской области).

• *Деловые игры и имитационные модели* – это формы работы, основанные на имитации практической политической деятельности. Для успешного решения будущих профессиональных задач студент-политолог должен уметь ориентироваться в нормативно-правовой базе РФ, в международном законодательстве, знать устройство и механизмы функционирования государственных и политических институтов, специфику протекания электоральных процессов и проведения выборов. Как показывает практика, достижению этих целей способствует внедрение во внеаудиторную работу студенческой молодежью игровых и модельных практик. Примерами реализации такой формы деятельности в Клубе молодых политологов стали деловые игры «Выборы Президента РФ», «Выборы в Государственную Думу ФС РФ», «Выборы в Белгородскую областную Думу», модельная игра «Молодежный Совет при Белгородском городском Совете» и др., позволяющие сформировать навыки участия в организационно-управленческих процессах, разработки и реализации политико-управленческих решений, организации и проведения политических и избирательных кампаний.

• *Встречи с политиками, государственными служащими города и региона, представителями избирательных комиссий, лидерами региональных отделений политических партий.* Подобные

встречи проходят особенно ярко, приглашенные гости «раскрывают разные аспекты работы в политической сфере, делятся со студентами опытом, у молодежи появляется личная возможность получить ответы на непосредственно волнующие вопросы. Благодаря таким формам работы, с одной стороны, обеспечивается ценностная направленность процесса профессиональной подготовки, включение студентов в профессионально-ценностные виды деятельности, что способствует эффективному формированию профессиональных компетенций, с другой, качественная политическая социализация студентов-неполитологов, формирование у них познавательной активности. При систематической работе такие формы позволяют выстроить эффективную коммуникацию между молодежью и властью, повысить уровень доверия к ней» [3]. Одним из примеров эффективной реализации данной формы работы Клуба молодых политологов стала встреча с губернатором Белгородской области В.В. Гладковым, которая проходила в открытом формате «Диалог на равных». Участникам встречи удалось обсудить такие значимые для региона проблемы, как отток молодежи из Белгорода и Белгородской области в столицу и города-миллионники, роль социально-гуманитарного образования и политического просвещения молодежи в современных условиях приграничного региона, возможности участия выпускников направления подготовки «Политология» в формировании кадрового резерва для региональных органов власти.

- *Образовательные экскурсии, в том числе выездные*, проводятся с целью ознакомления с практической стороной деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, политических партий, общественных объединений. За время работы Клуба студенты-политологи познакомились со спецификой работы администрации г. Белгорода, Белгородского городского Совета депутатов, Белгородской областной Думы, Государственной Думы ФС РФ, Совета Федерации ФС РФ, Общественной палаты РФ.

- *Получение и трансляция знаний о политической сфере* наиболее рельефно реализуется через медиапроект Клуба молодых политологов «Молодежное радио – НЕОН». Вышла серия передач с экспертным мнением, посвященных состоянию политического и политологического образования в России, специфике политического сознания современной молодежи. Обозначенные формы составляют дидактическую базу для организации «познавательной самостоятельности», научной деятельности и способствуют развитию у студентов-

политологов аналитических способностей, логического мышления, инновационной деятельности, формируют их политическое сознание, гражданско-правовую культуру, а следовательно, способствуют профессиональному росту и дальнейшему включению в профессиональную среду.

Как отмечает профессор Н.Г. Григорьева, одним из значимых условий «активизации саморазвития личности студента в вузе является созданная инициатором воспитания резонансно влияющая на процесс саморазвития студентов гуманитарно-ориентированная среда» [1]. Действительно важно, чтобы произошел резонанс процесса саморазвития, для этого влияние, направленное на студента, должно быть созвучно его желанию принять его. От преподавателя зависит создание такой воспитательной и образовательной среды, которая способствовала бы возникновению у студента «первоосновы саморазвития», интереса к организованной деятельности, в которой он видит возможности для самосовершенствования.

Опыт работы показывает, что эффективному формированию профессиональных компетенций у студентов вуза способствует Клуб ООН, который также был основан по инициативе студентов в 2005 г. С 2014 г. Клуб приобрел статус студенческого университетского объединения и по настоящее время курируется кафедрой международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии НИУ «БелГУ».

Главная цель Клуба ООН, согласно учреждающим его документам, состоит в реализации проектов, имеющих политическую, культурологическую и социальную направленность, а также «повышение уровня политической культуры и образованности студентов в сфере международных отношений»². В основе Клуба лежит идея интеграции студентов, обучающихся по реализуемым в вузе направлениям подготовки, таким как 41.03.05 «Международные отношения», 41.03.01 «Зарубежное регионоведение», 41.03.04 «Политология», а также студентов-культурологов, экономистов, юристов, журналистов и многих других для обсуждения наиболее актуальных международных проблем. Несомненным достижением членов Клуба является вовлечение в его активную работу школьников г. Белгорода и Белгородской области, а также обучающихся дипломатических классов из других регионов России. Неотъемлемой частью дея-

² Клуб ООН НИУ «БелГУ» // Информация о студенческих объединениях НИУ «БелГУ». URL: https://bsuedu.ru/bsu/info/!/_admin_!/structure/detail.php?ID=249395&IBLOCK_ID=78 (дата обращения: 17.02.2023).

тельности данного объединения является соблюдение принципов свободомыслия, равноправия и содружества³.

В целом Клуб ООН НИУ «БелГУ» является благоприятной и востребованной площадкой для формирования профессиональных компетенций студентов вуза, в частности обучающихся по направлению подготовки «Международные отношения», предоставляющей возможность практической апробации полученных теоретических знаний в своей сфере деятельности. Так, например, в перечень основных задач профессиональной деятельности выпускников-международников входят следующие умения и навыки, формируемые выпускающей кафедрой:

1) «выполнение обязанностей младшего и среднего звена исполнителей с использованием иностранных языков в учреждениях системы Министерства иностранных дел Российской Федерации;

2) ведение исполнительской, организационной и административной работы в иных государственных учреждениях;

3) ведение деловой переписки по вопросам организации международных мероприятий;

4) проведение предварительных обсуждений и участие в рабочих переговорах на иностранных языках в рамках своей компетенции;

5) участие в работе по организации международных переговоров, встреч, конференций, семинаров»⁴.

Обращаясь к опыту совместной деятельности преподавательского актива кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии и Секретариата Клуба ООН, можно заметить, что выбираемые непосредственные формы и форматы взаимодействия носят четко осознанный и практически направленный характер. В частности, методическая обеспеченность дисциплин и курсов, ведущихся преподавателями кафедры для студентов-международников, предполагает непосредственную отработку полученных знаний на площадке Клуба. Например, дисциплина «Международные организации и институты» фор-

мирует у студентов представление не только о наиболее интересных организациях и актуальных треках в их работе, но и о правилах и процедурах работы в таких крупнейших организациях, как ООН; правилах голосования и составления итоговой документации и др. А дисциплины «Теория и история дипломатии» и «Дипломатический протокол и этикет» дают возможность погрузиться в «мир дипломатической интриги», узнать о применяемых в современной дипломатической практике новых методах и приемах работы, овладеть навыком безупречного поведения и коммуникации в международной среде. Изучение данных и многих других дисциплин предполагает как непосредственное участие в деятельности Секретариата Клуба ООН, так и привлечение студентов к работе в рамках конкретных мероприятий.

Таким образом, преподаватели кафедры, обеспечивающие теоретическую и практическую подготовку студентов-международников, и Секретариат Клуба продумывают удобные форматы работы, например: организацию конференций и круглых столов, подготовку викторин по выбранной тематике, проведение Белгородских исторических и международных моделей ООН и многое другое. Преподаватель конструирует сферу деятельности в рамках образования, своими действиями он «воспроизводит взаимоотношения, представленные в повседневной практике, организуемой для удовлетворения жизненно важных потребностей общества: передачи опыта, подготовки нового поколения и поддержания необходимого уровня знаний и умений» [5]. Тем самым в формате клубной работы педагог готовит будущего профессионала к реальной практической деятельности, к жизни.

Студенты, задействованные в работе Клуба ООН, под руководством преподавателей кафедры получают необходимые практические навыки в сфере профессиональной деятельности. Так, например, в рамках самостоятельной организации студентами Белгородской Международной Модели ООН (на базе Клуба их прошло уже 12) «участники примеряют на себя роль дипломатов, а все проблемы, обсуждаемые в ходе Модели, максимально приближены к тем, которые стоят на повестке дня заседаний ООН»⁵. Примерный перечень приобретаемых студентами практических навыков можно представить следующим образом:

- разработка проектов программы мероприятия;
- подготовка документации (проекты распоряжений, положение о проведении Модели, макеты

³ Положение о Клубе ООН НИУ «БелГУ»: утв. Конференцией Союза студентов НИУ «БелГУ» от 30.10.2014, протокол № 1. URL: <https://bsuedu.ru/upload/iblock/c01/pol-klub-oon.pdf> (дата обращения: 17.02.2023).

⁴ Перечень основных задач профессиональной деятельности выпускников // Основная профессиональная образовательная программа высшего образования 41.03.05 Международные отношения. Белгород, 2022. URL: https://dekanat.bsu.edu.ru/f.php/1/programmi/oor/9326_oor_48080_V_Itogo_OPOP_2022_41.03.05_MO_2022.pdf (дата обращения: 17.02.2023).

⁵ Белгородская Международная Модель ООН. URL: https://vk.com/un_31 (дата обращения: 17.03.2023).

приглашений для участников, информационные письма, смета расходов и др.);

- разработка дизайна рекламной продукции и ее выпуск;

- составление перечня приглашенных гостей и пошагового сценария проведения мероприятия.

Поскольку Модель ООН – это своеобразный форум для молодежи, воссоздающий работу ООН, студенты на практике приобретают навыки деловой коммуникации, умение грамотно, в рамках действующего законодательства выбранной страны представлять свою позицию, публично выступать, цивилизованно, с помощью компромисса выработать общую позицию, вести переговоры на русском и английском языках, осуществлять синхронный перевод, а также готовить итоговые проекты резолюций, что требует хороших теоретических знаний. Кроме того, обучающиеся получают опыт работы в рамках жестко регламентированных правил парламентской процедуры, а также опыт совместной работы с представителями других национальностей⁶, активно участвующих в работе Клуба, что может помочь в дальнейшей профессиональной деятельности студента-международника. В Отделе СМИ при Клубе ООН, который занимается информационным сопровождением и продвижением результатов своей деятельности, можно ознакомиться видеороликами «С места событий» и убедиться в степени вовлеченности студентов в процесс работы Модели⁷.

Несомненным плюсом в рамках компетентного подхода является также моделирование работы разных органов ООН в формате проводимых Моделей ООН – Генеральной Ассамблеи, Совета Безопасности, ЮНЕСКО (на английском языке), Международного суда. Такие форматы и многообразные виды работы позволяют найти свой сегмент для реализации знаний, умений и владений студентам различных направлений подготовки. Например, студенты-культурологи, одним из типов деятельности которых является организационно-управленческий, специализирующиеся в сфере культурной политики, могут найти себя в рассмот-

рении проблемных областей образования, науки, культуры и искусства, исследовать достопримечательности, включенные в список Всемирного наследия. Так, в центре внимания студенческой молодежи оказываются актуальные вопросы современности⁸.

Уникальным опытом Клуба ООН НИУ «БелГУ» является самостоятельно организуемая студентами начиная с 2021 г. программа специальных тренингов для участников будущих Моделей, которые проводятся в течение нескольких месяцев и заканчиваются апробацией полученных знаний в рамках «мини-модели» ООН с шуточной повесткой, а также получением сертификата. В рамках таких тренингов участники изучают правила и процедуры работы главных органов ООН, возможности их использования в интересах своей страны, рассматривают последовательность работы делегата и пр.⁹. К проведению тренингов привлекаются и преподаватели кафедры, как правило, для чтения нескольких лекций по формируемому запросу обучающейся аудитории.

Еще один интересный пример деятельности – Модельные дебаты, разработанные и активно проводимые на базе Клуба ООН с 2022 г. («Первые дипломатические дебаты в формате ООН»), где студенты обсуждают самую актуальную повестку без принятия соответствующей резолюции.

Таким образом, опыт работы показывает, что студенческие клубы, организованные и гармонично встроенные в образовательный процесс вуза, являются весьма эффективным способом формирования профессиональных компетенций у студентов. Значимой является специфика клубной работы, которая заключается в неформальном взаимодействии студентов и педагогов, а также инициативной работе самих участников, что положительно сказывается на деятельности представленных объединений. Благодаря такой работе в вузе создаются хорошие гуманитарные условия организации процесса воспитания и обучения. Пребывание в клубной среде становится личностно значимой необходимостью, эмоционально и интеллектуально насыщенной. В целом образовательный процесс строится на основе сотрудничества студента и педагога, их взаимопонимания. Отправной точкой гуманитарного влияния на обучающихся становится организация самопознания. Соответственно вуз

⁶ К организации и проведению Белгородской Модели ООН активно привлекаются студенты разных вузов, в том числе обучающиеся за пределами РФ – Италии, Китая, Узбекистана, Румынии. Безусловно, свой весомый вклад вносят студенты иностранных землячеств НИУ «БелГУ» – «Землячество Туркменистана, Таджикистана и Афганистана», «Землячество стран Латинской Америки», «Землячество арабских стран» и др.

⁷ Белгородская Международная Модель ООН-XII. Видео, 18.02.2022. URL: https://vk.com/un_31 (дата обращения: 17.03.2023).

⁸ В центре внимания молодежи глобальные мировые проблемы // Сайт ИМКИМО. URL: https://bsuedu.ru/bsu/news/news.php?ID=774832&IBLOCK_ID=176 (дата обращения: 17.03.2023).

⁹ Первый тренинг Клуба ООН-2021 // Студенческий портал НИУ «БелГУ», 24.02.2021. URL: <http://stud.bsu.edu.ru/2021/02/pervyj-trening-kluba-oon-2021/> (дата обращения: 17.03.2023).

проявляет себя не только как образовательный центр, но и как мощный очаг духовной культуры, который готовит высококвалифицированных специалистов определенного профиля и в целом культурных людей своего времени. В процессе клубной работы обеспечивается поддержка молодого поколения в достижении уверенности, личностного, культурного и профессионального роста.

Список источников

1. Григорьева Н.Г. Гуманитарные условия как фактор саморазвития студентов в вузе // Управление качеством образования и интеграция вузов в международное образовательное пространство : сб. науч. тр. межрегион. науч.-метод. конф. В 2 т. Т. 1 / под ред. Б.Е. Дынькина. Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2006. С. 147–152.
2. Гукова И.Н. Перспективные формы развития общественно-политической активности молодежи в условиях современного российского региона // Россия и мир: научный диалог. 2022. С. 226–237. URL: [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-3\(5\)-226-237](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-3(5)-226-237) (дата обращения: 17.02.2023).
3. Гукова И.Н., Бойко Ж.В., Половнева Л.С. Состояние политического образования в современной России: проблемы и пути их решения // *Via in tempore. История. Политология*. 2021. Т. 48, № 1. С. 55–64.
4. Казаку О.В., Тюрина Ю.А. Мотивация к успеху как условие социализации будущих профессионалов // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2018. Т. 15, № 3. С. 139–144. DOI 10.31079/1992-2868-2018-15-3-139-144. EDN MNDFFR. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36457900> (дата обращения: 17.02.2023).
5. Тюрина Ю.А. Исследование отечественного образования в рамках деятельностного подхода в социологии // Социология власти. 2009. № 2. С. 93–101.

References

1. Grigor'eva N.G. *Gumanitarnye uslovija kak faktor samorazvitija studentov v vuze* [Humanitarian conditions as a factor of students' self-development at the university] // *Upravlenie kachestvom obrazovaniya i integracija vuzov v mezhdunarodnoe obrazovatel'noe prostranstvo*: sb. nauch. tr. mezhtregion. nauch.-metod. konf. V 2 t. T. 1 / pod red. B.E. Dyn'kina. Habarovsk : Izd-vo DVGUPS, 2006. S. 147–152.
2. Gukova I.N. *Perspektivnyye formy razvitiya obshhestvenno-politicheskoj aktivnosti molodezhi v uslovijah sovremennogo rossijskogo regiona. Rossija i mir: nauchnyj dialog* [Promising forms of development of socio-political activity of youth in the conditions of the modern Russian region. Russia and the world: scientific dialogue]. 2022. S. 226–237.
3. Gukova I.N., Bojko Zh.V., Polovneva L.S. *Sostojanie politicheskogo obrazovaniya v sovremennoj Rossii: problemy i puti ih reshenija* [The state of political education in modern Russia: problems and ways to solve them] // *Via in tempore. Istorija. Politologija* [Via in tempore. History. Political Science]. 2021. T. 48. № 1. Pp. 55–64.
4. Kazaku O.V., Tjurina Ju.A. *Motivacija k uspehu kak uslovie socializacii budushhih professionalov* [Motivation for success as a condition for the socialization of future professionals] // *Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [Social and humanitarian sciences in the Far East]. 2018. T. 15. № 3. Pp. 139–144.
5. Tjurina Ju.A. *Issledovanie otechestvennogo obrazovaniya v ramkah dejatel'nostnogo podhoda v sociologii* [The study of domestic education in the framework of the activity approach in sociology] // *Sociologija vlasti* [Sociology of Power]. 2009. № 2. Pp. 93–101.

Информация об авторах

Ж.В. Бойко – кандидат педагогических наук, доцент;
И.Н. Гукова – кандидат политических наук, доцент;
С.Ю. Крупская – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors

Z.V. Boyko – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor;
I.N. Gukova – Candidate of Political Sciences, Associate Professor;
S.Yu. Krupskaya – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 03.02.2023; одобрена после рецензирования 24.02.2023; принята к публикации 24.03.2023.
The article was submitted 03.02.2023; approved after reviewing 24.02.2023; accepted for publication 24.03.2023.

Научная статья

УДК 37.091.8-052

doi:10.31079/1992-2868-2023-20-2-125-130

ВЛИЯНИЕ СУБЪЕКТНОСТИ СТУДЕНТА НА ЕГО УЧЕБНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ

Надежда Георгиевна Григорьева¹, Юлия Игоревна Кириченко²

^{1,2}Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия

¹an08027@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8044-882x>

²prettygirl89@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены научные подходы к определению сущности субъектности личности, описаны направления проявления субъектности, актуальные для молодых людей в период обучения в вузе. Приведены основные выводы анализа результатов проведенного эмпирического исследования с целью выявления уровня субъектности студентов вуза и влияния субъектности на эффективность учебной деятельности. Сформулированы условия по целенаправленному развитию субъектности молодых людей в образовательном пространстве вуза.

Ключевые слова: личность, субъектность, активность, самооценочность, самодвижение, жизненная позиция

Original article

THE INFLUENCE OF A STUDENT'S SUBJECTIVITY ON HIS ACADEMIC ACHIEVEMENTS

Nadezhda G. Grigoryeva¹, Yulia I. Kirichenko²

^{1,2}Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia

¹an08027@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8044-882x>

²prettygirl89@mail.ru

Abstract. The article considers scientific approaches to the definition of the essence of a person's subjectivity, describes the directions of manifestation of subjectivity, relevant for young people during their studies at the university. The main conclusions of the analysis of The results of the conducted empirical research are presented analyzed in order to identify the level of subjectivity of university students and the influence of subjectivity on the effectiveness of educational activities. The conditions for the purposeful development of young people's subjectivity in the educational space of the university are formulated.

Keywords: personality, subjectivity, activity, self-worth, self-movement, life position

Современный специалист – это не только высококвалифицированный исполнитель профессиональной деятельности, но и активный, инициативный, ответственный профессионал, способный к творческой самореализации и эффективной творческой мотивации субъектов окружающего социума.

Нестабильность, нелинейность современных процессов в социально-экономической системе и приоритет в развитии прикладных научных исследований по сравнению с фундаментальными предъявляют особые требования к подготовке будущих ученых и специалистов в период их обучения в высших учебных заведениях.

В результате возникает необходимость поиска и создания особых профессионально-ориентированных образовательных технологий, способствующих целостному развитию будущего профессионала. И одним из этих концептуальных направлений яв-

ляется обеспечение развития субъектности личности студента в смысле целостной организации собственного потенциала для достижения жизненных, общественно значимых целей с учетом особенностей современных цивилизационных задач и постоянным расширением субъектной ответственности.

Актуализируется важность педагогического внимания к субъектности студента в учебно-воспитательном процессе, который рассматривается как завершающий этап перед вступлением студентов в фазу активных субъектов профессиональной деятельности, участвующих в общественной жизни, способных сознательно и ответственно принимать обоснованные решения в нестандартных производственных и социальных ситуациях. Становление субъектности личности аккумулирует в себе способность к рефлексии и целеполаганию, ответственности, осознанной активности и свободе выбора.

Субъектность личности рассматривается многими гуманитарными науками: является предметом психологического изучения, педагогического анализа и социологического исследования.

В настоящее время изучение субъектности личности в психологии становится приоритетным направлением. Это подтверждают многочисленные работы, посвященные пониманию сущности феномена субъектности (В.А. Петровский), компонентов субъектного опыта (А.К. Осницкий), закономерностям развития субъектного начала человека в онтогенезе (А.В. Захаров, В.И. Слободчиков), принципам организации образовательных систем, развивающих субъектность (В.В. Давыдов). Несмотря на достаточно большой интерес к данной теме, в толковании понятия «субъектность», его сущности и содержании существует явная неопределенность и разногласия среди авторов.

Основа субъектного подхода в психологии была заложена С.Л. Рубинштейном. Он связывает личностное развитие человека с его субъектностью, определяя ее как самостоятельную активность, самодвижение, осознанную саморегуляцию [1]. Согласно С.Л. Рубинштейну, субъектность трактуется как способность человека производить изменения в мире и в самом себе. Субъекта характеризуют такие качества, как активность, способность к развитию и интеграции, самодетерминации, саморегуляции, самодвижению и самосовершенствованию. Ученик С.Л. Рубинштейна А.В. Брушлинский, изучая сущность субъектности, определил ее как системную целостность всех сложившихся и противоречивых качеств человека, которая формируется в ходе исторического и индивидуального развития [2]. По мнению ученых, человек не рождается субъектом, а становится субъектом в процессе общения, деятельности и других видов своей активности. Личностное осмысление является высшей формой субъектности. Данное видение субъектности является наиболее сущностным, чтобы выявить и конкретизировать критерии и показатели субъектности в процессе онтогенеза, в том числе и в юношеском возрасте в период обучения в вузе.

Для выявления направленности событийной зоны образовательного процесса важны идеи К.А. Абульхановой-Славской [3] о субъектности как проявлении способа интерпретации действительности, поскольку особым качеством субъекта является его отношение к жизни как к личной проблеме и активность личности рассматривается как центральный компонент субъектности.

В контексте идей А.К. Осницкого, который рассматривает субъектность как самостоятельность в

процессе жизнедеятельности человека с опорой на личный опыт, с определенным целеполаганием, значимыми ценностями и сформированным мировоззрением [4; 5], можно выделить системообразующие составляющие субъектности в период юности – это формирование ответственности у молодых людей и реализация активной социальной позиции.

Идеи В.И. Слободчикова о том, что субъектность – это способность человека управлять своими действиями, преобразовывать свою деятельность, планировать способы действий, реализовывать программы, контролировать ход и оценивать результаты своих действий, позволили нам сделать вывод об активности процессов самоконтроля и самоуправления в период юности. Следовательно, именно период обучения в системе высшего образования является сенситивным периодом осознанного формирования самоконтроля и самоуправления. В исследовательской работе мы также руководствовались позицией В.И. Слободчикова, что с возрастом происходит наращивание субъектности, которая проходит пять ступеней: оживление, одушевление, персонализацию, индивидуализацию и универсализацию, причем каждая из них имеет свои временные границы [6].

Важным является мнение многих ученых, в том числе В.А. Петровского, о значении активности в формировании, развитии и проявлении субъектности. В.А. Петровский определяет субъектность как свойство индивида быть субъектом активности. Субъектность человека проявляется в его витальности, деятельности, общении, самосознании как тенденция к самовоспроизводству. Из этого, прежде всего, следует, что субъектность необходимым образом выступает в актах целеполагания, подразумевает свободу и немислима вне развития [7]. Таким образом, субъектность выражает качественное своеобразие человека как целеполагающего, свободного, ответственного и развивающегося индивидуума.

Для нашего исследования интерес представляют идеи Е.А. Волковой, которая, с одной стороны, рассматривает субъектность как свойство личности, позволяющее раскрыть сущность человеческого способа бытия, заключающегося в осознанном и деятельном отношении к миру и к себе в нем, способности производить взаимообусловленные изменения в мире и человеке [8]. С другой стороны, Е.А. Волкова подчеркивает, что субъектность нельзя трактовать как качество, присущее индивидуальному субъекту, так как человек не может один быть носителем своей субъектности. Иными словами, специфика субъектности состоит во взаимосвязи субъект-субъектных и субъект-объектных

преобразований. Следовательно, с одной стороны, активно протекающий в вузе процесс социализации студентов является одновременно и условием развития субъектности молодых людей. С другой стороны, создание артефактов как процесс объективации личности является субъектно-объектной взаимосвязью. Поэтому не только процесс социализации (как присутствие другого субъекта), но и творчество – культура в широком смысле слова (человек – объект и субъект культуры) являются условием развития субъектности у молодых людей.

Основываясь на подходах психологов к сущности понятия «субъектность» и условиям ее становления, можно сделать вывод, что субъектность проявляется в деятельности, познании, общении и активности, являясь истоком таких качеств человека, как осознанность, ответственность, рефлексивность, креативность, самостоятельность в принятии решений и стремлении к саморазвитию и самосовершенствованию. В данном исследовании используем мнение большинства ученых о том, что субъектность – это свойство личности, выступающее в роли важного условия формирования успешного человека и, как следствие, позволяющее добиться успехов в учебной деятельности, которая требует от студентов занимать проактивную жизненную позицию и быть творцом своей жизни.

Таким образом, теоретический анализ показал, что должна существовать зависимость между качеством обучения и уровнем субъектности студента, а также актуально изучить уровень сформированности субъектности у студентов, что и стало целью эмпирического исследования.

Базой исследования были студенты Дальневосточного государственного университета путей сообщения. Непосредственно в исследовании приняли участие 34 студента второго курса гуманитарного направления профессиональной подготовки. Для диагностики уровня субъектности студентов использовался опросник «Уровень развития субъектности личности» (М.А. Щукина), для выявления качества обучения студентов и их жизненной позиции по отношению к учебной деятельности проводилось анкетирование.

Анализ результатов эмпирического исследования показателей субъектности: активности, автономности, опосредованности, самооценности, целостности и креативности (таблица) – показал, что у студентов наиболее развита субъектность по показателям «активность» и «креативность». Причем по этим показателям нет ни одного студента с низким уровнем субъектности. По другим показателям субъектности выявлено небольшое количество сту-

дентов (от 3 до 6 %), имеющих низкий уровень субъектности. Основное количество респондентов (от 85 до 94 %) имеют средний уровень субъектности по указанным выше показателям.

Таблица

Уровни показателей субъектности, выявленные у студентов

Показатель субъектности	Уровень, % чел.		
	Высокий	Средний	Низкий
Активность	12	88	0
Автономность	9	85	6
Целостность	3	94	3
Опосредованность	6	91	3
Креативность	6	94	0
Самоценность	6	88	6

У 5 опрошенных студентов (15 %) выявлен низкий уровень субъектности хотя бы по одному из показателей. У 10 студентов (29 %) выявлен высокий уровень субъектности хотя бы по одному из показателей субъектности.

На основе анализа уровней субъектности по отдельным показателям определили, что низкая субъектность наблюдается максимально по двум показателям субъектности (автономность и самооценность), по остальным же показателям субъектность средняя. Высокая субъектность наблюдается в среднем по трем показателям (активность, автономность, самооценность).

Таким образом, кроме показателя субъектности в целом, большую роль в субъектной позиции личности играют показатели субъектности по направлениям: активность–реактивность, автономность–зависимость, целостность–неинтегративность, опосредованность–неопосредованность, креативность–репродуктивность, самооценность–малоценность (М.А. Щукина). Результаты анкетирования подтвердили, что если у студента высокий уровень субъектности по одному из показателей, то он проявляет себя и в других жизненных ситуациях как субъект с активной жизненной позицией.

Таким образом, можно обозначить следующую закономерность: высокая субъектность личности по одному из направлений деятельности, действий или других личностных проявлений есть фактор роста субъектности в целом. Обратной зависимости (т.е. низкая субъектность личности по одному из направлений субъектности ведет к понижению субъектности в целом) не зафиксировали, так как исследование показало, что все, без исключения, студенты имеют общий средний уровень субъектности.

Результаты диагностики уровня субъектности студентов по показателям следующие: 12 % сту-

дентов имеют низкие показатели, 70 % студентов – средние показатели и 18 % студентов имеют высокие показатели (рисунок).



Рисунок. Зависимость уровней субъектности и учебной успеваемости студентов

Анализ учебной успеваемости студентов выявил, что 7 опрошенных (21 %) оценивают свою учебную деятельность «удовлетворительно» и «удовлетворительно–хорошо», 23 опрошенных (67 %) – «хорошо» и «хорошо–отлично», 4 опрошенных (12 %) – «отлично» (см. рисунок).

При корреляционном анализе количества студентов, имеющих высокий, средний и низкий уровни субъектности по отдельным показателям, и качества обучения студентов была выявлена прямая зависимость этих двух категорий. Коэффициент корреляции Пирсона составил 0,9696, что указывает на наличие сильной связи между уровнями субъектности студентов и их успешностью в учебной деятельности в вузе.

Таким образом, можно сделать вывод, что студенты – это в основном молодые люди, которые находятся в процессе активной социализации, так как вуз формирует разноплановое по событийности социокультурное воспитательное пространство, в котором каждый молодой человек может самореализоваться, найти общественную, социальную, культурную, спортивную, научную деятельность, вызывающую интерес, внутреннюю мотивацию, и в итоге мотивированная, целенаправленная, ценностная активность молодого человека развивает и повышает статус его субъектности.

Однако, несмотря на общее позитивное социокультурное воспитательное пространство в вузе, нельзя исключать влияние тех вызовов, которые существуют в окружающей среде. Нельзя также игнорировать личностную субъектность молодого

человека, которая была сформирована до периода обучения в вузе.

При анализе ответов студентов на вопросы анкеты по изучению специфики проявления субъектности личности в учебно-воспитательном пространстве вуза были выявлены некоторые тревожные суждения, характеризующие показатель субъектности «самоценность», который определяет характер отношения человека к себе:

- 26 % респондентов считают, что они себя до конца не понимают;

- 20 % респондентов утвердительно высказываются о том, что окружающие люди гораздо более привлекательнее их самих;

- 9 % респондентов думают, что в них нет ничего особенного;

- 6 % респондентов не верят в себя и чувствуют себя никчемными;

- 6 % респондентов сомневаются, что смогут найти свое призвание и интересные цели в жизни.

Очевидно, что данные результаты указывают на необходимость системной индивидуальной работы со студентами по аспектам личностного роста и повышения самооценки, так как когнитивный диссонанс, который испытывает личность, может перерасти во внутриличностный конфликт.

Необходимо отметить, что ведущим видом деятельности студента в вузе является учебная деятельность, конечно, при осуществлении других сопутствующих видов. Таким образом, наиболее полно и разносторонне субъектность студентов проявляется в процессе учебно-познавательной деятельности. Личностно-профессиональное развитие возможно при формировании такого подхода обучения, при котором каждый студент имеет индивидуализированные условия, способные обеспечить целостность и результативность процесса обучения. Ощущение субъектности заключается в осознании студентом значимости собственной роли в достижении успеха в учебной деятельности.

Вполне логично, что в образовательном процессе вуза студенты вовлекаются в самостоятельную деятельность при проведении исследований, выполнении творческих и интеллектуальных заданий, создании проектов, подготовке докладов и рефератов, написании курсовых и научно-исследовательских работ. По мнению А.В. Брушлинского, самостоятельность является важнейшей основой для становления субъектности [2]. Под самостоятельностью мы понимаем сознательную мотивацию и обоснованность действий. Неподверженность чужим мнениям, критичность мышления являются подлинными проявлениями самостоятельности [9].

Создавая в образовательном процессе вуза благоприятные условия для развития субъектности студентов, прежде всего необходимо учитывать концепцию об этапном развитии субъектности. В данном аспекте актуальны идеи Е.В. Медведевой, которая выделяет три направления становления субъектности студентов в образовательном процессе вуза:

- 1) социально-профессиональный;
- 2) индивидуально-ценностный;
- 3) операционально-деятельностный [10].

Согласно предложенной теории студент проходит три этапа становления субъектности, начиная с идентификации себя с профессиональным окружением и принятия его ценностей, затем продолжая раскрывать самостоятельное начало в процессе обучения, и в завершение происходит синхронизация педагогической деятельности преподавателя и личностно-профессионального развития студента в ходе их взаимодействия. Таким образом, становление субъектности студента в учебной деятельности представляет собой процесс возрастания его самоорганизации, самореализации и самоактуализации в профессионально-ориентированной образовательной среде вуза. Образовательный процесс рассматривается как средство и условие субъектного преобразования.

Для активизации становления субъектности студентов в образовательном процессе вуза необходима реализация принципа, сформулированного В.А. Якуниным: педагогическое управление повсеместно должно стать переводом студентов из со-

зерцательной и исполнительской позиции в позицию активного субъекта деятельности [11; 12]. Проявление субъектности студентов в учебном процессе вуза может рассматриваться одновременно и как управляемый, и как саморазвивающийся процесс. Студент должен обладать такими качествами, как стремление к самопознанию, самореализации, саморегуляции и самоактуализации. На наш взгляд, для проявления субъектности важно совместное активное взаимодействие преподавателя и студента в учебном процессе. Преподаватель создает благоприятные условия для становления субъектности студента, формируя у обучающегося необходимые умения и навыки, приобщая его к основам профессии, заинтересовывая и подвигая к исследовательской работе. А обучаемый при помощи своей активной учебной позиции раскрывает и реализует потенциальные возможности профессионального развития, удовлетворяя свои образовательные потребности и интересы.

Таким образом, через субъектность в учебном процессе закладываются и развиваются основы сознательного выбора целей, которые соответствуют не только собственным желаниям и интересам, но и потребностям и намерениям того общества, в котором человек живет, и той профессиональной культуры, в которую должен адаптивно влиться студент после окончания вуза. Смыслом развития субъектности выступает создание благоприятных возможностей для самовыражения студента как исследователя и развитие у него высокого уровня навыков самоорганизации.

Список источников

1. Рубинштейн Л.С. Основы общей психологии. Санкт-Петербург : Питер, 2002. 720 с.
2. Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение. 2-е изд., испр. Москва : МПСИ, 2003. 408 с.
3. Абульханова-Славская К.А. Принцип субъектности в отечественной психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2, № 4. С. 3–21.
4. Осницкий А.К. Психологические механизмы самостоятельности. Москва : Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2010. 232 с.
5. Осницкий А.К. Проблемы исследования субъектной активности // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 5–19.
6. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности : учебное пособие для вузов. Москва : Школа-пресс, 1995. 384 с.
7. Петровский А.В. Введение в психологию. Москва : Академия, 1996. 496 с.
8. Волкова Е.Н. Субъектность как деятельное отношение к самому себе, к другим людям и миру // Мир психологии. 2005. № 3. С. 33–39.
9. Чупрова Л.В. Становление субъектности студентов в образовательном процессе технического университета ФГБОУ ВПО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова», Магнитогорск // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 7. С. 110–112.
10. Медведева Е.В. Становление субъектности студента в образовательном процессе вуза // Высшее образование в России. 2013. № 1. С. 82–88.
11. Якунин В.А. Современные методы обучения в высшей школе. Ленинград : ЛГУ, 1991. 102 с.
12. Якунин В.А. Обучение как процесс управления: Психол. аспекты / ЛГУ им. А.А. Жданова. Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1988. 159 с.

References

1. Rubinstein L.S. *Fundamentals of general psychology*. St. Petersburg: Peter, 2002. 720 p. (in Russ.).
2. Brushlinsky A.V. *Subject: thinking, teaching, imagination*. Moscow: MPSI, 2003. 408 p. (in Russ.).
3. Abulkhanova-Slavskaya K.A. The principle of subjectivity in Russian psychology. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2005. Vol. 2. No. 4. p.3–21. (in Russ.).
4. Osnitsky A.K. *Psychological mechanisms of independence*. Moscow: Obninsk: IG-SOCIN, 2010. 232 p. (in Russ.).
5. Osnitskiy A.K. Problems of research of subjective activity. *Questions of psychology*. 1996. No. 1. P. 5–19. (in Russ.).
6. Slobodchikov V.I., Isaev E.I. *Fundamentals of psychological anthropology. Human psychology: An introduction to the psychology of subjectivity: a textbook for universities*. Moscow: School-press, 1995. 384 p. (in Russ.).
7. Petrovsky A.V. *Introduction to psychology*. Moscow: Academy, 1996. 496 p. (in Russ.).
8. Volkova E.N. Subjectivity as an active attitude to oneself, to other people and the world. *World of Psychology*. 2005. No. 3. P. 33–39. (in Russ.).
9. Chuprova L.V. Formation of subjectivity of students in the educational process of a technical university. Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov, Magnitogorsk. *International Journal of Applied and Fundamental Research* No. 7, 2014. P. 110–112. (in Russ.).
10. Medvedeva E.V., The formation of student subjectivity in the educational process of the university. *Journal Higher Education in Russia* No. 1, 2013. P. 82–88. (in Russ.).
11. Yakunin V.A. *Modern methods of teaching in higher education*. L.: LSU, 1991. 102 p. (in Russ.).
12. Yakunin V.A. *Training as a management process: Psychology aspects*. Leningrad: LSU, 1988. 159 p. (in Russ.).

Информация об авторах

Н.Г. Григорьева – доктор педагогических наук, профессор;
Ю.И. Кириченко – магистрант.

Information about the authors

N. G. Grigorieva – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor;
Yu. I. Kirichenko – Master student.

Вклад авторов: Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.02.2023; одобрена после рецензирования 24.02.2023; принята к публикации 24.03.2023.
The article was submitted 01.02.2023; approved after reviewing 24.02.2023; accepted for publication 24.03.2023.

Научная статья

УДК 37.035.6:378

doi:10.31079/1992-2868-2023-20-2-131-139

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ЭФФЕКТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ СТУДЕНТОВ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Ольга Африкановна Дёмина¹, Марина Викторовна Самардак²

^{1, 2}Сибирский государственный университет путей сообщения, Новосибирск, Россия

¹demina-23@yandex.ru

²samardakmv@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется влияние эффективной коммуникации на процесс патриотического воспитания студентов в высшей школе. Предлагаемый авторами подход к воспитанию сознательных граждан Российской Федерации опирается на принципы организации эффективной коммуникации в процессе обучения конкретной учебной дисциплине. Студенты должны иметь возможность развивать навыки ведения конструктивного диалога с разными представителями российского общества и уметь выражать собственную гражданскую позицию.

Ключевые слова: высшее образование, национальная идентичность, общечеловеческие ценности, патриотическое воспитание, эффективная коммуникация

Original article

ORGANIZATION PRINCIPLES OF EFFECTIVE COMMUNICATION IN PATRIOTIC EDUCATION OF STUDENTS IN HIGHER EDUCATION

Olga A. Dyomina¹, Marina V. Samardak²

^{1, 2}Siberian Transport University, Novosibirsk, Russia

¹demina-23@yandex.ru

²samardakmv@mail.ru

Abstract. The article analyzes the influence of efficient communication on patriotic education of students at institutions of higher education. The authors propose the approach for fostering responsible citizens of the Russian Federation. It is based on using the organizing principles of efficient communication in teaching an academic discipline. Students should have any possibility to develop the skills of carrying on a constructive dialogue with various representatives of Russian society and be able to express their own civic position.

Keywords: higher education, one nation, basic human values, patriotic education, efficient communication

Мир встревожен возросшей вероятностью глобального военного противостояния, чреватого Третьей мировой войной, в которой не исключено применение самого разрушительного оружия. Стрелки часов Судного дня показывают 90 секунд до полуночи [12]. Участие молодого поколения в реальных боевых действиях или жизнь молодежи в стране, существующей в условиях гибридной войны, – это неизбежность. Перед системой образования со всей серьезностью встал вопрос, насколько она эффективна и ответственна перед страной за воспитание надежных защитников того, что им досталось в наследство от всех предыдущих поколений, отстаивавших право для ныне живущих на жизнь и свободу на своей суверенной земле, которую

современная молодежь, в свою очередь, обязана сделать наследием своих детей [11]; насколько образовательный процесс в высшей школе, включающий и обучение, и воспитание, готов вступить со студентами в непростой, глубокий и в то же время очень тактичный диалог, задевающий их личные смыслы и эмоциональные переживания. Готовность к такому диалогу неизбежно затронет понятия Родины, патриотизма, общечеловеческих ценностей, гибридной войны, национальной идентичности как ощущения принадлежности к единому народу своей страны и т.д.

Современные студенты выросли в условиях сильнейшего масштабного идеологического давления в информационном пространстве, в СМИ и

соцсетях, где «боты» и «тролли» очень профессионально воспитывали «человека мира», т.е. индивида, не идентифицирующего себя ни с одной нацией или национальной культурой. Осознанная национальная идентичность является серьезным препятствием для создания единого глобального мира, поэтому массовая поп-культура с помощью Интернета заполонила весь мир – примерно одинаковые увлечения в музыке и кино во всех странах воспитывают этнически свободных людей с приблизительно одними и теми же мнениями.

Истоки этой информационной активности против России можно проследить в Директиве Совета Национальной Безопасности США 20/1 от 18 августа 1948 г. [20]. Рекомендации, изложенные в подобных документах, напрямую подпитывают современную гибридную войну против нашей страны. Этот конфликт без официального объявления войны имеет затяжной характер и способен длительное время создавать мощный мировоззренческий кризис, который влияет на формирование личности взрослого человека. Именно сознание граждан становится оружием в войне идеологий. Эта война смыслов внедряет в сознание молодежи свобододобивый индивидуализм и прагматизм, до которых Россию, по мнению стратегов гибридной войны и ее практических организаторов, ведущих «боевые действия» в головах людей, надо подтянуть. Главной целью в жизни и критерием успешности объявляется исключительно накопление материальных благ и высокий общественный статус [4]. Под маской привития общечеловеческих ценностей из таких индивидуумов, свободных от национальной идентичности, можно быстрее и проще создавать нетерпимую «элитную» общественность, можно увеличивать ряды иноагентов, можно прививать презрение и даже ненависть к своей стране.

Свобода от национальной идентичности воспитывает личность, внимание которой сосредоточено исключительно на собственных желаниях и потребностях, без учета социального эффекта от их удовлетворения. При этом устойчиво проявляется понимание обязанности государства всегда предоставлять все желаемое вне зависимости от полезного вклада самой личности в общественные запросы. Такие люди постоянно пользуются тем, что государство и общество могут предоставить, и при этом обвиняют это же государство в проблемах, в том числе в собственных неудачах. Такое отношение к государству сопровождается непоколебимой уверенностью в собственной правоте в том, что все вокруг должны обеспечивать интересы индивида, а

он не обязан делать то, что нарушает его комфорт. Столкновение собственных взглядов с возможностями общества и государства у таких «граждан» выливается в откровенную нелюбовь к словам «патриотизм», «Родина», в негативное отношение к собственной стране. Такие люди считают Россию слабым и бесперспективным государством, и у них появляется желание навсегда покинуть ее.

Идеологи гибридной войны рассматривают себя как победителей, получающих психологические преимущества для неограниченного влияния на российскую молодежь. Наряду с правом распоряжаться пространством и всеми ресурсами России, они хотят сдвинуть идеологические фильтры в нужном им направлении и получить право определять наше будущее. Российская молодежь, утратившая гордость за свою страну вследствие утраты своей национальной идентичности, должна следовать исключительно западным идеологическим и культурным принципам. Идеологически перестроенные граждане «самостоятельно» выберут удобного победителям президента или свергнут неудобного. Поэтому в XXI в. воспитание у молодежи национальной идентичности становится одной из задач высшей школы, так как национальная идентичность напрямую влияет на сохранение суверенитета России. Если в 1941–1945 гг. независимость страны была завоевана армией, объединявшей представителей всех этносов, населяющих Советский Союз, то в 20-е гг. XXI в. суверенитет страны зависит от информации, которая формирует сознание людей и влияет на уровень патриотизма молодежи, преобладающие общественные настроения.

Национальная идентичность противостоит идеям, ослабляющим государство и приводящим индивида к внутреннему конфликту, а общество к напряжению. Поэтому сегодня так важно уделять профессиональное внимание педагогов умонастроениям студенческой молодежи и формировать у нее ощущение принадлежности к своему народу и патриотическое отношение к России. Одним из средств достижения этих целей являются приемы эффективной коммуникации, которые будут таргетированы на студентов высшей школы в отношении идеологической и национальной культурной базы. Проблеме разработки таких приемов, в зависимости от специфики преподаваемой дисциплины, следует уделять серьезное внимание и стараться соединять содержание обучения с воспитанием. В частности, изучение дисциплины «Иностранный язык» может способствовать воспитанию необходимых зрелых личностных качеств у студентов высшей школы.

Основным инструментом обучения иностранному языку является коммуникация, и задача педагога состоит в том, чтобы сделать ее эффективной и в образовательных, и в воспитательных целях, т.е. развивать личность студента и формировать его мировоззрение. Современная образовательная среда активно использует цифровые технологии, позволяющие работать с аутентичной информацией на иностранном языке. Студент может самостоятельно находить материалы, релевантные тематике содержания обучения, анализировать их, сравнивать различные взгляды, представленные в предъявляемой информации, и выражать свою точку зрения, аргументируя ее сведениями из изученных источников. Задачей педагога является организация такой коммуникации при обсуждении интересующих студента материалов, которая поможет ему разобраться в сути вопроса, сформировать свое собственное мнение и убедительно вербализовать его. Эффективность коммуникации будет зависеть от того, насколько педагог сможет убрать блокирующие коммуникативные барьеры, включающие элементы эмоциональной отстраненности в межличностном пространстве. Субъективными причинами такой отстраненности между педагогами и студентами могут быть социальные и возрастные различия, психологические особенности, несовпадающие точки зрения по обсуждаемой проблеме и даже национальные стандарты поведения. Очень важно не конфликтовать со студентами, не допускать пренебрежительного отношения к их эмоциям, чувствам и переживаниям. Для достижения поставленных воспитательных целей коммуникация педагога и студентов должна демонстрировать уважение к говорящему, понимание причин его точки зрения, эмоций и чувств, т.е. модальность высказывания, интонация, мимика педагога должны работать на создание и поддержание взаимосвязей между ним и студентом.

Основными принципами разработки приемов эффективной коммуникации в воспитательных целях при обучении иностранному языку могут стать принципы партнерства, представления оппозиционных точек зрения для анализа и собственных выводов, свободы выражения собственного мнения на основе предъявляемых аргументов, исторической достоверности интерпретации фактов, уважения общечеловеческих ценностей, понимания разницы в понятиях «нация» и «национальность», разграничения понятий «патриотизм» и «национализм», осознанного патриотизма, основанного на истории, политике, культуре своей страны и многообразии этнических традиций.

Рассмотрим содержание предлагаемых принципов при организации эффективной коммуникации для достижения воспитательных целей и формирования мировоззрения в образовательном процессе при обучении иностранному языку в вузе.

Принцип партнерства основан на понимании педагогом и студентами того, что образовательный процесс должен готовить будущих профессионалов к выстраиванию партнерских отношений с социумом и производственным коллективом, которое создается с помощью эффективной коммуникации, поддерживающей совместную деятельность. Такой образовательный процесс строится на ответственном диалоге педагога и студентов, заинтересованных в достижении заявленных целей и результатов обучения. Партнерская деятельность участников образовательного процесса основывается на добровольном принятии условия о максимальной реализации когнитивных возможностей обеих сторон, на взаимном доверии и уважении. Достижение доверия студентов к педагогу возможно только в том случае, если педагог не «давит» своим опытом, авторитетом, статусом, возможностью повлиять на какие-то аспекты студенческой жизни, а постоянно, но ненавязчиво предлагает помнить о принятии условия о взаимной ответственности за результаты профессиональной подготовки и полезности обществу.

Принцип представления оппозиционных точек зрения для анализа и собственных выводов опирается на общеизвестное высказывание крупнейшего мыслителя XX в. Эриха Фромма о том, что можно что-то выбирать только в том случае, если знаешь достаточно много, чтобы сравнивать [10]. Студенты должны иметь доступ к оппозиционным точкам зрения по обсуждаемым проблемам, анализировать их и стараться найти причины своего несогласия с мнением многих опытных и ответственных экспертов. Часто представители молодежи называют «пропагандой» мнения серьезных аналитиков, но абсолютно не владеют глубиной вопроса и активно ссылаются на поверхностные оценки событий, извлеченные исключительно из соцсетей. Только собственные выводы студент будет считать правильными, поэтому важно, чтобы он проделал глубокий анализ различных первоисточников, а не следовал уже готовым интерпретациям в неофициальных каналах коммуникации без ссылки на достоверные источники. Именно в результате такого анализа он будет владеть серьезными аргументами для подтверждения своего мнения. Используя навыки эффективной коммуникации, педагог и студент могут достойно излагать свои взгляды, не нарушая взаимоотношения участников диалога.

Принцип свободы выражения собственного мнения на основе предъявленных аргументов предполагает уверенность говорящего в том, что никто не будет посягать на его право иметь собственное мнение по обсуждаемой проблеме. Каждый участник эффективной коммуникации имеет право выражать свое мнение, но должен нести за него ответственность. Прежде чем сделать окончательные выводы, студент должен научиться задавать себе вопрос, почему он думает так, а не иначе. Выражая свою точку зрения, он должен предъявить полновесные аргументы из достоверных источников. Он обязан корректно излагать свои взгляды и уметь вести диалог без проявления агрессии. Желание и умение слушать партнера и доносить до него свои убеждения, основанные на предъявляемых аргументах, является признаком владения навыками эффективной коммуникации как средством воспитания граждан своей страны с устойчивыми моральными ценностями, широким кругозором, коммуникабельностью и активностью.

Принцип исторической достоверности интерпретации фактов тесно связан с вышеописанными принципами и предполагает умение работать с первоисточником, а не с интерпретацией в сомнительных СМИ и фейках. Поиск достоверных источников информации, в том числе и на иностранном языке, исторических документов и свидетельств очевидцев, вызывающих доверие у студента, развивает способность самостоятельного аналитического мышления и формирует собственную точку зрения, которая, в свою очередь, ведет к развитию и формированию зрелой личности. На историческую достоверность информации обратил серьезное внимание Президент РФ В.В. Путин на открытом уроке со школьниками «Разговор о важном» в Калининграде в сентябре 2022 г. [6]. Это достаточно убедительный пример эффективной коммуникации представителей разных поколений для формирования гражданской позиции молодых людей и их полезной активности на благо своей страны.

Принцип уважения общечеловеческих ценностей основан на идеях и представлениях людей о справедливой и безопасной жизни. Различные уровни политического и экономического развития общества имеют разные ценностные нормы, так как они связаны с личными ценностями и во многом зависят от изменений в мировоззрении людей, происходящих в результате личных размышлений о том, что может улучшить жизнь. Каждое новое поколение, попадая в новые условия жизни в сфере политики, экономики, культуры и т.п., может менять понимание основных ценностей, относя-

щихся к этим сферам, что при быстром технологическом и экономическом развитии часто приводит к резким различиям в ценностях молодого и старшего поколений [2].

Процесс глобализации сильно повлиял на мировоззрение в разных обществах и привел к сближению определенных ценностей в разных странах вследствие беспрецедентного роста единообразной информации из одних и тех же новостных каналов, СМИ, книг, фильмов, сайтов. При этом, по данным исследований, проведенных World Values Survey в период с 1990 по 2011 г., доминирующими социокультурными ценностями россиян были семья, работа, защита окружающей среды, друзья, свободное время [9]. Но Россия тоже не могла остаться без информационного давления, и тенденции либерализации в понимании семейных ценностей, которые реализуются на практике в Европейском союзе, уже проявляются и в нашей стране. В России столкновение либеральной и традиционной систем ценностей привело к амбивалентности ценностного сознания у значительного числа людей и повлияла на толерантность молодежи к семьям со взглядами child-free, а это вызывает тревогу за демографию страны. В связи с этим Президент РФ подписал закон о запрете ЛГБТ-пропаганды [7]. Но чтобы юридический закон стал моральной нормой молодого человека, старшим наставникам не обойтись без приемов эффективной коммуникации, способной вызывать собственные раздумья и трансформироваться в нужные убеждения.

Принцип понимания разницы в понятиях «нация» и «национальность» основан на понимании важности осознания национальной идентичности, т.е. понятия «нация», «единый народ», для сохранения суверенитета государства, так как национальная идентичность связана с понятием гражданина собственного государства. В России около двухсот национальностей и этносов, объединенных происхождением, а нация, характеризующаяся единством территории, экономической и культурной базы, определяется термином «россияне». Проблема в том, что в территориально огромной современной России, представляющей собой многонациональный союз равноправных народов, этническая идентичность доминирует над национальной, а в соответствии с Конституцией Российской Федерации русские являются государствообразующим народом и русский язык является государственным языком на всей ее территории. Конституция РФ гарантирует всем народам России право на сохранение и изучение родного языка, обучение в школах ведется на 73 языках, вещание

телерадиокомпаний – на 54 языках [3]. При этом идеологию сильной российской нации разделяют не все люди, проживающие в России, создавая не самую надежную часть общества для защиты ее единства и суверенитета. Доминирование понятия «национальность» может приводить к конкуренции этносов, разрушающей единство страны, что чревато неонационалистическими движениями. Следовательно, роль эффективной коммуникации в образовательном процессе высшей школы приобретает решающее значение для воспитания национальной идентичности как средство реализации идеологии единой нации для снятия этнического напряжения.

Принцип разграничения понятий «национализм» и «патриотизм» напрямую соединяется с вышеизложенным принципом понимания разницы в понятиях «нация» и «национальность», а также с понятием национальной идентичности. Следует помнить, что язык формирует сознание, поэтому необходимо обратить внимание студентов на содержание, сходство и различия в понятиях «национализм» и «патриотизм», которые объединяет опора на национальное чувство. Национализм не противоречит патриотизму до тех пор, пока, выражая преданность своему этносу и желание действовать на благо ему, не начинает проявлять неуважение к правам представителей других этнических групп, поэтому очень важно отличать суть этих понятий от ксенофобии, переходящей в шовинизм. Идеологическая основа понятий «национализм» и «патриотизм» содержит преданность своей нации без распространенных ксенофобских стереотипов. Единый многонациональный народ Российской Федерации воспринимает эту идеологическую основу, формируя свое самосознание и готовность защищать суверенитет своей территории, экономических ресурсов, а также свои духовные ценности. Используя приемы эффективной коммуникации, нужно объяснять студентам, почему нельзя позволять ксенофобские высказывания, научить их выбирать выражения, не унижающие представителей других этносов и не вызывающие у них агрессивных эмоций.

Принцип осознанного патриотизма предполагает осознание себя гражданином России, неразрывно связанным с исторической памятью своей страны, со знанием ее культуры и уважительным отношением к многообразию ее проявлений и этнических традиций, с пониманием и поддержкой государственной политики. Организация политической жизни народа зависит от установленной государством системы власти, при этом граждане госу-

дарства являются людьми с определенными жизненными ценностями, которые наполняют их существование смыслом [8]. К таким общечеловеческим ценностям относятся отчий дом, семья, родственники, друзья, гордость за достижения своих предков, ответственность перед потомками, т.е. то, что не является объектом для купли-продажи, что составляет внутренний мир человека и живет в его душе как образ Родины, которую он стремится беречь, а ее защиту воспринимает как свою обязанность и свой патриотический долг [4]. Патриотизм выражается как в общественном сознании граждан своего государства, так и в мировоззрении индивидуальных представителей народа, проживающего на территории своей страны. Осознанный патриотизм становится устойчивой характеристикой человека, который высоко ценит свой народ, его традиции и основополагающие ценности, исторические и культурные памятники и проявляет высокую гражданственность, стремясь укрепить честь и достоинство своей страны, подтвердить лояльность ее политическому строю, внешнеполитическому курсу, готовность поддержать имидж ее вооруженных сил, экономики и информационной политики. Патриотизм противостоит сепаратизму, межэтническим и межконфессиональным конфликтам, демонстрирует уважение к обычаям и культуре других стран, готовность к сотрудничеству с ними. Именно навыки эффективной коммуникации могут помочь сгладить назревающие конфликты и создать условия для сотрудничества.

Люди, согласные с преобладающими общественными настроениями и положительно оценивающие работу правительства, относят себя к числу патриотически настроенных граждан. Британская международная интернет-компания по исследованию рынка и анализу данных YouGov провела международный опрос в 19 странах с целью выявления в них уровня патриотизма [18]. Респонденты отвечали на вопрос, живут ли они «в лучшей стране в мире». По результатам 2022 г. положительные ответы респондентов из США составили только 41 %, т.е. более половины опрошенных оказались не патриотичны. При этом только 32 % опрошенных считают, что США «лучше большинства стран». Респонденты из Великобритании и Дании заняли десятую строчку с 13 % положительных ответов. Их опередили даже Индия и Таиланд. Очень низкие показатели уровня патриотичности у Германии и Франции – 5 %, что, вероятно, связано с количеством беженцев и отсутствием единомыслия в обществе по вопросу толерантности к этому явлению. Видимо, общество не полностью доверяет прави-

тельству в защите своих граждан, и под угрозой не только их безопасность, но и благосостояние. Многие граждане этих стран сами стремятся покинуть их в поисках лучших условий.

Руководствуясь вышеизложенными принципами для организации эффективной коммуникации, кафедра «Иностранные языки» Сибирского государственного университета путей сообщения подготовила и провела со студентами занятия, позволяющие соединить образовательные и воспитательные цели. Студентам были предложены вопросы, предлагающие самостоятельный поиск и изучение информации на русском и английском языках по проблемам современного политического, экономического и социокультурного положения России. Перечень проблем для последующего обсуждения включал источники как с совпадающими, так и с взаимоисключающими взглядами на состояние современной России по упомянутым аспектам. Вопросы были предложены в следующей редакции:

1. Почему президенты РФ и Белоруссии провели открытые уроки в День знаний, 1 сентября 2022 г.?

2. Почему Президент РФ В.В. Путин назвал свою встречу со школьниками «Разговор о важном»?

3. Почему Президент Белорусии А.Г. Лукашенко назвал свой урок истории «Историческая память – дорога в будущее»?

4. Почему искажение истории опасно для всего человечества?

5. Почему люди пришли к военно-политическому, экономическому и информационно-психологическому противостоянию в мире?

6. Почему Россия вынуждена была начать СВО 24 февраля 2022 г. на территории Донецкой и Луганской Народных Республик?

7. Почему в России есть люди с разными взглядами на СВО даже в рамках одной семьи?

8. Почему гражданская война на Украине превратилась в гибридную войну, прокси-войну и может спровоцировать Третью мировую войну?

9. Почему сегодня молодежь должна ответственно делать выбор своего пути?

Студентам были предложены информационные ориентиры на русском и английском языках, что не исключало использование источников, которым они доверяют. Англоязычными источниками являлись СМИ западных стран, включая такие издания, как *The New York Times*, *Politiko* [15], *The Hill*, *The American Conservative*, *The Daily Beast* и т.п. Среди авторов – Президент США Джозеф Байден [14]; полковник (в отставке), старший научный сотрудник *The American Conservative*, бывший советник министра обороны в администрации Трампа, за-

служенный ветеран боевых действий Дуглас Макгрегор [16]; профессор права в юридической школе Суонси Эндрю Теттенборн [19]; директор по большой стратегии в Институте ответственного управления государством имени Куинси Джордж Биб [13], который был директором отдела анализа России в ЦРУ и штатным советником вице-президента Дика Чейни по российским делам; бывший комиссар по образованию штата Колорадо Уильям Молони, который получил докторскую степень в Гарвардском университете [17], и т.п. Студенты слушали на английском языке проповедь британского епископа Ричарда Уильямсона, которую он произнес в Варшаве 15 мая 2022 г. [21].

Информация на русском языке была предложена в виде ссылок на видеоматериалы с участием президентов России и Белоруссии [1; 6], на концерт к 80-летию исполнения Симфонии № 7 Шостаковича 9 августа 2022 г. в Петербурге, на стрелке Васильевского острова [5]. Символично, что симфония прозвучала в исполнении Всероссийского юношеского симфонического оркестра, которым управлял народный артист СССР Юрий Башмет. Кроме классики, студенты слушали современные музыкальные произведения в исполнении группы «Зверобой» («Едут-едут БТРы», слова Елены Заславской); Виталия Аксёнова («Ты забыл, брат»); Александра Розенбаума («Я увидел во дворе стрекозу», стихи О. Русских); Александра Маршала («Вот и май наступил», слова В. Преснякова), которые очень доходчиво передавали трагедию войны. Дополнением к музыке были видеоматериалы с интервью очевидцев, пленных солдат, мирных жителей. Эмоциональные стихи Анны Долгаревой о жестокости военного противостояния помогли осознать реальность угрозы для каждого из нас. Многие студенты впервые увидели картину Василия Васильевича Верещагина «Апофеоз войны», наглядно показывающую неизбежность человеческой трагедии на войне. Этот русский художник сам не раз побывал на войне и мог погибнуть. Глядя на это полотно, студенты осознали, что человек может не успеть прожить свою жизнь, если его страна не будет сильной и суверенной, а сила и суверенитет страны зависят от патриотизма ее граждан.

Предложенная на двух языках информация заставила студентов серьезно и глубоко задуматься о причинах и перспективах конфликтов, о собственной ответственности перед прошлым и будущим поколениями, о месте и роли России в современном мире.

В мероприятии принимали участие пять групп студентов первого и второго курсов. Студенты в

свободной форме выражали свое мнение по предложенным вопросам на русском и английском языках в присутствии преподавателей кафедры и декана своего факультета. Люди разных поколений искали ответы на общие вопросы. Для организаторов мероприятия было важно, что студенты не боялись выражать свои мнения и даже сомнения, серьезно аргументировать свою точку зрения, демонстрировать свою гражданскую позицию перед одноклассниками, деканом, преподавателями. Подавляющее большинство студентов показали зрелое понимание процессов в современном мире, приводили примеры влияния членов семьи на их мировоззрение, поддерживали необходимость такого разговора для поиска ответов на волнующие вопросы. Несколько человек выразили свое недоверие средствам массовой информации, называя их политически ангажированной пропагандой, одна группа попросила отложить это мероприятие на некоторое время, объяснив это своей неготовностью к серьезному разговору. Среди студентов этой группы были граждане других государств.

Методически занятия выстраивались таким образом, чтобы содержательно быть связанными с учебным модулем Education for Personal Development («Роль образования для развития личности»), входящим в рабочую программу дисциплины «Иностранный язык». Преподаватели оценивали навыки эффективной коммуникации, включающие понимание студентами цели беседы, выбор информации для поддержания взаимодействия с участниками беседы и эмоциональной близости с ними,

сохранение межличностного пространства, вежливость без признаков агрессии при отстаивании своей точки зрения, четкую формулировку и выражение своих мыслей, умение выявлять приоритетные ценности для обсуждения, умение общаться на доступном собеседнику уровне языка, использовать убедительные цитаты на английском языке.

В ходе беседы студенты должны были продемонстрировать развитие своих способностей с помощью практических умений и навыков, приобретаемых при изучении модуля Education for Personal Development, а именно умений анализировать, осмысливать, обобщать, делать выводы, выступать в роли критика, систематизировать, предсказывать, предполагать, формулировать и ясно излагать свои мысли.

Все перечисленные навыки эффективной коммуникации коррелировали с вышеприведенными принципами партнерства, представления оппозиционных точек зрения для анализа и собственных выводов, свободы выражения собственного мнения на основе предъявляемых аргументов, уважения общечеловеческих ценностей, разграничения понятий «патриотизм» и «национализм», понимания разницы в понятиях «нация» и «национальность», исторической достоверности интерпретации фактов, осознанного патриотизма.

Таким образом, предлагаемый подход позволяет вырабатывать навыки эффективной коммуникации для объединения целей обучения и воспитания, помогая студентам выбирать свой путь в условиях современных вызовов планетарного масштаба.

Список источников

1. Все самое главное на уроке истории от Лукашенко 1 сентября: что должны были записать дети в конспект [Видеозапись] // Youtube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XJ4FkUZYJCI> (дата обращения: 13.03.2023).
2. Демидова Е.И., Николаев А.Н. Социокультурные ценности как фактор российского политического процесса // Власть. 2016. Т. 24, № 4. С. 14–20.
3. Иванов, Г. Родной или не родной? Как теперь в школах будут учить национальные языки // Аргументы и факты. URL: https://aif.ru/politics/russia/rodnoy_ili_ne_rodnoy_kak_teper_v_shkolah_budut_uchit_nacionalnye_yazyki (дата обращения: 13.03.2023).
4. Иванова С.Ю. Патриотизм как системообразующая социокультурная ценность в постсоветской России // SuperInf.ru : информационные материалы для студентов. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3712 (дата обращения: 13.03.2023).
5. Концерт к 80-летию исполнения Симфонии № 7 Шостаковича прошел в Петербурге // 5-tv.ru. URL: <https://www.5-tv.ru/news/397390/koncert-k80letiu-ispolnenia-simfonii-7-sostakovica-prosel-vpeterburge/> (дата обращения: 13.03.2023).
6. Открытый урок с В.В. Путиным «Разговор о важном» 1 сентября 2022 [Видеозапись] // ВКонтакте. URL: https://vk.com/video-212026411_456240275?ysclid=laj86nj7ic58014981 (дата обращения: 13.03.2023).
7. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон : [принят Гос. Думой 24 нояб. 2022 г. : одобр. Советом Федерации 30 ноября 2022 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212050020> (дата обращения: 13.03.2023).
8. Стаджи Д. Как белорусы разделяют понятия Родины, страны и государства // OFFICE LIFE. 2019. URL: <https://officelife.media/article/people/11791-belarusians-share-their-homeland-country-and-state/> (дата обращения: 13.03.2023).
9. Фомичёва Т.В. Социокультурные ценности россиян: динамика развития (На основе данных исследований Word Values Survey) // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Т. 16, № 2. С. 83–89.
10. Фромм Э. Здоровое общество / пер. с англ. Т. Банкетово́й, С. Карпушиной. Москва : АСТ, 2019. 525 с.

11. Яркова Т.А. Проблемы патриотического воспитания современной молодежи // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2016. № 4 (24). С. 62–65.
12. A time of unprecedented danger: It is 90 seconds to midnight : 2023 Doomsday Clock Announcement // Bulletin of the Atomic Scientists. 2023. URL: <https://thebulletin.org/doomsday-clock/> (accessed: 13.03.2023).
13. Beebe G. Our narrowing options in Ukraine // The Hill. 2022. 9 April. URL: <https://thehill.com/opinion/national-security/3622828-our-narrowing-options-in-ukraine/> (accessed: 13.03.2023).
14. Biden J. R. Jr.: What America Will and Will Not Do in Ukraine // The New York Times. 2022. 31 May. URL: <https://www.nytimes.com/2022/05/31/opinion/biden-ukraine-strategy.html> (accessed: 13.03.2023).
15. Leali G. Stoltenberg says war in Ukraine could last for years // POLITICO. – 2022. 19 June. URL: <https://www.politico.eu/article/stoltenberg-more-modern-weapons-could-free-donbas/> (accessed: 13.03.2023).
16. Macgregor, D. Washington Is Running on Empty / Douglas Macgregor // The American Conservative. 2022. 25 September. URL: <https://www.theamericanconservative.com/washington-is-running-on-empty/> (accessed: 13.03.2023).
17. Moloney W. The Ukraine war response is fast becoming Biden's second blunder // The Hill. 2022. 22 June. URL: <https://thehill.com/opinion/international/3530178-the-ukraine-war-response-is-fast-becoming-bidens-second-blunder/> (accessed: 13.03.2023).
18. Most Patriotic Countries 2023 // World Population Review. 2023. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/most-patriotic-countries> (accessed: 13.03.2023).
19. Tettenborn A. The EU's solidarity for Ukraine is a sham // The Spectator. – 2022. URL: <https://www.spectator.co.uk/article/the-eu-s-solidarity-for-ukraine-is-a-sham> (accessed: 13.03.2023).
20. U.S. Objectives with Respect to Russia // Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945–1950. NSC 20/1 / eds. Thomas H. Etzold and John Lewis Gaddis. P. 173–203. URL: http://www.sakva.ru/Nick/NSC_20_1.html (accessed: 13.03.2023).
21. Williamson Bishop Full speech in english 15th may 2022. URL: https://vk.com/video2555210_456239336?ysclid=lec7wiujcn845327822 (accessed: 13.03.2023).

References

1. Vse samoe glavnoe na uroke istorii ot Lukashenko 1 sentjabrja: chto dolzhny byli zapisat' deti v konspekt [Videozapis'] // Youtube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XJ4FkUZYJCI> (data obrashhenija: 13.03.2023).
2. Demidova E.I., Nikolaev A.N. Sociokul'turnye cennosti kak faktor rossijskogo politicheskogo processa [Sociocultural values as a factor of the Russian Political process] // Vlast' [Power]. 2016. T. 24. №4. S. 14–20.
3. Ivanov G. Rodnoj ili ne rodnoj? Kak teper' v shkolah budut uchit' nacional'nye jazyki [Native or not native? How will national languages be taught in schools now] // Argumenty i fakty [Arguments and facts]. URL: https://aif.ru/politics/russia/rodnoj_ili_ne_rodnoj_kak_teper_v_shkolah_budut_uchit_nacionalnye_jazyki (data obrashhenija: 13.03.2023).
4. Ivanova S.Ju. Patriotizm kak sistemoobrazujushhaja sociokul'turnaja cennost' v postsovetsoj Rossii [Patriotism as a system-forming Socio-cultural value in Post-Soviet Russia] // SuperInf.ru : informacionnye materialy dlja studentov. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3712 (data obrashhenija: 13.03.2023).
5. Koncert k 80-letiju ispolnenija Simfonii №7 Shostakovicha proshel v Peterburge [The concert dedicated to the 80th anniversary of the performance of Shostakovich's Symphony No. 7 was held in St. Petersburg] // 5-tv.ru. URL: <https://www.5-tv.ru/news/397390/koncert-k80letiju-ispolnenija-simfonii-7-sostakovica-prosel-vpeterburge/> (data obrashhenija: 13.03.2023).
6. Otkrytyj urok s V.V. Putinyom «Razgovor o vazhnom» (polnoe video) 1 sentjabrja 2022 [Videozapis'] // VKontakte. URL: https://vk.com/video-212026411_456240275?ysclid=laj86nj7ic58014981 (data obrashhenija: 13.03.2023).
7. Rossijskaja Federacija. Zakony. O vnesenii izmenenij v Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarushenijah : feder. zakon : [prinjat Gos. Dumoj 24 nojab. 2022 g. : odobr. Sovetom Federacii 30 nojabrja 2022 g.] // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212050020> (data obrashhenija: 13.03.2023).
8. Stadzhi D. Kak belorusy razdeljajut ponjatija Rodiny, strany i gosudarstva [How Belarusians share the concepts of Homeland, country and state] // OFFICE LIFE. 2019. URL: <https://offi#celife.media/article/people/11791-belarusians-share-their-homeland-country-and-state/> (data obrashhenija: 13.03.2023).
9. Fomichjova T.V. Sociokul'turnye cennosti rossijan: dinamika razvitija (Na osnove dannyh issledovanij Word Values Survey) [Sociocultural values of Russians: dynamics of development (Based on data from the World Values Survey)] // Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii [The standard of living of the population of the regions of Russia]. 2020. T. 16, №2. S. 83–89.
10. Fromm Je. Zdorovoe obshhestvo [A healthy society] / per. s angl. T. Banketovoj, S. Karpushinoj. Moskva : AST, 2019. 525 s.
11. Jarkova T.A. Problemy patrioticheskogo vospitanija sovremennoj molodezhi [Problems of patriotic education of modern youth] // Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom [Professional education in Russia and abroad]. 2016. №4 (24). S. 62–65.
12. A time of unprecedented danger: It is 90 seconds to midnight : 2023 Doomsday Clock Announcement // Bulletin of the Atomic Scientists. 2023. URL: <https://thebulletin.org/doomsday-clock/> (accessed: 13.03.2023).
13. Beebe G. Our narrowing options in Ukraine // The Hill. 2022. 9 April. URL: <https://thehill.com/opinion/national-security/3622828-our-narrowing-options-in-ukraine/> (accessed: 13.03.2023).
14. Biden J. R. Jr.: What America Will and Will Not Do in Ukraine // The New York Times. 2022. 31 May. URL: <https://www.nytimes.com/2022/05/31/opinion/biden-ukraine-strategy.html> (accessed: 13.03.2023).
15. Leali G. Stoltenberg says war in Ukraine could last for years // POLITICO. – 2022. 19 June. URL: <https://www.politico.eu/article/stoltenberg-more-modern-weapons-could-free-donbas/> (accessed: 13.03.2023).

16. Macgregor, D. Washington Is Running on Empty / Douglas Macgregor // The American Conservative. 2022. 25 September. URL: <https://www.theamericanconservative.com/washington-is-running-on-empty/> (accessed: 13.03.2023).
17. Moloney W. The Ukraine war response is fast becoming Biden's second blunder // The Hill. 2022. 22 June. URL: <https://thehill.com/opinion/international/3530178-the-ukraine-war-response-is-fast-becoming-bidens-second-blunder/> (accessed: 13.03.2023).
18. Most Patriotic Countries 2023 // World Population Review. 2023. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/most-patriotic-countries> (accessed: 13.03.2023).
19. Tettenborn A. The EU's solidarity for Ukraine is a sham // The Spectator. – 2022. URL: <https://www.spectator.co.uk/article/the-eu-s-solidarity-for-ukraine-is-a-sham> (accessed: 13.03.2023).
20. U.S. Objectives with Respect to Russia // Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945–1950. NSC 20/1 / eds. Thomas H. Etzold and John Lewis Gaddis. P. 173–203. URL: http://www.sakva.ru/Nick/NSC_20_1.html (accessed: 13.03.2023).
21. Williamson Bishop Full speech in english 15th may 2022. URL: https://vk.com/video2555210_456239336?ysclid=lec7wiujcn845327822 (accessed: 13.03.2023).

Информация об авторах

О.А. Дёмина – кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Иностранные языки»;
М.В. Самардак – кандидат педагогических наук, доцент, проректор по молодежной политике и воспитательной деятельности.

Information about the authors

O.A. Dyomina – PhD in Pedagogy, assistant Professor at Foreign Languages Department;
M.V. Samardak – PhD in Pedagogy, vice-Rector for Youth Policy and Educational Process.

Статья поступила в редакцию 07.02.2023; одобрена после рецензирования 24.02.2023; принята к публикации 24.03.2023.
The article was submitted 07.02.2023; approved after reviewing 24.02.2023; accepted for publication 24.03.2023.

Научная статья
УДК 378.147-057.876
doi:10.31079/1992-2868-2023-20-2-140-151

ЭТАПЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СТУДЕНТОВ-БАКАЛАВРОВ

Ирина Анатольевна Гареева^{1✉}, Анна Владимировна Ковалева², Антон Евгеньевич Кан³

^{1, 2, 3}Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

¹003991@pnu.edu.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-3764-7073>

²001250@pnu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2802-6996>

³2019102143@pnu.edu.ru

Аннотация. В статье анализируется процесс профессионализации студентов-бакалавров. Теоретическая часть работы посвящена изучению профессионального самоопределения, профессионального становления и профессионального трудоустройства молодёжи как этапов профессионального развития студентов. Теория профессионализации объясняет начальную ступень профессионального развития. В эмпирической части представлены результаты проведённого анкетного опроса среди студентов-бакалавров вузов. По результатам проведенного исследования сделан вывод, что из всех этапов профессионального развития наиболее нестабилен этап профессионального трудоустройства.

Ключевые слова: профессиональное развитие, профессионализация, самоопределение, становление, трудоустройство, студенты, бакалавры, компетенции, карьера

Original article

STAGES OF PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF BACHELOR STUDENTS

Irina A. Gareeva^{1✉}, Anna V. Kovaleva², Anton E. Kan³

^{1, 2, 3}Pacific National University, Khabarovsk, Russia

¹003991@pnu.edu.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-3764-7073>

²001250@pnu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2802-6996>

³2019102143@pnu.edu.ru

Abstract. The article analyzes the process of professionalization of bachelor students. The theoretical part of the work is devoted to the study of professional self-determination, professional formation and professional employment of the youth that are considered as the students of stages of professional development of students. Given the Russian realities and the modern structure of the highest educational system, The theory of professionalization covers the undergraduate – the initial stage of professional development. The empirical part presents the results of a questionnaire survey among university bachelors. Based on the results of the study, it was concluded that the stage of professional employment is the most unstable of all the stages of professional development.

Keywords: professional development, professionalization, self-determination, formation, employment, students, bachelors, competence, career

Проблема выбора жизненного пути особенно остро стоит для молодёжи, поскольку указанная социально-возрастная группа является «мостом» между детством и зрелостью – периодом, в котором формируются важнейшие характеристики личности человека, его материальное и духовное развитие. В современных реалиях выбор жизненного пути для молодёжи во многом обуславливается выбором профессии, и часто между двумя этими проблемами ставится знак равенства.

Согласно словарю Ушакова профессия – это род, характер трудовой деятельности, служащий источником существования [11]. Опираясь на данную

формулировку, можно утверждать, что выбор профессии в дальнейшем предопределяет всю жизнь человека, потому что главной целью любой профессиональной деятельности является доход – получение вознаграждения за труд, а это, в свою очередь, предопределяет благосостояние и возможность удовлетворения всех видов потребностей. Данное утверждение актуализирует проблему получения профессии для молодёжи и ставит вопросы их профессионального самоопределения, профессионального становления и профессионального трудоустройства, ведь от правильного старта зависит дальнейшее продвижение по карьерной лестнице,

скорость достижения жизненного успеха, содержание профессиональной и личной жизни человека.

Все доводы представляют собой основное положение выдвинутой нами гипотезы о профессиональном развитии человека. В частности, мы рассматриваем профессионализацию как компонент развития личности человека и общества в целом с обязательными этапами её прохождения – профессиональным самоопределением, профессиональным становлением и профессиональным трудоустройством. Необходимо уточнить, что профессионализация – это процесс профессионального становления, раскрывающий самореализацию и самосуществление в своей будущей профессии в познавательной, учебно-профессиональной деятельности, то, насколько личность движется в развитии, в науке. Профессионализацию можно охарактеризовать как процесс, который начинается с профориентации, развивается за счёт профессионального становления личности, которое возможно проанализировать при реализации определённой профессиональной подготовки непосредственно в высшем учебном заведении [10]. Таким образом, отправной точкой профессионализации является высшее учебное заведение (далее – вуз), поскольку базой профессии всегда выступает высшее научное знание, т.е. высшее образование. Но суть данной исследовательской работы не в доказательстве этого бесспорного факта, а в уточнении факторов, которые влияют на профессиональное развитие студентов, и определении, насколько качественно протекает профессионализация в студенческой среде вузов.

Современный университет – это не только место, где человек обучается по определённому направлению подготовки с целью приобретения специализированной профессии, так называемой специальности, но и платформа для разностороннего развития. Первый постулат можно объяснить при помощи структурного функционализма, который рассматривает общество как единую социальную систему, состоящую из элементов, связанных тесным взаимодействием, которые выполняют определённые функции как в отношении обществ, так и отдельных его подсистем [5]. Здесь профессия – это элемент общества, механизм экономики, неотъемлемая часть государственной системы. Разработанный в конце XIX – начале XX в. структурный функционализм отлично регламентировал устройство индустриальных обществ, где даже университет являлся «фабрикой по производству кадров высших специальностей». Современный этап развития общества характеризуется автоматизацией и компьютеризацией производства, внед-

рением новых технических средств и технологий, заменой монопрофессионализма на полипрофессионализм. Это приводит к тому, что профессиональный и деловой мир нуждается в специалистах, способных успешно и эффективно находить и реализовывать себя, планировать и строить свою карьеру в динамично изменяющихся социально-экономических условиях. Сложившаяся ситуация влияет и на функционирование учебных заведений, в том числе и вузов, которые превратились в научно-гуманистические центры для возвращения всесторонне развитых и мобильных специалистов, и это есть второй постулат.

Первый и второй постулаты выдвинутой нами гипотезы-концепции «взаимодействуют» и «конфликтуют». При «взаимодействии» человек поступает на одну специальность и при этом получает комплекс знаний и умений, которые могут пригодиться не только в профессиональной жизни, но и в различных сферах жизнедеятельности. При «конфликте» молодой человек поступает на специальность, по которой он никогда не будет работать, потому что не считает данную профессиональную деятельность приоритетной и востребованной для себя и общества. Молодые люди при поступлении в вуз часто выбирают направления подготовки, которые в будущем обеспечат их малооплачиваемой профессией, либо профессией, не соответствующей их внутренним желаниям и потребностям, либо сложной профессией, однако в данном случае они рассматривают университет как место реализации иных своих целей и возможностей. В связи с изложенным возникают следующие вопросы: «Почему выпускники вузов не идут работать по специальности?», «В чём причина невостребованности некоторых профессий?», «С какой целью выпускники школ поступают в университет?», «Успешно ли протекает профессионализация студентов вузов сегодня?» и «Что такое современный университет?». Эти вопросы можно объединить в категорию «проблема профессионального приоритета», и выдвинутая нами гипотеза позволит рассмотреть данный феномен подробно – теоретически и эмпирически.

Теоретическая часть исследовательской работы посвящена изучению профессионального самоопределения, профессионального становления и профессионального трудоустройства молодёжи. Учитывая российские реалии и современное устройство высшей образовательной системы, а именно Болонской системы образования, теория профессионализации будет охватывать бакалавриат – начальную ступень образования профессионального развития.

Профессиональное самоопределение является проблемой для современной молодежи, поскольку динамика рынка труда, особенности профессиональной деятельности, высокий уровень конкуренции между желающими получить хорошую высокооплачиваемую работу требуют от молодых людей свободно и быстро ориентироваться в профессиональном мире, сопоставлять свои возможности и качества с требованиями выбранной профессии. Современная молодежь находится в ситуации сложного выбора, и это влечёт за собой кризисные явления в процессе самоидентификации молодого поколения, а также сложности в профессиональном самоопределении.

Чтобы наиболее полно раскрыть понятие и особенности профессионального самоопределения, необходимо первым делом рассмотреть более широкую по содержанию категорию – самоопределение.

Самоопределение – это процесс и результат выбора личностью своей позиции, целей и средств самоосуществления в конкретных обстоятельствах жизни [6]. Выбор занимает центральное место в процессе самоопределения, таким образом, проблема самоопределения – это проблема выбора. Проблема же профессионального самоопределения – это проблема выбора профессии.

Однако профессиональное самоопределение нельзя подвести только к выбору будущей профессии. Так, Н.С. Пряжников пишет, что сутью профессионального самоопределения считается самостоятельное и осознанное нахождение смыслов выбираемой или уже выполняемой работы и всей жизнедеятельности в конкретной культурно-исторической или социально-экономической ситуации, а также нахождение смысла в самом процессе самоопределения [12].

Американский психолог Д. Сьюпер в своей теории профессионального развития рассматривает определение профессии (профессиональное самоопределение) как важный этап для личности, а процесс построения карьеры – как постоянно чередующиеся выборы. Выбор профессии является лишь одной из фаз профессионального развития личности. Главной составляющей его теории является «Я-концепция» личности, в которой по мере взросления происходят различные изменения. По мнению Д. Сьюпера, в зависимости от времени и опыта изменяются как объективные, так и субъективные условия профессионального развития, это объясняет множественный профессиональный выбор. Д. Сьюпер в своих работах выносит следующий тезис: важность факторов реальности как де-

терминант профессионального выбора возрастает по мере того, как индивид становится старше. Д. Сьюпер говорит, что на различных этапах своего развития личность выбирает профессию разными путями. Например, когда человек в первый раз выбирает свою будущую профессию, он имеет больше вариантов выбора, чем индивид, который уже получил определённое профессиональное образование и ограничен его рамками. Разные возможности в выборе профессии также могут быть вызваны семейным положением. Человек, у которого есть ребенок, ограничен рядом факторов в материальном и временном выборе. Отличается он и у людей из разных социальных слоёв. Особое внимание Д. Сьюпер уделил такому понятию, как профессиональная зрелость, которая определяется тем, как человек учитывает уникальность своей ситуации выбора профессиональной деятельности [3].

Экстраполируя теорию профессионального развития на профессиональное самоопределение абитуриентов (будущих студентов-бакалавров), можно сделать вывод, что выбор профессии обусловлен рядом факторов. А.И. Зеличенко и А.Г. Шмелёв выделили систему внешних и внутренних мотивационных факторов труда, которые позволяют не только проанализировать определённую профессиональную деятельность, но и выделить основные мотивы выбора той или иной профессии.

Под внешними факторами авторы понимают:

а) давление. Учитываются рекомендации, советы, указания со стороны других людей, а также большое значение имеют примеры героев кино, сериалов, литературных персонажей. Человек опирается на то, что он увидел и услышал когда-то ранее. Неизбежность того или иного выбора связана со сложившейся жизненной ситуацией, например, необходимостью нести службу в армии, материальным положением семьи и т.п., а также такими индивидуальными объективными обстоятельствами, как состояние здоровья, способности и возможности человека;

б) притяжение-отталкивание. Человек учитывает примеры среди его непосредственного окружения, опыт незнакомых ему людей. При этом важен учёт моды на профессию, предрассудки и престиж выбранной деятельности;

в) инерцию. Существующие стереотипы играют большую роль. Очень важным является наличие привычной деятельности, которая могла возникнуть под воздействием увлечений, школы, университета.

Под внутренними мотивационными факторами авторы рассматривают:

а) собственные мотивы выбора профессии. Человек рассматривает привлекательность процесса и предмета труда, изучает, однообразна ли данная деятельность или нет. Он ищет работу, наиболее соответствующую его внутренним потребностям и чертам характера. Также для него важны результаты труда;

б) условия труда: график работы, близость или отдалённость нахождения работы, физические условия, организационные условия (степень самостоятельности), сложность или лёгкость приобретения специального образования;

в) возможности для реализации непрофессиональных целей. Например, наличие деятельности, способствующей личностному развитию, сохранению физического и психического здоровья, создание условий для материального благополучия, а также для отдыха и развлечения [8].

Влияние факторов способствует более осознанному выбору и пониманию всей сложности и ответственности при выборе будущего места работы для абитуриентов.

Таким образом, профессиональное самоопределение человека может быть объяснено в узком смысле как выбор профессии, а в более широком – как профессиональный путь становления личности, которая развивает свои способности и умения на протяжении всей своей жизни. Последнее осуществляется на основе профессионального выбора, зависящего от факторов и условий протекания жизнедеятельности человека. Исходя из вышесказанного профессиональное самоопределение представляется первоначальным базисом профессионализации.

Профессиональное становление человека в условиях вузовской подготовки рассматривается как важный этап профессиональной социализации личности студента, характеризующийся, прежде всего, принятием профессиональных установок и требований. Соответственно, профессией можно овладеть только в индивидуально-личностном порядке. Чаще всего становление характеризуется в неразрывной связи с развитием или формированием, сочетая или даже подменяя эти термины друг другом, особенно если речь идёт о становлении и развитии личности. Так, сущность категории «профессиональное становление» может быть выявлена в сравнении с категориями «развитие» и «формирование».

Развитие личности – это совокупность процессов качественного изменения психологической целостности человека, совершенствования его функциональной готовности, формирования операционных систем, психических особенностей, которые обеспечивают личности возможность относительно

успешно решать свои жизненные проблемы. В процессе развития личности происходит и становление её целостности. Развитие личности профессионала происходит путём качественных изменений, ведущих к новому уровню её целостности. Оно предполагает изменение сущностных сил личности, преобразование сложившихся установок, ориентации, мотивов поведения под влиянием меняющихся общественных отношений.

Личность, развиваясь, формируется, принимает определённую форму. Эта форма представляет собой целостную систему социальных свойств, которая позволяет человеку функционировать не только в коллективной, но и в индивидуальной форме в общественной жизни. Под формированием обычно понимают совокупность приёмов и способов социального воздействия на индивида, целью которых является создание у него системы определённых отношений, ценностных ориентаций, убеждений, воспитание профессионально значимых качеств. Прогнозируя себя в будущем, личность сама себя формирует. Таким образом, формирование личности – процесс становления социально значимых качеств личности, её убеждений, взглядов, способностей. По мере становления личности растёт целостность её психологической организации, накапливается новый потенциал развития [7].

Профессиональное становление – это этап профессиональной социализации. Процесс социализации человека проходит через всю его жизнь. Однако наиболее важным в этом процессе выступает период обучения в вузе, когда молодому человеку предоставляются возможности реализации себя в разнообразных направлениях деятельности (обучение, наука, творчество, волонтерство и др.), где можно раскрыть свои потенциальные возможности, открыть в себе новые способности и задатки, которые в будущем могут пригодиться для профессионального и личностного роста. Через социализацию (в том числе социальную активность) индивид (студент) может не только освоить нормы и правила общества, существующие в нём и характеризующие этот социум, но и преобразовывать его, изменять и совершенствовать [1].

Профессиональное становление с учётом всех социологических и психологических факторов имеет профессиональную основу, которая опирается на компетентностный подход.

Компетентностный подход – это комплекс единых основ установления целей образования, отбора содержания образования, организации образовательного процесса, а также оценки образовательных итогов [2]. Таким образом, компетенция –

это всегда образование (набор знаний и навыков), и наоборот.

Подход к обучению, основанному на компетенциях, позволяет учащимся продвигаться вперёд в зависимости от их способности овладевать знаниями и навыками в своём собственном темпе независимо от окружающей среды. Этот метод разработан с учётом различных способностей к обучению у студентов и может привести к более эффективным результатам. Внедрение компетентностного подхода в концепцию высшего профессионального образования ориентировано на усовершенствование взаимодействия с рынком труда, увеличение конкурентоспособности будущих специалистов, развитие содержания, методологии, а также соответствующей сферы обучения. Главная задача – подготовка профиля конкурентоспособного на рынке труда специалиста, легко владеющего собственной профессией, ориентирующегося в смежных сферах деятельности, готового к непрерывному профессиональному росту, социальной, а также профессиональной мобильности. Получение профессионального образования – это организация квалифицированного специалиста надлежащей степени.

Таким образом, профессиональное становление – это длительный целостный процесс развития личности, динамично разворачивающийся во времени: от формирования профессиональных намерений до полной профессиональной социализации и реализации себя в деятельности посредством усвоения определённых компетенций. Центральным звеном этого процесса является профессиональное самоопределение, поэтому профессиональное становление будет вторичным, являясь вторым базисом профессионализации.

Нами не было найдено определение понятия «профессиональное трудоустройство», потому что данный термин официально отсутствует в научно-экономической литературе. Однако он нам представляется одним из основных звеньев профессионализации – связующим и подытоживающим. Поэтому стоит разобрать данный термин на составные части: «профессиональное» и «трудоустройство».

Учёные Дж. Хилладж и Е. Поллард рассматривают трудоустройство как возможность двигаться самостоятельно на рынке труда для того, чтобы реализовать собственный потенциал через стабильную занятость. По мнению авторов, понятие «трудоустройство» включает:

- личные активы – знания, навыки, установки;
- применение – управление карьерным ростом, включая навыки поиска работы;

- представление – навыки получать работу, например, умение составлять резюме, написание мотивационного письма, прохождение собеседований;

- личные обстоятельства и внешние факторы – семейные связи, благоприятные условия на рынке труда [9].

Перечисленные элементы трудоустройства являются фундаментом и результатом постоянного и непрерывного процесса профессионального самоопределения и профессионального становления. Например, полученные в университете студентом-бакалавром знания приумножаются на работе по специальности, что является трудовым опытом, который востребован при поиске работы или карьерном продвижении. Востребованное трудоустройство представляется набором достижений (навыки, интеллект, личные качества), позволяющих выпускнику вуза быть успешным профессионально.

Особую роль в профессиональной деятельности играет карьера как процесс сознательного осуществления «профессионального и должностного продвижения», что способствует получению человеком определённого статуса, который гарантирует профессиональное самоутверждение.

Русский и американский социолог П. Сорокин, описывая карьеру с точки зрения индивидуальной социально-трудовой мобильности, представляет её в виде «социального дома», жители которого перемещаются с одного «социального этажа» на другой посредством «лестницы» и «лифтов» социальной мобильности. При этом «дом» представляет собой совокупность возможных деловых карьер различного уровня и масштабов, различной направленности, которые образуют «этажи» и «блоки». Вертикальная карьера – это движение человека между этажами, а горизонтальная карьера – это движение между блоками. Кроме того, П. Сорокин выделил основные каналы («лифты», «лестницы») социальной мобильности. Под последними понимают социальные институты, которые являются каналами социальной циркуляции, т.е. служат перемещению индивидов из одного социального слоя в другой, с менее престижного рабочего места на более престижное [4].

Таким образом, карьера – это индивидуальный жизненный проект в сфере трудоустройства, а в обобщённом понимании – деловая составляющая биографии личности.

Всё вышесказанное подтвердило профессиональную составляющую трудоустройства студентов-бакалавров, поскольку высшее профессиональное образование нацелено на успешное обу-

чение студентов с целью построения ими карьеры в собственной профессии.

Таким образом, профессиональное трудоустройство – это карьерная идентичность, адаптивность личности, социальный и культурный капитал.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что профессионализация личности студента-бакалавра включает три фазы – профессиональное самоопределение, профессиональное становление, профессиональное трудоустройство. Это образует систему профессионализации и обуславливает этапы профессионального развития студентов-бакалавров.

Первый этап: профессиональное самоопределение включает в себя такие категории, как цель и задачи, мотивы и стимулы, ориентиры и желания, потребности и интересы, возможности и условия. Ключевым понятием в профессиональном самоопределении является выбор.

Второй этап: профессиональное становление включает в себя такие категории, как развитие, формирование, социализация и компетенции. Ключевым понятием в профессиональном становлении является обучение.

Третий этап: профессиональное трудоустройство включает в себя такие категории, как достижения, опыт, навыки, умения, знания, квалификация, карьера, мобильность и адаптивность. Ключевым понятием в профессиональном трудоустройстве является реализация.

Для изучения профессионального развития студенческой молодежи нами в декабре 2022 – январе 2023 г. было проведено пилотное исследование. Объект исследования – студенты очной формы обучения по направлению подготовки бакалавриата ДВГУПС, ТОГУ и ДВИУ РАНХиГС г. Хабаровска. Предмет исследования – профессиональное развитие студентов-бакалавров. Цель исследования – изучение этапов профессионального развития студентов-бакалавров. В качестве метода исследования использовалось анкетирование (гугл-форма). Ссылки на гугл-формы через социальные сети отправляли в студенческие группы и преподавателям.

В анкетировании приняли участие 82 студента. Наиболее активны в опросе были девушки – 62 человека. Возраст участников опроса распределился следующим образом: 17 лет – 6 респондентов, 18 лет – 37 респондентов, 19 лет – 16 респондентов, 20 лет – 8 респондентов, 21 год – 12 респондентов, 22 года – 2 респондента, 24 года – 1 респондент. Возраст респондентов и данные опроса продемонстрировали, что в опросе участвовали 53 респондента, обучающиеся на первом курсе, 12 респондентов, обучающихся на втором курсе, 7 респон-

дентов, обучающихся на третьем курсе, 10 респондентов, обучающихся на четвертом курсе. Большая часть наших респондентов проживает в городе – 52, в сельской местности и посёлках городского типа – 30. На вопрос: «В месте Вашего проживания есть вуз?» – 40 респондентов ответили «да», 42 респондента ответили «нет». Иногородними являются 54 респондента, а 28 респондентов – жители Хабаровска. Для многих респондентов (60) оказалось возможным обучение за счёт бюджета, 22 респондента обучаются платно. Учитывая, что большая часть респондентов – это иногородние студенты, обучающиеся на первом и втором курсе, материальную помощь и поддержку им оказывают родители (66), на стипендию живут 51 респондент, 19 респондентов работают, 14 респондентов получают государственные социальные выплаты, 1 респондент указал, что получает материальную помощь, но источник этой помощи не указал (на этот вопрос допускался выбор более трёх предложенных ответов). В период обучения 43 студента проживают в общежитии, 10 респондентов проживают в съёмном жилье, 26 респондентов живут с родителями, 3 респондента имеют собственное жильё. Полученные социометрические данные позволили идентифицировать респондентов как студентов-бакалавров с соответствующими особенностями.

Далее анкету мы разделили на три блока, которые позволили нам выяснить, что понимают наши респонденты под профессиональным самоопределением, профессиональным становлением, профессиональным трудоустройством.

Вопрос о профессиональном самоопределении открытый. На этот вопрос нами был получен 81 ответ, только один респондент в ответе на этот вопрос поставил прочерк. Мы выбрали наиболее содержательные ответы:

– *«поиск своего места, своей профессии, которая будет подходить мне лично и в которую у меня будет желание вкладывать силы для развития не только себя самого, но и моего рабочего окружения, компании»;*

– *«профессиональное самоопределение – это определение своего места работы, та профессия, которую действительно хочешь приобрести»;*

– *«когда человек находит себя и понимает, чем хочет заниматься в жизни, кем работать, чтобы работа приносила не только доход, но и моральное удовлетворение»;*

– *«процесс формирования личностью своего отношения к профессиональной деятельности и способ его реализации через согласование личностных и социально-профессиональных потребностей»;*

– «профессия, которую человек выбирает как основу своей жизни»;

– «освоение общеобразовательных дисциплин и появление в соответствии с учебным планом дисциплин с профессиональным уклоном у студентов первого-второго курса заставляет их задуматься о правильном выборе будущей профессии»;

– «это процесс и результат выбора личностью своей позиции, целей и средств самоосуществления в конкретных обстоятельствах жизни»;

– «определение человеком того места работы, ради которого он не пожалеет сил, времени и денег для дальнейшего развития в выбранной сфере трудовой деятельности»;

– «выбор дела всей жизни. Когда человек понял, в какой профессии/деятельности он хочет развиваться профессионально»;

– «когда человек ввиду своих навыков и желаний развития в дальнейшем находит себя в профессиональной деятельности»;

– «это когда человек может определить свою принадлежность к определённой профессии»;

– «это форма личностного выбора, отражающая процесс поиска, а также приобретения профессии»;

– «мой выбор специальности, профессии, я сама определяю для себя сферу деятельности»;

– «сложный и комплексный процесс, связанный с формированием у личности определенных компетенций, социального, "профессионального" опыта, а также отношения к "себе" как к будущему субъекту профессиональной деятельности в социуме в целом»;

– «определился с профессией, найти свою специализацию, выбрать своё будущее, которое будет основываться на данной специальности».

Во многих ответах присутствуют слова «выбор», «поиск», «процесс» и редко используется «самоопределение». Практически во всех ответах респондентов присутствует понимание важности профессионального самоопределения как выбора на всю жизнь и личной ответственности за принятое решение.

На вопрос: «Считаете ли Вы, что профессия играет главную роль в жизни человека?» – 40 респондентов ответили утвердительно, 26 респондентов ответили «нет», а 16 респондентов затруднились дать ответ. Сопоставляя ответы на предыдущий вопрос и вопрос о значимости профессии в жизни человека, мы пришли к следующему мнению: студенты имеют представление, что такое профессиональное самоопределение, отмечают значимость своего выбора, однако 40 респондентов

считают, что профессия очень важна в жизненном выборе, а 42 респондента считают, что есть более важные вещи в их жизни помимо профессии и деятельности, с ней связанной.

Поступая в вуз, абитуриенты в соответствии с образовательной программой выбирают направление подготовки. Сайты вузов и сотрудники приёмных комиссий предоставляют полную информацию об образовательной программе и о получаемой студентом по окончании обучения квалификации. Но на вопрос: «Вы уже определились с профессией?» – 27 респондентов ответили утвердительно, а 55 респондентов не определились или затрудняются в определении. И это подтвердили ответы на вопрос: «Будете ли работать по выбранной специальности?». Только 26 респондентов ответили утвердительно, 56 респондентов ответили «нет» или сомневаются. Можно предположить, что у студентов, которые не определились или находятся в затруднительном положении по определению своей будущей профессиональной деятельности, отсутствует профессиональный приоритет и они не намерены после окончания обучения работать в соответствии с полученной квалификацией.

На вопрос: «К какому типу профессии относится выбранная Вами специальность?» – ответы распределились следующим образом: 60 респондентов выбрали ответ «человек-человек», 8 – «человек-техника», 7 – «человек-художественный образ», 7 – «человек-знаковая система», 1 решил, что его специальность «человек-мир». Однако из 60 респондентов, выбравших сферу «человек-человек», только 36 человек намерены реализовать себя в этой сфере. А в сфере «человек-художественный образ» желают реализовать себя 22 человека, хотя обучаются в этом направлении всего 7 человек. Можно предположить, что при выборе направления подготовки, а в частности направления «человек-человек», абитуриенты предполагают, что гуманитарные знания обеспечивают комплексную подготовку и развивают социальный интеллект, которые в дальнейшем позволят реализовать себя в различных сферах социальной и профессиональной жизни в долгосрочной перспективе. Это могут подтвердить результаты ответов на вопрос: «Вам нравится Ваша специальность?», на который 52 респондента ответили «да», 30 ответили «нет» или затруднились ответить.

На выбор направления подготовки при поступлении в вуз повлияли следующие факторы (допускался выбор более трёх ответов): высокую заработную плату выбрали 14 респондентов, желание учиться в данном вузе – 21, получить профессию в

соответствии со своими интересами – 47, престиж профессии – 19, востребованность профессии – 26, склонность к определённой деятельности – 32, важность получения диплома – 45, желание перебраться – 34. Анализ ответов продемонстрировал, что большая часть респондентов (47) ориентированы на получение профессии в соответствии со своими интересами, и это находит подтверждение в степени мотивации респондентов при выборе специальности: 10 баллов у 11; 9 баллов у 7; 8 баллов у 15; 7 баллов у 18; 6 баллов у 8; 5 баллов у 14; 4 балла у 4; 3 балла у 2; 2 балла у 2; 1 балл у 1. Можно предположить, что абитуриенты на этапе профессионального самоопределения делают достаточно осознанные выборы, но с прагматичным подходом – не все респонденты намерены работать по выбранной специальности, но в вузе обучение по данному направлению подготовки поможет им создать позитивный образ студента с целью построения будущей жизненной стратегии.

На вопрос: «Сможете ли Вы работать по выбранной специальности?» – были получены следующие ответы: 54 респондента ответили утвердительно, 5 респондентов отрицательно, 12 затруднились ответить. На этот вопрос допускались открытые ответы:

– «Конечно, так как уровень образования и обучения меня полностью удовлетворяет»;

– «Да, конечно, та специальность, на которой я обучаюсь, очень востребована в современном мире»;

– «Если заинтересует, то да»;

– «Смогу, но не хочу»;

– «Я думаю, что смогу работать по выбранной специальности»;

– «Дай бог»;

– «Если есть желание, то всё получится, а у меня оно явно присутствует»;

– «Уже работаю»;

– «Смогу, но не уверена, что специальность, на которую поступила, пригодится мне в будущем»;

– «Не могу ответить на данный вопрос, так как знакомство с профессиональными дисциплинами начнётся только во втором семестре первого курса»;

– «На сегодняшний день довольно затруднительно ответить на данный вопрос. Все будет зависеть от того, насколько проф. пригодным и "прибыльным" специалистом я окажусь для потенциального работодателя».

По полученным ответам можно судить, что респонденты осознают динамичность современной ситуации, а выбранная при поступлении профессия

может оказаться невостребованной после окончания вуза.

В связи с требованиями ФГОС и профессиональными стандартами обучающийся-бакалавр должен освоить образовательную программу направления подготовки и компетенции. Нами был задан вопрос: «Соответствуют ли изучаемые Вами предметы в вузе вашей будущей специальности?» – 68 респондентов считают, что изучаемые в вузе предметы соответствуют выбранной специальности, 10 респондентов не осознали соответствий, 4 респондента считают, что не соответствуют. Можно предположить, что 14 респондентов, которые не осознали соответствий образовательной программы и будущей специальности, обучаются на первом курсе и что выбор будущей специальности был сделан случайно.

Второй блок анкеты ориентирован на исследование профессионального становления студентов. Термин «профессиональное становление» студенты понимают следующим образом:

– «продуктивный процесс развития и саморазвития личности; освоения и самопроектирования профессионально-ориентированных видов деятельности, определение своего места в мире профессий, реализация себя в профессии и самоактуализация своего потенциала для достижения вершин профессионализма»;

– «собственное развитие в выбранной сфере деятельности, обучение новому и становление профессионалом в своём деле»;

– «ну, когда ты проходишь карьерный рост, и улучшаешь навыки в профессии»;

– «ответственное, осознанное обучение и самообучение в выбранном направлении»;

– «процесс, во время которого студент развивает навыки, необходимые для выбранной профессии»;

– «процесс развития и саморазвития личности в определённой профессиональной деятельности»;

– «это форма личностного становления человека, рассмотренная сквозь призму его профессиональной деятельности»;

– «полное погружение человека в определённую сферу деятельности»;

– «процесс овладения человеком профессиональными навыками и способами их применения на практике»;

– «путь реализации собственных желаний и потенциала, который человек прокладывает, совершенствуясь в выбранной профессии»;

– «путь и развитие, набор необходимых навыков для дальнейшей профессиональной деятельности»;

– «сложный процесс, непосредственно связанный с приобретением профессиональных навыков, компетенций; реализация себя, процесс определения "себя" в мире профессий».

Профессиональное становление, по мнению наших респондентов, происходит в вузе, и так считают 54 респондента, 28 респондентов ответили отрицательно или сомневаются. Во многих ответах прослеживается личная ответственность респондентов в процессе профессионального становления, и респонденты признают большую роль в этом процессе приобретённых профессиональных навыков, компетенций и способов их применения в практической деятельности. Поэтому уже на этапе обучения 70 респондентов, участвующих в опросе, хотели бы, чтобы за ними закрепилась характеристика «профессионал», для 12 респондентов это не имеет значения. Однако, по нашему мнению, студенты воспринимают себя как профессионалов с позиции направления подготовки. Так, студенты, обучающиеся по юридической специальности, называют себя «юристами», на журналистике – «журналистами», на архитектуре – «архитекторами». Среди воспринимающих себя как профессионалов 63 респондента отметили, что у них есть потребность в профессиональном образовании, а 19 респондентов не проявили интереса к дальнейшему профессиональному совершенствованию (образованию). Следует отметить, что наблюдается стабильная тенденция в ответах по показателям профессионального становления у 63 респондентов – все они ориентированы на профессиональное образование, у них высокая познавательная мотивация и высокая потребность в достижениях.

Для достижения высоких результатов студентам-бакалаврам как в обучении, так и в дальнейшем профессиональном становлении необходимы определённые характеристики. Для самооценки респондентам был задан вопрос о трудолюбии – 50 респондентов считают себя трудолюбивыми, а 32 затруднились дать положительный ответ, из них 8 респондентов признались в своей лени. 61 респондент из участвующих в опросе считают себя организованными. Однако при ответе на вопрос: «Что для Вас значит быть успешным в профессии?» – мнения наших респондентов распределились следующим образом: на первом месте – финансы и профессиональное признание, на втором – карьеризм, любовь к профессии и знание своего дела, на третьем – альтруизм, на четвёртом – саморазвитие, на пятом – общественное признание. Таким образом, можно предположить, что такие характеристики, как трудолюбие и самоорганизация, детер-

минированы ожидаемым материальным достатком и профессиональным статусом, продвижением по карьерной лестнице, любовью к профессии и знанием своего дела. Альтруизм, саморазвитие и общественное признание расположены на последних местах среди всех ответов респондентов, и это мы можем объяснить сложившимися рыночными отношениями и преобладанием материальных ценностей над духовными, и это сейчас характерно как для всего общества, так и для наших респондентов. Ответы на следующий вопрос: «Совпадает ли Ваш смысл жизни с Вашей будущей профессиональной деятельностью?» – подтверждают наши предположения. Среди респондентов мнения о совпадении смысла жизни с будущей профессиональной деятельностью распределились следующим образом: у 28 респондентов совпадают, у 24 не совпадают, а 30 респондентов не смогли дать ответ. Таким образом, профессия для наших респондентов не является смыслом жизни.

Учебным планом каждого направления подготовки предусмотрены практики, у студентов-бакалавров предусмотрены четыре практики (ознакомительная, научно-исследовательская, технологическая и преддипломная). В анкете был задан вопрос: «Помогают ли, по Вашему мнению, практики в профессиональном становлении студента?» – 75 респондентов считают, что практики важны в профессиональном становлении, 6 респондентов не определились, а 1 респондент считает, что не помогают. Таким образом, по мнению наших респондентов, практики являются важным элементом профессионального становления студентов.

Третий блок вопросов посвящён исследованию профессионального трудоустройства. Респондентам был задан вопрос: «Что Вы понимаете под термином "профессиональное трудоустройство"?». Были получены следующие ответы:

– «*работа, где можно реализовать свой профессиональный потенциал*»;

– «*устройство на работу по своей специальности*»;

– «*трудоустройство согласно изученной профессии, специальности*»;

– «*устроился туда, где удобнее и больше платят, независимо от того, кем хотел стать*»;

– «*реализация профессиональной деятельности, закреплённая на официальном уровне*»;

– «*когда человек работает именно в той сфере, в которой он намерен профессионально развиваться*»;

– «*обеспечение студентов после окончания вуза работой по выбранной профессии. Трудо-*

устройство по специальности, по которой обучался в вузе»;

– «иметь возможность устроиться на работу в соответствии с тем, на что учились в вузе»;

– «работа, на которой подразумевается наличие у работника профессионального образования»;

– «трудоустройство выпускника вуза по полученной в вузе специальности или просто полученное рабочее место по окончании вуза, независимо от того, соответствует ли оно квалификации, и трудоустройство на престижную выгодную работу, без учета профильности полученного образования»;

– «процесс, связанный с заключением трудового договора, дальнейшим получением должности и приобретением определенных прав и обязанностей со стороны потенциального работника».

Ответы на этот вопрос заставляют задуматься, так как прослеживаются сомнения респондентов: «получение просто рабочего места», «иметь возможность устроиться на работу», «обеспечение студентов работой по выбранной профессии». Здесь мы наблюдаем практически отсутствие личной ответственности респондентов за нахождение рабочего места после окончания вуза в соответствии с полученной квалификацией.

На вопрос: «Есть ли у Вас опыт работы?» – 39 респондентов ответили «да», а 37 ответили «нет», 6 респондентов ответили, что есть опыт подработки, опыт работы при неофициальном трудоустройстве, опыт общения с профессионалами. Опыт составления резюме для трудоустройства уже имеют 40 респондентов, а 42 респондента никогда не прибегали к подобной практике; 44 респондента имеют опыт собеседования при трудоустройстве. Можно предположить, что наши респонденты уже с первых курсов желали бы иметь рабочее место и дополнительный доход (заработную плату), но эта деятельность никак не связана с получением профессионального опыта по направлению подготовки в вузе. Стоит отметить, что никто из студентов, имеющих работу в период обучения, не работает по направлению подготовки. Многие из них работают в сфере обслуживания и фриланса. Такой опыт может способствовать приобретению трудового опыта и трудовой социализации, финансовой независимости от родителей, что формирует самостоятельность, но никак не влияет на профессиональную компетентность.

Нами был задан вопрос: «Какие компетенции могут охарактеризовать Вас?» Допускался выбор более 3 компетенций. Все предложенные компетенции были разобраны респондентами с одина-

ковой частотой. Чаще других были востребованы такие компетенции, как soft skills. Так, партнёрство и сотрудничество выбрали 44 респондента, 55 респондентов выбрали планирование и организацию, 44 – ориентации на результат, клиенториентированность выбрали 31 респондент, коммуникативную грамотность – 32 респондента, 47 респондентов выбрали саморазвитие, эмоциональный интеллект выбрали 35 респондентов, стрессоустойчивость – 33, анализ информации – 38. Хотели бы построить профессиональную карьеру по выбранной специальности 41 респондент, 41 респондент не строят на этот счёт планов. Уже на стадии обучения наши респонденты способны сформулировать профессиональные ценности. Так, 61 респондент в качестве ценности видят интеграцию стилей жизни, 52 респондента выбрали профессиональную компетентность, 30 респондентов в качестве ценности видят автономность, 48 – стабильность работы, 25 – предпринимательство. Респонденты ответили, что они готовы постоянно учиться, повышать свою квалификацию, проходить профессиональную переподготовку и совершенствовать свою профессиональную деятельность.

Своё профессиональное будущее наши респонденты воспринимают по-разному – некоторые видят себя руководителями, менеджерами, продавцами-кассирами, рядовыми сотрудниками, инженерами-строителями, кандидатами или докторами наук, бровистами, оперуполномоченными, моделями, советниками, атташе. Есть развёрнутые ответы:

– «чтобы видеть себя в должности, надо сначала доучиться и многое делать для этого. Пока что могу сказать, что я вижу себя в сфере, которую выбрала»;

– «я не загадываю сейчас, так как только начала своё обучение в этом учебном году».

Весьма сомнительными нам показались ответы на вопрос об освоении профессиональных компетенций. Ответы студентов распределились следующим образом: на 5 баллов освоили профессиональные компетенции 12 респондентов, 34 респондента освоили на 4 балла, 25 респондентов – на 3 балла, 7 респондентов – на 2 балла и 4 респондента – на 1 балл. Складывается впечатление, что профессиональные компетенции освоены на 4 балла только выпускниками, а студенты первого и второго курсов считают, что они тоже уже освоили профессиональные компетенции, хотя в процессе обучения компетенции этого уровня осваиваются на третьем-четвёртом курсе и при прохождении производственных практик. Можно предположить, что студенты младших курсов преувеличивают

свои способности в освоении профессиональных компетенций.

Таким образом, профессиональное развитие студентов-бакалавров проходит в несколько этапов и зависит от различных факторов. На этапе профессионального самоопределения абитуриенты делают выбор своей будущей профессии, сопоставляя свои личностные характеристики и профессию, формируя своё отношение к будущей профессии, определяют цели и средства существования, возможности своего развития и роста. Однако по результатам нашего исследования мы видим прагматизм и рациональность при выборе направления подготовки. Материальная составляющая для наших респондентов играет не последнюю роль при выборе будущей профессии.

Этап профессионального становления предполагает процесс усвоения личностью определённых профессиональных навыков, умений и компетенций. Установлено, что студенты-бакалавры дают завышенные оценки своему «профессионализму», считая, что направление подготовки уже присваивает им статус профессионала. У многих студентов не складывается чёткого представления о необхо-

димых компетенциях, которые будут востребованы в дальнейшей профессиональной деятельности. Трудовой опыт, который получают студенты, совмещая обучение и работу, не даёт им полного представления о дальнейшей профессиональной деятельности. Студенты работают там, где «берут на работу».

Этап профессионального трудоустройства (реализация профессиональной деятельности, закреплённая на официальном уровне) для наших респондентов не определён и не оформлен. Профессиональное трудоустройство зависит полностью от выпускника. Отсутствуют какие-либо регламентирующие документы, обязывающие выпускника трудоустроиться в соответствии с квалификацией, указанной в дипломе. Этап профессионального трудоустройства современных выпускников наиболее нестабильный и может свести на нет результаты предыдущих этапов – профессионального самоопределения и профессионального становления. Усиление роли и ответственности общества в трудоустройстве выпускников вузов позволило бы достичь более гармоничного профессионального развития студентов и выпускников вузов.

Список источников

1. Базарова Т.С., Фомицкая Г.Н. Особенности профессионализации будущих специалистов в условиях современных вызовов // Педагогический ИМИДЖ. 2022. № 3 (56). С. 308–316.
2. Байлеписова А. Компетентностный подход к образованию // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2022. № 86. С. 23–25.
3. Гунина Е.В., Иглин Е.Н. Психологические условия подготовки бакалавров в ходе обучения в вузе к карьерному росту // Казанский педагогический журнал. 2019. № 5. С. 184–188.
4. Дмитриева Д.В. Теоретические аспекты профессионального самоопределения // Инновационная наука. 2020. № 11. С. 175–178.
5. Комиссаренко С.С. Социокультурная дифференциация как базис порождения субкультур // Вестник МГУКИ. 2021. № 1 (99). С. 16–25.
6. Кондратенко Н.А., Шашкова С.Н. Профессиональное самоопределение учащейся молодёжи // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2018. № 1. С. 71–79.
7. Кузь Е.В. Становление личности будущего профессионала // Проблемы педагогики. 2021. № 1 (52). С. 40–42.
8. Максимова А.А., Степанова А.Т., Кузнецова А.Я. Личностный смысл в профессиональном самоопределении // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 6. С. 7–9.
9. Озымко М.В. Трудоустройство с позиции структурно-деятельностного подхода // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 8 (2). С. 176–181.
10. Розум М.Ю. О педагогической программе профессионализации будущих документоведов и архивоведов // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2021. № 2 (31). С. 182–187.
11. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка : современная редакция. Москва : Дом Славянской кн., 2008. 959 с.
12. Фирер Н.Д., Колланг Е.Р., Сулова Д.В. Факторы профессионального самоопределения студентов // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 68 (4). С. 320–323.

References

1. Bazarova T.S., Fomicckaja G.N. *Osobennosti professionalizacii budushchih specialistov v uslovijah sovremennyh vyzovov* [Features of professionalization of future specialists in the conditions of modern challenges] // Pedagogicheskij IMIDZH [Pedagogical IMAGE]. 2022. № 3 (56). Pp. 308–316.
2. Bajlepisova A. *Kompetentnostnyj podhod k obrazovaniju* [Competence-based approach to education] // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2022. № 86. Pp. 23–25.

3. Gunina E.V., Iglin E.N. *Psihologicheskie uslovija podgotovki bakalavrov v hode obuchenija v vuze k kar'ernomu rostu* [Psychological conditions of bachelor's degree preparation during university studies for career growth] // Kazanskij pedagogicheskij zhurnal [Kazan Pedagogical Journal]. 2019. № 5. Pp. 184–188.
4. Dmitrieva D.V. *Teoreticheskie aspekty professional'nogo samoopredelenija* [Theoretical aspects of professional self-determination] // Innovacionnaja nauka [Innovative science]. 2020. № 11. Pp. 175–178.
5. Komissarenko S.S. *Sociokul'turnaja differenciacija kak bazis porozhdenija subkul'tur* [Socio-cultural differentiation as a basis for the generation of subcultures] // Vestnik MGUKI. 2021. № 1(99). Pp. 16–25.
6. Kondratenko N.A., Shashkova S.N. *Professional'noe samoopredelenie uchashhejsja molodjozhi* [Professional self-determination of students] // Izvestija TulGU. Gumanitarnye nauki. 2018. № 1. Pp. 71–79.
7. Kuz' E.V. *Stanovlenie lichnosti budushhego professionala* [Formation of the personality of a future professional] // Problemy pedagogiki [Problems of pedagogy]. 2021. № 1 (52). Pp. 40–42.
8. Maksimova A.A., Stepanova A.T., Kuznecova A.Ja. *Lichnostnyj smysl v professional'nom samoopredelenii* [Personal meaning in professional self-determination] // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk [Actual problems of humanities and natural sciences]. 2016. № 6. Pp. 7–9.
9. Ozymko M.V. *Trudoustrojstvo s pozicii strukturno-dejatel'nostnogo podhoda* [Employment from the position of a structural-activity approach] // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk [Actual problems of humanities and natural sciences]. 2015. № 8(2). Pp. 176–181.
10. Rozum M.Ju. *O pedagogicheskoj programme professionalizacii budushhih dokumentovedov i arhivovedov* [About the pedagogical program of professionalization of future document scientists and archivists] // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovanija [Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian studies]. 2021. № 2 (31). Pp. 182–187.
11. Ushakov D.N. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka : sovremennaja redakcija* [Large explanatory dictionary of the Russian language : modern edition]. Moscow: Dom Slavjanskoi kn., 2008. 959 p.
12. Firer N.D., Kollang E.R., Suslova D.V. *Fakторы professional'nogo samoopredelenija studentov* [Factors of professional self-determination of students] // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovanija [Problems of modern pedagogical education]. 2020. № 68 (4). Pp. 320–323.

Информация об авторах

И.А. Гареева – доктор социологических наук, доцент;
А.В. Ковалева – кандидат социологических наук, доцент;
А.Е. Кан – студент.

Information about the authors

I. A. Gareeva – Doctor of Science (Sociology), Associate Professor;
A. V. Kovaleva – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor;
A. E. Kan – Student.

Вклад авторов:

И.А. Гареева – научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

А.В. Ковалева – доработка текста, итоговые выводы.

А.Е. Кан – разработка инструментария исследования, проведение исследования, написание исходного текста.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

I.A. Gareeva – scientific management; research concept; development of methodology; writing the original text; final conclusions.

A.V. Kovaleva – revision of the text, final conclusions.

A.E. Kan – development of research tools, research, writing the original text.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию 03.02.2023; одобрена после рецензирования 24.02.2023; принята к публикации 24.03.2023.
The article was submitted 03.02.2023; approved after reviewing 24.02.2023; accepted for publication 24.03.2023.

Научная статья
УДК 316.776:316.6
doi:10.31079/1992-2868-2023-20-2-152-157

ВЛИЯНИЕ ВУЗА НА ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ МИГРАНТОВ ИЗ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Эльвира Октавьевна Леонтьева

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия elvira.leontyeva@gmail.com

Аннотация. В статье актуализируется роль вуза в процессе формирования новой идентичности студентов-мигрантов из стран Центральной Азии, обучающихся в дальневосточных вузах. Показывается, что в ближайшем будущем дальневосточные вузы ожидают рост этого контингента, что ставит перед ними новые задачи. Обозначены три ключевых направления влияния вуза, а именно: учебная деятельность, внеучебные коммуникации и влияние через среду.

Ключевые слова: идентичность, мигранты, образовательная миграция, Дальний Восток

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00411.

Original article

THE IMPACT OF HIGHER EDUCATION INSTITUTION ON THE PROCESS OF FORMING THE IDENTITY OF MIGRANTS FROM CENTRAL ASIA

Elvira O. Leontyeva

Pacific National University, Khabarovsk, Russia, elvira.leontyeva@gmail.com

Abstract. The author actualizes the role of higher education institution in the process of forming a new identity of migrants from Central Asia studying at Far Eastern universities. It is depicted that in the near future Far Eastern higher education institutions will expect the growth in this kind of contingent. Major ways of higher education institution's impact in the three directions are denoted in the article, as well as academic activity, extracurricular communications and surroundings' influence.

Keywords: identity, migrants, education migrants, Far East

Funding: the research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation № 22-28-00411.

Проблема исследования

Исследования, посвящённые идентичности, уже давно сформировали отдельное направление в социально-гуманитарном знании, объединив представителей самых разных наук: философов, психологов, социологов, культурологов. Список только самых известных работ, посвящённых пониманию идентичности, мог бы занять несколько страниц, поэтому в рамках нашего исследования нет возможности учесть все существующие подходы. В настоящей статье мы обращаемся к тем приложениям этих исследований, которые направлены на мигрантов. Совершенно закономерно, что в последнее время в рамках миграционных исследований всё больше внимания стало уделяться проблеме идентичности.

Несмотря на то, что в миграционном контексте исследований идентичности ещё не наработан большой исследовательский багаж, можно говорить, что уже сложился относительно стабильный консенсус в некоторых базовых тезисах.

Первый из них состоит в том, что социальная идентичность в целом является зонтичным понятием, объединяющим множество элементов, а в отношении мигрантов – ещё более сложным конструктом, в котором переплетены как минимум два измерения – идентификация с сообществом и культурой исхода и новоприобретаемая идентичность, которую в большей или меньшей степени стремится получить мигрант в принимающем сообществе.

Во-вторых, результат этого процесса – новая идентичность (двойная/множественная/«лоскутная» идентичность – в зависимости от подхода). И несмотря на то, что она является размытой конструкцией и сложно фиксируется эмпирически, подразумевается, что успешная адаптация в принимающем сообществе возможна только как результат её приобретения.

И, наконец, третье общее место у исследователей – это признание важнейшей роли образования в формировании новой идентичности. В развитие

этой темы уже имеется хороший задел исследовательских работ о детях центрально-азиатских мигрантов в российских школах. Однако высшее образование и роль университетов в этом процессе изучены недостаточно. Традиционно популярными здесь являются сюжеты, посвященные отношению к мигрантам, воспитанию толерантности, работе по адаптации мигрантов, но вопрос о том, как влияет вуз на обучающихся в нём мигрантов, всё ещё находится на периферии. К тому же в большинстве исследований основной фокус направлен на иностранных студентов, а не на студентов-мигрантов, представляющих более широкий контингент, так как в эту группу попадают также и мигранты второго поколения, приехавшие вместе с родителями. Среди них значительное количество тех, кто уже формально являются российскими гражданами.

Если соглашаться с тем, что университет способствует формированию новой идентичности, то недостаточно понятно, как именно, за счёт каких каналов и механизмов это происходит и как можно оценить результаты этого процесса. Для того, чтобы ответить на эти вопросы, в этой статье предпринимается попытка обратиться к вопросу о том, как мигранты меняют вуз и как вуз меняет мигрантов. В некотором смысле это вопрос о встречном движении мигрантов и принимающего сообщества, пользующийся вниманием исследователей [1–3], но в нашем фокусе поставленный в более узком контексте.

В основу исследования, результаты которого представлены в статье, положены данные включённого наблюдения, интервью со студентами-мигрантами, обучающимися в вузах г. Хабаровска, собранные в ходе работы по гранту РФ № 22-28-00411, а также вторичные данные и работы авторов по сходной тематике. Всего было проведено 25 неформализованных интервью со студентами – выходцами из стран Центральной Азии, обучающимися в вузах г. Хабаровска, а также с выпускниками, закончившими российские вузы 1–3 года назад.

Дальневосточный кейс в отношении проблемы идентичности мигрантов является очень показательным, потому что именно дальневосточный регион отличается своеобразной ситуацией в отношении формирования мигрантского сообщества. Остановимся на этом чуть подробнее.

Особенности миграционной ситуации на Дальнем Востоке в связи с понятием об идентичности мигрантов

Первая особенность состоит в том, что на Дальнем Востоке позже, чем во всех других восточных регионах России, начало формироваться постоян-

ное население. В советский период Дальний Восток осваивался силами добровольных и вынужденных переселенцев, которые, прожив и отработав определённое время, возвращались в западную часть России. Замещение одних переселенческих потоков другими сформировало особый тип общности, получивший название «проточная культура» [4].

Вторая особенность состоит в том, что по сравнению с западными регионами страны Дальний Восток стал относительно недавно активно принимать мигрантов из Центральной Азии. Традиционные миграционные потоки в регионе начиная с конца 90-х гг. прошлого века были связаны с китайскими мигрантами, и с этого же времени складываются довольно устойчивые стереотипы о населении и мигрантах в регионе, с которыми часто приходится сталкиваться и сейчас – мифологемы о «миллионах китайцев, захвативших регион», о «пустых землях» и вымирающих территориях. Эти шаблоны в значительной степени сформировали как академическую повестку, так и политические решения, направленные на удержание и привлечение населения в регион с помощью программ господдержки и экономических льгот.

Ещё одна региональная особенность состоит в том, что формирование населения региона ни на одном из его этапов, включая современный, не вызывало рост конфликтности и ксенофобии по отношению к мигрантам. Поскольку, как уже отмечалось, миграция в формировании населения всегда играла более существенную роль, чем естественный прирост населения [4; 5], зафиксировать некую условную группу «коренного населения», не считая коренных народностей, не так-то просто. Отток одних миграционных потоков замещается другими, и такая ситуация с поправкой на разные циклы и структуру потоков является характерной для региона на всем протяжении его истории. Иначе говоря – тут все отчасти (в большей или меньшей степени) мигранты, поэтому и миграционный поток из стран Центральной (Средней) Азии на таком фоне воспринимается как очередная замещающая волна [6]. В свете предмета нашего исследования это означает, что Дальний Восток является той площадкой, на которой постоянно складываются новые идентичности, поэтому дальневосточный опыт формирования идентичности мигрантов является уникальным и, в некотором смысле, «модельным». В контексте упомянутой выше проточной культуры дальневосточного социума и текучести его населения можно предположить, что региональная идентичность здесь является очень гибкой конструкцией, которая не успевает закреплять-

ся за поколениями. Это задаёт достаточно нейтральный фон для восприятия прибывающих групп населения друг другом и способствует формированию толерантной среды.

Всё это соответствующим образом накладывает отпечаток и на студенческую среду. Так же, как и в общем миграционном потоке, в вузах региона студенты из стран Центральной Азии всегда представляли и представляют собой меньшинство. В 2017/18 учебном году при общей численности 7057 иностранных студентов в вузах ДФО студентов из стран СНГ было 1367 человек (19,1%), что является самым низким показателем среди всех регионов [7: с. 123–125]. Однако в последние годы, особенно в связи с ограничением доступа китайских студентов к российскому образованию из-за пандемии, присутствие студентов из Центральной Азии стало гораздо более заметным. Так, уже в 2018/19 предпандемийном году численность иностранных студентов в регионе выросла на 205 человек, среди которых 166 – представители СНГ [8: с. 122–123]. С учётом резкого падения китайской миграции за период пандемии и общего прироста образовательных мигрантов из стран Центральной Азии в общероссийской статистике (при росте на 7% в 2019/20 учебном году студентов из СНГ – 68%) [9: с. 68] увеличение численности этого миграционного потока в дальневосточные вузы будет сохраняться. Это означает, что в ближайшее время дальневосточные вузы столкнутся с новыми вызовами в обучении мигрантов, так как, несмотря на наличие некоторых общих паттернов у всех иностранных студентов, у мигрантов из стран Центральной Азии есть своя специфика. Также важно, что это накладывается на рост трудовой миграции из стран СНГ.

Современные миграционные исследования, в отличие от классических теорий миграции, свидетельствуют, что далеко не все группы мигрантов в равной степени ориентированы на приобретение новой идентичности. Например, как показывают авторы, исследующие трудовых мигрантов [10], эта группа в наименьшей степени нацелена на интеграцию в принимающее сообщество и освоение его культуры и ценностей. Однако студенты, попадая в вузовскую среду, по определению включаются в этот процесс и самим фактом поступления в вуз подтверждают наличие мотивации на движение в сторону приобретения новой идентичности. На этом основании мы можем считать студентов-мигрантов наиболее отзывчивыми из всех мигрантских подгрупп к изменению своей идентичности.

Для выяснения роли вуза в формировании идентичности студентов-мигрантов важной точкой

отсчёта является внутренняя мотивация самого мигранта к получению образования и интеграции в принимающее сообщество. В этом отношении все студенты-мигранты интересующей нас группы отчётливо делятся на две категории. Первая представлена студентами, которые заканчивали в своих странах школы на русском языке, воспитывались в семьях, поддерживающих российские традиции, и несколько лет готовились к поступлению в российский вуз. Очень многие такие абитуриенты выбирают для обучения вузы Урала и Сибири, традиционно более привлекательные для жителей СНГ по сравнению с дальневосточными [3]. С другой стороны, в региональных вузах, и в дальневосточных особенно, рост обучающихся мигрантов происходит в той категории, кто имеют слабую базовую подготовку по русскому языку и либо поступили на обучение по договору, либо закрыли недобор на бюджетные места. Как правило, здесь высшее образование не играет роли драйвера развития инкультурной идентичности, а работает на исключительно инструментальные цели (получить диплом).

Таким образом, рассматривая формирование идентичности мигрантов, мы всегда должны принимать во внимание неоднородность этой группы и различную мотивацию внутри неё. Соответственно, формы и практики влияния вуза на изменение идентичности мигранта в первую очередь будут зависеть от их мотивации. В процессе сбора интервью со студентами-мигрантами различия между этими группами проявились очень отчётливо, их мы и отразим при анализе мнений респондентов.

Основные параметры идентичности и направления её формирования в вузе

Поскольку сама идентичность является сложно-составной конструкцией психики, основанной на механизме отождествления себя с той или иной группой, каналы и направления её формирования многообразны. В конечном счёте идентичность является результирующей всего опыта социализации личности, включая формальные и неформальные институты влияния, рациональные и иррациональные формы восприятия со стороны самих мигрантов, – так что выявить, описать и дать оценку каждому из них затруднительно. Формирование новой идентичности означает на практике реализацию стратегии сближения студентов-мигрантов с ценностями и нормами российских студентов. Те ценности и нормы, которые вызывают отклик и позитивный ответ, постепенно со временем приводят к появлению изменений идентификационного профиля в отношении такого измерения, как «региональная идентичность». Соответственно у

тех групп мигрантов, которые ориентированы на такое сближение, появляются предпосылки к формированию новой идентичности. У тех, кто не ориентирован, – например, студенты, которые поступили на программу высшего образования без предварительной подготовки и знания языка, таких изменений не происходит.

С учётом этого представим механизм формирования идентичности в виде описательной модели, в которой сочетаются институты, формы восприятия и направления её формирования. Формирование новой идентичности сталкивается с проблемами, которые затрудняют адаптацию и тормозят идентификацию в направлении новой культуры. Чаще всего наши респонденты, так же как и участники исследований по другим регионам [1; 3], называют такие проблемы, как языковой барьер и связанные с ним проблемы с учёбой, психологический барьер, затрудняющий обращение к преподавателю и к администрации, а также сложности в коммуникациях между мигрантами и российскими студентами.

Учитывая, что высказанные мигрантами проблемы представляют собой главные препятствия на пути формирования их идентичности, будем понимать влияние вуза на этот процесс как сложноорганизованную деятельность, которая осуществляется как целенаправленно (например, в виде реализации мероприятий для иностранных студентов), так и стихийно. При этом будем исходить из того, что в вузе направления формирования идентичности соответствуют основным видам включённости студента в университетскую среду, среди которых можно выделить следующие:

- влияние через учебную деятельность: отношение преподавателей, особенности освоения образовательной программы;
- влияние через внеучебную деятельность: общение с одноклассниками, досуг;
- влияние через среду: организационная культура, коммуникации с администрацией вуза, инфраструктура, бытовые условия.

Остановимся подробнее на характеристике каждого из них с примерами из студенческих интервью.

В учебной деятельности на формирование идентичности оказывает влияние процесс освоения образовательной программы во всех составляющих его практиках. Причём здесь большое значение имеет не только сам факт того, что студент учит положенный по программе материал и ходит на занятия, но и приобщение к учебным рутинам и ритуалам, – например, отношение к посещению занятий, допустимость опоздания на занятие, соблюдение

требований преподавателя к поведению на занятии и т.д. – всё то, что связано с обычными для российских студентов практиками, может не всегда являться очевидно нормативным для мигрантов.

Как показывает проведённое исследование, трудности этого этапа в первую очередь обусловлены двумя связанными барьерами – языковым и психологическим. Второй имеет особенно большое значение, так как не артикулируется мигрантами в явном виде. Мигранты, обучающиеся на старших курсах или выпускники, говорят о том, что было сложно учиться на первом курсе, и рассказывают о своих проблемах ретроспективно.

«Тяжело было с языком, поэтому с учёбой проблемы были, сейчас легче». (студент из Таджикистана, 3-й курс, 21 год)

Важно отметить, что при этом от первокурсников такой информации не поступало, они скрывают свои проблемы даже в том случае, когда эти проблемы явно должны быть, например из-за ограниченного русского языка. В целом надо сказать, что старшекурсники более открыты и доброжелательны во время интервьюирования. Первокурсники неохотно идут на беседу, в процессе ведут себя очень настороженно, избегают развёрнутых ответов, и на вопрос о том, с какими проблемами по учёбе сталкиваются, отвечают, что у них нет никаких проблем. В этом смысле самыми интересными и важными информантами в нашем опросе стали выпускники, которые, уже имея временную дистанцию, могут оценить влияние вуза на формирование их личности более аргументированно. Такое замалчивание проблем со стороны студентов является очень серьёзным сигналом на будущее. Ожидаемый рост численности мигрантов приведёт к формированию из их числа довольно больших закрытых социальных групп, от которых будет сложно получить обратную связь. Это даёт основания предполагать, что мигранты, обучающиеся на младших курсах, испытывают потребность в повышенном внимании со стороны преподавателей, кураторов, наставников и, возможно, психологических служб университета.

Во внеучебной деятельности главное направление влияния вуза связано с общением между мигрантами и российскими студентами из ближайшего окружения – одноклассниками, соседями по общежитию и т.д. Внеучебные коммуникации образуют тот неформальный фон, который способствует усвоению и рутинизации социальных норм. Все авторы, которые работали со студентами-мигрантами, отмечают, что именно это направление оказывается наиболее ценным и воспринима-

ется респондентами даже как более важный по сравнению с учёбой опыт. Как показал наш опрос, легкость вхождения в неформальные коммуникации оказывается тем фактором, который способствует и разрешению проблем с учёбой. Из-за уже отмеченного психологического барьера студенты-мигранты стесняются обращаться к преподавателям с вопросами по учебному материалу, предпочитая разбирать сложности его усвоения с одногруппниками и друзьями.

«Особенно нравится общение друзей, с которыми я тут познакомился, они хорошо относятся ко мне, помогают с учёбой». (Студент из Узбекистана, 2-й курс, 19 лет)

«Ты приходишь в университет и слышишь слова, которые никогда в жизни не слышал. Но мне повезло, у меня был друг, и вообще была группа дружная, хорошая. Они все время меня поддерживали, не отказывали в помощи. Никогда в группе не было конфликтов, они везде меня таскали с собой, везде звали. (Выпускник 2020 г., уроженец Узбекистана, 27 лет)

Ещё одним барьером, негативно влияющим на формирующуюся идентичность, являются этнические предубеждения и национализм со стороны окружения, которые именно в неформальном общении способны создать серьёзные проблемы. Большинство наших респондентов, так же как и студенты других городов [1; 3], отмечают, что в университете они не сталкиваются с их проявлением. Тем не менее у многих из них за время обучения в школе и общения за пределами университета имеется опыт негативного отношения к себе по национальному признаку.

«Когда мы только переехали, я в школу пошёл в 4-й класс, учительница переживала, то что будет языковой барьер и то что ко мне относиться будут не очень, но всё прошло более-менее, изначально как бы оскорбления были, типа чурка, подножки ставили, но я не давал себя в обиду как бы, пару раз в передрагу попал, и меня зауважали». (Студент 2-го курса, выходец из Узбекистана, 19 лет)

В отношении формирования через среду главную роль играет включённость мигранта в коммуника-

ции с университетскими службами и организациями, а также все факторы, которые относятся к эмоциональному восприятию среды. Это направление отчасти схоже с внеучебными коммуникациями, но его отличие в том, что здесь контакты выстраиваются на основе «дальних связей» – деканат, международный отдел (департамент), библиотека и пр. Это также зоны общения, особо чувствительные в отношении этнической толерантности. И в этом смысле радует, что никто из наших респондентов не отметил в связи с общением со службами проявления дискриминации по национальному признаку. Обстановка в университете в целом получила у наших респондентов положительную оценку.

Заключение

Обучение в университете создаёт для мигрантов такую среду, в которой важнейшие факторы формирования идентичности – язык, образование, воспитание – работают на один результат – способствуют выработке «общего определения ситуации» [12], без которого не возникает новой идентичности. И несмотря на то, что студенты-мигранты в качестве респондентов не являются простой группой, полагаем, что их проблемы, мнения и оценки важны для поддержки той комфортной толерантной среды, которая на данный момент создана в университетах и которая задаёт очень важный задел на будущее, когда численность студентов из центрально-азиатских стран будет расти.

В настоящий момент в большинстве университетов имеются службы или отделы, занимающиеся работой с иностранными студентами, и эта работа очень важна. Однако, как мы уже писали, иностранные студенты и студенты-мигранты, хоть и пересекаются между собой, представляют разный контингент. Это значит, что в вузах становится всё более заметным присутствие такой группы, которая также нуждается в особом отношении, адресной работе, сопровождении, но остаётся «невидимой» для университетских структур, работающих с иностранцами. Между тем для преподавателей уже очевидно, что при работе с этой аудиторией традиционные методы не всегда эффективны.

Список источников

1. Булатова Т.А., Глухов А.П. Факторы привлечения образовательных мигрантов (на примере сибирских вузов) // Вестник РУДН. 2019. Т. 19, № 1. С. 40–52. (Серия: Социология).
2. Савченко И.А. Трансформация культурной идентичности в мультикультурном обществе // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. 11, № 3 (50). С. 430–438.
3. Савчук Г.А., Бритвина И.Б., Франц В.А. Культурное сближение россиян и студентов из стран Центрально-Азиатского региона как результат воздействия «мягкой силы» системы высшего образования // Регионоведение. 2020. Т. 28, № 4 (113). С. 823–842.
4. Бляхер Л.Е. Искусство неуправляемой жизни. Дальний Восток. Москва : Европа, 2014. 208 с.

5. Мотрич Е.Л. Миграция в современной динамике населения на Дальнем Востоке России // СОТИС – социальные технологии, исследования. 2020. № 1(101). С. 93–97.
6. Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX–XX и XX–XXI вв. Иркутск, 2013. 624 с.
7. Арефьев А.Л. Обучение иностранных граждан в образовательных организациях высшего образования РФ. Статистический сборник / Министерство науки и высшего образования РФ. Вып. 16. Москва : Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2019. 208 с.
8. Арефьев А.Л. Обучение иностранных граждан в образовательных организациях высшего образования РФ. Статистический сборник / Министерство науки и высшего образования РФ. Вып. 17. Москва : Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2020. 180 с.
9. Шугаль Н.Б., Озерова О.К., Зорина О.А., Мигунова Д.Ю. Высшее образование в России: статистический обзор / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва : НИУ ВШЭ, 2021
10. Сердюков К.Н. Иностранные трудовые мигранты: проблематика и особенности адаптационно-интеграционных процессов // Социология и общество: традиции и новации в социальном развитии регионов : сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса. Москва : Изд-во российского общества социологов, 2020. С. 5375–5378.
11. Парк Р.Э., Томас У.А. Участие и социальная ассимиляция // Чикагская социология : сб. переводов. Москва : РАН. ИНИОН, 2015.

References

1. Bulatova T.A, Glukhov A.P. Faktory privilecheniya obrazovatel'nyh migrantov (na primere sibirskih vuzov) [Factors for attracting educational migrants (on the example of Siberian universities)]. *Vestnik RUDN*. Seriya: Sociologiya, 2019, V. 19, no1, p.40–52
2. Savchenko I.A. Transformatsiya kul'nurnoi identichnosti v mul'tirul'turnom obchestve [Transformation of cultural identity in a multicultural society]. *Lichnost'. Kul'tura. Obchestvo*, 2009, V. 11, no 3 (50), p. 430–438.
3. Savchuk G. A., Britvina I. B., Frants V. A. Kul'turnoe sblizhenie rossiyan I studentov iz stran Tsentral'no-Aziatskogo regiona kak resul'tat vzaimodeistviya «myagkoi sily» sistemy vysshego obrazovaniya. [Cultural rapprochement of russians and students from the countries of Central Asia as a result of the impact of “soft power” of the higher education system]. *Regionologiya*, 2020. V. 28, no 4 (113), p. 823–842.
4. Blyakher L.E. *Iskusstvo neupravlyaemoi zhizni: Dal'nii Vostok* [The Art of the Unmanaged Life: Far East]. Moskva: Evropa, 2014. 208p. (in Russ.).
5. Motrich E.L. Migratsiya v sovremehnoi dinamike naseleniya na Dal'hem Vostoke Rossii [Migration in modern population dynamics in the Russian Far East]. *SOTIS – sotsial'nye tekhnologii, issledovaniya*, 2020, no 1(101), p. 93–97.
6. *Pereselencheskoe obschestvo sovremennoi Rossii. Rubezhi 19–20 i 20–21 vekov*. [The resettlement society of Asian Russia: migrations, spaces, communities. Frontiers of the 19th–20th and 20th–21st centuries]. Irskytск, 2013. 624 p. (in Russ.).
7. Aref'ev A.L. Obuchenie inostrannykh grazhdan v obrazovatel'nykh organigatsiyah vysshego oarazovaniya RF. Statisticheskii sbornik [Education of foreign citizens in educational institutions of higher education of the Russian Federation. Statistical collection.] Moskva: Gosudarstvennyi institute russkogo yazyka im. A.S. Pushkina, 2019. 208 p. (in Russ.).
8. Aref'ev A.L. Obuchenie inostrannykh grazhdan v obrazovatel'nykh organigatsiyah vysshego oarazovaniya RF. Statisticheskii sbornik [Education of foreign citizens in educational institutions of higher education of the Russian Federation. Statistical collection.] Moskva: Gosudarstvennyi institute russkogo yazyka im. A.S. Pushkina, 2020. 180 p. (in Russ.).
9. N. B. SHugal' O.K. Ozerova, O.A. Zorina, etc. *Vysshee obrazovanie v Rossii: statisticheskii obzor* [Higher education in Russia: statistical overview] Moskva: NIU VSHE, 2021 (in Russ.).
10. Serdukov K.N. *Inostrannye trudovye migranty: problematika i osobennosti adaptatsionno-integrtsionnykh prozhessov* [Foreign labor migrants: problems and features of adaptation and integration processes]. In: *Sotsiologia i obchestvo: traditsii i nivatsii v sotsial'nom razvitii regionov*. Sbornik dokladov VI Vserossiiskogo Sotsiologicheskogo kongressa [Sociology and society: traditions and innovations in the social development of regions. Collection of reports of the obchestva sotsiologov, 2020. pp. 5375–5378 (in Russ.).
11. Park R.E., Thomas W.I. *Participation and social assimilation*. Source book for social psychology. Ed. by K. Young. N.Y.: A.A. Knopf, 1927. (Russian ed. Chikagskaya shkola sotsiologii: sbornik perevodov. Moscow: RAN INION, 2015, 430 p.

Информация об авторе

Э. О. Леонтьева – доктор социологических наук, доцент.

Information about the author

E. O. Leontyeva – Doctor of Sociology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 16.02.2023; одобрена после рецензирования 24.02.2023; принята к публикации 24.03.2023.
The article was submitted 16.02.2023; approved after reviewing 24.02.2023; accepted for publication 24.03.2023.

Научная статья
УДК 378:316.342
doi:10.31079/1992-2868-2023-20-2-158-163

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА ВУЗА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОГО СПЕЦИАЛИСТА

Елена Александровна Романова¹, Алёна Дмитриевна Галюк²

^{1, 2}Уральский государственный университет путей сообщения, Екатеринбург, Россия

¹earomanova@usurt.ru

²AGaluk@usurt.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5393-506X>

Аннотация. В статье актуализируется роль социокультурной среды университета в формировании профессионально значимых личностных качеств, ценностей обучающихся, их отношения к выбранному направлению подготовки (специальности) как составляющих личного потенциала, определяющего конкурентоспособность выпускников вуза на рынке труда. Формирование социокультурной среды в вузе осуществляется посредством различных направлений воспитательной работы. Эмпирической базой статьи выступили материалы мониторингового социологического исследования «Ценностные ориентации молодого специалиста», проводимого ежегодно в Уральском государственном университете путей сообщения. В статье анализируются данные за 2022 г. Делаются выводы о положительных результатах реализации программы воспитательной работы в университете, выражающихся в удовлетворенности обучающихся морально-нравственной атмосферой в вузе, готовности работать по выбранному направлению подготовки (специальности), брать на себя ответственность за качество своей жизни, в распространении в студенческой среде ценностей здоровья, семьи, патриотизма.

Ключевые слова: социокультурная среда вуза, воспитательная работа, конкурентоспособность специалиста, ценности обучающихся

Original article

SOCIO-CULTURAL ENVIRONMENT OF THE UNIVERSITY AS A FACTOR OF FORMING A COMPETITIVE SPECIALIST

Elena A. Romanova¹, Alyona D. Galyuk²

^{1, 2}Ural State University of Railway Transport, Yekaterinburg, Russia

¹earomanova@usurt.ru

²AGaluk@usurt.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5393-506X>

Abstract. The article actualizes the role of the socio-cultural environment of the university in the formation of professionally significant personal qualities, values of students, their attitude to the chosen direction of training (specialty) as components of personal potential that determines the competitiveness of university graduates in the labor market. The formation of the socio-cultural environment in the university is carried out through various areas of educational work. The empirical basis of the article was based on the materials of the monitoring sociological research «Value Orientations of a Young Specialist», conducted annually at the Ural State University of Railway Transport. The article analyzes the data for 2022. Conclusions are drawn about the positive results of the implementation of the educational work program at the university, expressed in the satisfaction of students with the moral atmosphere at the university, the willingness to work in the chosen direction of training (specialty), to take responsibility for the quality of their lives, in the dissemination of health, family, patriotism values among students.

Keywords: socio-cultural environment of the university, educational work, competitiveness of a specialist, students' values

Что влияет на формирование человека как личности? Конечно, это та социальная среда, в которой он находится с первых дней своей жизни, то окружение, во взаимодействии с которым человек проходит этапы взросления, социального и профессионального самоопределения. Обучение в вузе – это важнейшая ступень в процессе формирования

профессионала, востребованного на рынке труда. Различные формы организации учебной и внеучебной деятельности в университете направлены на формирование не только профессиональных навыков обучающихся, но и на развитие личностных качеств, необходимых для успешного выполнения профессиональных задач, адаптации к системе со-

циально-профессиональных отношений, формирования ответственного отношения к результатам своей трудовой деятельности.

В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» воспитание рассматривается как «деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства» [1]. На основе обозначенных в законе целей и задач в Уральском государственном университете путей сообщения (УрГУПС) сформирована система воспитательной работы, включающая следующие направления работы:

1. Ориентация на общечеловеческие и высокие гуманистические идеалы культуры, а также идеалы народов РФ.

2. Формирование у студентов гражданской позиции и патриотического сознания, правовой и политической культуры.

3. Воспитание духовных и нравственных качеств интеллигентности.

4. Формирование личных качеств, необходимых для эффективной профессиональной деятельности.

5. Привитие умений и навыков управления коллективом с использованием различных форм студенческого самоуправления.

6. Совершенствование физического состояния, привитие потребности в здоровом образе жизни.

7. Привитие уважения к традициям УрГУПС, формирование чувства солидарности и корпоративности.

8. Формирование культурно-нравственных качеств, необходимых для сохранения и приумножения культурно-исторического наследия, традиций РФ и российского народа.

Социокультурная среда вуза – это результат взаимодействия всех субъектов образовательного процесса по созданию эффективной системы социального партнерства, применения новых образовательных методик и технологических решений, развитие отношений с международным студенческим сообществом и преумножение культурно-нравственных и научных традиций, социальное благополучие и наставничество [2]. Это есть среда совместного творчества обучающихся, преподавателей, работодателей, специфика, которой определена образовательной организацией при установлении способов самореализации обучающихся, а также раскрытия их потенциала.

Компонентами социокультурной среды вуза выступают учебно-воспитательная, профессиональная, научно-исследовательская и досуговая деятельность, управление, процесс коммуникации, эстетическое пространство и материально-предметный мир образовательного учреждения [3]. Целостная система взаимосвязи учебного процесса с внеучебной деятельностью, включающая в себя гражданское, патриотическое и духовно-нравственное воспитание, сферу досуга, положительно влияет на качественные характеристики будущих выпускников и способствует формированию конкурентоспособного специалиста.

Конкурентоспособность специалиста на рынке труда сегодня определяется системой профессиональных знаний, умений, навыков, а также профессионально значимыми личностными качествами, способствующими быстрой адаптации к изменяющимся условиям бизнеса, к своей профессиональной роли, ответственным отношением к процессу труда и его результатам. Конкурентоспособность определяется и личностным ростом будущего профессионала. А главное условие успешной деятельности в любой области – это уверенность в своих силах. Эту уверенность личности дают: 1) освоение и совершенствование профессионального мастерства; 2) адекватное поведение в различных ситуациях человеческого общения; 3) поддержание и укрепление здоровья и работоспособности; 4) создание благоприятного внешнего облика, собственного имиджа.

Поэтому задача вуза на современном этапе создать среду не только для получения профессиональных знаний, но и для саморазвития, самосовершенствования личности, для формирования у обучающихся гражданской позиции с сохранением и развитием нравственных, духовных ценностей российского общества, ценностного отношения к здоровому образу жизни, знаний законов геополитики и общественного развития. Все это должно способствовать формированию личности обучающегося, активного гражданина своей страны и будущего специалиста транспортной отрасли.

Для оценки влияния социокультурной среды университета на формирование личностных качеств обучающихся, их духовное и профессионально-трудовое развитие в вузе сформирована система мониторинга, предполагающая проведение ежегодного исследования «Ценностные ориентации молодого специалиста». Результаты мониторинга позволяют сделать вывод об эффективности программы воспитательной работы по ее пяти направлениям: 1) профессионально-трудовому вос-

питанию; 2) гражданско-патриотическому воспитанию; 3) духовно-нравственному воспитанию; 4) научно-образовательному воспитанию; 5) экологическому воспитанию.

Исследование, организованное в 2021/22 учебном году, проводилось методом анкетного опроса (N = 1400). Отбор респондентов проводился на основе квотной выборки. Участники опроса – это студенты с 1-го по 4-й курс, обучающиеся по программам бакалавриата, и с 1-го по 5-й курс, обучающиеся по программам специалитета. Доля респондентов-девушек в выборке составляет 37,3 %, юношей – 62,7 %, что отражают гендерную структуру обучающихся в вузе. В УрГУПС реализуется значительное количество образовательных программ, связанных с железнодорожным транспортом, на которых учатся преимущественно молодые люди. Возраст опрошенных составляет 17–25 лет, что отражает традиционные возрастные границы студенчества при очной форме обучения в вузе. В опросе участвовали обучающиеся всех факультетов, отобранные пропорционально их численности в данных учебных подразделениях.

Обратимся к анализу результатов исследования. Важным аспектом развития личности является формирование системы жизненных ценностей как ориентиров и приоритетов, в соответствии с которыми выстраиваются долгосрочные цели и строится сама жизнь.

Отвечая на вопрос: «Что для Вас является наиболее ценным в жизни?», студенты всех курсов на первое место поставили «материальное благополучие», при этом значимость этой ценности увеличивается по мере возрастания курса (52,7 % – 1-й курс, 58 % – 2, 3-й курсы, 65,1 % – 4, 5-й курсы).

Второй по значимости ценностью обучающиеся старших курсов назвали семью (46,6 % – 2, 3-й курсы, 45,3 % – 4, 5-й курсы). Обучающиеся 1-го курса на второе место поставили ценность «делать то, к чему лежит душа» – 44,5 %, в то время как у обучающихся старших курсов эта ценность располагается на третьем месте (ее выбрали 43 % старшекурсников). На третьем месте по значимости для первокурсников находится любимый человек (42,8 %).

Интересно отметить, что ценность «здоровье», несмотря на относительно недавно происходящую пандемию новой коронавирусной инфекции, у обучающихся старших курсов располагается на четвертом месте (38 % – 2, 3-й курсы, 39,1 % – 4, 5-й курсы), а у обучающихся 1-го курса – на пятом (30,6 %).

При анализе факторов обусловленности успехов и неудач в жизни человека две третьих опрошенных всех курсов отметили, что причина в собствен-

ных поступках и чертах характера. Это положительно характеризует жизненные установки обучающихся, поскольку свидетельствует об их готовности брать на себя ответственность за качество своей жизни. Только пятая часть опрошенных студентов 2, 3-го (20,4 %) и 4, 5-го (22,4 %) курсов объясняет достижения и поражения в жизни человека стечением обстоятельств. При этом первокурсники чаще называют этот фактор (27 %) в сравнении со студентами старших курсов.

Подавляющее большинство опрошенных уверены в востребованности выпускников выбранного направления подготовки (специальности) на рынке труда. Так, например, востребованным свое направление (специальность) считают 89 % обучающихся 1-го курса, 87,5 % обучающихся 2, 3-го курсов и 81 % обучающихся 4, 5-го курсов (рис. 1).

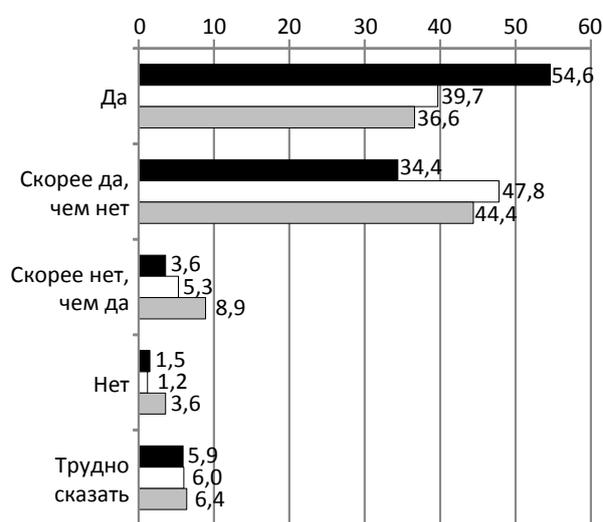


Рис. 1. Распределение представлений обучающихся о востребованности на рынке труда выбранного направления подготовки (специальности), %: ■ – первый курс; □ – второй или третий курс; ▨ – четвертый или пятый курс

Представление о востребованности специалистов в выбранной профессиональной области отражается на готовности обучающихся работать по получаемой в вузе специальности. Большинство первокурсников, обучающихся на 2 и 3-м курсе и обучающихся на 4, 5-м курсе связывают свое будущее с получаемой специальностью (рис. 2), но только около трети респондентов всех курсов выражают твердые намерения работать по получаемой в вузе специальности (выбирают вариант ответа «да»). Доля сомневающихся в своем профессиональном выборе выше среди обучающихся на 4 и 5-м курсе в сравнении со студентами 1–3-го курсов обучения (отмечают варианты ответов «скорее нет» 20,9 % и «нет» 7 % опрошенных 4 и 5-го кур-

сов). Таким образом, каждый четвертый представитель 4 и 5-го курсов и каждый пятый представитель 1–3-го курсов выражает сомнения относительно намерений связать свое будущее с профессией, получаемой в вузе.

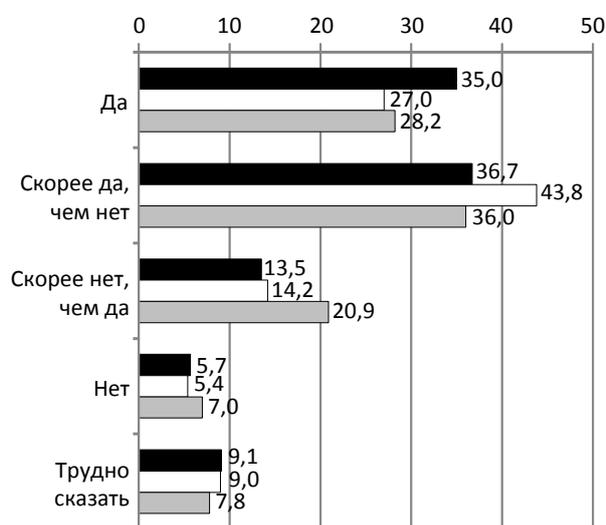


Рис. 2. Диаграмма готовности обучающихся связать свое будущее с выбранным направлением профессиональной подготовки, %: ■ — первый курс; □ — второй или третий курс; ▨ — четвертый или пятый курс

Обучающиеся удовлетворены общественной жизнью в вузе, которая представлена разнообразием предлагаемых видов внеучебной деятельности, в ней каждый может найти себе привлекательную сферу для самореализации с учетом интересов и ценностей. Подавляющее большинство студентов всех курсов удовлетворены и морально-нравственной атмосферой в вузе и взаимоотношениями с сокурсниками, чему способствует наличие в университете сложившейся системы воспитательной работы, направленной на быструю адаптацию первокурсников к различным формам учебной и внеучебной деятельности, поддержание обучающихся в раскрытии своих способностей, талантов как в научной, так и в творческой сфере, а также на создание условий для роста и развития современной молодежи.

Рассматриваемое исследование показывает, что обучающиеся УрГУПС не стремятся активно участвовать в политической жизни города, региона и страны. Студенты и младших, и старших курсов редко участвуют в политических акциях, собраниях, митингах и выборах. Они не следят за периодичностью политических событий. Между тем обучающиеся удовлетворены своим положением в обществе и считают, что несут ответственность за свои поступки перед ним. Так, удовлетворенность своим положением в обществе отмечают 83,8 % перво-

курсников, по 82 % студентов 2, 3-го и 4, 5-го курсов (выбирают варианты ответов «да, удовлетворен» и «скорее удовлетворен»). Можно предположить, что молодые люди не считают политику и политические решения серьезной составляющей их жизни и ограничиваются пониманием своей ответственности перед обществом.

На вопрос: «Считаете ли Вы себя патриотом?» — ответили «да» и «скорее да, чем нет» 67,9 % обучающихся 1-го курса, 71,6 % обучающихся 2 и 3-го курсов и 72,1 % обучающихся 4 и 5-го курсов (рис. 3).

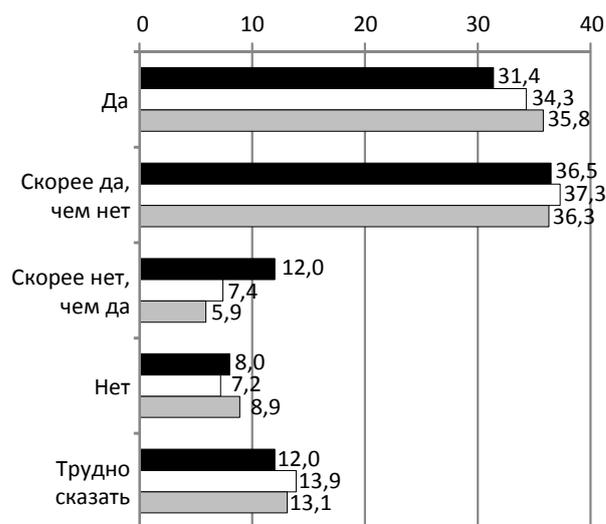


Рис. 3. Диаграмма мнений обучающихся о том, считают ли они себя патриотами своей страны, %: ■ — первый курс; □ — второй или третий курс; ▨ — четвертый или пятый курс

Большинство респондентов отметили, что готовы защищать страну в случае военной агрессии. Этот выбор сделали 57,4 % обучающихся 1-го курса, 54,8 % обучающихся 2 и 3-го курсов и 50 % обучающихся 4 и 5-го курсов (рис. 4).

Две третьих обучающихся всех курсов считают, что быть патриотом своей страны важно и оценивают уровень развития патриотизма в студенческой среде выше среднего. Субъектами формирования патриотических чувств студенты считают свою семью, СМИ и преподавателей. Истинный патриотизм опрошенные видят в укреплении семьи и воспитании детей в духе патриотизма, на последнее же место ставят участие в выборах.

Полученные результаты исследования актуализируют усиление в университете работы по патриотическому воспитанию. На наш взгляд, необходимо дать обучающимся возможность проявить себя в деятельности, позволяющей почувствовать причастность к великому наследию нашей страны, способствующей формированию ответственного отношения к интересам государства.

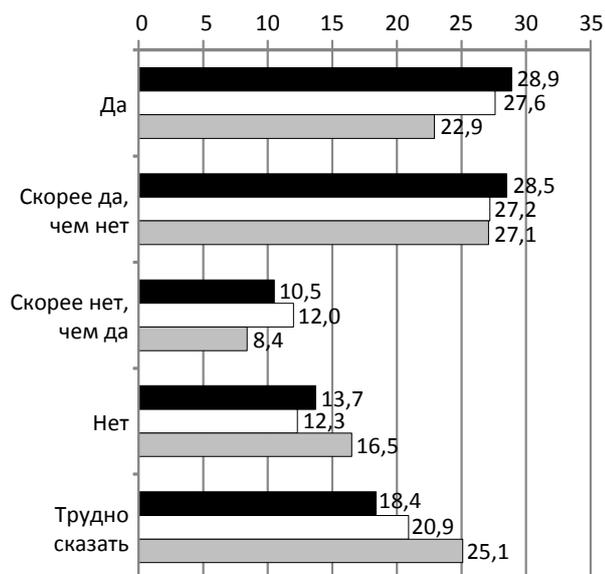


Рис. 4. Диаграмма готовности обучающихся участвовать в защите Родины в случае военной агрессии со стороны других государств, %: ■ – первый курс; □ – второй или третий курс; ▒ – четвертый или пятый курс

Еще одним важным блоком рассматриваемого исследования является оценка распространенности в студенческой среде ценностей здорового образа жизни и отношения к своему здоровью, что позволяет оценить эффективность проводимых в вузе мероприятий в этом направлении. Так, большинство опрошенных студентов не курят совсем (69,9 % – 1-й курс, 65,7 % – 2 и 3-й курсы и 58,9 % – 4 и 5-й курсы). Каждый третий обучающийся 1–3-го курсов и каждый четвертый студент 4, 5-го курсов совсем не употребляет алкоголь. Почти половина принявших участие в опросе употребляют алкоголь редко. Данные результаты, на наш взгляд, позволяют рассуждать об актуализации в студенческой среде бережного отношения к своему здоровью, в том числе и благодаря профилактике вредных привычек, реализуемой в вузе.

Здоровье является важнейшим компонентом трудового потенциала работника, позволяет поддерживать высокую работоспособность и профессиональное долголетие. Отметим, что принявшие в исследовании участие респонденты демонстрируют ответственное отношение к своему здоровью с ранних лет. Обучающиеся регулярно и по собственной инициативе занимаются спортом помимо обязательных занятий физической культурой в соответствии с учебным планом (рис. 5). При этом около 40 % обучающихся всех курсов занимаются спортом и физической культурой несколько раз в неделю. Пятая часть всех опрошенных занимается спортом раз в неделю.

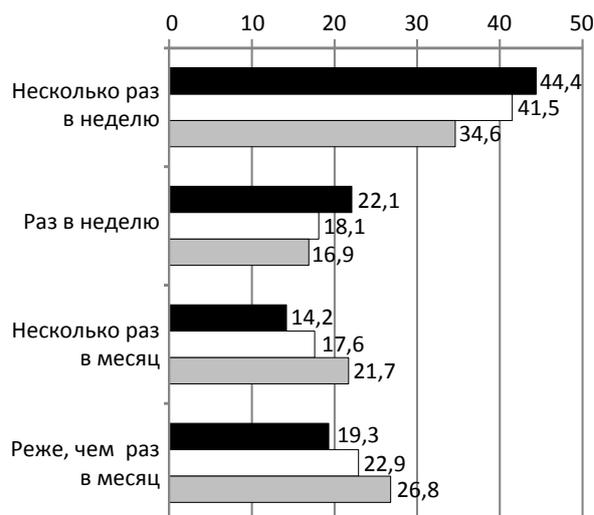


Рис. 5. Диаграмма частоты занятий обучающихся спортом, физической культурой помимо занятий в университете, %: ■ – первый курс; □ – второй или третий курс; ▒ – четвертый или пятый курс

Выводы и рекомендации

Исследование позволило выделить положительные тенденции в динамике ценностных ориентаций молодежи, обучающейся в УРГУПС [4].

1. Обучающиеся демонстрируют ответственное отношение к своему будущему. Большая часть опрошенных выражают готовность работать по выбранному направлению профессиональной подготовки, считают выпускников в данной области востребованными на рынке труда.

2. Большинство обучающихся всех курсов удовлетворены морально-нравственной атмосферой в вузе и отношениями с сокурсниками, что свидетельствует о действенности системы воспитательной работы, обеспечивающей создание благоприятной атмосферы для адаптации к особенностям обучения в высшем учебном заведении. Несмотря на гибридный формат учебной и внеучебной деятельности, реализуемый из-за ковидных ограничений, увеличение количества онлайн-мероприятий, снижение количества живых встреч участников студенческих сообществ и объединений, обучающиеся удовлетворены общественной жизнью в вузе. Эти данные свидетельствуют об успешной адаптации системы воспитательной работы в вузе к новым требованиям ведения образовательной деятельности в условиях профилактики новой коронавирусной инфекции.

3. Исследование позволило выявить, что наиболее значимыми жизненными ценностями для обучающихся всех курсов являются «материальное благополучие», «делать то, к чему лежит душа» и «семья». Обучающиеся в УРГУПС главными целями

профессиональных и жизненных траекторий видят наличие работы, позволяющей им достичь материального благополучия, что в перспективе обеспечит стабильность материального статуса будущей семьи. При этом «делать то, к чему лежит душа», является важным фактором, обуславливающим профессиональный выбор, а следовательно, удовлетворенность им и жизнью в целом. Подавляющее большинство опрошенных демонстрируют зрелое отношение к своей жизни, связывая личные и профессиональные достижения с опорой на себя, на свои способности, умения и навыки, выражают готовность брать на себя ответственность за происходящие в жизни события.

4. Оценка уровня развития гражданского самосознания обучающихся УрГУПС, их патриотизма, политической и гражданской активности показала, что большинство респондентов считают себя патриотами (71%), с остальными необходима более активная воспитательная работа, создание условий для формирования позиции в вопросах ответственного отношения к интересам государства.

5. Анализ отношения обучающихся к своему здоровью продемонстрировал, что большинство

опрошенных позитивно оценивают состояние своего здоровья на текущий момент и все чаще делают выбор в пользу ценностей здорового образа жизни, увеличивая физическую активность в своей жизни и отказываясь от вредных привычек.

В заключение можно отметить, что комплексный план мероприятий, реализуемый в УрГУПС по формированию социокультурной среды, направленной на всестороннее развитие личности обучающегося, является действенным, способствует реализации целей и задач воспитательной работы: создает условия для эффективной самореализации молодежи, построения траектории профессионального развития с учетом интересов и способностей обучающегося, формирования у молодежи активной жизненной позиции и чувства ответственности за свой профессиональный выбор и жизненные поступки в целом. Это позволяет нам сделать вывод о необходимости придерживаться выбранного направления воспитательной работы, руководствуясь принципами комплексности, системно-организационного подхода и целесообразной активности.

Список источников

1. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон № 273-ФЗ: [принят Гос. Думой 29.12.2012]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 11.01.2023).
2. Большакова А.С. Функциональные характеристики социокультурной среды вуза в условиях трансформации системы высшего образования современного российского социума // Развитие образования. 2019. № 3 (5).
3. Титова О.А. Социально-культурное пространство вуза как фактор формирования социокультурных и профессиональных компетенций в процессе обучения игре на фортепиано студентов высших учебных заведений культуры и искусств // Педагогическое образование в России. 2014. № 12.
4. Ценностные ориентации будущего молодого специалиста : отчет о проведении мониторингового исследования 2021/22 учебного года студентов УрГУПС. URL: <https://www.usurt.ru/student/studencheskaya-zhizn/dokumenty> (дата обращения: 06.02.2023).

References

1. Federal Law «On Education in the Russian Federation» dated December 29, 2012 No. 273-FZ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (accessed on January 11, 2023) (in Russ.).
2. Bolshakova A.S. Functional characteristics of the socio-cultural environment of the university in the context of the transformation of the higher education system of the modern Russian society // Development of education. 2019. No. 3 (5) (in Russ.).
3. Titova O.A. Socio-cultural space of the university as a factor in the formation of socio-cultural and professional competencies in the process of teaching piano to students of higher educational institutions of culture and arts // Pedagogical education in Russia. 2014. No. 12 (in Russ.).
4. Report on the monitoring study for the 2021–2022 academic year of USURT students «Value orientations of the young specialist». URL: <https://www.usurt.ru/student/studencheskaya-zhizn/dokumenty> (accessed on February 06, 2023) (in Russ.).

Информация об авторах

Е.А. Романова – старший преподаватель, проректор по молодежной политике;
А.Д. Галюк – кандидат социологических наук, доцент.

Information about the authors

E.A. Romanova – Senior lecturer; Vice-Rector for Youth Policy;
A.D. Galyuk – Candidate of Science (Sociology), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 15.02.2023; одобрена после рецензирования 24.02.2023; принята к публикации 24.03.2023.
The article was submitted 15.02.2023; approved after reviewing 24.02.2023; accepted for publication 24.03.2023.

Дискуссионная статья

УДК 37.035.6:378

doi:10.31079/1992-2868-2023-20-2-164-170

ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: РЕСУРС ВЗАИМОСВЯЗИ ВУЗОВСКИХ И МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ

Сергей Дмитриевич Савин

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, ssd_sav@mail.ru

Аннотация. В статье поднимаются вопросы гражданско-патриотического воспитания студенческой молодежи в контексте расширения среды формирования качеств гражданственности. Патриотические установки молодежи становятся более устойчивыми и действенными, когда развивается чувство сопричастности с социальными процессами, происходящими рядом, желание сделать жизнь вокруг себя лучше. С этой целью необходимо в системе вузовского гражданско-патриотического воспитания шире использовать ресурсы местных сообществ, задействовать механизмы гражданского общества. В данном контексте речь идет о ресурсах городских сообществ, вовлеченных во взаимодействие с местными вузами, на примере Санкт-Петербургского государственного университета. Статья посвящается 300-летию СПбГУ, которое будет отмечаться в 2024 г.

Ключевые слова: гражданско-патриотическое воспитание, гражданское сознание, образовательная среда, местные сообщества, студенческая молодежь

Discussion article

THE CIVIL-PATRIOTIC EDUCATION OF STUDENTS: THE RESOURCES OF UNIVERSITIES AND LOCAL COMMUNITIES

Sergey D. Savin

Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia, ssd_sav@mail.ru

Abstract. The article deals with civil-patriotic education of students in the context of expanding the field of citizenship formation. The patriotic attitudes of young people become more stable and effective when the sense of belonging to social processes and a desire to make life better are taking place. In doing so, it is necessary to use more widely the resources of local communities and civil society mechanisms in university civil-patriotic education system. In this context, the resources of urban communities involved in interaction with local universities will be analyzed, using the example of St. Petersburg University. The article is dedicated to the 300th anniversary of St. Petersburg University, which will be celebrated in 2024.

Keywords: civil-patriotic education, civil consciousness, educational environment, local communities, student youth

Гражданско-патриотическое сознание – стержень социально востребованного политического поведения молодежи, которое всегда находится в центре внимания как социально-политических, так и педагогических наук. Важность этой темы обуславливается и проблемой политической социализации, и вопросами детерминант политической активности/пассивности данной социально-демографической группы. Актуальность исследования связана с тем, что в последние годы в России наблюдается тенденция к политизации гражданского общества, остро встают вопросы о деструктивном характере его взаимодействия с государством. В связи с этим большое значение для задач стабильности и устойчивого развития нашего общества имеет проблема политической социализации студенческой молодежи как образованной и

активной части молодежной когорты, от участия которой в жизни гражданского общества зависит сам путь его развития. Канализация конструктивной активности молодежи на местный уровень при поддержке образовательно-воспитательного ресурса вузов и ресурсов местных сообществ будет способствовать гражданско-патриотическому воспитанию молодежи самым действенным способом. Кроме того, будет расти доверие между субъектами гражданской активности и органами власти и местного самоуправления.

Актуальность проблемы состоит как в выявлении этих ресурсов, так и в раскрытии возможности привлечения их к задачам формирования адекватного гражданско-патриотического сознания учащейся молодежи. Цель статьи – выявление неиспользованных ресурсов ближайшей жизненной

среды студентов, связанных с взаимодействием городского и вузовского социальных пространств и способных выступить факторами формирования гражданско-патриотического сознания молодёжи. Данный исследовательский аспект выступает важной составляющей проблематики социализации молодёжи, готовности её к включению в решение жизненно важных проблем российского общества, формированию ответственного и социально зрелого отношения к месту учебы и проживания, сохранению баланса традиций и инноваций в российском обществе, налаживанию межпоколенческого диалога, нарушенного новыми виртуальными формами социализации. Развитое гражданское самосознание является важнейшим условием формирования нации. При этом оно отражает реализацию гражданских прав и свобод личности, степень ее удовлетворенности характером общественного развития, доверие к субъектам политики и государственного управления, чувство гордости за страну. Индикатором национальной консолидации на определенном этапе развития общества выступает гражданско-патриотическое сознание молодёжи, поскольку в наибольшей степени отражает результаты текущей политики и их связь с политической социализацией молодого поколения.

Базовые ценности как основа гражданской идентичности молодёжи изучаются нами на основе аксиологического, системно-деятельностного и среднего подходов. В теоретическом плане можно выделить исследования гражданской идентичности (Л.М. Дробижева, В.А. Тишков, С. Хантингтон) и гражданской активности (Л.И. Никовская, О.И. Яницкий), духовного мира и ценностных ориентаций молодёжи (В.Т. Лисовский, С.Н. Иконникова), жизненных стратегий молодёжи (Ю.А. Зубок, В.И. Чупров), социального положения и роли в общественном развитии (М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги), проблем толерантности и ксенофобии в молодежной среде (В.И. Мукомель, Г.В. Солдатова). Также при изучении проблемы гражданской активности и гражданского сознания молодёжи используются положения теорий относительной депривации (Т.Р. Гарр, Дж. Дэвис), теории общественной модернизации (К. Дойч, А. Инкельс, Р. Ингалхарт). Теоретико-методологической основой исследования гражданского самосознания молодёжи послужили теории социальных установок У. Томаса и Ф. Знанецкого, Ла Пьера, В.А. Ядова.

В Санкт-Петербургском государственном университете исследования проблем гражданского участия молодёжи и проблем гражданско-патриотического воспитания представлены в широком

спектре научных работ, включающих социологические (А.А. Козлов, Л.И. Ятина, Н.И. Легостаева, К.А. Платонов, О.В. Келасьев), политологические (О.В. Попова, О.В. Лагутин, А.А. Никифоров, А.В. Шенякова) психологические (А.Н. Гришанина, Ю.А. Афанасьева, С.Д. Гуриева, И.А. Самуйлова, Н.Г. Васильева), конфликтологические (А.И. Стребков, А.Н. Сунами, А.Г. Пинкевич), педагогические (Е.И. Казакова) и междисциплинарные аспекты изучения.

Гражданско-патриотическая культура студенческой молодёжи – это вид гражданского сознания и деятельности молодёжи, связанный с задачами самореализации в условиях демократического правового государства, исполнением прав и обязанностей гражданина, защиты ценностей и поддержания традиций своего Отечества и родного края. При этом важная часть гражданско-патриотического воспитания – это формирование гражданственности как установок гражданского участия, вовлеченности в общественную жизнь. Следует помнить, что патриотизм не всегда связан с гражданственностью, но подлинная гражданственность в той или иной степени предполагает патриотические ценности.

Одной из задач политической социализации в вузе является формирование у студенческой молодёжи гражданской компетенции как готовности личности реализовать весь комплекс гражданских прав и обязанностей в обществе, применять свои знания и умения на практике. В то же время необходимо понимать, что помимо механизмов защиты и продвижения групповых интересов, ответов на депривующие факторы, в поведении молодёжи также важную роль играют эффекты солидаризации и коллективного согласия, мотивирующие участников при необходимости отказываться от личной выгоды во имя коллективной цели и общего блага. И это является важной составляющей механизмов гражданско-патриотического воспитания в вузах и на городском уровне.

В статье ставится проблема гражданско-патриотического воспитания молодёжи на местном уровне во взаимодействии образовательных организаций и муниципалитетов. В России практически отсутствует научно обоснованная муниципальная политика по формированию гражданско-патриотического сознания у активных групп молодёжи ресурсами ближайшей жизненной среды. Образование и свобода коммуникаций открывают для таких групп доступ к западным ценностям и установкам, формирующим сознание, в то время как отечественная альтернативная и привлекательная для молодёжи тематика практически не предлагается.

Работа с молодежью ведется не системно, молодежь сбита с толку разнонаправленной информацией, у неё формируется амбивалентность сознания, неустойчивость ценностей и граждански ориентированных установок. В итоге часто возникает ценностный конфликт и разрушается преемственность поколений. В то же время мы полагаем, что российское общество может быть плюралистическим и открытым при сохранении ядра традиционных духовно-нравственных ценностей. Надо понимать и в научно-практическом плане обосновывать, что российские ценности могут быть и консервативными, и либеральными, и религиозными, и светскими. Гражданское сознание молодежи должно формироваться не через конфликт ценностей, а через их синтез. А патриотическое воспитание должно учитывать социально-культурное многообразие российского общества. При этом следует отличать гражданско-патриотическое воспитание от военно-патриотического, на которое в большинстве государственных и муниципальных учреждений молодежной политики и делается акцент. Гражданско-патриотическое воспитание ориентирует на задачи гражданского служения Родине, любовь к малой родине и традициям местных сообществ, взаимопомощь и солидарность соотечественников, гражданскую идентичность. К сожалению, как фиксируют социологические исследования, такой гражданский патриотизм, связанный с солидарностью и участием в делах общества, мало осознается нашими гражданами. Чуть более трети (38 %) россиян считают важным построение в России правового государства, и только каждый десятый выразил готовность участвовать в жизни гражданского общества [1: с. 417]. Таким образом, социологические исследования последних лет выявили, что патриотизму россиян сегодня явно не достает гражданственности, и поэтому в обществе ощущается дефицит низовой субъектности [4: с. 50].

Какую роль в указанном процессе развития гражданско-патриотического активизма могут играть вузы и что необходимо сделать для ее увеличения? Прежде всего, необходимо отметить, что вузы являются важнейшим институтом политической социализации. В системе современного высшего образования в России есть блок дисциплин, имеющих компоненты гражданско-патриотического содержания, отражающих духовно-нравственный компонент традиционных российских ценностей. Среди таких дисциплин можно назвать историю России, культурологию, правоведение, краеведение, политологию, социальную экологию, социологию молодежи, социологию семьи и ряд других.

Кроме того, по итогам проекта «ДНК России» в ближайшие годы Минобрнауки планируется введение в учебные планы всех вузов обязательной дисциплины «Основы российской государственности»¹.

Второй момент, который лежит на поверхности в рамках системы гражданско-патриотического воспитания в вузах, – это вузовские структуры воспитательной работы (управления, отделы). Так, в Рабочую программу воспитания в Санкт-Петербургском государственном университете входят экскурсии, волонтерская деятельность, краеведческие мероприятия, концерты, театральные постановки и другая внеучебная деятельность, в ряде аспектов связанная с формированием ценностей и установок гражданско-патриотической направленности. При этом в структуре воспитательной деятельности выделяются следующие направления: гражданское (гражданско-правовое); патриотическое; духовно-нравственное; профессионально-трудовое (научно-образовательное); культурно-просветительское; физическое (спортивно-оздоровительное); экологическое. Здесь стоит отметить, что гражданско-патриотический компонент может присутствовать в деятельности любого из направлений воспитательной работы, поскольку активная гражданская позиция и любовь к Отечеству личности проявляют себя и в культуре, и в созидательном труде, и в бережном отношении к природе.

Но интегративную роль в этом процессе все же играют целенаправленные подходы к патриотическому воспитанию. И здесь очень важно их содержание в связи с воспитательной средой вузов. Так, в указанной программе СПбГУ говорится, что патриотическое направление воспитания ориентировано на развитие чувства неравнодушия к судьбе Отечества, родного города и университета, к их прошлому, настоящему и будущему. А гражданское направление ратует за развитие общегражданских ценностных ориентаций и правовой культуры через включение в общественно-гражданскую деятельность. Оба направления тесно связаны друг с другом и основываются на принципе соучастия студентов и сотрудников в жизни города и университета. Таким образом, мы видим, как гражданско-патриотическое воспитание интегрируется с другими видами воспитательной работы через формирование активной жизненной позиции обучающихся, их вовлеченности в общее социальное пространство университета и города. У студентов формируется общая широкая идентичность городского

¹ ДНК России. URL: <https://vz.ru/politics/2023/2/8/1198356.html>

и университетского сообщества. Гражданский патриотизм проявляется как конструктивная деятельность универсанта и горожанина. В плане мероприятий СПбГУ по воспитательной работе за осенний семестр 2022/23 учебного года можно выделить несколько десятков мероприятий, вовлекающих универсантов в общественную жизнь города. Среди них городская экскурсия-викторина «Исторические тропы», автобусная экскурсия «Петровский Петербург», квест-экскурсия для студентов по Васильевскому острову, памятное мероприятие «Блокадные места на Васильевском острове», встреча с создателями художественно-документального фильма о блокаде Ленинграда, ежемесячные концерты классической музыки творческих коллективов СПбГУ и приглашенных артистов, фестиваль студенческих хоровых коллективов «Петровская кантата», Зимний бал СПбГУ и др.

И третий момент, который связан с музейной, архитектурной и историко-культурной составляющей университетской городской среды. Так, например, Санкт-Петербургский государственный университет, благодаря внесенным изменениям в Устав, с 2017 г. занимается на государственном уровне музейной деятельностью (9 музеев и коллекций, открытых для посещений, а также ботанический сад), в которую активно вовлекает и обучающихся (практика, семинары, волонтерская деятельность, экскурсии)². В то же время жизнь музеев неразрывно связана с жизнью города и его муниципальных образований, налаживается широкое сотрудничество с местной общественностью, органами власти и местного самоуправления. Помимо непосредственно музеев социокультурная составляющая включает в себя историю вузов, известных ученых, выпускников, обществ, кружков и других факторов университетской среды. Гордость за причастность к этому историческому наследию, верность традициям высшего учебного заведения – значимые личностные факторы, влияющие и на гражданскую позицию молодого человека, и на его патриотические установки. Важную роль в этом процессе играют памятные и юбилейные даты. Так, большим событием в жизни не только университетского сообщества, но и страны стала подготовка к 300-летию Санкт-Петербургского государственного университета, которое будет отмечаться 8 февраля 2024 г. К празднованию этой значимой даты была подготовлена серия мероприятий с участием обучающихся, выпускников и партнеров университета. В их числе создание эскиза почтовой марки к

этому событию, голосование за выбор имени малой планеты, проект «Лица университета» и др.³

Во всех указанных трех аспектах гражданско-патриотического воспитания значительную роль играет университетская среда как событийно-территориальная связанная совокупность влияний и условий формирования личности, как фактор внутреннего и внешнего психосоциального и социокультурного развития личности. Вовлеченность в университетскую (вузовскую) и общественную городскую среды может быть связана с разными видами деятельности обучающегося: волонтерской, проектной, научно-исследовательской, досуговой и творческой, различными стартапами и гражданскими проектами. При этом студенческие инициативы в широкой социально-культурной деятельности реализуются, в том числе, в организации мероприятий гражданско-патриотической направленности. Какие виды мероприятий могут быть эффективны при взаимодействии вузов и муниципалитетов в рамках гражданско-патриотического воспитания? Назовем пока в обобщенном виде такие, как массово-спортивные, медийно-информационные и просветительские, благотворительно-волонтерские, музейная и экскурсионная деятельность, посещение театров и культурных мероприятий, организация местных и региональных форумов и конференций, мероприятия экологической направленности. В целом, учитывая специфику и особенности социально-культурной среды вуза и ориентируясь на способы реализации средового подхода, учащаяся молодежь включается в социально значимую, гражданско-патриотическую деятельность, способствующую формированию навыков активного гражданского действия, содействия воспитанию гражданских качеств, формированию ценностных духовно-нравственных ориентаций (в значительной степени традиционных или базовых общественных ценностей) [2: с. 21–22].

Теперь несколько слов о ресурсах поддержки студенческой молодежи со стороны городских сообществ и муниципалитетов. Прежде всего, необходимо отметить, что мы говорим о городских ресурсах в связи с тем историко-культурным фактом, что абсолютное большинство вузов в России локализовано именно в городах, а вузовские кампусы являются важными составляющими городской среды. Исторически сложилось, что вузы придавали российским городам дополнительный статус научно-образовательного пространства в соответствии с административно-территориальным стату-

² <https://spbu.ru/universitet/muzei-i-kollekcii-spbgu>

³ <https://spbu.ru/300let>

сом этих городов как федеральных или региональных центров. То же касается и вопроса гражданской активности населения. Сам термин «гражданский» этимологически уходит корнями в понятия «городской», «град». Города были и остаются центрами гражданских инициатив и просветительской деятельности, в том числе и центрами гражданско-патриотического воспитания. Как писали представители Чикагской школы социологии (Р. Парк, Э. Берджесс, Р. Маккензи), города представляют собой пространство социальной мобильности, культурно-территориальная среда которых образует так называемые «естественные районы» городских сообществ [6]. В современном мире студенческая молодежь – это ядро восходящей социальной мобильности, активная социальная группа, представители которой не только получают образование, но и осваивают новые социальные практики. Города живут и развиваются благодаря притоку молодежи, стремятся удержать ее, вовлекают в специальные проекты. По сути, молодежь – это индикатор социального развития города, его будущего. Современная молодежь перетекает в крупные постиндустриальные центры, видит там широкие перспективы для самореализации. Но отвечать требованиям современного развития могут и средние и даже малые города при условии их тесной интеграции с научно-образовательным пространством. Так, если государство ставит задачи регионального развития – важно выстраивать интеграционные цепочки молодежной политики от образования к работе и условиям устойчивого развития территорий, качества среды. Иначе даже наличие современных образовательных центров не позволит удержать талантливую молодежь в регионе. В связи с этим уместно будет напомнить, что исследования последних лет демонстрировали высокие эмиграционные установки российской молодежи. Так, согласно нашему исследованию 2019 г., выполненному на базе Центра социологических и интернет-исследований СПбГУ (всероссийский телефонный опрос, N = 1653), 29,2 % молодых людей в возрасте от 18 до 29 лет имели намерения при возможности покинуть Россию. И это без учета 35 % не исключаяющих такую возможность. То есть в совокупности почти 2/3 опрошенной молодежи при возникновении соответствующих условий готовы уехать из страны. Важны и внутрироссийские оттоки региональной миграции молодежи, которые приводят к социально-демографическому кризису развития «нестоличных» городов. Особенно остро эта проблема стоит для Дальнего Востока России, включая и города

Хабаровского края. При высоком образовательном и индустриальном потенциале городов края факторы создания благоприятной среды могли бы воздействовать на гражданско-патриотическое сознание местной молодежи, ее желание жить и работать на малой родине.

Санкт-Петербург – город-миллионник, который сам является привлекательным местом для миграции молодежи, но часто образовательный капитал, полученный студентами в городских вузах, становится инструментом для последующей эмиграции в страны Запада. Снизить данную тенденцию как раз и позволяют ресурсы местных сообществ городского пространства Петербурга, которые открывают для молодых людей жизненные перспективы этого места. На опыте взаимодействия СПбГУ с городскими структурами (организации, объединения, сообщества) и отдельными людьми можно выделить перспективные направления развития такой расширенной среды для обучающихся. Например, развитие сотрудничества с органами муниципальной власти, местного самоуправления. Так, СПбГУ имеет длительные естественные связи с муниципалитетами Василеостровского района, на территории которых располагается значительное количество объектов университета. В частности, сотрудничество с органами местного самоуправления пяти муниципальных округов района позволяло привлечь местных депутатов к участию в государственных итоговых экзаменационных комиссиях, организации культурных мероприятий, памятных дат и праздников совместно с универсантами.

Роль среды в воспитании и образовании имеет большое и часто недооцененное значение. Среда – это объективный фактор, который воздействует на человека, в том числе и на его внутренний мир и мотивацию. Нередко забывается, что образовательная среда – это условия не только обучения, но и более широкого процесса социализации личности. Это опыт, практика не только учебной, но и внеучебной деятельности, широкие социальные коммуникации, потребление культурного продукта, организация досуга и творческой деятельности, деловые связи и др. В социологических исследованиях часто говорится о задачах адаптации обучающихся к образовательной среде, но редко ставится вопрос об активной роли самой среды, о ее влиянии на деятельностный потенциал молодежи и ее гражданское сознание. Тем более актуальной становится задача не замыкаться на узком анализе вузовской среды только как образовательной. Высшие учебные заведения – это не только часть социальной системы образования и науки, но и

культуры, социальной защиты, предпринимательских стартапов, местных гражданских инициатив и др. Отсюда и необходимость исследования более широкого контекста социальной среды, включающей и городское пространство. Воспитательная политика вуза должна использовать ресурс местных сообществ для активизации деятельностного потенциала обучающегося, расширения его представлений о возможностях современного образования, не ограниченного рамками предметной сферы образовательной программы и направления подготовки. Так формируется и ценностное отношение обучающихся к образованию как к объекту социальной реальности. Представления студенческой молодежи о возможностях продвижения в обществе, предоставляемых образованием, закрепляются в мотивационной структуре, включающей ценность знания, развивающего способности и повышающего культуру [5: с. 64].

Однако перейдем к выводам и рекомендациям. Мы рассматривали возможности объединения ресурсов городских и вузовских сообществ во влиянии на качества гражданственности и патриотизма молодежи. Несмотря на то, что системная работа по патриотическому воспитанию в вузах получила в последние годы значительное развитие, остается и много недостатков в самих походах к развитию у молодежи гражданско-патриотического сознания. Не хватает понимания, что объект патриотического сознания – это не только историческое прошлое (компонент исторической памяти) и абстрактные категории национальной идентичности, символы государственности, но и гордость за достижения местных (локальных) сообществ, развитие социальных пространств, комфортных для жизни и работы. Гражданский патриотизм – это чувство сопричастности к тому, что происходит рядом с тобой, что тебе дорого и ради чего ты готов остаться здесь, создавать семью, заниматься общественными делами. Для формирования таких патриотических чувств мало проводить вузовские мероприятия социокультурной направленности, необходимо больше включать студенческую молодежь в жизнь окружающих городских пространств, включая и волонтерскую деятельность, и различные проекты по развитию городской среды с участием различных местных сообществ, структур как органов власти, местного самоуправления, так и структур гражданского общества.

Таким образом, гражданско-патриотическое воспитание не заменяет, а дополняет военно-патриотическое, формирует синкретичное историческое сознание молодежи. Именно местные со-

общества выступают ближайшей жизненной средой, оказывающей детерминирующее влияние на формирование гражданско-патриотического сознания молодежи. Ведь в условиях ближайшей жизненной среды могут раскрыться таланты, способности, реализоваться интересы молодых людей. Конечно, для этого она должна быть развивающей, ориентированной на то, что молодые люди могут реализовать себя в жизни местного сообщества. При этом надо создать условия для неформального участия молодежи в делах местного значения, для чего органы местной власти должны научиться работать с низовыми формами самоорганизации молодежи, проявляющей всё больше внимания к делам местного значения.

На наш взгляд, в настоящее время назрела необходимость разработки концептуальной модели гражданско-патриотического сознания молодежи на основе потенциала локальной среды. Она вызвана тем, что гражданское самосознание российской молодежи и формируемая на этой основе национальная идентичность носят незавершенный и часто противоречивый характер. Неиспользованность ресурсов местной среды имеет своим следствием слабую выраженность и противоречивость ценностных ориентиров молодежи, растущие лакуны исторической памяти, возможность манипуляции сознанием молодежи в условиях информационных войн. Результаты проведенных социологических исследований показывают также неадекватность сознания, ценностный конфликт поколений, высокий уровень социальной напряженности в молодежной среде, которая проявляется, в том числе, и в сфере межэтнических отношений, ксенофобских установках и развитии сетевых форм националистических движений. Противостоят этим негативным явлениям в молодежной среде могут ресурсы локальной среды.

Применительно к цели определения роли местных сообществ в формировании гражданско-патриотического сознания российской молодежи в условиях внешних и внутренних вызовов и угроз развёрнутые исследования в отечественной и зарубежной литературе представлены в отдельных разрозненных аспектах. Однако обобщённой концептуальной модели гражданско-патриотического сознания молодежи, формирующегося под воздействием детерминант локальной жизненной среды, пока не предложено.

Для целей гражданско-патриотического воспитания большое значение имеет принцип социальной солидарности, заложенный в основах российской государственности и воплощенный в консти-

туционно-правовой идее социального государства. В практике гражданско-патриотического воспитания на местном (муниципальном) уровне этот принцип означает готовность местных властей, учреждений культуры и образования, работодателей, профсоюзов, партий, неправительственных организаций заключать соглашения по важным вопросам общественной жизни, социальной поддержки и культурного развития. В основе таких со-

глашений должны стоять не узкогрупповые или корпоративные интересы, но патриотическая убежденность в общем благе, важности гражданской ответственности и долга. Развитие подобных практик, внедрение образа солидарных действий в повседневную жизнь и сознание молодежи способствовали бы созданию полноценной интегративной среды воспитания гражданственности на местном и региональном уровнях.

Список источников

1. Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). В 2 т. Москва : Новый хронограф, 2016. 496 с.
2. Гревцева Г.Я. Гражданско-патриотическое воспитание учащейся молодежи как социокультурный процесс // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2019. Т. 11, № 3. С. 18–26.
3. Дюкарев Р.С. Гражданско-патриотическое воспитание студенческой молодежи в современной культурно-исторической среде средствами хорового пения // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 5. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=26861> (дата обращения: 10.02.2023).
4. Лубский А.В. Гражданский патриотизм: о совместимости патриотизма и гражданственности в российском обществе // Гуманитарий юга России. 2017. Т. 23, № 1. С. 42–59.
5. Любичкая Г.С., Казаку О.В., Аникеева Н.С., Спасский Е.Н. Деятельностные риски молодежи в образовательной среде // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2022. Т. XIX. Вып. 2.
6. Urban Sociology. Chicago : University of Chicago Press, 1967. 325 p.

References

1. Gorshkov M.K. Rossijskoe obshchestvo kak ono est' (opyt sociologicheskoy diagnostiki): v 2 t. [Russian society as it is: (the experience of sociological diagnostics)]. M.: Novyj hronograf, 2016. 496 s.
2. Grevceva G.YA. Grazhdansko-patrioticheskoe vospitanie uchashchejsya molodezhi kak sociokul'turnyj process [Civil-Patriotic Education of Students as a Social and Cultural Process] // Sovremennaya vysshaya shkola: innovacionnyj aspekt. 2019. T. 11. № 3. S. 18–26.
3. Dyukarev R.S. Grazhdansko-patrioticheskoe vospitanie studencheskoj molodezhi v sovremennoj kul'turno-istoricheskoy srede sredstvami horovogo peniya [Civil and patriotic education of student youth in the modern cultural and historical environment by means of choral singing] // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2017. № 5. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=26861> (data obrashcheniya: 10.02.2023).
4. Lubskij A.V. Grazhdanskij patriotizm: o sovместимости patriotizma i grazhdanstvennosti v rossijskom obshchestve [Civic Patriotism: On the Compatibility of Patriotism and Citizenship in Russian Society] // Gumanitarij yuga Rossii. 2017. Tom 23. № 1. S. 42–59.
5. Lyubickaya G.S., Kazaku O.V., Anikeeva N.S., Spasskij E.N. Deyatel'nostnye riski molodezhi v obrazovatel'noj srede [Activity risks of young people in the educational environment] // Social'nye i humanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke. Tom XIX. Vyp. 2. 2022.
6. Urban Sociology. Chicago : University of Chicago Press. 1967. 325 p.

Информация об авторе

С.Д. Савин – кандидат социологических наук, доцент.

Information about the author

S.D. Savin – PhD of Science (Sociology), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 01.02.2023; одобрена после рецензирования 24.02.2023; принята к публикации 24.03.2023.
The article was submitted 01.02.2023; approved after reviewing 24.02.2023; accepted for publication 24.03.2023.

Научная статья

УДК 378.147:004.4

doi:10.31079/1992-2868-2023-20-2-171-182

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВИДЕОИГРА КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ БУДУЩИХ ПРОФЕССИОНАЛОВ

Татьяна Валентиновна Тулупьева¹, Павел Ильич Мавиди²

¹Санкт-Петербургский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия, tulupeva-tv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3630-7971>

²Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия, mavidipavel@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается трансформация педагогических технологий, используемых в образовательном процессе, в соответствии с требованиями времени и технологическими достижениями. Цель данной статьи – проанализировать возможности применения компьютерных видеоигр в системе подготовки будущих профессионалов. В статье приводятся виды компьютерных видеоигр с указанием, в каких образовательных направлениях их можно применять, описываются успешные практики применения игр в образовательном процессе, анализируются достоинства и недостатки игровой технологии. Статья предназначена для специалистов и преподавателей, работающих в сфере профессионального образования.

Ключевые слова: цифровые технологии, дистанционное обучение, компьютерная видеоигра, цифровое доверие

Благодарности: исследование выполнено в рамках инициативной НИР СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ, номер в системе ЕГИСУ НИОКТР 122112900066-6.

Original article

COMPUTER VIDEO GAME AS A MEANS OF TRAINING FUTURE PROFESSIONALS

Tatiana V. Tulupyeva¹, Pavel I. Mavid²

¹Saint Petersburg Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, North-West Institute of Management – Branch of RANEPA Saint Petersburg, Russia, tulupeva-tv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3630-7971>

²North-West Institute of Management – Branch of RANEPA, Saint Petersburg, Russia, mavidipavel@yandex.ru

Abstract. The paper deals with the transformation of pedagogical technologies used in the educational process in accordance with the requirements of the time and technological advances. The purpose of this paper is to analyze the possibilities of using computer video games in the system of training future professionals. The paper presents the types of computer video games, indicating in which educational areas they can be used, describes the successful practices of using games in the educational process, analyzes the advantages and disadvantages of gaming technology. The paper will be of interest to specialists in the field of professional education.

Keywords: digital technologies, distance learning, computer video game, digital trust

Acknowledgments: the study was carried out within the framework of the initiative research NWIM branch RANEPА, № 122112900066-6.

Введение

Наш мир меняется, и цифровая трансформация приводит к тому, что он становится более открытым, многозадачным и более неопределенным. Скорость изменений возрастает, и человечеству приходится адаптироваться к новым изменениям, к новым условиям стремительными темпами. И в этом процессе есть новые особенности, которые состоят в том, что передовым отрядом адаптации к новым изменениям выступают не взрослые, а подрастающее поколение [28]. Именно они восприни-

мают внедрение цифровых технологий в нашу жизнь как должное и обыденное явление. Цифровые технологии сейчас являются важным агентом социализации, который начинает конкурировать с такими традиционными институтами социализации, как семья и школа. Кроме того, восприятие виртуального мира на сегодняшний день становится всё более неотличимым от восприятия действительности, которая нас окружает. Это привело к возникновению понятия «виртуальная реальность», которое подчеркивает, что события в вир-

туальном мире для человека могут быть настолько же важны, как и события в реальном мире. Некоторые исследователи даже оперируют понятиями «оффлайн реальность», т.е. окружающий нас мир, и «онлайн реальность», т.е. то, что происходит в виртуальном мире. Последние исследования показывают, что современные подростки дополняют круг привычных деятельностей онлайн активностью, а на субъективном уровне уже не происходит разделения реальности на онлайн и оффлайн, а идёт переживание реальности как смешанной [29]. Введение таких понятий подчеркивает важность проблемы и говорит о том, что процессы цифровой трансформации нужно учитывать в повседневной жизни, а особенно в организации процесса обучения.

Наиболее ярким примером активного развития цифровых технологий являются компьютерные игры и их внедрение в различные процессы в нашей жизни. Использование компьютерных игр человеком вызывает большое количество дискуссий и попыток оценить степень влияния на человека. Нередко такое влияние оценивается негативно, поскольку исследователи изучают проблемы игровой зависимости или влияние виртуального насилия на поведение игрока [32]. Если посмотреть развивающий потенциал компьютерных игр, то можно заметить, что культуральное воздействие компьютерных игр уже выходит за пределы самих игр. Виртуальные игры помогают человеку расширить диапазон ролей, которые он может играть, примерить на себя какую-то новую роль, которая для него недоступна в реальном мире [16]. Вокруг игр складываются игровые сообщества, в последнее время в основном онлайн, возникает феномен фан-арта, идет подготовка энциклопедии и гайдов, т.е. складываются различные культурные практики. Фактически игры становятся базой для широкого социального взаимодействия [32].

Компьютерные игры на современном этапе из-за возможности создания трехмерных виртуальных миров обладают высокой степенью достоверности. Это обеспечивает эффект погружения, игрок перестает чувствовать себя внешним наблюдателем и начинает воспринимать виртуальное игровое окружение почти как настоящее [31]. Новейшие достижения технологии и новые способы функционирование игроков в компьютерных играх еще усиливают эффект включенности, а осуществление мгновенной связи между действиями и отображением на экране усиливает восприятие игры как реальности [1]. Цифровое поколение, к которому принадлежат студенты, по большей части пред-

ставляет собой визуалов, которые лучше понимают изображение, чем слова, воспитывались на инфографике и фотографиях сверстников, предпочитают анимированные сообщения. Компьютерная видеоигра позволяет игрокам почувствовать себя героями, которые способны делать то, что они не могут или им запрещено делать в реальном мире. В игре человека привлекает то, что он получает возможность отвлечься от повседневной рутины и погрузиться в мир, где можно воплотить в реальность свои мечты [33]. И если раньше игры рассматривались как нечто несерьезное, то сейчас под влиянием современных технологий игра может оказывать серьезное воздействие даже на реальность. Из-за широкой распространённости и уникальных свойств компьютерные видеоигры могут рассматриваться как среда воспроизведения современной культуры [1]. Посредством видеоигр можно формировать самосознание, и политическое самосознание в том числе, а можно формировать профессиональное мировоззрение и даже профессиональные навыки.

Педагогические технологии, применяемые в образовательном процессе, да и вся система образования в целом неуклонно трансформируются в соответствии с требованиями времени и технологическими достижениями. Сейчас все больше на первый план выходит индивидуализация образования, которая позволяла бы выбирать модули, темы, время и скорость обучения. Именно цифровые технологии, к которым можно отнести и компьютерные видеоигры, позволяют обеспечить индивидуальный подход к каждому обучающемуся [8]. Несмотря на то, что феномен игры в педагогических исследованиях достаточно хорошо изучен [23], переход к новому технологическому или проектно-технологическому типу образования в ответ на необходимость обучения детей, выросших в эпоху Интернета, позволяет нам по-новому взглянуть на место и роль игры в образовательном процессе [11].

Высшее образование, в рамках которого идет подготовка будущих профессионалов, также должно постоянно адаптироваться к запросам общества на новые методы обучения и к новым технологическим возможностям. Сейчас можно наблюдать поиск новых путей, методов, форм, технологий образования, меняется образовательная парадигма в ответ на процессы цифровизации [19]. Развитие дистанционного обучения, как синхронного, так и асинхронного, повышает доступность образования, а использование интерактивных сервисов, мобильных приложений, чат-ботов способно повысить вовлеченность и мотивацию к обучению, развить

навыки взаимодействия, обеспечить не только профессиональное, но и личностное развитие [26].

Цель данной статьи – проанализировать возможности применения компьютерных видеоигр в системе подготовки будущих профессионалов.

Компьютерные видеоигры в современном образовании

Достижения современных цифровых технологий позволяют внедрять новые интерактивные методы обучения, которые сильно отличаются от традиционных, классических методов [10]. Цифровое образование, реализуемое с использованием электронного образовательного пространства, становится устойчивым образовательным трендом на современном этапе, но, с другой стороны, возникает необходимость модернизации методов обучения в связи с новыми запросами учеников, которые являются активными пользователями цифровых технологий и интернета. Меняются способы трансляции информации, логики ее преподнесения, а также вносятся изменения во взаимодействие педагога и студента, меняются требования к компетенции преподавателя, переосмысливается его роль в образовательном процессе. Компьютерные игры, тренажеры виртуальной реальности, компьютерные бизнес-симуляции, онлайн лаборатории, виртуальное моделирование, среды для программирования, различные сервисы для создания портфолио, чат-боты, искусственный интеллект, множество новых обучающих онлайн сервисов выстраивают новую архитектуру образовательного процесса. Пандемийные ограничения, введенные не только в России, но и во всем мире, активизировали развитие новых образовательных технологий с использованием компьютера и интернета. Массовый переход к дистанционному образованию, внедрение онлайн курсов отчетливо показали, что эффективность образовательной деятельности при таких форматах зависит от успешности поиска и применения различных инструментов мотивации студентов. Таким действенным способом развития мотивации обучающихся является введение в процесс обучения игровых техник [18]. Многочисленные исследования и изучение передового педагогического опыта говорят о том, что образовательный потенциал игр чрезвычайно высок [13]. Применение компьютерных учебно-деловых игр повышает способность решать сложные, разнообразные задачи, что положительно влияет на эффективность обучения, развивает умение планировать, прогнозировать, предвидеть дальнейший ход событий. Благодаря процессу игры студенты активнее

включаются в познавательную деятельность и более успешно усваивают учебный материал.

Сами деловые игры можно отнести к одним из наиболее традиционных методов подготовки профессионалов. Активно такие игры ещё с середины XX в. использовались для подготовки специалистов управленческих категорий, причем использовались как в корпоративных университетах, так и на уровне организаций высшего профессионального образования. Такие варианты деловых игр предполагали моделирование реальных практических ситуаций, с которыми может столкнуться специалист, решение таких ситуаций формировало практические навыки принятия управленческих или профессиональных решений. Еще Х.Р. Уоткинс писал о том, что деловые игры должны ставить руководителей в ситуации проблем, с которыми они могут столкнуться в процессе управления и которые им придется решать, пусть и в более сложном виде, в реальной жизни [37]. В наши дни игры становятся более социально ориентированными, сложными, структурированными и реалистичными [36].

Внедрение компьютерных игровых технологий в образовательный процесс позволяет достичь сразу несколько целей.

- Повышение качества усвоения учебного материала. Учебный материал, представленный в игровой форме с элементами проработки этого материала в деятельности, пусть и виртуальной, приводит к лучшему пониманию и запоминанию учебного материала.

- Обеспечение связи теории с практикой. В игровой деятельности появляется возможность сразу применять полученные теоретические знания в практических ситуациях. Благодаря этому студент сразу понимает, где, как, каким образом можно применять изученный теоретический материал [8].

- Обучение следованию правилам, инструкциям, алгоритмам, учету времени, отведенному на выполнение той или иной деятельности. В компьютерных видеоиграх есть определенный сценарий, есть правила, выполнение которых обеспечивает достижение результата. Правильно составленный игровой сценарий, основанный на перечне компетенций, которые формируются в процессе изучения учебной дисциплины, позволяет достичь целевых показателей учебного плана.

- Развитие креативных, творческих аспектов личности. Игра позволяет так организовать изучение учебного материала и поставить такие учебные задачи, которые позволят раскрыть творческий потенциал и научить решать проблемы наиболее эффективным способом [2]. Однако развитие твор-

ческого потенциала не может проходить только за счет игры, необходимо подключать другие образовательные технологии.

- Получение удовольствия от процесса обучения. Получение радости от игры повышает мотивацию студентов, вовлеченность в учебный процесс и желание продолжать изучать что-то новое.

Таким образом, можно выделить функции использования компьютерных видеоигр в образовательном процессе. К ним относятся следующие:

- познавательная. Она связана с приобретением новых знаний, умений, навыков и компетенций. В игре приобретённый опыт закрепляется, и это повышает эффективность его использования в действительности;

- развлекательная. Игра делает процесс обучения увлекательным и интересным;

- коммуникативная. Игра помогает научиться выстраивать процесс индивидуального общения или сформировать навыки взаимодействия людей в группе;

- диагностическая. Игра позволяет определить уровень усвоения учебного материала студентом. Игра также может служить инструментом для отслеживания студентами своего продвижения в той или иной учебной дисциплине;

- корректирующая. Игра позволяет понять, какие изменения в знаниях или действиях нужно внести, чтобы сформировать желаемое поведение. Можно применять для корректировки поведения как отдельного студента, так и студенческой группы в целом [2];

- развивающая. Знание вариантов решения определенных задач, возможных неудач и способов их преодоления формирует у обучающегося опыт, который он может применить в реальной жизни. Возможность в случае неудачи пройти игру заново позволяет снизить боязнь ошибки и приобрести правильные паттерны поведения, что способствует становлению обучающегося как уверенной в себе и своих действиях личности [32];

- социализирующая. Игра позволяет понять, осознать и усвоить нормы человеческого поведения в обществе [32].

Для того, чтобы эти функции в игре выполнялись, а цели обучения достигались, учебно-деловые видеоигры должны быть построены на принципах проблемности, диагностичности, перспективности профессионального развития, интерактивности, диалогичности [13]. Чтобы быть максимально полезной в процессе обучения, компьютерная учебно-деловая игра должна воссоздавать структуру и функциональные изменения професси-

ональной деятельности. Если профессиональная деятельность предусматривает общение, взаимодействие, то следует включать в учебный процесс те игры, которые воссоздают профессиональное общение и в которых игроки выступают в предусмотренных профессиональной деятельностью ролях [13].

Для получения уникального игрового опыта важно учитывать следующие аспекты игровой среды, которые для лучшего запоминания можно обозначить аббревиатурой РУМБА: Реалистичность, Условность, Многовариантность, Безопасность, Активность [21].

Реалистичность. Реалистичность повышает мотивацию и вовлеченность игрока, достигается она за счет живого диалога и возникающих подсказок, зрелищности продуманных образов героев, пейзажа. Динамичность также добавляет реалистичности игре, что достигается продуманным игровым временем и скоростью.

Условность. В любом используемом виде игры необходимо принимать во внимание искусственность игровой ситуации. Игра может выступать альтернативным способом познания мира, позволяет игроку прочувствовать события, ситуации реальной жизни, но в иной форме.

Многовариантность. Возможность неоднократного обращения к игровой ситуации, моделирующей реальность, неоднократное проигрывание ситуации и пересмотр своих эмоций и состояний повышает качество приобретаемого опыта.

Безопасность. Важным фактором игры является отсутствие страха благодаря отсутствию физического контакта с предметом деятельности. Игроку не угрожают реальные травмы, болезни, смерть. Это позволяет игроку снизить фактор тревожности и принимать обдуманные решения. Также это дает возможность попробовать пройти игру в новом варианте, а если не получится, то пройти еще раз. Безопасность игры является немаловажным фактором при формировании цифрового доверия. Особенно это относится к играм на корпоративном ресурсе или онлайн играм, где нужно регистрироваться. Необходимость внесения личных данных, чувствительной информации о себе может привести к снижению цифрового доверия и вовлеченности в игру.

Активность. Активность обучающегося является определяющим фактором качества и объема приобретаемого опыта. Наибольший эффект обеспечивают компьютерные видеоигры, в которых игрок идентифицирует себя с персонажем.

Кевин Вербах и Дэн Хантер предложили пять основных приемов геймификации [7].

Прием «Сторителлинг» (рассказывание историй) позволяет создать интересную историю для того, чтобы раскрыть нужную информацию через эмоциональную сферу, воздействие на чувства, что стимулирует активное отношение студента к игре.

Прием «Дробление информации» позволяет разбить игру на мини-уровни, где каждый следующий уровень несколько сложнее предыдущего, а выполнение заданий предыдущего этапа влияет на ход последующего. Это помогает продвигаться вперед, поэтапно формируя навыки и поддерживая интерес обучающихся.

Прием «Элементы соревнования» придает игре напряженность конкуренции за достижение лучшего результата. Можно устраивать соревнования между участниками либо сообщать участникам о достижениях других игроков.

Прием «Поощрение» через игровые знаки позволяет вызывать эмоции по отношению к игровым достижениям.

Прием «Общение» позволяет участникам обсуждать игровые идеи, процесс выполнения задания, что повышает вовлеченность игроков в процесс.

Игра становится полезной в процессе обучения за счет трех факторов: вовлеченности, экспериментирования, результативности [7].

Вовлеченность. Многие студенты жалуются на то, что традиционные, классические формы проведения учебных занятий скучны и не в полной мере позволяют раскрыть свой потенциал. Это влияет не только на их восприятие эффективности учебного процесса, но и на собственное ощущение удовлетворенности от процесса обучения [20]. Председатель Белорусской федерации киберспорта Денис Богуш отмечал, что вовлеченности способствуют следующие факторы: приятный опыт, позитивные переживания, чувство контроля над ситуацией, феномен незаконченного действия, получение награды во время выполнения последовательности действий, всевозможные рейтинги и защита от скуки [22]. К этому можно добавить такие факторы вовлечения и дополнительной мотивации, как: высокое качество используемых визуальных эффектов, динамичность игры, быстрая обратная связь, которая способствует более быстрому научению, возможность настройки игры в соответствии с уровнем и возможностями обучающегося [9].

Экспериментирование. Игра позволяет освоить пространство возможностей, поскольку успех в игре связан с экспериментом. Игрок имеет возможность начать игру заново, изменить стратегию в игре, поэтому он изначально спокойнее относится к провалу. Если разработанная игра эффективна,

т.е. не слишком проста, но и не слишком сложна, то она дает мотивацию игроку на стремление к совершенствованию, на стремление находить и использовать разнообразные неординарные подходы. А такая тяга к новому, к поиску инновационных подходов вписывается в современный уклад жизни.

Результативность. Игрок получает положительный результат от прохождения игры и отчетливо видит их. К результатам можно отнести также формирование представлений о профессиональной деятельности, формирование профессиональных компетенций, развитие теоретического и практического мышления, развитие творческих способностей [17].

Виды компьютерных видеоигр в процессе обучения будущего профессионала

- *Visual Novel* – это современная форма текстовых квестов. Графика в них по большей части статичная и двухмерная: нарисованы только фоны и персонажи, хотя в последнее время часто можно встретить смешение визуальных новелл с другими жанрами, что, в свою очередь, добавляет им живости. Игровой процесс сфокусирован на общении: в бесконечных диалогах – суть жанра. Данный тип игр прост в создании по сравнению с другими играми, мог бы использоваться как проводник мягкой силы с целью формирования правильных социально-политических взглядов как у студентов в формате интерактивных историй, так и у школьников в виде исторических материалов.

- *Simulator* – жанр компьютерных и видеоигр, где основой геймплея является наиболее подробная имитация какого-либо действия (экономика, спорт, автогонки, семейная жизнь, вождение автомобиля, управление самолётом или поездом и т.п.). Игровые симуляторы не всегда были таковыми, изначально они создавались для того, чтобы обезопасить и упростить подготовку людей, отвечающих за управление средствами повышенной опасности. При помощи этих программ продолжают готовить гражданских и военных пилотов, машинистов, космонавтов и даже солдат. Все типы симуляторов могут быть использованы в процессе обучения. Например, экономический симулятор при правильно заданных параметрах может помочь студентам факультетов экономики и менеджмента отрабатывать свои знания на практике.

- *Strategy* – жанр компьютерных игр, в котором для победы необходимо применять стратегическое мышление. В популярных играх такого жанра игроку часто предлагается играть не за конкретного персонажа, а за их условные массы, к примеру, руководить строительством города или командовать

цельми армиями в военных кампаниях. Развивает стратегическое, тактическое и, как следствие, логическое мышление. Прививает интерес к истории. Студенты-историки получают возможность прожить исторический период, который они изучали, а также посоревноваться в тактике и стратегии с полководцами древности.

- Wargame – это сложные и предельно реалистичные стратегии, посвященные военным конфликтам. Нередко такие игры имеют под собой историческую основу, тактико-технические характеристики участвующих в игре юнитов максимально приближены к настоящим. В данном жанре главным является не визуализация (часто это стилизованная карта и фигурки, изображающие войсковые соединения), а стратегия и тактика, помноженная на знание характеристик своей и неприятельской армий. В шутку ее называют игрой в контурные карты. Курсанты военных академий и офицеры, повышающие квалификацию, получили бы возможность моделировать и проживать события различных битв, развивать скорость реакции и умение адаптироваться к новым вводным.

- 4X Strategy – 4X расшифровывается как «Изучай, расширяй, эксплуатируй, уничтожай». Каждое слово описывает одну из четырех фаз, которая обязательно случается во время игровой сессии. Игровой цикл состоит из разведки новой территории, закрепления на ней, использования ее ресурсов, столкновения с другой империей. Определяющим фактором 4X Strategy, отличающим ее от других стратегий, является сложная экономическая система. Прекрасно подойдет для будущих управленцев и людей, желающих заниматься бизнесом, так как позволяет прожить полный цикл от мелкой экспансии до противостояния с соперником или проблемой.

- Action – жанр компьютерных игр, в котором делается упор на эксплуатацию физических возможностей игрока, в том числе координации глаз и рук и скорости реакции. В экшен-играх обычно игрок управляет протагонистом или аватаром. Этот персонаж должен найти выход из уровня, собрать предметы, избежать препятствий и сразиться с врагами разными способами. Скорость реакции и умение экстренно реагировать на новые вызовы является важным качеством для любого студента. Такие игры можно использовать для любых направлений обучения.

Примеры успешных практик применения компьютерных игр в образовательном процессе

Компьютерные игры уже несколько лет, а то и десятилетий успешно используются в процессе подготовки специалистов. Активнее всего данный

инструмент применяется в обучении иностранным языкам. Игра позволяет эффективнее организовать процесс благодаря тем функциям, которые она выполняет. К таким функциям, согласно Л.П. Варениной, можно отнести [6]: социокультурное развитие, активизацию межнациональной коммуникации, возможность самореализации, терапевтическое воздействие, коррекцию поведения и навыков, развлечение. На начальном этапе обучения иностранным языкам рекомендуется использовать обучающие видеоролики с элементами видеоигры. На следующих этапах обучения будущих специалистов, когда студенты обладают уже определенными навыками и знаниями, разумно использовать игровую бизнес-симуляцию в видеоформате. Например, при обучении студентов сферы гостиничного сервиса и туризма, при изучении дисциплин, связанных с профессиональной коммуникацией, видами жалоб со стороны потребителей, с презентацией туристической компании, взаимодействием с клиентами и т.п., бизнес-симуляция в видеоформате, включающая элемент игры и основанная на кейсах, является очень эффективным средством обучения деловому общению, которое учитывает конкретную ситуацию [25]. При таком подходе получается удачное сочетание, когда симуляция воссоздает фрагмент реальности, ситуацию, на основе которой обучающиеся учатся решать сложные задачи, а игровой компонент стимулирует мотивацию студентов и вовлеченность. Онлайн-симуляции могут делиться на две группы: первая связана с показателями удовлетворенности клиентов, системой балансов, прибылью (например, Capsim, Markstrat, HOTS и AIRLINEOnline), а вторая группа симуляции погружает студентов в визуальную интерактивную среду (например, Ethics-LX, VirBELA, GoVentureWorld). Особого внимания заслуживают агентные симуляции, где агентом является объект, наделенный формой человеческого персонажа и определенным типом поведения (например, компьютерные симуляции The Sims: the Guest Experience sim, Cesim Hospitality, The Hotel Simulation (HOTS), HotelSim). Развитие системы искусственного интеллекта позволило создавать таких агентов или виртуальных людей, которые реагируют на определенные внешние условия, а игрок руководит их действиями. Такие агентные симуляции позволяют будущим специалистам, например, в сфере гостеприимства и туризма приобрести необходимые навыки управления гостиничным бизнесом, взаимодействия с клиентами посредством иноязычной коммуникации. Применение такой симуляции (например, компьютерная

бизнес-симуляция «Virtel») дает возможность студентам получить опыт обслуживания гостей, позволяет сформировать навыки коммуникации в различных ситуациях и в разных сценариях, можно отработать ситуации приема и размещения гостей, организации хозяйственной службы, общественного питания. Некоторые разновидности таких симуляторов позволяют формировать не только навыки обслуживания клиентов, но и командного взаимодействия, разрешения конфликтов, принятия самостоятельных решений разного уровня, повышают финансовую грамотность [24].

Сотрудники Казанского медицинского университета и лаборатории интеллектуальных робототехнических систем КГУ(ПФУ) разработали компьютерную программу для обучения студентов практическим умениям врача [4]. В данной программе в виде компьютерной игры имитируется обстановка лечебного учреждения. Студент знакомится с процедурой обследования пациента, с видами документации, которую необходимо заполнять, составляет план лечения, проводит лечение, осуществляет дистанционное наблюдение за пациентом. Игровой интерфейс воспроизводит компьютерный интерфейс, который используют в реальных лечебных заведениях. Цветовая индикация по результатам автоматизированного контроля сигнализирует о корректности или некорректности заполнения. На помощь студенту приходит встроенная библиотека с действующими регламентами, нормативами и приказами в этой области. Кроме того, разработана компьютерная игра, где студент может выступать в роли участкового врача. В игру встроена имитация общения с пациентом с использованием мессенджера WhatsApp, который передает различные сообщения: текстовые, аудио, фото. Сценарий разработан таким образом, что у пациента наблюдаются различного рода осложнения. Задача студента реагировать на такие изменения и своевременно вносить коррективы в программу лечения. Задача считается завершённой только после выздоровления пациента [5].

Игровые технологии успешно могут использоваться и при изучении вопросов энергосбережения. Так, разработана компьютерная видеоигра, основанная на актуальных проблемах возобновляемых источников энергии [8]. Данная игра может использоваться в индивидуальном и групповом формате. При использовании игры в командном формате также формируются навыки командного взаимодействия и принятия решения. В игре есть исходные данные в виде фиксированного уровня энергопотребления и определенная сумма денег.

Игроку с учетом заданных климатических условий (уровень освещенности, скорость и направление ветра, количество солнечных дней) нужно обеспечить фиксированный уровень, используя имеющиеся средства. Есть условие, при котором игрок или игроки могут продавать излишки вырабатываемой энергии. Время игры ограничено рамками учебного занятия. Как и в других обучающих видеоиграх, в этой игре важно провести анализ игры, сделать выводы по ее окончании.

Университет правительства Москвы использует VR-разработки при подготовке государственных служащих к публичным выступлениям [14]. Виртуальные тренажеры с дополненной реальностью могут считаться разновидностью компьютерных видеоигр. Обучающийся при помощи виртуального тренажера оказывается перед залом слушателей и отрабатывает навыки публичного выступления. Тренажер оценивает визуальный контакт, умение управлять голосом, интонацией, использование обучающимся слов-паразитов, длительность пауз. Такая обратная связь помогает совершенствовать манеру выступления, а реакцию на свои действия обучающийся получает сразу в процессе в виде поведенческих изменений виртуальных слушателей. После выступления обучающийся получает подробный отчет, анализ которого позволяет развивать навыки публичного выступления. Аналогичные по принципу тренажеры используются для развития навыка предоставления конструктивной обратной связи от руководителя к подчиненному. Нужно, следуя алгоритму, добиться желая сотрудника изменить свое поведение в нужную сторону. И третий вид тренажеров – интерактивные видеоигры, обучающие выстраивать оптимальное взаимодействие с коллегами и окружающими с разным типом личности (в основу сценария положена типология DISC). Игровая обратная связь помогает выстраивать индивидуальные траектории успешного взаимодействия даже с трудными типами личностей [14].

Интересный метод проведения инструктажа (или проверки усвоения правил) по информационной безопасности предложен сотрудниками лаборатории теоретических и междисциплинарных проблем информатики Санкт-Петербургского федерального исследовательского центра РАН¹. Создатели игры задались вопросом: «Кто из нас помнит инструкции по технике безопасности?» Многие люди очень легко относятся к инструкциям и наставлениям. Нам сказали, предупредили – и мы

¹ <https://game.dscs.pro>

забыли. Например, очень известная тема про телефонных мошенников, которые якобы являются сотрудниками банка. Сколько об этом пишут, сколько говорят. Но в новостях постоянно проходит информация, что тот или иной человек попался на такую «удочку». Устраиваясь на работу, мы этот инструктаж проходим и забываем. А вот компьютерные игры, в которые мы играем, мы помним. Психологические исследования установили, что мы лучше всего усваиваем информацию в деятельности, и увлекает нас не просто деятельность, а игра. Разработка лаборатории позволяет в игровой деятельности усвоить правила информационной безопасности. Ведь чтобы устойчиво менять поведение человека, его нужно погружать в контекст, тренировать навыки, изучать новые способы, сценарии поведения, а игра помогает понять, к чему приводит следование сложившимся стереотипным реакциям, приемам. В этом отношении мир игры дает возможность моделировать ситуации, в которых можно проигрывать различные сценарии поведения, закреплять желательное новое поведение. По сценарию игры обучающийся попадает в офис, играет от первого лица в трехмерном пространстве в качестве злоумышленника [35]. Перед ним стоят задачи, которые появляются по ходу игры, связанные с получением доступа к какой-либо информации в системе. Для этого игрок может заговорить с кем-то из офиса; подсмотреть пароль на рабочем месте, когда сотрудник отсутствует; отправить фишинговое письмо (письмо с уловкой, просьбой что-то сделать, открыть какой-то файл с вредоносным программным обеспечением). Игра еще находится в разработке, сейчас готов первый прототип. С учетом того, что с течением времени будут появляться все новые сценарии социоинженерных атак, могущих представлять угрозу информационной безопасности организации, игра неизбежно будет постоянно дорабатываться. На кого рассчитана эта игра – вопрос очень важный. Помимо очевидных сфер применения – в организации, эта игра может быть интересна, например, в школах на уроках ОБЖ, поскольку в этой игре моделируются ситуации и закрепляются новые способы поведения [34].

Игры могут не только обучать и формировать навыки, но и объединять людей для решения глобальных проблем [30]. Наглядным примером является онлайн игра Foldit, созданная в 2008 г. исследователями из Университета Вашингтона, целью которой было моделирование генетической структуры протеинов. Как результат, в 2010 г. игроками был создан механизм анализа гаплотипов. Ученые потратили 10 лет на решение этой проблемы до

того, как обратились к игрокам, которые помогли им найти решение по устранению обезьяньего вируса, по своей структуре схожего со СПИДом. Образовательный и исследовательский потенциал компьютерных видеоигр будет и дальше приносить свои плоды.

Достоинства и недостатки применения компьютерных видеоигр в образовательном процессе

Для того, чтобы осознанно и результативно применять компьютерные видеоигры в образовательном процессе, нужно понимать их достоинства и недостатки.

Первое достоинство применения видеоигр в учебном процессе – это позитивное влияние на когнитивные процессы. Обучающие компьютерные видеоигры улучшают память, внимание, развивают логику, ориентацию в пространстве, способствуют изучению языка [36]. Правильно разработанная стратегия игры способна сформировать у обучающегося набор умений не только для решения интересных и значимых задач, но и для постановки таких в будущем [7]. Видеоигра помогает быстрее расширять кругозор, формировать новые понятия, развивать лексику, что является важным фактором в процессе обучения [21].

Второй позитивный аспект – это влияние на эмоциональную сферу обучающегося. Благодаря играм учебный процесс становится более увлекательным, позитивно окрашенным. Видеоигра может давать новый эмоциональный опыт, развивать эмоциональную выдержку, помогать бороться с некоторыми фобиями. Многочисленные исследования говорят о том, что игры активируют системы мозга, которые связаны с удовольствием. На этом фоне возрастает мотивация обучающихся к решению учебных задач. Кроме того, знание вариантов решения задач, понимание многообразия вариантов поведения способствуют повышению у обучающихся уверенности в себе, что имеет большое значение для представителей студенческого возраста [21]. У игрока формируется позитивный опыт взаимодействия с цифровыми технологиями, что приводит к повышению уровня цифрового доверия в целом.

Третий момент – это развитие социальных навыков. В игре обучающийся приобретает определенные социальные навыки, формирует социальные компетенции, активно приобретает социальный опыт. Таким образом, компьютерная игра является эффективным и безопасным способом формирования символического социального опыта по сравнению с реальностью. Приобретенный символический опыт обучающиеся с большей легкостью применяют в реальной социальной действи-

тельности [21]. Обучающийся получает навык рационального и быстрого реагирования на изменения условий, на возникающие положительные и отрицательные факторы, что формирует адекватную реакцию на события социальной реальности [21]. По данным социологических исследований, у активных игроков выше потенциальная способность восприятия новых идей и перемен [3]. Такая способность приводит к более уверенной адаптации человека к новым социальным условиям, а значит, такие люди с большей легкостью будут переносить трудности при изменении места работы, места жительства или образа жизни. Как результат, активные игроки способны предвидеть и прогнозировать последствия собственных действий, достаточно активно включаться в общественные процессы, успешно осваивать достижения науки, техники, культуры [21].

Четвертое достоинство компьютерной видеоигры – это развитие практико-ориентированного подхода. Практически любая компьютерная видеоигра преследует прагматическую цель: набрать нужное количество баллов, заработать бонусы, завладеть артефактами и т.п. В процессе достижения этой цели обучающиеся начинают видеть вокруг себя нечто полезное для своей деятельности. Таким образом, игра развивает способность соотносить имеющиеся ресурсы с достижением цели, оценивать компоненты окружающей реальности в контексте поставленных задач [21].

Преподаватель также получает ряд преимуществ от внедрения компьютерных видеоигр в систему профессиональной подготовки. К ним можно отнести: более легкое управление учебным процессом, применение инновационных педагогических технологий, наглядность учебного материала за счет использования игровых моделей и, как следствие, повышение качества обучения [17].

Однако применение компьютерных видеоигр в учебном процессе сталкивается и с рядом проблем и недостатков. Первый проблемный момент – это использование внешней мотивации обучающихся в игровой деятельности. Сама игра начинает организовывать деятельность студента, предъявляет ему определенную систему вознаграждений за те или иные действия, тем самым у студента формируется не внутренняя учебная мотивация, а внешняя игровая. Студент может начать ориентироваться не на приобретение знаний и формирование навыков, а на получение различных символических баллов, значков, наград. Второй проблемный момент связан с увеличением нагрузки как для преподавателя

при разработке и организации игровой деятельности, так и для студента при подготовке к реализации игровой деятельности. Третий момент, о котором очень много говорят, – это формирование психологической зависимости от компьютерных игр. Обучающиеся начинают ожидать, что весь учебный процесс будет построен в игровой форме, и испытывают негативные эмоции, если преподаватели не отвечают их ожиданиям и запросам [2]. Следует помнить, что ограничения применения компьютерных видеоигр в процессе обучения состоят и в том, что для творческих задач, для которых не подразумевается однозначно правильного ответа, не удастся разработать игровой сценарий, который бы адекватно оценивал предлагаемые студентами ответы [18]. Неоправданное увлечение компьютерными видеоиграми в процессе обучения может приводить к формализации процесса, обеднению форм учебной деятельности, уменьшению степени общения внутри учебной группы и учащихся с преподавателем. Результат этого может проявиться в виде сложностей, связанных с независимым выражением мысли, сужением творческого мышления и затруднением развития талантливых, творчески мыслящих студентов [12; 15; 27].

Все это говорит о том, что к использованию компьютерных видеоигр в учебном процессе нужно подходить очень взвешенно, предварительно анализируя все возможные позитивные и негативные последствия.

Заключение

Подводя итоги и обобщая проведенный анализ, можно утверждать, что использование компьютерных видеоигр в учебном процессе приносит свои плоды. Активное использование игровой среды для получения профессионального опыта в условиях современной реальности является естественным образовательным инструментом. Компьютерная игра может служить профессиональным и социальным полигоном для многократного и относительно безопасного апробирования разных моделей поведения, что способствует выработке оптимальных способов взаимодействия с окружающей действительностью [21]. Обучение в игровом формате позволяет не только получить новые знания, но и повысить мотивацию к учебе, сформировать навыки не только профессиональные, но и социальные, исследовательские, а также подготовить обучающегося к восприятию изменений в современном цифровом динамичном мире.

Список источников

1. Азаров А.С. Компьютерная игра как форма моделирования образа новой социальной реальности // Актуальные проблемы региональной социологии : сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Курск, 16 декабря 2022 г.) / Юго-Западный государственный университет. Вып. 5. Курск : Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2022. С. 10–15.
2. Астахова, Н.А., Бондырева С.К., Попова О.С. Ресурсы геймификации в образовании: теоретический подход // Образование и наука. 2023. Т. 25, № 1. С. 15–49.
3. Болескина Е. Потребители игровой компьютерной культуры // Социологические исследования. 2000. № 9. С. 80–87.
4. Булатов С.А. Цифровизация в обучении студентов практическим умениям врача – объективная необходимость или дань моде // Виртуальные технологии в медицине. 2021. № 3(29). С. 141–142.
5. Булатов С.А. Цифровизация медицинского вуза: направления, перспективы, риски // Вестник НЦБЖД. 2021. № 4(50). С. 46–54.
6. Варенина Л.П. Геймификация в образовании // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. Т. 6, № 6–2. С. 314–317.
7. Вербах К., Хантер Д. Вовлекай и властвуй. Игровое мышление на службе бизнеса. Москва : ООО «Манн, Иванов, Фербер», 2015. 100 с.
8. Гареева М.Б., Гареев Р.И., Чуйкин Д.Ю. Игровые технологии в учебном процессе с применением компьютерного симулятора «Возобновляемые источники энергии» // Современные проблемы науки и образования. 2022. № 5. С. 19.
9. Диева А.А. Игровые методы в современном HR-менеджменте // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2017. № 4. С. 246–250.
10. Захарова И.Г. Информационные технологии в образовании. Москва : Академия, 2003. 147 с.
11. Игна О.Н. Концептуальные основы технологизации профессионально-методической подготовки учителя : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Томск, 2014. 42 с.
12. Исмаилова Н.П., Курбанова З.С. Психологические аспекты информатизации образовательной системы // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7, № 1(22). С. 87–90.
13. Карауылбаев С.К. Компьютерная учебно-деловая игра как технология электронного обучения в вузе // Конференциум АСОУ : сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. 2017. № 1. С. 290–295.
14. Книгницкая З.А., Константинов М.А. Практика применения VR-тренажеров в подготовке государственных служащих // Вестник университета правительства Москвы. 2019. № 4(46). С. 50–54.
15. Ковалевич И.А. Современные подходы к использованию информационно-образовательного потенциала образовательного учреждения для профессиональной ориентации в контексте их успешной социализации // Современные проблемы науки и образования. 2009. № 4. С. 7–13.
16. Кравчук П.Ф., Боев Е.И., Каменский Е.Г. Формирование инновационного потенциала личности в научно-образовательной среде : монография. Курск, 2012. 175 с.
17. Кутепова Л.И., Гладкова М.Н., Максимова К.А. Имитационные технологии в профессиональном образовании // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9, № 3(32). С. 140–142.
18. Лебедева И.В., Жулина Е.В. Геймификация как драйвер онлайн обучения // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2021. № 6(56). С. 151–157.
19. Липатова С.Д., Хохолева Е.А. Геймификация как педагогическая технология активизации учебной мотивации студентов вуза // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2020. № 1(37). С. 44–51.
20. Мазелис А.Л. Геймификация в электронном обучении // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2013. № 3 (21). С. 139–142.
21. Малый Д.В., Иноземцева Ю.В. Компьютерная игра как способ социализации личности // Национальные приоритеты России. 2017. № 1(23). С. 68–72.
22. Миронцов И.В. Киберспорт как инструмент (ре)социализации // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2018. № 2. С. 62–67.
23. Орлова О.В., Титова В.Н. Геймификация как способ организации обучения // Вестник ТГПУ. 2015. № 9 (162). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geymifikatsiya-kak-sposob-organizatsii-obucheniya> (дата обращения: 01.03.2023).
24. Перова Е.А. Бизнес-симуляция "VIRTUAL HOTEL" как средство лингвопрофессиональной подготовки студентов направления «Сервис и туризм» // Педагогическое образование в России. 2019. № 5. С. 62–68.
25. Перова Е.А. Бизнес-симуляция как форма практико-ориентированного обучения иностранному языку студентов направления «Сервис и туризм» // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. № 2(34). С. 93–103.
26. Сартакова Е.Е. Проблемы развития теории геймификации в России // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. № 2(220). С. 168–187.
27. Соколов И.А., Колин К.К. Новый этап информатизации общества и проблемы образования // Информатика и ее применения. 2008. Т. 1, Вып. 2. С. 67–76.
28. Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9, № 3. С. 71–80.
29. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Итоги цифровой трансформации: от онлайн-реальности к смешанной реальности // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16, № 4. С. 87–97.

30. Фадеев И.В. Влияние компьютерных игр на социализацию людей // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2019. № 4–2. С. 25–28.
31. Черкашин М.Д. Управление знаниями как ключевой ресурс развития современной экономики // *Институты и механизмы инновационного развития: мировой опыт и российская практика* : 11-я Международная научно-практическая конференция. Курск, 2021. С. 274–278.
32. Шереметьева М.А. Компьютерные игры как фактор социализации и инкультурации личности // *Социально-культурная деятельность: векторы исследовательских и практических перспектив* : материалы Международной электронной научно-практической конференции (Казань, 22 мая 2020 г.). Казань : Казанский государственный университет культуры и искусств, 2020. С. 457–462.
33. Habinskaya A.A. Characteristics of cybersocialization of the digital generation // *Humanitarian Balkan Research*. 2019. Vol. 3, No. 3(5). P. 55–57.
34. Krylov B., Abramov M., Khlobystova A. Automated player activity analysis for a serious game about social engineering // *International Conference on Information Technologies*. Springer, Cham. 2020. Vol. 2. P. 587–599.
35. Krylov B.S., Abramov M.V. Automatic Hierarchical Task Network Planning System for the Unity Engine Russian // *Conference on Artificial Intelligence 2020. CEUR Workshop Proceedings*, 2020. P. 122–133.
36. Shcherbakova E.S., Gorshkova E.E. Computer games as a factor of socialization // *Актуальные проблемы профессиональной сферы в современном мире* : материалы V Международной научно-практической конференции молодых ученых на иностранных языках (Екатеринбург, 15 марта 2018 г.) / под ред. Н.Н. Сергеевой. Ч. II. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2018. P. 69–71.
37. Watkins H.R. Business games in business // *Operational Research*. 1959. Vol. 10. P. 228–244.

References

1. Azarov A.S. Computer game as a form of modeling the image of a new social reality // *Actual problems of regional sociology: collection of articles of the II All-Russian scientific and practical conference with international participation, Kursk, December 16, 2022 / Yugo -Western State University. Volume Issue 5. Kursk: Closed Joint-Stock Company "University Book", 2022. P. 10–15. (in Russ.)*.
2. Astashova N.A., Bondyreva S.K., Popova O.S. Gamification resources in education: a theoretical approach // *Образование и наука*. 2023. Т. 25, No. 1. S. 15–49. (in Russ.)
3. Boleskina E. Consumers of gaming computer culture // *Sociological research*. 2000. No. 9. P. 80–87. (in Russ.)
4. Bulatov S.A. Digitalization in teaching students the practical skills of a doctor – an objective necessity or a tribute to fashion // *Virtual technologies in medicine*. 2021. No. 3 (29). S. 141–142. (in Russ.)
5. Bulatov, S.A. Digitalization of a medical university: directions, prospects, risks // *Bulletin of the National Center for Railways*. 2021. No. 4 (50). S. 46–54. (in Russ.)
6. Varenina L.P. Gamification in education // *Historical and socio-educational thought*. 2014. V. 6, No. 6–2. pp. 314–317. (in Russ.)
7. Werbach K., Hunter D. *Involve and conquer. Game thinking in the service of business*. М.: ООО "Mann, Ivanov, Ferber", 2015. 100 p. (in Russ.)
8. Gareeva M.B., Gareev R.I., Chuikin D.Yu. Game technologies in the educational process using the computer simulator "Renewable energy sources" // *Modern problems of science and education*. 2022. No. 5. P. 19. (in Russ.)
9. Dieva A.A. Game methods in modern HR management // *State and municipal management. Scientific notes*. 2017. No. 4. S. 246–250. (in Russ.)
10. Zakharova I.G. *Information technologies in education*. Moscow: Academy, 2003. 147 p. (in Russ.)
11. Igna O.N. *Conceptual foundations of technologization of professional and methodological training of a teacher: author. dis. ... Dr. ped. Sciences*. Tomsk, 2014. 42 p. (in Russ.)
12. Ismailova N.P., Kurbanova Z.S. Psychological aspects of informatization of the educational system, // *Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology*. 2018. V. 7, No. 1 (22). S. 87–90. (in Russ.)
13. Karauylbaev S.K. Computer educational and business game as a technology of e-learning at the university // *ASOU conference: collection of scientific papers and materials of scientific and practical conferences*. 2017. No. 1. P. 290–295. (in Russ.)
14. Knignitskaya Z.A., Konstantinov M.A. The practice of using VR simulators in the training of civil servants, // *Bulletin of the University of the Government of Moscow*. 2019. No. 4 (46). S. 50–54. (in Russ.)
15. Kovalevich I.A. Modern approaches to the use of information and educational potential of an educational institution for vocational guidance in the context of their successful socialization // *Modern problems of science and education*. 2009. No. 4. P. 7–13. (in Russ.)
16. Kravchuk P.F., Boev E.I., Kamensky E.G. *Formation of the innovative potential of the individual in the scientific and educational environment: monograph*. Kursk, 2012. 175 p. (in Russ.)
17. Kutepova L.I., Gladkova M.N., Maksimova K.A. Imitation technologies in vocational education // *Baltic Humanitarian Journal*. 2020. V. 9, No. 3 (32). S. 140–142. (in Russ.)
18. Lebedeva I.V., Zhulina E.V. Gamification as a driver of online learning // *Innovative economy: prospects for development and improvement*. 2021. No. 6(56). S. 151–157. (in Russ.)
19. Lipatova S.D., Khokholeva E.A. Gamification as a pedagogical technology for activating the educational motivation of university students // *Vocational education in Russia and abroad*. 2020. No. 1 (37). S. 44–51. (in Russ.)

20. Mazelis A.L. Gamification in e-learning // Territory of new opportunities. Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service. 2013. No. 3 (21). pp. 139–142. (in Russ.).
21. Maly D.V., Inozemtseva Yu.V. Computer game as a way of socialization of personality // National priorities of Russia. 2017. No. 1 (23). S. 68–72. (in Russ.).
22. Mironov I.V. Cybersport as an instrument of (re)socialization // Zhurn. Belarus. state university Philosophy. Psychology. 2018. No. 2. S. 62–67. (in Russ.).
23. Orlova O.V., Titova V.N. Gamification as a way of organizing learning [Electronic resource] // Vestnik TSPU. 2015. No. 9 (162). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geymifikatsiya-kak-sposob-organizatsii-obucheniya> (accessed on March 01, 2023). (in Russ.).
24. Perova, E.A. Business simulation "VIRTUAL HOTEL" as a means of linguoprofessional training of students of the direction "Service and tourism" // Pedagogical education in Russia. 2019. No. 5. S. 62–68. (in Russ.).
25. Perova E.A. Business simulation as a form of practice-oriented teaching of a foreign language to students of the direction "Service and tourism" // Vocational education in Russia and abroad. 2019. No. 2 (34). S. 93–103. (in Russ.).
26. Sartakova E.E. Problems of development of the theory of gamification in Russia // Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University. 2022. No. 2 (220). S. 168–187. (in Russ.).
27. Sokolov I.A., Kolin K.K. New stage of society informatization and problems of education // Informatics and its applications. 2008. Vol. 1, no. 2. P.67–76. (in Russ.).
28. Soldatova G.U. Digital socialization in the cultural-historical paradigm: a changing child in a changing world // Social psychology and society. 2018. V. 9. No. 3. S. 71–80. (in Russ.).
29. Soldatova G.U., Rasskazova E.I. Results of digital transformation: from online reality to mixed reality // Cultural-historical psychology. 2020. Vol. 16. No. 4. P. 87–97. (in Russ.).
30. Fadeev I.V. Influence of computer games on the socialization of people // International Journal of the Humanities and Natural Sciences. 2019. No. 4–2. S. 25–28. (in Russ.).
31. Cherkashin M.D. Knowledge management as a key resource for the development of the modern economy // Institutes and mechanisms of innovative development: world experience and Russian practice. 11th International Scientific and Practical Conference. Kursk, 2021. S. 274–278. (in Russ.).
32. Sheremetyeva M.A. Computer games as a factor of socialization and inculturation of the individual // Social and cultural activities: vectors of research and practical prospects: materials of the International electronic scientific and practical conference, Kazan, May 22, 2020. Kazan : Kazan State University of Culture and Arts, 2020. P. 457–462. (in Russ.).
33. Habinskaya A.A. Characteristics of cybersocialization of the digital generation // Humanitarian Balkan Research. 2019. Vol. 3, no. 3(5). P. 55–57.
34. Krylov B., Abramov M., Khlobystova A. Automated player activity analysis for a serious game about social engineering // International Conference on Information Technologies. Springer, Cham, 2020. Vol. 2. P. 587–599.
35. Krylov B.S., Abramov M.V. Automatic Hierarchical Task Network Planning System for the Unity Engine Russian // Conference on Artificial Intelligence 2020. CEUR Workshop Proceedings, 2020. P. 122–133.
36. Shcherbakova E.S., Gorshkova E.E. Computer games as a factor of socialization // Actual problems of the professional sphere in the modern world: Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference of Young Scientists in Foreign Languages, Yekaterinburg, March 15, 2018 / Ed. N.N. Sergeeva. Vol. Part II. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2018. P. 69–71.
37. Watkins H.R. Business games in business // Operational Research. 1959 Vol. 10. P. 228–244.

Информация об авторах

Т.В. Тулупьева – кандидат психологических наук, доцент;
П.И. Мавиди – аспирант первого года обучения.

Information about the authors

T.V. Tulupeva – PhD in Psychology, Associate Professor;
P.I. Mavidi – First-Year Postgraduate Student.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.02.2023; одобрена после рецензирования 24.02.2023; принята к публикации 24.03.2023.
The article was submitted 10.02.2023; approved after reviewing 24.02.2023; accepted for publication 24.03.2023.

Научная статья

УДК 329.78

doi:10.31079/1992-2868-2023-20-2-183-190

ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА: ВУЗ В ОБЕСПЕЧЕНИИ УСЛОВИЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Юлия Александровна Тюрина

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия, jultur2005@yandex.ru

Аннотация. В статье представлено концептуальное видение целенаправленного, в контексте реализации государственной молодежной политики, создания условий прохождения процесса самореализации обучающихся в высшем учебном заведении. Благодаря применению теоретико-методологического инструментария деятельностно-активистского подхода рассмотрен комплекс задаваемых (желаемых) мотивационно-побуждающих компонентов активности представителей студенческой молодежи (ценности, компетенции, целевые установки), а также целенаправленно задаваемых государством условий (аспекты системные, структурно-функциональные и т.д.) самореализации обучающихся в вузе.

Ключевые слова: молодежь, высшее образование, молодежная политика, процесс самореализации, ценности, компетенции, целевые установки, структура, система

Благодарности: исследование выполнено в рамках инициативной НИР СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ, номер в системе ЕГИСУ НИОКТР 122112800087-2.

Original article

STATE YOUTH POLICY: THE UNIVERSITY IN PROVIDING CONDITIONS FOR SELF-REALIZATION OF STUDENTS

Yulia A. Tyurina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia, jultur2005@yandex.ru

Abstract. The article presents a conceptual vision of purposeful, in the context of the implementation of the state youth policy, the creation of conditions for the self-realization of students in higher education. Thanks to the use of theoretical and methodological tools of the activity-activist approach, a complex of set (desired) motivating and stimulating components of student youth activity (values, competencies, targets), as well as purposefully set by the state conditions (systemic, structural, functional, etc. aspects) of students' self-realization at the university is considered.

Keywords: youth, higher education, youth policy, the process of self-realization, values, competencies, targets, structure, system

Acknowledgments: the study was carried out within the framework of the initiative research NWIM branch RANEPА, EGISU R&D registration number 122112800087-2.

Введение

Молодежь – это особая социальная группа, это будущее любого общества и страны. Ее настроение, состояние, перспективы развития – все это влияет на общественные процессы, определяет дальнейшие социально-экономические изменения, а также является условием процветания государства. В последние десятилетия после долгого периода отстранения от участия в выработке стратегии и системной деятельности в области воспитания и работы с молодежью государство активно реализует политику актуализации молодежной проблематики во всех сферах жизнедеятельности обще-

ства, а также значимости работы с молодежью в системе образования на всех ее уровнях.

В 2021 г. в силу вступает в действие Федеральный закон № 304-ФЗ [13], в образовании начинаются системные нормативные изменения, определяются основные подходы к организации процесса воспитания и работы с молодежью, с участием научно-преподавательского сообщества формируется нормативно-методическая база для работы образовательных учреждений в реализации молодежной политики. Осуществляются кардинальные изменения в системе управления образованием и в сфере работы с молодежью. В профильных мини-

стерствах воспитание и молодежная проблематика выделяются в отдельный функциональный и организационный блок, формируется единая воспитательная система образовательных учреждений страны и единое информационное поле воспитательной деятельности. Министерство просвещения и Министерство высшего образования и науки РФ, учебные заведения интегрируются в своей деятельности с агентством «Росмолодежь» и комитетами по молодежной политике в регионах. Создается система оценки эффективности работы региональной власти и образовательных учреждений в работе с молодежью.

Высшие учебные заведения страны становятся площадками реализации проводимых изменений. В государственной повестке актуализируется деятельность вузов в обеспечении условий самореализации студенческой молодежи [10]. Столь важная цель активно обсуждается на профильных форумах, совещаниях в субъектах Федерации и на уровне страны [2]. Однако, на наш взгляд, необходимо концептуальное представление (видение) целенаправленного (в контексте государственной молодежной политики) создания условий прохождения процесса самореализации обучающихся, что и вызвало научную рефлексию.

Исследование заявленной проблематики базируется на деятельностно-активистском подходе [15–18], являющемся результатом теоретико-методологического синтеза классической и неклассической социологии, концентрирующем внимание на значимости субъектов деятельности – акторов в процессах социального изменения, что обеспечивает уникальные возможности его применения в изучении специфики и особенностей самой молодежи как особой социальной группы, внутреннего мира молодых людей, их ожиданий, представлений. Протекающие изменения в сфере образования рассматриваются в контексте структурно-индивидуального поля социальной реальности, через механизмы и процессы, действующие от людей (акторов) к структурам, механизмы и процессы действующие от структур к людям (определяется как двойственность/дуальность структур), что позволяет анализировать и условия жизнедеятельности молодежи в изменении таковых. В контексте данного подхода самореализация может быть рассмотрена как **процесс достижения целей человеком с использованием индивидуальных качеств/способностей и объективных условий жизнедеятельности.**

В своей повседневной жизни отдельные люди, представители групп (коллективов) своими действиями воспроизводят и изменяют социальный контекст своего существования, что и рассматривается как морфогенетическая детерминация (часть механизма процесса изменения на уровне индивидуальностей). Все то, что создано ими (социальный контекст существования), понимается как структуры, являющиеся условиями их жизнедеятельности (часть механизма изменения со стороны структур – структурная детерминация). Все то, что является контекстом сегодняшнего состояния, – результат предшествующей активности субъектов деятельности (акторов). Активность в воспроизводстве структур в данный момент является контекстом существования акторов в будущем. В своей теории становления П. Штомпка давал следующее разъяснение: «...люди своими действиями создают и воспроизводят контекст собственного существования, т.е. те социальные структуры, которые, в свою очередь, становятся исходными условиями организационного или стимулирующего характера дальнейших действий» [17].

Представители студенческой молодежи – субъекты деятельности, акторы происходящих изменений в высшей школе. И их активность, деятельность как составляющая морфогенетической детерминации определяется мотивационно-побуждающими компонентами, которые довольно разнообразны. К ним возможно отнести ценности, ценностные установки, идеи, знания, убеждения. Особенности мотивационно-побуждающих компонентов, их содержание определяют и содержание, и направленность деятельности субъектов социального изменения, а следовательно, и специфику конструируемого социального контекста. Как пишет М. Вебер, «...господствующие в данное время убеждения и институты сегодняшнего дня – суть следствие происходящей в прошлом борьбы среди страдающих, борющихся и действующих индивидов» [14].

Уровень индивидуальностей. Рассмотрим целенаправленно задаваемые в рамках реализации молодежной политики мотивационно-побуждающие компоненты субъектов деятельности – представителей студенческой молодежи как участников конструирования социального контекста жизнедеятельности, а именно:

- ценности;
- компетенции (знания, умения, навыки);
- установки (целевые установки).

Отметим, что перечисленные компоненты рассматриваем в комплексе и на основании базовых нормативно-методических документов в сфере государственной политики. Данный комплекс компонентов, с одной стороны, является желаемым результатом организованной работы с молодежью в целях развития государства и общества, с другой стороны, становится основой прохождения процесса самореализации молодых людей.

Ценности. основополагающие ценности, культивируемые у студенческой молодежи в высшей школе страны, содержатся в Методических рекомендациях, разработанных научно-преподавательским сообществом под руководством Министерства высшего образования и науки РФ. В рекомендациях прописаны нормативно-методические аспекты формирования основной документации по организации работы со студенческой молодежью и воспитательной деятельности: Рабочая программа воспитания и Календарный план воспитательной деятельности вуза в целом, а также каждой основной профессиональной образовательной программы [5; 13]. Среди таковых ценностей следует отметить ценности:

- развития и самореализации;
- профессиональные;
- дружбы;
- свободы и ответственности;
- жизни и здоровья человека;
- духовно-нравственные;
- социальные;
- общения, контакта и диалога.

В документах нормативно-методического характера Министерства высшего образования и науки РФ [5] в организации работы со студенческой молодежью актуализируются ценности, которые содержатся в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [12], и их перечень представляется следующим образом:

- приоритет духовного над материальным;
- защита человеческой жизни, прав и свобод человека;
- семья, созидательный труд, служение Отечеству;
- нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм;
- историческое единство народов России, ответственность истории нашей Родины.

Определяемые государством базовые ценности, которые являются и основой для работы с моло-

дежью, содержатся в Указе Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Компетенции (знания, умения, навыки), целенаправленно формируемые у молодежи в высшей школе, разделяются на профессиональные и те, которые принято называть надпрофессиональными, позволяющими успешно интегрироваться молодым людям в профессиональное сообщество, достичь успеха в различных направлениях жизнедеятельности. И если профессиональные компетенции актуализируются в поле проблематики содержания образования и профессиональной подготовки, то надпрофессиональным компетенциям уделяется особое внимание в работе со студенческой молодежью.

Системное представление комплекса научно обоснованных надпрофессиональных компетенций произвело Агентство стратегических инициатив [1]. Именно эти компетенции стали основой для организации различных направлений деятельности агентства «Росмолодежь» в реализации молодежной политики, стали они и базой определения номинаций грантовых конкурсов агентства. Краткий список таких компетенций выглядит следующим образом:

- умение работать в режиме высокой неопределенности и быстрой смены условий и задач;
- самоорганизация и саморегуляция;
- умения находить информационные решения;
- мультязычность и мультикультурность;
- навыки межотраслевой коммуникации;
- умения работать с коллективами, группами, отдельными людьми;
- лидерство;
- умение управлять проектами и процессами;
- системное мышление;
- стратегическое мышление;
- экологическое мышление;
- бережливое производство;

– способность к художественному творчеству, наличие развитого эстетического вкуса;
– технологические компетенции [4].

Разработка «пакета» компетенций осуществлялась и в рамках развития центров компетенций. Создание центров в регионах началось по поручению Президента РФ с января 2023 г. агентством «Росмолодежь», обществом «Знание» и автономной некоммерческой организацией «Россия – страна возможностей» на базе существующей или создаваемой инфраструктуры молодежной политики в субъектах Российской Федерации [9]. Основным предназначением центров стало создание площадок взаимодействия студентов, работодателей и региональных властей в решении вопросов профессионального развития студенчества; как отметил министр науки и высшего образования России Валерий Фальков, «...для построения успешной карьеры недостаточно профессиональных знаний. Выпускникам вузов также требуются навыки тайм-менеджмента, умение ориентироваться на результат и проявлять лидерские качества, стрессоустойчивость, эмоциональный интеллект и другие мягкие навыки...» [11].

В своей деятельности центры проводят диагностику существующих компетенций у обучающейся молодежи, а также осуществляют целый спектр образовательных программ по формированию необходимых или желаемых знаний, умений, навыков. Основные компетенции в рамках работы центров [14]:

- управление взаимодействием: лидерство, эмоциональный интеллект, оказание влияния, партнерство (сотрудничество), клиентоориентированность, наставничество;
- управление задачами: анализ информации и выработка решения, планирование и организация, стратегическое мышление, следование правилам и процедурам;
- энергия: ориентация на результат, стрессоустойчивость, инновационность, адаптивность/гибкость, саморазвитие;
- общие знания: цифровая грамотность, финансовая грамотность, правовая грамотность, коммуникативная грамотность.

Целевые установки в молодежной среде, актуализирующиеся в государственной повестке [3] и обсуждаемые на профильных мероприятиях, совещаниях и конгрессах под эгидой Министерства высшего образования и науки, возможно представить через пять основных блоков.

1. Индивидуальная траектория образования.
2. Профессиональный рост.
3. Конкурентоспособность на рынке труда.
4. Способность жить в быстроменяющемся мире.
5. Развитие личности с твердыми ценностными ориентирами и устойчивым мировоззрением.

Отметим, что представленный и принятый в сфере государственной политики в работе с молодежью комплекс мотивационно-побуждающих компонентов является основой деятельности молодых людей, но его формирование у них предполагает совокупность условий в вузе – определенный социальный контекст, особенности которого возможно рассмотреть через уровень структур происходящих изменений в высшей школе.

Уровень структур (тотальностей) – детерминант организационного и стимулирующего характера действий людей [19]. В концептуальном представлении процесса самореализации студенческой молодежи (в контексте государственной молодежной политики) в высшей школе интерес представляют целенаправленно задаваемые государством детерминанты организационного и стимулирующего характера, что и является условиями самореализации обучающихся.

Уровень структур включает:

- социальные структуры и социальные системы;
- институты и группы как разные уровни структурирования.

Охарактеризуем специфику перечисленных составляющих через методологически обоснованные в нормативно-методической документации принципы организации работы с молодежью и воспитательной деятельности в вузе, трудовые функции проректора по молодежной политике, направления изменений в системе воспитания вуза (представленные в государственной повестке).

Принципы организации работы с молодежью и воспитательной деятельности в вузе [5] предполагают:

- создание единой системы воспитания, интегрированной в систему управления и жизнедеятельности вуза;
- организацию взаимодействия управляющей системы (на уровне вуза) и управляемой системы (структурирование в сфере студенческих объединений);
- обеспечение единства всех управленческих процессов вуза в реализации молодежной политики и воспитательной деятельности;

- рассмотрение обучающегося как активного участника организации образовательного процесса и жизнедеятельности вуза;

- использование проектного подхода в работе системы воспитания;

- применение всего спектра ресурсов вуза в обеспечении работы системы воспитания;

- реализация воспитательного процесса в учебное и внеучебное время.

Трудовые функции проректора по молодежной политике [7] в организации работы с молодежью и воспитательной деятельности представлены пятью блоками, и через характеристику содержания деятельности профильного проректора раскрывается суть целенаправленно формируемых условий самореализации студенчества в вузе.

В блоке 1 «Молодежная политика и воспитательная деятельность в вузе» наиболее интересными для целей проводимого исследования являются ряд функций. Прежде всего, это первая по списку функция, отражающая суть последующих, а именно: «Обеспечение условий для самореализации обучающихся в социокультурной среде ООВО». Блок содержит функции:

- по координации работы структурных подразделений учебного заведения, коими в вузе являются институты, факультеты, кафедры и т.п., в реализации молодежной политики и организации воспитательной деятельности;

- руководству структурными подразделениями, которые непосредственно организуют работу с молодежью и осуществляют воспитательную деятельность в вузе (профильное управление, центр карьеры, служба психологической помощи и т.д.);

- обеспечению условий деятельности конструктивных студенческих организаций и объединений, среди которых: совет обучающихся, студенческий совет, студенческая медиаслужба, волонтерские объединения, студенческий спортивный клуб, движение (лига) КВН и т.д.;

- созданию условий для профессионального развития и карьерного роста обучающихся, содействию в формировании их карьерных траекторий.

Второй блок функций проректора ориентирован на обеспечение социальной защиты обучающихся. В ракурсе исследования интересны функции организации доступности среды вуза для разных категорий обучающихся, а также формирования условий сохранения здоровья студенческой молодежи.

Блок 3 «Мониторинг динамики состояний и настроений студенческого сообщества» включает функции по организации взаимодействия со студенчеством и получению обратной связи (информации) о результативности проводимых изменений в вузе:

- обеспечение регулярного мониторинга состояний и настроений студенческого сообщества;

- исследование запросов и потребностей обучающихся для сопровождения построения индивидуальных развивающих траекторий;

- поддержание прямой коммуникации между администрацией вуза и студенческим сообществом;

- обеспечение регулярного мониторинга информационных ресурсов студенческого сообщества высшего учебного заведения.

Блок содержит функции по организации социально-психологического сопровождения обучающихся, а также по организации комплекса мероприятий по профилактике деструктивных проявлений среди молодежного сообщества; разработке и реализации мер по противодействию деструктивным проявлениям в молодежной среде вуза.

Четвертый блок направлен на организацию сетевого взаимодействия с органами государственной власти и местного самоуправления, организациями, социальными институтами. В нем актуализируется обеспечение взаимодействия и социального партнерства с выпускниками, бизнес-сообществом, некоммерческими организациями и иными социальными институтами, а также институтами развития для реализации задач стратегии молодежной политики в вузе.

Блок 5 «Организационные связи» ориентирован на процесс выстраивания (структурирования) воспитательного блока в высшем учебном заведении и интеграцию системы воспитания в систему жизнедеятельности вуза. Обозначенный функционал профильного проректора предполагает создание структуры и работы воспитательного блока в соответствии с целями и задачами государственной молодежной политики в высших учебных заведениях. На рисунке представлен разработанный при участии проректорского корпуса и профессорско-преподавательского сообщества и рекомендуемый Министерством высшего образования и науки РФ вариант структуры воспитательного блока для вуза, контингент которого составляет 5000 студентов по очной форме обучения.

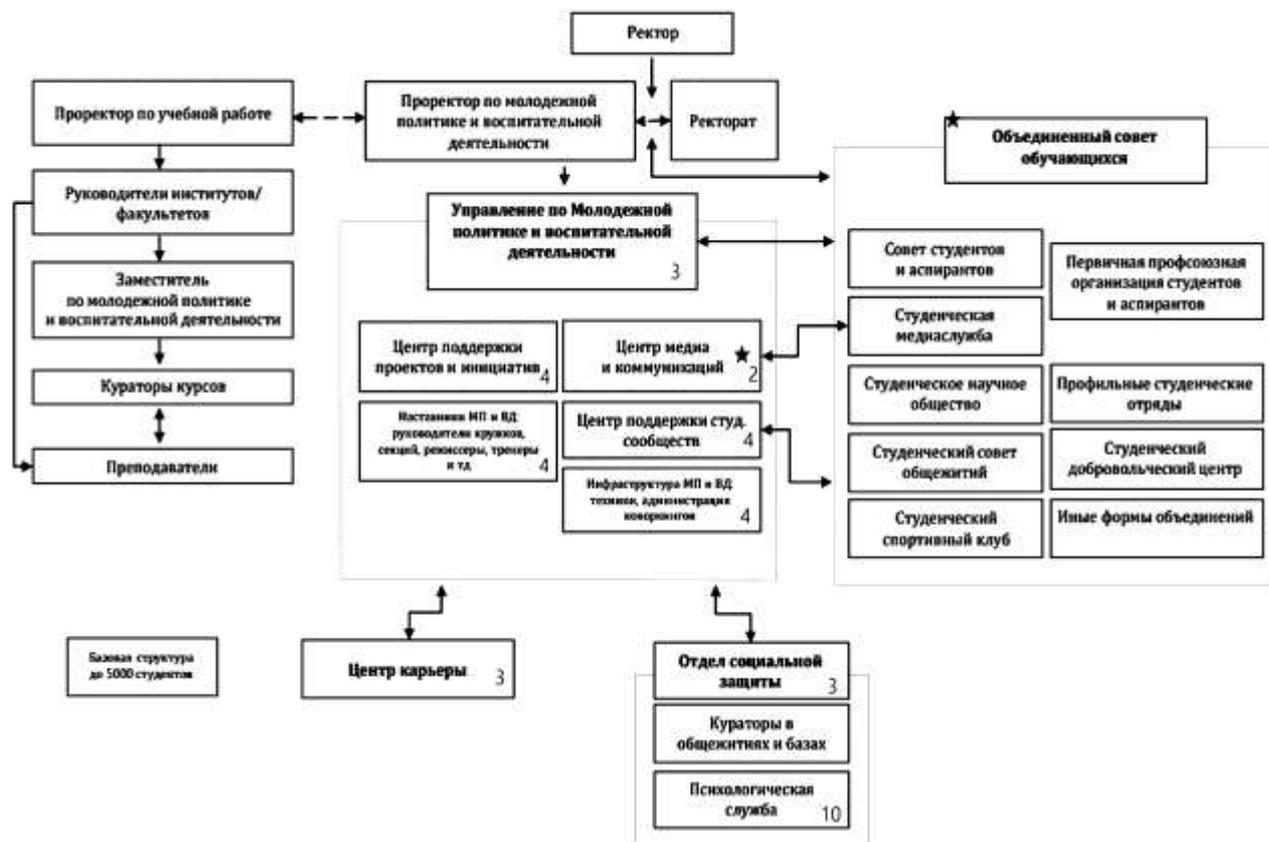


Рисунок. Структура воспитательного блока в высшем учебном заведении [7]

Направления изменений в системе воспитания вуза (государственная повестка). В государственной повестке, обсуждаемой с руководителями вузов, представителями профессорско-преподавательского и студенческих сообществ, представленной на профильных научных и профессиональных площадках, содержатся следующие направления изменений в обеспечении вуза как среды самореализации студента:

- интерактивное обучение основных субъектов воспитательного процесса, коими являются и представители студенческих объединений, органов студенческого самоуправления, профсоюзов;
- включение обучающихся в научные, внеучебные, учебные активности;
- двусторонняя коммуникация (субъект-субъектные отношения в реализации образовательного процесса), интересные и востребованные формы активностей, поддержка студенческих сообществ и индивидуальных инициатив;
- приоритет работы с абитуриентами и первокурсниками (формирование института наставничества, активное включение в жизнедеятельность вуза, обратная связь с родителями, психологическое сопровождение и т.д.);
- создание студенческого пространства в вузе для разнообразных студенческих активностей во внеучебное время;

- цифровая среда (цифровые помощники) по всем направлениям жизнедеятельности обучающихся в вузе;
- единство событий и ритуалов (всероссийская система мероприятий);
- форумная кампания (вузы – площадки для единой форумной кампании);
- университетская сеть психологической помощи;
- трудоустройство (содействие развитию центров оценки компетенций и центров развития карьеры);
- студенческий туризм (вузы – участники формирования среды студенческого научно-популярного, профориентационного, культурно-развлекательного туризма);
- студенческий спорт;
- студенческое волонтерское движение.

Подводя итог, отметим, что концептуальное рассмотрение целенаправленного, в контексте реализации государственной молодежной политики, создания условий прохождения процесса самореализации обучающихся в высшем учебном заведении как на уровне актора – представителя студенческой молодежи, так и на уровне структур позволяет комплексно анализировать происходящие изменения в сфере высшего образования и эффективно определять их результативность.

Список источников

1. Агентство стратегических инициатив. URL: <https://asi.ru/> (дата обращения: 11.03.2023).
2. Всероссийский конгресс по молодежной политике и воспитательной деятельности. URL: <https://prorektors.ru/> (дата обращения: 11.03.2023).
3. Глава Минобрнауки России Валерий Фальков рассказал о ключевых аспектах молодежной политики в вузах. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/50610/> (дата обращения: 11.03.2023).
4. Навыки будущего. URL: https://asi.ru/leaders/initiatives/education_leaders/future_skills/ (дата обращения: 11.03.2023).
5. Методические рекомендации по разработке Рабочей программы воспитания и Календарного плана воспитательной работы образовательной организации высшего образования. URL: [https://minobrnauki.gov.ru/upload/2021/04/Методические %20рекомендации %20по %20разработке %20рабочей %20программы %20воспитания %20и %20к....pdf](https://minobrnauki.gov.ru/upload/2021/04/Методические%20рекомендации%20по%20разработке%20рабочей%20программы%20воспитания%20и%20к....pdf) (дата обращения: 11.03.2023).
6. Окружные семинары – совещания с проректорами, ответственными за молодежную политику и воспитательную деятельность в ООВО. URL: <https://prorektors.ru/seminars> (дата обращения: 11.03.2023).
7. О направлении методических рекомендаций : письмо Министерства высшего образования и науки РФ от 07.07.2022 № МН-11/787-ГГ. URL: <https://minobrnauki.gov.ru> (дата обращения: 11.03.2023).
8. Программа Минобрнауки «Голос поколений. Проректоры». URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/announcements/59468/> (дата обращения: 11.03.2023).
9. Путин поручил продумать создание центров компетенций по вопросам молодежи / РИА НОВОСТИ. URL: <https://ria.ru/20230131/tsestry-1848766378.html> (дата обращения: 11.03.2023).
10. Реализация государственной молодежной политики и воспитательная деятельность в вузах – приоритетные направления высшего образования. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/273903692> (дата обращения: 11.03.2023).
11. Твои компетенции. URL: <https://rsv.ru/competitions/internship/1/198/> (дата обращения: 11.03.2023).
12. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 (с изменениями от 6 марта 2018 г.). URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 11.03.2023).
13. О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся : Федеральный закон № 304-ФЗ : [принят Гос. Думой 31.07.2020]. URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 11.03.2023).
14. Бендикс Р. Образ общества у Макса Вебера // Вебер М. Избранное. Образ общества : пер. с нем. Москва : Юрист, 1994.
15. Бурдьё Пьер. Социология социального пространства / пер. с фр., общ. ред. Н.А. Шматко. Санкт-Петербург : Алетейя ; Москва : Ин-т эксперим. социологии: Алетейя, 2005. 288 с.
16. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. Москва : Академ. Проект, 2003. 538 с.
17. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. С.М. Червонной. Москва, 2005. 273 с.
18. Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. Москва : Аспект-Пресс, 1996. 416 с.
19. Giddens A. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Cambridge : Polity, 1984.

References

1. Agentstvo strategicheskikh iniciativ. URL: <https://asi.ru/> (data obrashheniya: 11.03.2023).
2. Vserossijskij kongress po molodezhnoj politike i vospitatel'noj dejatel'nosti. URL: <https://prorektors.ru/> (data obrashheniya: 11.03.2023).
3. Glava Minobrnauki Rossii Valerij Fal'kov rasskazal o kljuchevyh aspektah molodezhnoj politiki v vuzah. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/50610/> (data obrashheniya: 11.03.2023).
4. Navyki budushhego. URL: https://asi.ru/leaders/initiatives/education_leaders/future_skills/ (data obrashheniya: 11.03.2023).
5. Metodicheskie rekomendacii po razrabotke Rabochej programy vospitaniya i Kalendarnogo plana vospitatel'noj raboty obrazovatel'noj organizacii vysshego obrazovaniya. URL: [https://minobrnauki.gov.ru/upload/2021/04/Metodicheskie %20rekomendacii %20po %20razrabotke %20rabochej %20programy %20vospitaniya %20i %20k....pdf](https://minobrnauki.gov.ru/upload/2021/04/Metodicheskie%20rekomendacii%20po%20razrabotke%20rabochej%20programy%20vospitaniya%20i%20k....pdf) (data obrashheniya: 11.03.2023).
6. Okruzhnye seminary – soveshhanija s prorektorami, otvetstvennymi za molodezhnuju politiku i vospitatel'nuju dejatel'nost' v OOVO. URL: <https://prorektors.ru/seminars> (data obrashheniya: 11.03.2023).
7. O napravlenii metodicheskikh rekomendacij : pis'mo Ministerstva vysshego obrazovaniya i nauki RF ot 07.07.2022 № МН-11/787-ГГ. URL: <https://minobrnauki.gov.ru> (data obrashheniya: 11.03.2023).
8. Programma Minobrnauki «Golos pokolenij. Prorektorij». URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/announce#ments/59468/> (data obrashheniya: 11.03.2023).
9. Putin poruchil produmat' sozdanie centrov kompetencij po voprosam molodezhi / RIA NOVOSTI. URL: <https://ria.ru/20230131/tsestry-1848766378.html> (data obrashheniya: 11.03.2023).
10. Realizacija gosudarstvennoj molodjozhnoj politiki i vospitatel'naja dejatel'nost' v vuzah – prioritetye napravlenija vysshego obrazovaniya. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/273903692> (data obrashheniya: 11.03.2023).
11. Tvoi kompetencii. URL: <https://rsv.ru/competitions/internship/1/198/> (data obrashheniya: 11.03.2023).
12. O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii : ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 31 dekabrya 2015 g. №683 (s izmenenijami ot 6 marta 2018 g.). URL: <https://base.garant.ru/> (data obrashheniya: 11.03.2023).
13. O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» po voprosam vospitaniya obuchajushhijhsja : Federal'nyj zakon № 304-FZ : [prinjat Gos. Dumoj 31.07.2020]. URL: <https://base.garant.ru/> (data obrashheniya: 11.03.2023).

14. Bendiks R. *Obraz obshhestva u Maksa Vebera* [Max Weber's Image of Society] // Veber M. Izbrannoe. Obraz obshhestva : per. s nem. Moskva: Jurist, 1994.
15. Burd'e P'er. *Sociologija social'nogo prostranstva* [Sociology of social space] / per. s fr., obshh. red. N.A. Shmatko. Sankt-Peterburg : Aletejja ; Moscow: In-t jeksperim. sociologii: Aletejja, 2005. 288 s.
16. Giddens Je. *Ustroenie obshhestva: Ocherk teorii strukturacii* [Organization of society: An essay on the theory of structuration]. Moscow: Akadem. Proekt, 2003. 538 s.
17. Shtompka P. *Sociologija. Analiz sovremennogo obshhestva* [Sociology. Analysis of modern society] / per. s pol'sk. S.M. Chervonoi. Moscow, 2005. 273 s.
18. Shtompka P. *Sociologija social'nyh izmenenij* [Sociology of social change] / per. s angl. pod red. V.A. Jadova. Moscow: Aspekt-Press, 1996. 416 s.
19. Giddens A. *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge: Polity, 1984.

Информация об авторе

Ю.А. Тюрина – доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления.

Information about the author

Yu.A. Tyurina – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Department of State and Municipal Management, North-West Institute of Management.

Статья поступила в редакцию 03.02.2023; одобрена после рецензирования 24.02.2023; принята к публикации 24.03.2023.
The article was submitted 03.02.2023; approved after reviewing 24.02.2023; accepted for publication 24.03.2023.

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

PROBLEMS OF THE FAR EAST

Научная статья

УДК 332.1(571.6)

doi:10.31079/1992-2868-2023-20-2-191-198

МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ КОНТАКТЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В XIX–XX ВЕКАХ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНОМЕНТАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ СИСТЕМЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Сергей Васильевич Березницкий

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия, svbereznitsky@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6235-5542>

Аннотация. Статья посвящена анализу механизма этнокультурного проецирования европейского менталитета, этики, морали, торговых технологий, социокультурного облика купцов, промышленников, чиновников, военных, работников культурной сферы, повлиявших во второй половине XIX – начале XX в. на развитие Дальнего Востока России в промышленном, торговом, транспортном, научном, образовательном дискурсах, в целом на систему жизнедеятельности. Наиболее значительное влияние на процесс освоения и преобразования дальневосточной окраины Российской империи оказали немецкие переселенцы. Методология исследования, основанная на концепции предпринимательской этики М. Вебера, базируется на убеждении, что история и культура Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX в., с одной стороны, связаны с общероссийскими социокультурными процессами, с другой, с дальневосточной спецификой, возникшей в результате влияния европейского менталитета. В статье раскрывается сущность, структура и функции торговых, транспортных, промышленных компаний в Приамурье, Приморье, на Сахалине. Актуальным представляется анализ феномена возникшей региональной культуры. Переселенцы, носители разных этнокультурных моделей менталитета, этнических стереотипов поведения, не только преобразовывали территорию, окружающий мир в индустриальном отношении, но планировали его развитие на долгосрочную перспективу, для чего прилагали собственные финансовые ресурсы и усилия для создания научных и культурных учреждений: Общества изучения Амурского края, Восточного института, будущего Дальневосточного государственного технического университета, финансировали этнографические экспедиции. Результатом работы является убеждение автора в том, что ментальные установки обладают достаточной устойчивостью, надёжной основой для освоения дальневосточного региона, для позитивного диалога культур, для оптимальной адаптации переселенцев к инокультурному окружению, к иным природным и климатическим условиям, региональной специфике.

Ключевые слова: Дальний Восток России, XIX – начало XX в., социально-экономическое развитие региона, этнокультурные особенности европейского менталитета

Original article

INTER-CIVILIZATIONAL CONTACTS IN THE RUSSIAN FAR EAST IN THE NINETEENTH AND TWENTIETH CENTURIES AND THE TRANSFORMATION OF ETHNO-MENTAL COMPONENTS OF THE LIFE SYSTEM

Sergey V. Bereznitsky

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia, svbereznitsky@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0001-6235-5542>

Abstract. The article is devoted to the analysis of the mechanism of ethnocultural projection of European mentality, ethics, morality, trade technologies, sociocultural image of merchants, industrialists, officials, military officers, cultural workers, who influenced in the second half of 19th – early 20th centuries on the development of the Russian Far East in industrial, trade, transport, scientific, educational discourses and on the life system in general. The most significant influence on the process of development and transformation of the Far Eastern outskirts of the Russian Empire was exerted by the German settlers. The research methodology based on Max Weber's concept of entrepreneurial ethics, is based on the belief that the history and culture of the Russian Far East in the second half of the 19th and early 20th centuries, on the one hand, are linked to the all-Russian socio-cultural processes and, on the other hand, to the Far Eastern specificity that emerged as a resulting of the influence of the European mentality. The article reveals the essence, structure and functions of trade, transport, industrial companies in the Amur region, Primorye and Sakhalin. The analysis of the phenomenon of the emerged regional culture is relevant. The immigrants,

carriers of different ethno-cultural mental models and ethnic stereotypes of behaviour, not only transformed this territory, the surrounding world in an industrial way, but also planned its development in the long term, for what purpose they used their own financial resources and efforts to create scientific and cultural institutions: Society studying the Amur region, the East Institute, the future Far East State Technical University, they financed ethnographic expeditions. The result of the work is the author's conviction that mental attitudes have sufficient stability, a reliable basis for the development of the Far Eastern region, for a positive dialogue of cultures, for optimal adaptation of immigrants to a foreign cultural environment, to different natural and climatic conditions and regional specifics.

Keywords: Russian Far East, 19th – early 20th centuries, socio-economic development of the region, ethno-cultural peculiarities of European mentality

После заключения Айгунского, Тяньцзинского (1858 г.), Пекинского (1860 г.) договоров к Российской империи перешло левобережье Приамурья и правобережье р. Уссури. С середины XIX в. на Дальний Восток России начали переселяться крестьяне, служащие, миссионеры, чиновники, военные, купцы, промышленники. В составе губернаторов, военных, чиновников, предпринимателей был большой процент немецких переселенцев. Их предпринимательская, благотворительная, культуртрегерская активность на Дальнем Востоке соответствовала социально-экономическим процессам в Центральной России, но имела региональную специфику [1; 2; 3: с. 84–86, 107–109, 137–139; 4: с. 34–49; 5; 6; 7: с. 396–441]. Историография данного вопроса подробно рассмотрена в ряде работ и диссертаций [8; 9; 10: с. 82–92; 11].

Процент других европейских компаний и предпринимателей был незначительным по сравнению с немецкими. В частности, шотландец, первый английский консул во Владивостоке Г.Ф. Демби/Денби, который занимался промыслом на Шантарских островах, открыл коммерческие и торговые предприятия в Японии, Владивостоке, рыбопромышленную контору [12: с. 71–73; 13: с. 58–59]. Из китайских купцов наиболее известен Цзи Фэнтай, который не только занимался торговлей в Хабаровске, но являлся важной фигурой в межэтнических и междивизиационных отношениях между Приамурьем и цинским Китаем [14].

Для исследования заявленной проблемы необходимо решить несколько основных вопросов, связанных с процессом освоения Дальнего Востока России немецкими переселенцами и с особенностями их менталитета; с культуурообразующей деятельностью немецких чиновников и предпринимателей как проекцией их менталитета.

Немецкие предприниматели и чиновники, привлечённые Петром Первым, занимались решением вопросов науки, культуры, управления, торговли, экономики. Эта традиция была продолжена другими российскими императорами и императрицами. Со второй половины XIX в. деловые люди Германии стали осваивать Дальний Восток России. Они осоз-

знавали коммерческий риск, отдаленность края от центра империи (особенно по европейским ментальным и географическим представлениям), малозаселенность региона, слабую транспортную инфраструктуру и небольшие обороты капитала. С другой стороны, их привлекало особое географическое положение края как фронта транзитной торговли Европы с Азиатско-Тихоокеанским регионом, богатство природных ресурсов, отсутствие конкуренции. Быстро образовавшаяся немецкая диаспора стала способствовать успешной адаптации своих предпринимателей в иноэтническом окружении. Немцы стремились понять менталитет аборигенов, изучить язык принимающего общества, потребности местного рынка. Предприниматели не только внедряли новейшие достижения электроэнергетики, машиностроения, химической промышленности, машин для сельского хозяйства, других высокотехнологичных сфер производства, но и оказывали финансовую помощь для удовлетворения культурных запросов немцев, а впоследствии и других слоёв населения. Они выделяли финансовые средства на развитие образования, культурных и научных организаций, на здравоохранение, на содержание приютов, тюрем и других социальных объектов. На основе сотрудничества с крупнейшими зарубежными банками, страховыми и пароходными компаниями, производителями товаров немецкие коммерсанты способствовали вовлечению дальневосточного региона России в мировой рынок [8; 15]. Переселенцы из Германии создавали военную и административную систему управления краем, торговую сеть с богатыми магазинами, строили здания и сооружения по европейским архитектурным канонам, оборудовали их телефонной связью, электрическим освещением, ввели городской электрический транспорт, открывали театры, парки и другие объекты культуры и просвещения. Таким образом, на дальневосточной окраине Российской империи происходило постепенное создание особой культурной среды, во многом базировавшейся на воспроизводстве европейской культуры, ментальных установок, принесенных и внедряемых в местную среду.

В задачу данного исследования не входит методологическая разработка сущности и функций менталитета как сложного этносоциокультурного института. Тщательный анализ этого феномена произведен в огромном количестве трудов философов, культурологов, этнографов, историков: Г. Гегеля, И. Гердера, И. Канта, К. Юнга, Г. Лебона, Э. Дюркгейма, Л. Леви-Брюля, М. Лацаруса, Х. Штейнталя, Г. Теленбаха, В. Вундта, К. Леви-Стросса, Ж. ле Гоффа, Л. Февра, М. Блока, Э. Фромма, В.О. Ключевского, Н.А. Бердяева, А.Я. Гуревича, Г.Д. Гачева, современных ученых [16; 17; 18: с. 14–17]. Обобщение этих концепций привело к авторскому пониманию менталитета как системы мышления, основанной на специфических для конкретного этноса архетипах мировоззрения, стереотипах поведения, знаниях, жизнеобеспечивающих технологиях, на комплексе доминирующих потребностей, верованиях, культурных традициях и ценностях. Такая парадигма наиболее оптимальна для выявления воздействия немецкого менталитета на развитие края. Менталитет формируется под влиянием географических, этнических и социокультурных, иррациональных и рациональных компонентов, и как особый культурный феномен отражает специфику людей в определенных условиях их исторического и социального бытия.

Другая не менее важная составляющая связана с пониманием феномена этнокультурной проекции (от латинского «выбрасывание вперед; вынесение вовне»). Проекция означает перенос ментальных установок, компонентов из одной культуры в другую, где они не только насыщают историческими и культурными особенностями воспринимаемую среду, но и изменяются сами.

Данный методологический подход связан с комплексом социально значимых проблем научно-технического прогресса на Дальнем Востоке России второй половины XIX – первой трети XX в. посредством немецких купцов, предпринимателей и промышленников. Анализ необходим не только на региональном уровне, но и в межэтническом, поликультурном контексте, в рамках исторически обособленной среды обитания российского этноса в условиях влияния на него инокультурных компонентов.

Основопологающий вопрос исследования связан с этнокультурными и ментальными особенностями института благотворительности. Мотивация осуществления благотворительности по отношению к своим соплеменникам, согражданам, людям одной этнической идентичности, мировоззрения самоочевидна. Тем более если финансовая помощь оказывается человеком, занимающим высо-

кий гражданский или военный пост. Благотворительность является механизмом регулирования социального равенства, устранения экономического дискомфорта, несправедливости при распределении благ. Другая мотивация благотворительности связана с покровительством искусствам, науке, культуре, финансированием картинных галерей, больниц, театров, учебных заведений. Особой категорией мотивационной основы благотворительности является религиозная, направленная на получение будущей райской жизни ведением праведной земной, помощью нищим, строительством храмов. Имеется и такой побудительный мотив пожертвования, как тщеславие: финансовая помощь оказывается для возвеличивания своего эго [19].

В данном исследовании рассматривается благотворительная деятельность на Дальнем Востоке немецких переселенцев, чиновников, военных, управленцев. Военные руководители, генерал-губернаторы дальневосточного региона по своим должностным обязанностям должны были укреплять регион в оборонном смысле, способствовать развитию торговой и транспортной сети, городской инфраструктуры, решать проблемы питания, образования, просвещения, науки. Постоянно развиваясь, города дальневосточного региона интегрировали в конкретных исторических, географических, этносоциальных условиях проецируемые на них европейские этнокультурные, ментальные ценности.

Мотивация немецкого купца, предпринимателя, промышленника в соответствии с теорией этнических стереотипов поведения была связана, с одной стороны, с присущей немцам бережливостью, пунктуальностью, трудолюбием, а с другой, с необходимостью получения выгоды [5; 20: с. 131–134].

Для решения проблемы меценатства немецких промышленников наиболее плодотворной является концепция М. Вебера о предпринимательской этике, в соответствии с которой экономический успех возведен в религиозное призвание, с акцентом на благотворительность и самосовершенствование. Вебер выявил внутренние связи экономического развития общества с правовыми, этнографическими, психологическими и нравственно-религиозными компонентами. Деятельность предпринимателя направлена на достижение рентабельности, преобразования жизни людей на основе научных знаний, на планирование коммерческой деятельности на длительную перспективу [21; 22].

Наиболее известными немецкими переселенцами, оказавшими влияние на процесс освоения Дальнего Востока, были: первый генерал-губернатор Приамурского края А.Н. Корф, генерал-

губернатор Приморской области П.Ф. Унтербергер, купцы и промышленники Г. Кунст, Г. Альберс, А. Альберс, А.Т.А.Х. Даттан, Ю.И. Бринер.

А.Н. Корф во время своего губернаторства в 1884–1890 гг. многое сделал для экономического и культурного развития региона, для гармонизации межцивилизационных контактов: уменьшил китайское влияние в области лесоразработок и рыбных промыслов, организовал морское переселение людей, разработку месторождений каменного угля на Сахалине, расширил добычу морских биоресурсов у берегов Сахалина, Охотского моря, Камчатки, значительно развил миссионерскую деятельность, процесс открытия школ. В 1885 г. Корф организовал новый для дальневосточной окраины историко-культурный институт – Съезд сведущих людей. На заседания приглашались чиновники, губернаторы областей, промышленники, купцы 1-й гильдии, делавшие доклады о различных отраслях хозяйственной и социальной жизни края, о вопросах его физико-географического положения, демографии, земельного устройства, промышленного развития, торговли, транспорта и путей сообщения [23: с. 83–84; 24]. При финансовой поддержке А.Н. Корфа в 1884 г. во Владивостоке было создано первое научное общество – Общество изучения Амурского края [25]. Главная его деятельность заключалась в изучении бассейна реки Амур, побережья Тихого океана и сопредельных территорий, колонизации, в изучении особенностей географии, экономики, истории и культуры коренных и переселенческих народов на основе сбора и изучения естественно-научных, этнографических, археологических, географических коллекций, разнообразных сведений. В 1894 г. в Хабаровске был создан Приамурский отдел Императорского Русского географического общества, а Приморская часть ОИАК стала его филиалом. ОИАК активно занималось поиском пожертвований у меценатов: А.Н. Корфа, С.М. Духовского, Н.И. Гродекова, П.Ф. Унтербергера, Н.Л. Гондатти и др.

А.Н. Корф окружил себя талантливыми людьми, среди которых можно отметить Ф.Ф. Буссе, одного из первых этнографов и археологов Приморского края; А.Г. Кейзерлинга, чиновника особых поручений при генерал-губернаторе, который объехал Забайкалье и Дальний Восток, собрал этнографический материал о культуре коренных народов [26; 27].

За годы правления П.Ф. Унтербергера в 1888–1897 гг. Приморской областью и в 1906–1911 гг. Приамурским краем эти регионы преобразились в техническом и культурном отношении: была построена Уссурийская железная дорога, торговый порт, доки, начата добыча угля, создана мощная Владивостокская

крепость [28; 29]. Унтербергер содействовал исследовательской работе знаменитого этнографа, путешественника и писателя В.К. Арсеньева (1872–1930), который организовывал экспедиции, собирал геодезические, метеорологические, орографические, гидрографические, топонимические, демографические материалы, необходимые для стратегической обороны края и его дальнейшего развития в колонизационном отношении, исторические и этнографические сведения о коренных народах [30; 31; 32: с. 36–40].

Первыми крупными немецкими предпринимателями, основавшими на Дальнем Востоке России во второй половине XIX в. торговую компанию «Кунст и Альберс» и магазины нового типа – универсальные, стали Г. Кунст и Г. Альберс. Товары они привозили из Китая и Европы, продажа их приносила коммерческую выгоду, позволила создать сеть филиалов в Европе и Азии. В 1870 г. Владивосток получил статус города, население его росло, что также расширяло торговлю, которая, в свою очередь, благоприятно воздействовала на улучшение культурного образа жизни [35; 36]. Торговля стала основной сферой предпринимательской активности в Хабаровске, Благовещенске, Николаевске-на-Амуре, позволяла получать прибыль из-за быстрой оборачиваемости капиталов [37]. Положительно сказалось на торговле и образовании в 1884 г. Приамурского генерал-губернаторства с центром в Хабаровске.

Кунст и Альберс не ограничились торговлей и создали транспортную систему речных и морских судов, верфи для их ремонта, горные рудники, шахты для добычи природных ископаемых и фабрики по их обогащению и переработке, доставляли и монтировали техническое оборудование для заводов [5]. Очередным этапом развития компании стало возведение служебных, коммерческих и жилых зданий во Владивостоке и в других дальневосточных городах. Для этого в начале XX в. из Германии пригласили архитектора Г.Г. Юнгхенделя, построившего ряд монументальных зданий в стиле немецкого барокко, гениально вписанных в городскую среду того времени [36: с. 16, 24–25].

Немецкие предприниматели активно содействовали организации евангелическо-лютеранской общины и строительству храма. В основе этого процесса лежала все та же протестантская этика как сакральный компонент добросовестного труда, честности в торговых операциях, скромности в быту и строгости нравов, рационального подъема финансового состояния [37: с. 205–206].

В 1870-х гг. Г. Кунст и Г. Альберс пригласили из Германии на пост управляющего компании

А.Т.А.Х. Даттана, который руководил ею совместно с сыном Г. Альберса Альфредом. А. Даттан сочетал коммерческую деятельность с общественно-благотворительной работой, меценатством, выделил финансовые средства на содержание первого высшего учебного заведения на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока – Восточного института, созданного на основе высочайшего решения императора России Николая II и открытого в октябре 1899 г. Это учреждение готовило служащих в торговой, административной, промышленной сферах. Студенты изучали английский, китайский, корейский, маньчжурский, монгольский, французский и японский языки, географию, счетоводство и товароведение, историю и политическую организацию стран Восточной Азии. Даттан публиковал материалы о развитии дальневосточной торговли, о её исторических и этнокультурных особенностях. С огорчением он писал о том, что Российская империя за 300 лет владения Сибирью и Дальним Востоком не смогла развить настоящую торговлю, как в европейских странах. Обескуражила Даттана ментальная особенность первых сибирских и дальневосточных российских купцов, выразившаяся в обидной для русских людей поговорке «не надуть – не продашь». Обычным делом был обман коренных народов, у которых за бесценнок скупали меха таежных и морских животных [32]. Даттан субсидировал строительство православного Успенского собора во Владивостоке в 1889 г. и церкви в Восточном институте [38].

В 1918 г. во Владивостоке было создано Общество содействия высшему образованию, в которое вошли ученые, профессора Восточного института, промышленники, владельцы горных рудников, в том числе У.К. Вильдеман, Э.В. Штильмарк, Б.Ю. Бринер. Было принято решение о создании Владивостокского высшего политехникума (будущего Дальневосточного государственного технического университета). В его стенах планировалось обучать промышленников, экономистов, горных инженеров, строителей. Торговая компания улучшала условия труда работников, предоставляла жилье, обучала персонал на курсах, создавала сеть библиотек и спортивных сооружений.

Меценатство немецких предпринимателей помогло сделать дальневосточный край процветающим, населённым образованными людьми с развитым кругозором, хорошим вкусом, желанием приобретать новинки научно-технического прогресса для повышения комфорта своей жизни и потомков. Купцы, промышленники проецировали свой менталитет, коммерческую этику на окружающее их социальное пространство.

Несмотря на небольшую продолжительность деятельности немецких коммерсантов на Дальнем Востоке, они сумели оказать помощь и в развитии этнографической науки. Экспедиционными исследованиями на территории края занимались путешественники, чиновники, военные [39].

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. в дальневосточной культурной, научной, торговой и промышленной среде под влиянием менталитета немецких переселенцев происходил сложный процесс формирования особого этносоциокультурного мира. Во Владивостоке, Хабаровске и других городах сложилась сеть промышленных и торговых предприятий. Успех предпринимательской деятельности зависел от этнокультурных особенностей, менталитета и предпринимательской этики, от алгоритма перенесения немцами культурной матрицы в иные этнокультурные условия. Немецкие коммерсанты ориентировались на дальнейшую перспективу развития своих предприятий, для обслуживания техники и оборудования которых требовались высокообразованные специалисты. В результате проекции сложившихся в Германии этнокультурных технологий, способов ведения бизнеса новая территория изменялась. Этническое предпринимательство перерастало национальные границы, приобретало черты международного. Товары приобретались в Европе, Северной Америке, Азии. Их ассортимент учитывал этнокультурные стереотипы, интересы и пристрастия местных жителей. Немецкие коммерсанты и чиновники финансировали дальневосточную науку, образование, так как они планировали здесь жить. Анализ их деятельности показал позитивное воздействие менталитета на развитие этнической, социальной, культурной среды дальневосточного региона, который в указанный период представлял перекрёсток традиционных этнических культур тунгусо-маньчжурского, палеоазиатского, китайско-маньчжурского, славянского миров с представителями техногенной европейской цивилизации. Результаты такого взаимодействия включали в себя три дополняющих друг друга фактора: традиционный производственно-хозяйственный, связанный с промыслами и земледелием, миграционный, включающий в себя интенсивный приток европейских переселенцев, полиэтничный, основанный на неизбежных тесных межнациональных и межэтнических контактах, на инокультурных взаимовлияниях. Эти факторы формировали новую этносоциокультурную городскую урбанизированную среду. Поначалу она была чуждой не только для коренных народов, выходцев из Маньчжурии, но и для славянских

переселенцев, что было обусловлено двойственным характером: техногенной субкультурой, с одной стороны, и патриархальной – с другой. Этнокультурная проекция менталитета немецких переселенцев неизбежно влекла за собой трансформацию ландшафта, системы жизнедеятельности региональной культуры реципиента. Однако ментальная проекция немецких предпринимателей не привела к слому самобытного локально-этнического типа дальневосточной культуры, а помогла ей встроиться в новые экономические отношения, сохранить и приумножить своеобразие культур региона. Немецкий рационализм, индустриально-технологическая целесообразность выступали в качестве руководящего принципа деятельности. Этнокультурную проекцию немецкого менталитета следует рассматривать как локально-этнический

механизм формирования новой среды обитания аборигенного и пришлого населения с учётом специфики их мировосприятия, этнической психологии. Этническая культура немецких переселенцев повлияла на постепенный процесс материализации идеи преобразования дальневосточной этнокультурной сферы, предметно-вещественного мира под свои духовные и материальные нужды. Этот механизм формирования новой экономической среды вполне можно обозначить культурогенезом, породившим не только новые промышленные объекты, но и производственные отношения, иной стиль жизни и жизнеобеспечивающие технологии, иной облик антропоморфного ландшафта, представляющего своеобразную историко-культурную среду обитания, специфику этнорегионального межкультурного пространства.

Список источников

1. Велицын А.А. Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на юге и востоке России. Санкт-Петербург, 1893. 283 с.
2. Даттан А.В. Исторический очерк развития Приамурской торговли. Москва, 1897. 192 с.
3. Aus der Geschichte des Hauses Kunst&Albers // Ostasiatische Rundschau. 1940. № 4. S. 84–86; № 5–6. S. 107–109; № 7. S. 137–139.
4. Ярзуткина А.А. Формы и характер торговли американских предпринимателей с коренными жителями Чукотки в конце XIX – начале XX века // Всероссийский журнал научных публикаций. 2011. № 8. С. 34–49.
5. Алепо А.В. Зарубежный капитал и предпринимательство на Дальнем Востоке России (конец XVIII в. – 1917 г.). Хабаровск, 2001. 368 с.
6. Сладковский М.И. Очерки развития внешнеэкономических отношений Китая. Москва : Внешторгиздат, 1953. 304 с.
7. Болховитинов Н.Н. Торговля и разграничения владений России, США и Англии на северо-западе Америки (1824–1825) // История Русской Америки. 1732–1867. Т. 2. Деятельность РАК (1799–1825). Москва, 1999. С. 396–441.
8. Молчанова Е.Г. Немецкие предприниматели на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2001. 285 с.
9. Иларионова Т.С. Немцы на государственной службе России. К истории вопроса на примере освоения Дальнего Востока. Москва : Ин-т энергии знаний, 2009. 221 с.
10. Дорожкин А.Г. Немецкое участие в экономике дореволюционной России в освещении германского россиеведения конца XX – начала XXI в. // Вестник Пермского ун-та. История. 2010. Вып. 2 (14). С. 82–92.
11. Дорожкин А.Г. Проблема иностранного капитала в России в освещении германской историографии XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1995. 29 с.
12. Хисамутдинов А.А. Поиски следов Г.Ф. Демби и его детей // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1996. № 3. С. 71–73.
13. Моргун З.Ф., Мандрик А.Т. Демби и К^о. Промышленники семейства Демби и рыбный промысел на русском Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. // Россия и АТР. 1993. № 1. С. 58–59.
14. Петров А.И. История китайцев в России: 1856–1917 г. Санкт-Петербург, 2003. 958 с.
15. Lothar D. Kunst and Albers Vladivostok: The History of a German Trading Company in the Russian Far East 1864–1924. Berlin, 2013. 436 p.
16. Губанов Н.И. Менталитет: сущность, закономерности формирования, развития и функционирования в обществе : дис. ... д-ра филос. наук. Москва, 2014. 372 с.
17. Собольников В.В. Менталитет, ментальность и этнопсихологические особенности китайцев. Москва, 2020. 160 с.
18. Ашнокова Л.М., Намитокова М.Н. Этничность и менталитет // Общество: философия, история, культура. 2020. № 6 (74). С. 14–17.
19. Старцев А.В., Гончаров Ю.М. История предпринимательства в Сибири (XVII – начало XX в.). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. 215 с.
20. Булова Е.Ф. Некоторые черты портрета германского предпринимателя // Вестник Башкирского ун-та, 2007. Т. 12, № 3. С. 131–134.
21. Вебер М. История хозяйства. Город. Москва : КАНОН-Пресс-Ц, 2001. 576 с.
22. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2017. 656 с.

23. Барон Андрей Николаевич Корф (1831–1893): Приамурский генерал-губернатор (1884–1890) // Сибирский торгово-промышленный ежегодник. Санкт-Петербург, 1913. С. 83–84.
24. Корф А.Н. Краткий очерк Приамурского края: по официальным данным. Санкт-Петербург, 1892. 65 с.
25. Хисамутдинов А.А. Общество изучения Амурского края: События, люди. Владивосток : ВГУЭС, 2004. 274 с.
26. Российский государственный исторический архив. Ф. 1102. Оп. 2. Д. 583.
27. Кайзерлинг А.Г. Воспоминания о русской службе. Москва : Академкнига, 2001. 134 с.
28. Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер. Документально-историческое повествование. Хабаровск : РИОТИП, 2008. 400 с.
29. Унтербергер П.Ф. Приморская область. 1856–1898 гг. Очерк. Санкт-Петербург, 1900. 347 с.
30. Архив ПФРГО – ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 2. Д. 8. Л. 6.
31. Архив ПЦРГО – ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 3. Д. 71. Л. 5 об.-6.
32. Хисамутдинов А.А. «Впервые осветил географию многих мест»: В.К. Арсеньев и его исследования // Ойкумена. 2017. № 3. С. 36–49.
33. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф 1. Оп. 1. Д. 207. Л. 1об.; Ф. 77. Оп. 1. Д. 621. Л. 1, 3; Ф. 702. 1910 г. Оп. 2. Д. 506. Л. 169.
34. Деев Л. Кунст и Альберс: история немецкого торгового дома на российском Дальнем Востоке: (1864–1924 гг.). Владивосток : ДВФУ, 2012. 392 с.
35. Нестерова Е.И. Иностранные коммерческие агенты в Николаевске-на-Амуре (1756–1874 гг.) // Вестник ДВО РАН. 2013. № 1. С. 69–70.
36. Обертас В.А. Основы градостроительной структуры Владивостока. Владивосток : Рея, 2011. 114 с.
37. Макеева И.В. Вклад представителей немецкого сообщества в формирование культурной среды Владивостока // Вестник Поволжского института управления. 2009. № 2. С. 202–207.
38. РГИАДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 122. Л. 6.
39. Маргаритов В.П. Об орочах Императорской Гавани. Санкт-Петербург : ИАН, 1888. 56 с.

References

1. Velicyn A.A. Nemcy v Rossii. Oчерki istoricheskogo razvitiya i nastoyaschego polozheniya nemeckih kolonij na yuge i vostoke Rossii [Germans in Russia. Sketches of the historical development and the present situation of the German colonies in the south and east of Russia]. St-Petersburg, 1893, 283 p. (in Russ.).
2. Dattan A. V. Istoricheskij oчерk razvitiya Priamurskoj trgovli [Historical sketch of the development of Near-Amur trade]. Moscow, 1897, 192 p. (in Russ.).
3. Aus der Geschichte des Hauses Kunst&Albers. Ostasiatische Rundschau. 1940. no 4, s. 84–86; no 5–6, s. 107–109; no 7, s. 137–139.
4. Yarzutkina A.A. Formy i harakter trgovli amerikanskih predprinimatelej s korennyimi zhitelyami Chukotki v konce XIX – nachale XX veka [Forms and Character of Trade of American Entrepreneurs with Indigenous Peoples of Chukotka in the Late XIX – Early XX Century]. Vserossijskij zhurnal nauchnyh publikacij, 2011, no 8, pp. 34–49.
5. Alepko A.V. Zarubezhnyj kapital i predprinimatel'stvo na Dal'nem Vostoke Rossii (konec XVIII v. – 1917 g.) [Foreign Capital and Entrepreneurship in the Russian Far East (late 18th century – 1917)]. Habarovsk, 2001, 368 p. (in Russ.).
6. Sladkovskij M.I. Oчерki razvitiya vneshne`ekonomicheskij otnoshenij Kitaya [Essays on the development of foreign economic relations of China]. Moscow: Vneshtorgizdat, 1953, 304 p. (in Russ.).
7. Bolhovitinov N.N. Torgovlya i razgranicheniya vladenij Rossii, SShA i Anglii na Severo-Zapade Ameriki (1824–1825) [Trade and Delimitation of Possessions of Russia, USA and England in North-West America (1824–1825)]. Istorija Russkoj Ameriki. 1732–1867. T.2. Deyatel'nost' RAK (1799–1825). Moscow, 1999, pp. 396–441. (in Russ.).
8. Molchanova E.G. Nemeckie predprinimateli na rossijskom Dal'nem Vostoke vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [German entrepreneurs in the Russian Far East in the second half of XIX – early XX centuries]. Dis. kand. ist. nauk. Vladivostok, 2001, 285 p. (in Russ.).
9. Ilarionova T. S. Nemcy na gosudarstvennoj sluzhbe Rossii. K istorii voprosa na primere osvoeniya Dal'nego Vostoka [Germans in the Russian state service. To the History of the Question by the Example of the Development of the Far East]. Moscow: In-t `energii znaniy, 2009, 221 p. (in Russ.).
10. Dorozhkin A. G. Nemeckoe uchastie v `ekonomike dorevolucionnoj Rossii v osveschenii germanskogo rossievedeniya konca XX – nachala XX v. [German' participation in economics of pre-revolutionary Russia in coverage of German's Russievost' late XX – early XXIX centuries]. Vestnik Permskogo un-ta. Istorija, 2010, no 2 (14), pp. 82–92.
11. Dorozhkin A.G. Problema inostrannogo kapitala v Rossii v osveschenii germanskoj istoriografii XX v. [The problem of foreign capital in Russia in the coverage of German historiography XX century]. Avtoref. dis. k. i. n. Novosibirsk, 1995, 29 p. (in Russ.).
12. Hisamutdinov A.A. Poiski sledov G.F. Dembi i ego detej [Searching for traces of G.F. Dembi and his children]. Kraevedcheskij byulleten'. Yuzhno-Sahalinsk, 1996, no 3, pp.71–73. (in Russ.).
13. Morgun Z.F., Mandrik A.T. Dembi i K. Promyshlenniki semejstva Dembi i rybnyj promysel na russkom Dal'nem vostoke v konce XIX – nachale XX vv. [Dembi and K. Industrialists of the Dembi family and a fishery in the Russian Far East at the end of XIX – the beginning of XX centuries]. Rossiya i ATR, 1993, no 1, pp. 58–59.
14. Petrov A. I. Istorija kitajcev v Rossii: 1856–1917 g. [The history of the Chinese in Russia: 1856–1917]. St-Petersburg, 2003, 958 p. (in Russ.).

15. Lothar D. Kunst and Albers Vladivostok: The History of a German Trading Company in the Russian Far East 1864–1924. Berlin, 2013, 436 p.
16. Gubanov N.I. Mentalitet: suschnost', zakonomernosti formirovaniya, razvitiya i funkcionirovaniya v obschestve [Mentality: essence, regularities of formation, development and functioning in society]. Dis. d. f. n. M., 2014, 372 p. (in Russ.).
17. Sobol'nikov V. V. Mentalitet, mental'nost' i `etnopsichologicheskie osobennosti kitajcev [Mentality, mentality and ethno-psychological features of the Chinese]. Moscow, 2020, 160 p. (in Russ.).
18. Ashnokova L. M., Namitokova M. N. `Etnichnost' i mentalitet [Ethnicity and mentality]. Obschestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2020, no 6 (74), pp. 14–17.
19. Starcev A. V., Goncharov Yu.M. Istoriya predprinimatel'stva v Sibiri (XVII – nachalo XX v.) [History of entrepreneurship in Siberia (XVII – early XX century)]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1999, 215 p. (in Russ.).
20. Bulova E. F. Nekotorye cherty portreta germanskogo predprinimatel'ya [Some features of a portrait of German businessman]. Vestnik Bashkirskogo un-ta, 2007, 12, no 3, pp. 131–134.
21. Veber M. Istoriya hozyajstva. Gorod [History of economy. City]. Moscow : KANON-Press-C, 2001. 576 p. (in Russ.).
22. Veber M. Protestant'skaya `etika i duh kapitalizma [Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism]. Moscow; St-Petersburg: Centr gumanitarnykh iniciativ, 2017, 656 p. (in Russ.).
23. Baron Andrej Nikolaevich Korf (1831–1893): Priamurskij general-gubernator (1884–1890) [Baron Andrei Nikolaevich Korf (1831–1893)]. Sibirskij torgovo-promyshlennyj ezhegodnik. St-Petersburg, 1913, pp. 83–84. (in Russ.).
24. Korf A.N. Kratkiy ocherk Priamurskogo kraja: po oficial'nym dannym [A brief sketch of Priamurskiy Krai: on official data]. St-Petersburg, 1892, 65 p. (in Russ.).
25. Hisamutdinov A. A. Obschestvo izucheniya Amurskogo kraja: Sobytiya, lyudi [Society for the study of the Amur region: Events, people]. Vladivostok: VGU`ES, 2004, 274 p. (in Russ.).
26. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv. Fund. 1102. Inventory 2. File 583. (in Russ.).
27. Kajzerling A.G. Vospominaniya o russkoj sluzhbe [Memories of Russian service]. Moscow: Akademkniga, 2001, 134 p. (in Russ.).
28. Dubinina N. I. Priamurskij general-gubernator P.F. Unterberger. Dokumental'no-istoricheskoe povestvovanie [Priamurskiy governor-general P.F. Unterberger. Documentary-historical narration]. Habarovsk: RIOTIP, 2008, 400 p. (in Russ.).
29. Unterberger P.F. Primorskaya oblast'. 1856–1898 gg. Ocherk [Primorskaya oblast. 1856–1898. Sketch]. St-Petersburg, 1900, 347 p. (in Russ.).
30. Arhiv PFRGO – OIAK. Fund V.K. Arsen'eva. Inventory 2. File 8. Fol. 6. (in Russ.).
31. Arhiv PCRGO – OIAK. Fund V.K. Arsen'eva. Inventory 3. File. 71. Fol. 5 ob.-6. (in Russ.).
32. Hisamutdinov A.A. «Vpervye osvetil geografiyu mnogih mest»: V.K. Arsen'ev i ego issledovaniya ["First illuminated the geography of many places": V.K. Arsenyev and his research]. Ojkumena. 2017, no 3, pp. 36–49.
33. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Dal'nego Vostoka. Fund 1. Inventory. 1. File. 207. Fol. 1ob.; Fund 77. Inventory 1. File 621. Fol. 1, 3; Fund 702. 1910 g. Inventory 2. File 506. Fol. 169. (in Russ.).
34. Deeg L. Kunst i Al'bers: istoriya nemeckogo torgovogo doma na rossijskom Dal'nem Vostoke: (1864–1924 gg.) [Kunst and Albers: History of the German trading house in the Russian Far East: (1864–1924)]. Vladivostok: DVFU, 2012, 392 p. (in Russ.).
35. Nesterova E.I. Inostrannye kommercheskie agenty v Nikolaevske-na-Amure (1756–1874 gg.) [Foreign commercial agents in Nikolaevsk-on-Amur (1756–1874)]. Vestnik DVO RAN. 2013, no 1, pp. 69–70.
36. Obertas V.A. Osnovy gradostroitel'noj struktury Vladivostoka [Fundamentals of urban structure of Vladivostok] . Vladivostok: Reya, 2011, 114 p. (in Russ.).
37. Makeeva I.V. Vklad predstavitelej nemeckogo soobschestva v formirovanie kul'turnoj sredy Vladivostoka [The contribution of representatives of the German community to the formation of Vladivostok's cultural environment]. Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya, 2009, no 2, pp. 202–207.
38. RGIADV. Fund 28. Inventory 1. File 122. Fol. 6. (in Russ.).
39. Margaritov V.P. Ob orochoh Imperatorskoj Gavani [On the Orochi of Imperial Harbour]. St-Petersburg: IAN, 1888, 56 p. (in Russ.).

Информация об авторе

С.В. Березницкий – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела этнографии Сибири.

Information about the author

S.V. Berezniitskiy – Advanced Doctor of Historical Sciences, prof., chief scientist of the Department of Ethnography of Siberia.

Статья поступила в редакцию 06.03.2023; одобрена после рецензирования 17.03.2023; принята к публикации 24.03.2023.
The article was submitted 06.03.2023; approved after reviewing 17.03.2023; accepted for publication 24.03.2023.

Научная статья

УДК 327.51

doi:10.31079/1992-2868-2023-20-2-199-205

РАЗВИТИЕ ЯПОНО-АМЕРИКАНСКОГО ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО АЛЬЯНСА В ПЕРИОД 1990–1996 ГОДОВ

Валерий Николаевич Тимошенко¹, Наталья Владимировна Куркова²✉

^{1, 2}Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

¹010124@pnu.edu.ru

²2017101861@pnu.edu.ru✉

Аннотация. Завершение «холодной войны» и следующее за тем разрушение биполярной международно-политической системы вынудило всех участников международных отношений начать процесс реформирования привычных инструментов внешнеполитической коммуникации. Модератором новой конъюнктуры коллективной безопасности выступила ООН под эгидой США. Японии как союзнику США и непосредственному члену ООН необходимо было адаптировать принципы своей внешней политики для эффективной интеграции в обновленную систему международных отношений. Военные конфликты в разных точках планеты явились вызовами не только молодой системе коллективного реагирования, но и ее участникам. В данной статье предпринимается попытка определить влияние новых вызовов безопасности на трансформацию внешнеполитического курса Японии и взаимодействие с США в рамках японо-американского военно-политического союза. Используются материалы, рассекреченные Архивом национальной безопасности США.

Ключевые слова: японо-американский союз, Япония, трансформация, кризис в Персидском заливе, внешняя политика

Original article

DEVELOPMENT OF THE JAPANESE-AMERICAN MILITARY-POLITICAL ALLIANCE DURING 1990–1996

Valery N. Timoshenko¹, Natalia V. Kurkova²✉

^{1, 2}Pacific National University, Khabarovsk, Russia

¹010124@pnu.edu.ru

²2017101861@pnu.edu.ru✉

Abstract. The end of the Cold War and the subsequent collapse of the bipolar international political system forced all participants in international relations to begin the process of reforming the usual tools of foreign policy communication. The moderator of the new collective security conjuncture was the United Nations under the auspices of the United States. Japan, as an ally of the United States and a direct member of the UN, needed to adapt the principles of its foreign policy to effectively integrate into the new system of international relations. Military conflicts around the world have challenged not only the fledgling system of collective response, but also its participants. This article attempts to determine the impact of new security challenges on the transformation of Japan's foreign policy and interaction with the United States within the framework of the Japan-U.S. political-military alliance. It uses materials declassified by the U.S. National Security Archive.

Keywords: Japan-US alliance, Japan, transformation, Persian Gulf crisis, Foreign Policy

В конце XX столетия США остались единственной сверхдержавой, вследствие этого Вашингтон подверг комплексной модернизации прежний стратегический курс. Целью внешней политики США стало большее вовлечение союзников в дело обеспечения региональной и глобальной безопасности. Главным военно-политическим партнером США в Азиатско-Тихоокеанском регионе после завершения Второй мировой войны являлась Япония. Для Японии, в свою очередь, США на протяжении десятилетий послевоенного времени оставались главным стратеги-

ческим союзником, который обеспечивал национальную безопасность Японии. Конституция Японии ограничивала военный потенциал страны, не позволяя ей иметь собственные вооруженные силы и участвовать в военных кампаниях за границей. Таким образом, США искали способы интегрировать Японию в контекст поддержания международной системы с тем, чтобы сохранить свою лидирующую позицию. Быстрому успеху переговоров об изменении двусторонних обязательств в рамках военно-политического альянса препятствовали юридиче-

ские ограничения, пацифистская репутация Японии в международном сообществе, а также настороженность японской общественности и региональных соседей относительно возможного увеличения военного потенциала Японии.

В данной статье предпринимается попытка проследить институциональное развитие японо-американского взаимодействия в области обороны в контексте новых вызовов безопасности. Актуальность заявленной темы обусловлена тем, что ввиду настоящей кризисной фазы в отношениях России и коллективного Запада, США и союзников важно проанализировать исторический опыт кооперации союзников, США и Японии в условиях международной турбулентности.

Глобальная военно-политическая конфронтация коллективного Запада под эгидой США и Восточного блока завершилась в 1991 с распадом СССР. Мир готовился к фундаментальным изменениям. Президент США Б. Клинтон в 1994 г. заявил: «Наступает новая эра. Холодная война закончилась». Вследствие этого США как единственной сверхдержаве предстояло пересмотреть концепт собственных национальных интересов в новой геополитической обстановке. Разработкой новой внешнеполитической стратегии США предстояло заняться специальной, созданной в рамках Совета Национальной Безопасности группе под руководством Э. Лейка. В результате проведенной работы финальный вариант новой стратегии был завершен к июлю 1994 г. Соответствующий документ получил название «Стратегия национальной безопасности: стратегия вовлеченности в международные дела и распространения демократии в мире» [6]. В главе «Восточная Азия и Тихий океан» администрация Б. Клинтона заявляла об уверенном намерении США вносить вклад в обеспечение региональной безопасности, поскольку «мы [США] тихоокеанская нация». Главным дестабилизирующим фактором был назван «политический авантюризм» северо-корейского режима. В силу этого обстоятельства, очевидно угрожающего безоговорочному лидерству США в Азии, администрация Б. Клинтона утверждала приоритет укрепления двусторонних отношений с союзными государствами: Японией, Южной Кореей, Австралией, Таиландом, Филиппинами. Отдельного внимания заслуживала линия перспективного взаимодействия США и КНР, «включающая как общие экономические, так и стратегические интересы».

Ключевым союзником США в Азиатско-Тихоокеанском регионе была Япония, которая, в свою очередь, не спешила брать на себя большие

обязательства в двустороннем военно-политическом альянсе с США, поскольку это, естественно, повлекло бы значительные военные расходы. В начале нового десятилетия базовые положения военно-политического сотрудничества между США и Японией подверглись критическому переосмыслению. Правовая база двустороннего взаимодействия, установленная в контексте коммунистско-капиталистического антагонизма как адекватная мера сдерживания, более не отвечала требованиям времени, а потому трансформация японо-американского альянса стала реакцией на изменение глобальной системы. Основой Договора о взаимном сотрудничестве и гарантиях в области безопасности между США и Японией от 1978 г. являлась задача комплексного обеспечения национальной безопасности Японии, что не подразумевало активного включения Японии в дело обеспечения глобальной и региональной безопасности. Необходимо также принять во внимание возросшее значение регионального измерения во внешней политике США. Вследствие неудачной для США военной кампании во Вьетнаме администрация Президента Р. Никсона определила новую внешнеполитическую линию, согласно которой проблемы обеспечения региональной безопасности должны стать зоной ответственности азиатских союзников. Несколько десятилетий послевоенного времени Соединенные Штаты обеспечивали непоколебимость мирового статус-кво, однако региональные конфликты, не исчезнувшие одновременно с главным соперником – Советским Союзом, вынудили Вашингтон искать оптимальные способы поддержания глобальной безопасности.

Существующие противоречия в японском и американском восприятии перспектив реформирования отношений в сфере безопасности осложняли и затягивали процесс переговоров на высшем уровне. Несмотря на общее увеличение военного потенциала, Япония вплоть до конца 1980-х гг. не являлась равноправным партнером США в вопросах обороны. В.В. Нелидов, сотрудник Центра японских исследований Института востоковедения РАН, отмечает, что на данном этапе стратегия США в АТР в значительной степени строилась на «разделении обязанностей» с Японией: в то время как США обеспечивали «сдерживание коммунизма» военными методами, Япония путем экономического сотрудничества закрепляла сферу американского влияния [5: с. 77].

В конечном итоге Япония вследствие распада СССР и последовавших за тем структурных изменений в системе международных отношений оказа-

лась в затруднительном положении стороны, более заинтересованной в сохранении тесных союзнических отношений с США. Произошло это по той причине, что в отсутствие коммунистической угрозы в Восточной Азии дорогостоящий для Вашингтона Договор безопасности стал нерелевантным. Ведущие направления в рассуждении тех, кто воспринимал японо-американский альянс как рудимент, заключались в том, что США следует сократить военный контингент на территории японского государства, или, по меньшей мере, Япония должна обеспечивать большую часть расходов по базированию. В январе 1991 г. Конгресс США на заседании 102-й сессии составил обращение к Президенту Соединенных Штатов с предложением провести переговоры с Японией о заключении соглашения, в соответствии с которым Япония примет обязательство возместить Соединенным Штатам часть расходов, которые США несут, обеспечивая военную оборону Японии. В одном из положений законопроекта указано: «Нельзя ожидать, что как налогоплательщик Соединенные Штаты будет бесконечно нести непропорционально большую долю бремени защиты Японии и свободного мира» [10].

Усиление позиций Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе, политическая нестабильность России, коммунистический режим в Северной Корее, «враждебный» США и их союзникам даже после распада Советского Союза, совокупно представляли существенный дестабилизирующий фактор для Японии. В 1990 г. вооруженные силы Ирака вторглись на территорию Кувейта. Агрессивная акция Ирака была незамедлительно осуждена мировой общественностью. Коалиция союзных стран под эгидой США приняла решение о переброске в Персидский залив крупного контингента войск с целью урегулирования конфликта.

Вследствие этого Токио в течение 1990-х гг. занялся пересмотром своей роли и возможностей в области обороны, проводя тесную работу с США [8]. Необходимо заметить, что активной интеграции Японии в деятельность ООН препятствовал конституционный запрет, который в «постбиполярном» мире не позволял Токио создать имидж полноправного члена международного сообщества. Девятая статья Конституции Японии провозглашала отказ от войны как способа разрешения международных споров. Кроме того, японские Силы самообороны не имели юридического права участвовать в военных кампаниях за границей. Естественно, наличие конституционных ограничений требовало от Японии гибкости в вопросах международного уровня. Японии предстояло выработать соб-

ственную эффективную модель поведения в контексте международных отношений.

По этой причине в 1993 г. группа, входящая в состав Либерально-демократической партии, под руководством Ичиро Одзавы подготовила проект нового документа, определившего приоритетное значение многостороннего сотрудничества Японии с ООН. Положения данной программы отражали реакцию Токио на вторжение Ирака в Кувейт и все последующее течение конфликта. В 1994 г. правительство Японии также опубликовало «Доклад Хигути», который подчеркнул важность операций по поддержанию мира и другой деятельности ООН в области безопасности в рамках «нового мирового порядка». Япония финансировала почти пятую часть всех расходов на военные операции коалиционных сил во время войны в Заливе в 1991 г., она, по мнению США, сделала «слишком мало, слишком поздно» [13]. Премьер-министр Японии Тосики Кайфу дал следующий комментарий: «Мы опередили большинство стран мира в некоторых своих ответных действиях. Когда Германия объявила о своей финансовой поддержке, это произошло на 10 дней позже, чем в Японии». Обвинения в недостаточности мер, предпринятых Японией в процессе урегулирования конфликта в Персидском заливе, были болезненно восприняты официальным Токио, который выразил несогласие с этой оценкой. Надо сказать, что Япония выделила 13 млрд долларов на поддержку военной операции, но в послевоенном урегулировании ее влияние оказалось совершенно незначительным. Знаковым событием для японской политики безопасности стало использование кораблей японского флота в Юго-Восточной Азии для оказания помощи в разминировании после войны в Персидском заливе.

Представитель США в Японии М. Армакост 16 января 1991 г., за день до начала эскалации конфликта в Персидском заливе, направил в Государственный департамент США коммюнике, в котором отразил ключевые положения его беседы с Генеральным секретарем Кабинета министров, состоявшейся 15 января, по поводу кризиса в Персидском заливе. М. Армакост выразил надежду на то, что Япония «сможет разделить риски, как и коллективный выигрыш», если военный конфликт случится. Далее он пишет: «...в случае, если война придет, я призывал Японию к тому, чтобы она быстро оказала поддержку в практической форме и выразила желание к тому без давления извне».

В рассекреченном меморандуме Государственного департамента США «Война в Персидском заливе: влияние на Японию и американо-японские

отношения» от 14 марта 1991 г. значилось, что кризис в Персидском заливе случился, когда Япония уже находилась в процессе переоценки своей роли в постбиполярном мире, став всего лишь катализатором будущих дебатов по ряду вопросов, некоторые из этих вопросов не поднимались с окончания Второй мировой войны. К таковым относятся: 1) эффективность принятой Японией политики ограничения всякого военного участия в мире, тяготеющего к системе коллективной безопасности; 2) формирование общественного мнения, поддерживающего вклад Японии в развитие международного сообщества, который бы не ограничивался исключительно экономическими мерами; 3) поиск равновесия в рамках японо-американского альянса, адекватного экономическим сдвигам [9]. В коммюнике Управления Государственного департамента США по надзору Роберт Х. Миллер пишет: «Кризис в Персидском заливе, похоже, создал предлог для Японии извлечь уроки из сложившихся обстоятельств: Силы самообороны должны делать больше, чем отправлять деньги, однако консенсус по этому вопросу еще не достигнут». И далее: «Япония не является великой державой и не стремится стать ею, однако ей следует развивать собственный потенциал, а не просто следовать за США в выстраивании внешней политики. Хотя обоснованность послевоенного обязательства Японии не посылать военные силы за границу для участия в боевых действиях не подвергалась серьезному сомнению, здесь широко распространено мнение, что Япония не может просто "покупать друзей" и финансировать тех, кто выполняет грязную и опасную работу по поддержанию международной стабильности».

Таким образом, Вашингтон был заинтересован в том, чтобы японские Силы самообороны оказывали материально-техническую поддержку американским военным, несмотря на конституционные ограничения. Требования США направить японские Силы самообороны в Персидский залив для участия в военных операциях создали прецедент, угрожающий репутации Японии, поскольку Япония имела долгосрочное обязательство ни по какой причине не отправлять Силы самообороны за границу. В октябре 1990 г. премьер-министр Японии Каифу Тосики предложил законопроект о направлении Сил самообороны и другого персонала за границу в качестве членов так называемого Корпуса мирного сотрудничества Организации Объединенных Наций (ККООН). Эта инициатива незамедлительно вызвала критическую реакцию со стороны азиатских государств. Вследствие роли, которую сыграла Япония в ходе Второй мировой войны, ре-

гиональные соседи опасались возрождения японского милитаризма. После месячных дебатов законопроект был отвергнут.

В своем интервью министр иностранных дел Такаказу Курияма, комментируя проблемы, возникшие в связи с ратификацией законопроекта, отметил: «...среди японцев широко признается, что мы должны играть более активную и ответственную экономическую и политическую роль в тесном сотрудничестве с другими индустриальными демократиями. Среди японцев также существует прочный консенсус в отношении того, что наш вклад не должен носить военного характера». Он также отметил, что, по его мнению, «в обозримом будущем Япония не сможет разделить международную ответственность за выполнение региональной или глобальной военной роли» [15].

Таким образом, Япония встала перед дилеммой, не предполагающей возможности логического разрешения: США требовали большей ее включенности в дела союзников, в то время как азиатские соседи хотели, чтобы Япония продолжала политику отказа от отправки Сил самообороны за границу. Неизменная настороженность стран Восточной Азии относительно военной политики Токио была связана с империалистическим, милитаристским прошлым Японии. В годы Второй мировой войны Япония, взявшая курс на экспансию, уничтожила более 50 млн человек [3: с. 11].

Послевоенная концепция национальной безопасности Японии была отражена в так называемой доктрине Есида, согласно которой магистральным направлением внешней политики страны признавалось ускоренное экономическое развитие. Намеренное ограничение расходов на оборону компенсировалось тесным военно-политическим сотрудничеством с США. Главенствующая прежде «экономическая дипломатия» в контексте беспрецедентной глобальной турбулентности не могла предложить адекватные методы реагирования. В новом десятилетии японские власти заявляли о том, что Японии надлежит занять более деятельную позицию в вопросах многостороннего сотрудничества со странами Восточной Азии. В частности, это выразилось в том, что Токио выступил одним из непосредственных инициаторов создания АТЭС, АРФ.

В 1991 г. премьер-министр Японии Каифу Тосики подтвердил приверженность доктрине Фукуды, появился стимул для поощрения многосторонности в вопросах безопасности. Ключевые тезисы японской «Голубой книги по дипломатии» 1992 г. отражали актуальные изменения во внешнеполитиче-

ской конъюнктуре: структура документа в большей степени ориентирована на международный уровень взаимодействия, на первое место были выдвинуты разоружение и содействие экономическому развитию [7]. Немаловажно, что в том же 1992 г. 15 июля парламент Японии принял закон, который расширил интернациональные функции Сил самообороны, не сопряженные с боевыми действиями. В перечень возможностей входили грузовые перевозки, восстановление разрушенной инфраструктуры, снабжение и наблюдение за ходом выборов, а также полицейские операции.

Горячие дебаты относительно перспективного участия Японии в межрегиональном сотрудничестве, не стихавшие на протяжении всего предшествующего десятилетия, разрешились, в конце концов, когда премьер-министр К. Миядзава в 1991 г. заявил о намерении Японии увеличить свою международную роль в «деле строительства нового мирового порядка» [1].

Одновременно с этим правительства Японии и США начали процесс пересмотра правовых положений военно-политического альянса. Результатом этой инициативы стала ратификация совместной декларации Билла Клинтона и премьер-министра Рютаро Хасимото в апреле 1996 г., которая «подтверждала» японо-американские союзные отношения и объявляла расширение оборонного сотрудничества. Совместная работа по противоракетной обороне в ответ на политику, проводимую Северной Кореей, была центральной частью этого нового сотрудничества. Оба правительства также согласились пересмотреть первоначальные Руководящие принципы обороны США и Японии 1978 г., включив в них сотрудничество в «областях, окружающих Японию», – первый явный шаг для американских и японских сил, которые должны работать вместе для безопасности Азии за пределами непосредственно японских островов. Утверждение последнего положения было связано с тем, что очевидный рост напряженности внутри региона был причиной серьезного беспокойства Японии. С одной стороны, растущее военно-политическое влияние Китая, который в 1995 и 1996 гг. провел успешное испытание ядерного оружия, после чего оцепил Тайвань ракетами в качестве предупреждения силам, выступающим за независимость острова, с другой, обнаружение программ Северной Кореи по созданию ядерного оружия и испытание северокорейской ракеты NODONG над Японией в 1994 г.

Япония болезненно восприняла распад биполярной международной системы: ей предстояло

определить свою роль в рамках нового мирового порядка. Ирано-Иракская война послужила в определенном смысле катализатором внутривнутриполитического кризиса в правительстве Японии: мирная Конституция ограничивала потенциал вовлечения государства в совместную с ООН операцию по урегулированию конфликта. Мировое сообщество восприняло недостаточно активное участие Японии, заклеив его «дипломатией чековой книжки», что стало ощутимым ударом по международному престижу Японии [4: с. 110–116].

Правительство Японии вступило в период комплексной реорганизации существующих механизмов внешнеполитического взаимодействия. США, со своей стороны, будучи главным партнером Японии в сфере безопасности, были остро заинтересованы в том, чтобы Япония стала «полноправным и ответственным» участником в вопросах обеспечения международной системы безопасности под эгидой Соединенных Штатов. Неопределенность японских дипломатических элит относительно перспективной роли Японии в геополитической системе новой эпохи столкнулась с первым серьезным вызовом – кризис в Персидском заливе и его последствия, ударившие по международному престижу Японии, вынудили официальный Токио изменить некоторые из принципов внешнеполитической стратегии страны. Руководящие принципы программы национальной обороны, которые официальный Токио обнародовал в 1995 г., стали, по большому счету, манифестом нового курса в стратегическом планировании Японии. В документе было утверждено намерение японской стороны увеличить вклад в обеспечение региональной безопасности. Одной из ключевых перспективных задач стала задача комплексного развития собственной японской обороноспособности. Внешнеполитическая стратегия Японии, кроме того, утвердила приоритетный статус военно-политического партнерства США: «...Уделяя должное внимание повышению доверия к японо-американским договоренностям по безопасности, [Япония] будет стремиться обеспечить свою собственную национальную оборону и внести вклад в мир и стабильность международного сообщества путем надлежащей модернизации, поддержания и эксплуатации своего потенциала». Таким образом, трансформация японо-американского альянса являлась адекватной реакцией на новые вызовы, которые, несмотря на прекращение соперничества с СССР, вынуждали стороны проводить более инклюзивную и гибкую внешнюю политику.

Список источников

1. Выступление премьер-министра К. Миядзава на 122 сессии Парламента. Ноябрь 1991. ГэйкоСэйсе : [Голубые книги по дипломатии]. Токио, 1992. С. 349.
2. Гарусова Л.Н. Тихоокеанская политика США в 80–90-е годы XX в. Американские экономические и военно-политические интересы в АТР. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tihookeanskaya-politika-ssha-v-80-90-e-gody-hh-v-amerikanskie-ekonomicheskie-i-voenno-politicheskie-interesy-v-atr/viewer> (дата обращения: 12.04.2023).
3. Иванов М.И. Япония в годы войны. Записки очевидца. Москва : Наука, 1978. 252 с.
4. Лисица А.Ю. Проблемы японо-американского сотрудничества в сфере безопасности на современном этапе // Дипломатическая академия МИД РФ (ДА МИД РФ). 2017. С. 110–116.
5. Нелидов В.В. Полвека японо-американскому договору безопасности: некоторые итоги и перспективы // Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе : политические, экономические и социально-культурные аспекты. Москва, 2009. С. 71–92.
6. Стратегия национальной безопасности США // США: экономика, политика, идеология. 1994. № 11. С. 153–159. № 12. С. 116–123. 1995. № 1. С. 122–125. № 2. С. 112–126.
7. Япония в эпоху великих трансформаций / под ред. проф. Д.В. Стрельцова. Москва : АИРО-XXI, 2020. 269 с.
8. Chae-Jin Lee. U.S. Polisy toward North Korea in the 1990s. // University of Hawai'i Press. 1992. № 4. P. 13–28. URL: <https://www.jstor.org/stable/23720019> (accessed: 12.04.2023).
9. Document 12. Cable (S), Ambassador Armacost to Department of State, Subject: GOJ Contributions and Gulf Crisis // The National Security Achive. 1991. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB175/japan2-13.pdf>(accessed: 12.04.2023).
10. H.R.377 – 102nd Congress (1991–1992). URL: <https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/house-bill/377/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22defense+agreements+with+Japan%22%2C%22defense%22%2C%22agreements%22%2C%22with%22%2C%22Japan%22%5D%7D&r=1&s=4> (accessed: 12.04.2023).
11. John F. Bradford. Japanese naval activities in Southeast Asian waters: building on 50 years of maritime security capacity building // Asian Security. 2021. Vol. 17. P. 79–104. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/14799855.2020.1759552> (accessed: 12.04.2023).
12. National Security Strategy of Japan // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2022. URL: https://www.mofa.go.jp/fp/nsp/page1we_000081.html (accessed: 12.04.2023).
13. Reid T.R. Japan's new frustration // The Washington Post. 1991. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1991/03/17/japans-new-frustration/e5ea50e0-56f1-4380-a8f0-5e6b009b44a8/> (accessed: 12.04.2023).
14. Remarks by President Biden and Prime Minister Kishida Fumio of Japan in Joint Press Conference // The White House. 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/05/23/remarks-by-president-biden-and-prime-minister-fumio-kishida-of-japan-in-joint-press-conference/> (accessed: 12.04.2023).
15. Takakazu Kuriyama : Overcoming Japan's Past to Get On With Its Future // Los Angeles Times. 1990.
16. Secretary Blinken's Meeting with Japanese Foreign Minister Hayashi // U.S. Department of State. 2023. URL: <https://www.state.gov/secretary-blinkens-meeting-with-japanese-foreign-minister-hayashi-6/> (accessed: 12.04.2023).

References

1. Speech by Prime Minister K. Miyazawa at the 122nd Session of Parliament. November 1991. GeikoSeise : [Blue Books on Diplomacy]. Tokyo, 1992. P. 349
2. Garusova L.N. U.S. Pacific policy in the 80–90s of the 20th century. American economic and military-political interests in the APR. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tihookeanskaya-politika-ssha-v-80-90-e-gody-hh-v-amerikanskie-ekonomicheskie-i-voenno-politicheskie-interesy-v-atr/viewer>
3. Ivanov M.I. Japan during the War. Notes of an eyewitness. Moscow: Nauka, 1978. 252 p.
4. Lisitsa A.Yu. Problems of Japan-US security cooperation at the present stage // Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (DA MFA RF), 2017. P. 110–116.
5. Nelidov V. V. Half a century to the Japanese-American security treaty: some results and prospects // Japan in the Asia-Pacific region: political, economic, social and cultural aspects. Moscow, 2009, Pp. 71–92.
6. USA National Security Strategy // USA: Economy, Politics, Ideology. 1994. NO. 11, PP. 153–159, NO. 12, PP. 116–123, 1995, NO. 1, PP. 122- 125, NO. 2, PP. 112–126.
7. Japan in the Age of Great Transformation // Ed. by Prof. D.V. Streltsov. M., AIRO-XXI. 2020. 269 P.
8. Chae-Jin Lee. U.S. Polisy toward North Korea in the 1990s. // University of Hawai'i Press. 1992. № 4. P. 13–28. URL: <https://www.jstor.org/stable/23720019>
9. Document 12. Cable (S), Ambassador Armacost to Department of State, Subject: GOJ Contributions and Gulf Crisis // The National Security Achive. 1991. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB175/japan2-13.pdf>
10. H.R.377 – 102nd Congress (1991–1992). URL: <https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/house-bill/377/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22defense+agreements+with+Japan%22%2C%22defense%22%2C%22agreements%22%2C%22with%22%2C%22Japan%22%5D%7D&r=1&s=4>
11. John F. Bradford. Japanese naval activities in Southeast Asian waters: building on 50 years of maritime security capacity building // Asian Security, 2021. Vol. 17. P. 79–104. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/14799855.2020.1759552>
12. National Security Strategy of Japan // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2022. URL: https://www.mofa.go.jp/fp/nsp/page1we_000081.html

13. Reid T.R. Japan's new frustration // The Washington Post. 1991. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1991/03/17/japans-new-frustration/e5ea50e0-56f1-4380-a8f0-5e6b009b44a8/>
14. Remarks by President Biden and Prime Minister Kishida Fumio of Japan in Joint Press Conference // The White House, 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/05/23/remarks-by-president-biden-and-prime-minister-fumio-kishida-of-japan-in-joint-press-conference/>.
15. Takakazu Kuriyama : Overcoming Japan's Past to Get On With Its Future// Los Angeles Times. 1990.
16. Secretary Blinken's Meeting with Japanese Foreign Minister Hayashi // U.S. Department of State. 2023. URL: <https://www.state.gov/secretary-blinkens-meeting-with-japanese-foreign-minister-hayashi-6/>

Информация об авторах

В.Н. Тимошенко – доктор исторических наук, доцент;
Н.В. Куркова – магистрант 2-го курса исторического факультета.

Information about the authors

V.N. Timoshenko – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor;
N.V. Kurkova – 2nd year master's student of the History Department.

Статья поступила в редакцию 19.02.2023; одобрена после рецензирования 17.03.2023; принята к публикации 24.03.2023.
The article was submitted 19.02.2023; approved after reviewing 17.03.2023; accepted for publication 24.03.2023.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ И ПОДПИСЧИКОВ / AUTHORS GUIDELINES

1. В журнале печатаются рукописи, как правило, не публиковавшиеся ранее.

2. Все поступившие в редакцию статьи проходят рецензирование.

3. Публикация статей бесплатная.

4. Требования к рукописи, представляемой в редакционную коллегию, размещены на официальном сайте журнала – <http://www.eastjournal.ru/docs/author.htm>

5. Материалы, не имеющие научного аппарата или неправильно оформленные, не соответствующие указанным выше правилам, не рассматриваются. Рукописи не возвращаются.

6. К рукописи должны прилагаться следующие сведения об авторе: ФИО, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, рабочий адрес, телефон, e-mail.

7. К рассмотрению принимаются материалы, поступившие только на официальную электронную почту журнала: journal@festu.khv.ru.

1. The journal publishes materials which have not been published before.

2. The articles submitted to the editorial board undergo a reviewing procedure.

3. The publication is free of charge.

4. The requirements for manuscripts submitted to the editorial board – <http://www.eastjournal.ru/docs/author.htm>

5. Materials without substantiated research support or not corresponding to the rules mentioned higher will not be considered. Manuscripts will not be returned.

6. The following data about the author should be attached to the manuscript: first name, middle name initial, last name, academic degree, academic title, place of employment, postal address, work address, home address, office phone number, home telephone number, fax, e-mail.

7. Please address the materials to the following e-mail: journal@festu.khv.ru

Наш журнал распространяется по подписке и поступает в розничную продажу.

Подписку на журнал можно оформить по каталогу АО «Почта России». Подписной индекс – ПП959.

Научное издание

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Научно-теоретический журнал

Том XX

Выпуск 2, 2023

Под общей научной редакцией Ю.М. Сердюкова

Редактор *Т.М. Яковенко*

Технический редактор *И.А. Нильмаер*

План 2023 г. Поз. 12.6. Подписано в печать 15.06.2023 г. Дата выхода в свет 30.06.2023 г.
Усл. печ. л. 24,2. Зак. 91. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–50 экз.). Цена 450 р.

Отпечатано в издательстве ДВГУПС.
Адрес издательства и типографии: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47.